

святитель Феофан Затворник

Начертание христианского нравоучения Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и Шацкий, Затворник Вышенский, святитель

Введение

Часть первая. Общие рассуждения и положения о нравственно-христианской жизни.

I. Основы христианской жизни

1. Корень христианской жизни в воплощенном домостроительстве

1) Снятию с нас вины греха и клятвы законной, или нашему оправданию, состояться невозможно без воплощения Бога

а) Довлеющую жертву за грех мог принести только Богочеловек, или Бог воплотившийся.

б) Восполнить время жизни, проведенное в грехе, делами правды могут только дела Богочеловека.

2) Но и обновление наше, или дарование нам новой жизни, также невозможно без воплощения Бога

2. Вторая основа христианской жизни, с первой неразлучная, есть живой союз с телом Церкви, коей Господь – глава, живитель и движитель

3. Норма христианской жизни

1) Первоначальная норма нравственной жизни человека

а) Какая цель человека?.

б) Спрашивается, какой путь к сей цели, или как приспособлен к ней человек?

в) исполняй волю Божию, чтобы быть в общении с Богом или пребывай в общении с Богом деятельным исполнением Его святой воли

2) Норма нравственной христианской жизни

а) Общение с Господом Иисусом Христом.

б).

Покаяние.

Вера.

Благодать (содействующая).

в) Норма нравственной христианской жизни и ее характер.

II. Характеристические черты христианской деятельности как

нравственной

4. Условия нравственности деяний – общие и христианские

1) Самосознание

2) Свободная самодеятельность

5. Производство нравственных деяний

1) Сознание воли Божией в деле предпринимаемом

2) Склонение воли к делу обязательному

3) Молитва в составе дел христианских

4) Невидение добрых дел

6. Чем определяется нравственное достоинство дел?

1) Предмет в нравственных действиях

а) Об обязанностях, или заповедях.

б) О советах.

в) О действиях безразличных.

2) О цели нравственных деяний

3) Об обстоятельствах нравственных деяний

7. Виды нравственности и возрасты нравственной жизни в добром и худом направлении

1) О добродетели

а) О трех видах проявления добродетели и, во-первых, о добродетели как настроении христиански действующего духа.

б) О добродетели как разных добрых расположениях.

в) О добродетели как добром деле.

г) О возрастах добродетельной жизни христианской.

2) О грехе

Грех в трех видах проявления его

а) Грех как дело.

б) О грехе как расположении.

в) О грехе как состоянии, или греховном настроении.

г) Возрасты греховной жизни.

III. Последствия и плоды доброй христианской жизни и жизни противоположной ей

8. В каких чертах Слово Божие изображает истинного христианина, и человека не христианина?

9. Состояние составных частей человеческого естества, его существенных свойств и сил в истинном христианине и человеке-грешнике

10. Состояние сил познавательных, желательных, чувствующих в христианине и грешнике

- 1) Состояние сил познавательных
  - а) Состояние высшей способности познания, или разума.
  - б) Состояние рассудка.
  - в) Состояние низших способностей познавательных.
  - г) Состояние наблюдения.
  - д) Состояние памяти и воображения.
  - е) Состояние воспоминания, или воспроизводительного воображения.
  - ж) Состояние фантазии.
  - з) Состояние сна.
- 2) Состояние деятельных сил человека
  - а) Состояние совести.
  - б) Состояние воли.
  - в) Состояние низших пожеланий.
- 3) Состояние сил чувствующих, или сердца
  - а) О сердце как о точке соприкосновения, или седалище симпатии.
  - б) О сердце как центре сил существа человеческого.
  - в) Сердце как приятелище и вместилище духовных чувств.
  - г) Сердце как вместилище душевных чувств.
  - д) О низших, чувственно-животных чувствах.
- 4) Отношение к телу

Часть вторая. Истинно христианская жизнь в действии

IV. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина, как христианина

11. Вера – глава всего

- 1) Обязанности веры
- 2) Обязанности к вере
- 3) Грехи против веры

12. Благодетельство – жизнь в духе веры

1) Чувства и расположения на пути воссоединения с Богом

а) Чувства и расположения на пути сочетания с Господом Спасителем.

б) Чувства и расположения на пути восхождения от Господа Спасителя к Богу Триипостасному.

2) Чувства и расположения христианина, пребывающего в Боге

а) Чувства и расположения к Богу, вытекающие из сознания или созерцания Его бесконечных совершенств.

б) Чувства и расположения к Богу – из созерцания Его творчества и промышления.

в) Чувства и расположения – из созерцания Бога Совершителя

всяческих.

г) Молитва – вместилище и поприще жизни в вере и благочестии.

аа) Значение молитвы.

бб) Следствия благие.

вв) Условия.

гг) Воспитание чрез молитвословие.

дд) Степени.

3) Общение с Богом через общение со Святою Церковью

а) Чувства и расположения из отношения к Церкви как вместилищу благодатных средств ко спасению.

б) Чувства и расположения из отношения к Церкви как вместилищу спасенных и спасаемых.

в) Как должен христианин самого себя держать и образовывать, чтобы быть в живом союзе с Церковью, а через нее с Богом.

V. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина по тем положениям и отношениям, в каких приходится ему бывать в настоящей жизни

13. Обязанности семейственные

1) Общие обязанности всего семейства

а) Глава.

б) Все семейство.

2) Взаимные обязанности разных членов семейства

Супруги

а) Общие обязанности.

б) Обязанности мужа.

в) Обязанности жены.

Родители и дети

а) Обязанности родителей.

б) Обязанности детей.

Родные

Другие, случайные лица, принимаемые в семейство

Господа и слуги

14. Обязанности церковные

1) Обязанности пастырей

2) Обязанности пасомых

3) Обязанности клира

4) Обязанности монашествующих

15. Обязанности гражданские общественные

Введение

1) Христианство есть домостроительство нашего спасения в Господе Иисусе Христе. Так как человеку нельзя спастись без Бога, а Богу нельзя спасти человека без человека, то христианская вера учит с одной стороны тому, что Бог сделал для спасения человека, с другой – тому, что должен делать сам человек, чтобы улучшить спасение.

Последнее составляет предмет христианского нравоучения. Ищущий спасения, просвещаясь верою, должен иметь основательное познание и о том, чего требует от него вера, как следует ему жить и действовать как христианину.

2) Такое познание может быть приобретаемо через чтение и слушание Слова Божия, отеческих писаний, бесед и поучений, предлагаемых с церковной кафедры, и друг от друга во взаимных отношениях с христианами. Но вернейшим способом к тому служит изображение христианской жизни в общем обзоре, где разные правила христианской жизни были бы изложены в порядке, во взаимном подчинении одних другим и в возможной полноте. Правила жизни в сем случае легче могут быть усвоены и вернее поняты.

Если собрать воедино все обращающиеся в жизни правила, найдется, что от иных требований христианства себя увольняют, другим дают превратный смысл, иные ограничивают условиями внешних обстоятельств – и вообще великое найдется смешение в понятиях о должной христианской жизни и должном нравственном поведении христианина. Все сие от того, что правила нравственности христианской доходят до сведения по частям, а в отдельности действительно иное правило может показаться очень строгим, иное – допускающим многообразные толкования и применения. Отвратить сию неправость легче всего полным изображением всего христианского нравоучения. И св. Василий Великий в свое время заметил подобное смешение в понятиях о нравственной жизни, когда «всякий самовластно свои мысли и положения выдавал за истинное правило жизни, а укоренившиеся обычаи и предания человеческие сделали то, что одни грехи извиняли, а за другие без всякого разбора взыскивали; на некоторые, по-видимому, малые, негодовали, а иные не удостаивали и легкого выговора». И потому, чтобы уврачевать сей недуг, он за нужное почел «выбрать из Богодухновенного Писания все, чем угождает и чем не угождает человек Богу, и все рассеянные по разным местам запрещения и повеления, для легчайшего уразумения, представить совокупно в правилах, чтобы тем легче отучить людей поступать по навыку своей воли или по преданию человеческому» (Творения свв. отцов, т. 9). С такою же целью предлагается и настоящее начертание образа истинной христианской

жизни.

3) Жизнь христианина характеризуется верою, потому и нравоучение христианское должно быть охарактеризовано вероучением. Как в жизни вера и дела по вере входят друг в друга, переплетаются и взаимно друг другу содействуют, так и в учении – вероучение и нравоучение не должны терять друг друга из виду. Вероучение всегда вдавалось в ненужные отступления и утонченности, когда не держалось нравственных целей; а нравоучение принимало недолжные направления, когда не освещалось вероучением, главное же, оно тогда ничем не отличалось от нравоучения философского.

Последним замечанием не намекается, будто умозрительному, на естественных началах построенному нравоучению совсем нет места в нравоучении христианском. Напротив, без него обойтись нельзя. Христианство восстанавливает наше естество и поставляет его в должный чин. Естество наше, таким образом, служит точкою отправления для воздействия на него христианства. То же и в нравоучении – показание, каковым должен бы быть человек по естеству, служит истолкованием, почему от него требуется то и то, если он хочет стать в настоящий свой чин, что есть в целях христианского нравоучения. Этого везде держится наше начертание.

4) Об источниках нравоучения христианского нечего говорить много. Они одни и те же с источниками вероучения. Довольно помянуть, что здесь, кроме Слова Божия и согласного учения свв. отцов Церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаниями отцов-подвижников, житиями святых и церковными песнопениями, в коих прославляются христианские добродетели.

Самым пригодным пособием для начертания нравоучения христианского могла бы служить христианская психология. За неимением её приходилось довольствоваться своими о душевных явлениях понятиями, при указаниях отцов-подвижников.

5) Начертание наше имеет две части: в первой содержатся общие рассуждения и положения о нравственной и нравственно-христианской жизни; а во второй излагается сама жизнь христианина, как ей следует быть, или предлагаются правила жизни христианина как христианина и как лица, находящегося иногда в разных состояниях и положениях.

Часть первая. Общие рассуждения и положения о нравственно-христианской жизни.

I. Основы христианской жизни

Положения сии указывают:

А) основы христианской жизни;

Б) определяют характеристические черты христианской деятельности как нравственной;

В) изображают последствия и плоды доброй христианской жизни и жизни противоположной ей.

А. Основы христианской жизни Жизнь христианская а) коренится в воплощенном домостроительстве; б) поддерживается, раскрывается и плодоносит в живом союзе с Церковью; в) течет по предначертанной норме, вытекающей из двух предыдущих моментов.

1. Корень христианской жизни в воплощенном домостроительстве

Без сего домостроительства христианство, жизнь христианская и спасение немислимы. Оно предначертано от века, а в действие вошло в свое ему время, в лице Единого от Пресвятыя Троицы, нас ради человек и нашего ради спасения, сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося Христа Господа. От Него дошли христианская жизнь и спасение, и Им устроено и подается все потребное для сего. Все сие и есть воплощенное домостроительство.

В сущности, оно есть восстановление падшего: «прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшего» (Мф. 18:11). «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имат живот вечный» (Ин. 3:16). – И вот чего ради «Слово плоть бысть» (Ин. 1:14).

Как основа христианству, сему спасительному Божественному учреждению, положена воплощением Бога Слова, так основа жизни христианской полагается верою в сие Воплощение и причастием силы Его. «Веруяй в Сына, имат живот» (Ин. 3:36), и, «иже веру имеют, ...спасен будет» (Мк. 16:16). Вера в силу воплощенного домостроительства есть «дар Божий» (Еф. 2:8). Но побуждение к взысканию ее и к дорожению взысканною порождается разумным убеждением, что иного спасения нет, как через него. Этим-то убеждением и должно быть начато начертание христианского нравоучения как руководства к христианской жизни, ведущей ко спасению. При сем ведать дается, что возведение к убеждению в необходимости воплощения для спасения нашего не будет введением в постижение сей тайны. Что «Бог явися во плоти», сие выну пребудет волею «благочестия тайною» (1Тим. 3:16).

К убеждению в необходимости воплощения Бога для нашего спасения возводимся не постижением сей тайны, а разумным усмотрением того, что условия нашего спасения не могли быть никем выполнены как Богом воплощенным.

Мы пали через грехопадение прародительское и попали в неисходную пагубу. Спасение наше должно состоять в избавлении нас от сей пагубы.

Пагуба наша состоит в двух злах: во-первых, в прогневании Бога нарушением воли Его, в потере Его благоволения и в подвергнутии себя клятве законной; во-вторых, в повреждении и расстройстве своего естества грехом или в потере истинной жизни и вкушении смерти. Почему для

спасения нашего потребны: во-первых, умилоствление Бога, снятие с нас клятвы законной и возвращение нам Божия благоволения; во-вторых, в оживотворении нас, умерщвленных грехом, или даровании нам новой жизни.

Если неумилостивленным к нам пребудет Бог, мы не можем получить от Него никакой милости; если не получим милости, благодати не сподобимся; если благодати не сподобимся, новой жизни возыметь не возможем. И то и другое необходимо: и снятие клятвы, и обновление нашего естества. Ибо если б мы и получили каким-либо образом прощение и помилование, но остались необновленными, никакой от того не получили бы пользы, потому что без обновления мы непрестанно пребывали бы в греховном настроении и непрестанно источали бы из себя грехи, а через грехи снова подвергались бы осуждению и немилости или все оставались бы в том же пагубном состоянии.

То и другое необходимо; но ни тому, ни другому нельзя состояться без воплощения Бога.

1) Снятию с нас вины греха и клятвы законной, или нашему оправданию, состояться невозможно без воплощения Бога

Для снятия вины греха и клятвы требуется полное удовлетворение правды Божией, оскорбленной грехом, или полное оправдание. Полное же оправдание, или полное удовлетворение правды Божией, состоит не в принесении только умилоствительной жертвы за грех, но и в обогащении милуемого делами правды, чтобы ими наполнить время жизни, проведенное в грехе и по помиловании остающееся пустым. Ибо закон правды Божией требует, чтобы жизнь человека не от грехов только была свободна, но и была наполнена делами правды, как сие показал Господь в притче о талантах, где раб, зарывший талант в землю, осуждается не за употребление таланта на зло, а за ничегонесделание на него. – Но –

а) Довлеющую жертву за грех мог принести только Богочеловек, или Бог воплотившийся.

Будем ли внимать чувствам грешника, стоящего пред Богом с ясным сознанием Божией правды и своей грешности, или созерцать Бога, Который желал бы помиловать сего грешника, – в том и другом случае увидим некое средостение, преграждающее путь нисхождению помилования от Бога на грешника, и восхождение надежды на помилование от лица грешника к престолу милосердия Божия. Господь не милует неправедно, или когда оскорблена Его правда и неудовлетворена. Истинность и правосудие Божие требуют, чтобы неправый нес присужденную за неправду кару, иначе милующая любовь будет

поблажающею снисходительностью. В душе грешника чувство правды Божией обыкновенно сильнее чувства милосердия Божия. Потому, когда приступает он к Богу, сие чувство не только делает его безответным пред Ним, но подавляет совершенною безнадежностью. Следовательно, для сближения грешника с Богом и Бога с грешником необходимо разорить такое средостение, необходимо, чтобы между Богом и человеком восстало иное некое посредство, которое от очей правды Божией скрывало бы грех человека, а от очей грешника – правду Божию; посредство, ради которого Бог видел бы грешника обезвиненным и достойным помилования пред лицом самой правды, а человек воззревал на Бога как на умиловивленного уже и готового миловать грешника; необходима жертва умиловивления, которая, удовлетворяя правде Божией и умиротворяя душу грешника, примиряла бы Бога с человеком и человека с Богом.

Какая же это жертва? В чем она? И как может явиться с такою безмерною силою умиловивления?

Жертва сия есть смерть – и смерть человека. Она вначале определена правдою Божией в казнь за грех; ее предлагает Богу и кающийся грешник, вопия: возьми жизнь, только помилуй и спаси, хотя тут же чувствует, что его смерть не сильна спасти его.

Чья же это будет смерть?

1) Очевидно, что такою умиловивительною жертвою не может быть смерть моя, другого, третьего и вообще кого-либо из рода человеческого: ибо и моя, и другого, и третьего и всякого вообще из людей смерть есть кара за грех и ничего умиловивляющего не представляет. К тому же мы – люди – все без изъятия имеем нужду сами в сей жертве и ею, еще живые, ищем помилования и оправдания, и, чтобы улучшить спасение, еще живые должны быть ради неё оправданы и помилованы. Потому умиловивительною жертвою за грех может быть смерть только такого человека, который был бы изъят из круга людей, не переставая быть человеком. А это как возможно? Не иначе как если он не будет принадлежать себе, не будет особое самостоятельное лицо, как всякий другой человек в среде людей, но принадлежать другому высшему существу, которое восприняло бы его в свою личность, ипостасно соединилось с ним, или вочеловечилось и умерло его смертию. Это была бы смерть человеческая, никому из круга людей не принадлежащая.

2) Если же смертью умиловивляющею и оправдывающею жертвою не может быть смерть моя, другого, третьего и вообще кого-либо из людей, а между тем условием помилования и оправдания все же пребывает смерть человеческая, то и я, и другой, и третий, и вообще всякий человек не

можем быть помилованы и оправданы иначе как через усвоение себе чьей-либо чужой смерти. А в таком случае она сама в том, другом, умирающем человечески, от коего заимствуется, не должна быть следствием вины или как-либо причастна ей: иначе за нее нельзя будет оправдывать других. Потому опять она, будучи человеческою смертию, не должна принадлежать человеческому лицу, так как всякая, принадлежащая человеку смерть есть наказание; а принадлежать другому лицу, которое было бы свято совершеннейшею святостью. То есть умиловляющая и оправдывающая смерть человеческая возможна не иначе как, если какое святейшее существо, восприяв человека в свою личность, умрет им, чтобы таким образом, изъяв смерть человека из-под закона виновности, сообщить ей возможность быть усвояемою другим.

3) Далее, если помилование и оправдание человека возможно только через усвоение ему чужой невинной смерти – лица же, имеющие нужду в помиловании и оправдании, суть вообще все люди, живущие, жившие и имеющие жить, весь род человеческий во всех временах и местах – то для их помилования и оправдания необходимо или устроить столько невинных смертей, сколько людей или даже сколько грехопадений, или явить одну такую смерть, сила которой простиралась бы на все времена и места и покрывала все грехопадения всех людей. От всемилостивого и премудрого Бога, устрояющего спасение наше возможно последнее. Как же это могло бы устроиться? Как смерть человеческая, сама по себе незначительная, может стяжать такую всеобъемлющую силу? Не иначе как когда она будет принадлежать лицу везде и всегда существу, принадлежать Богу; то есть когда Сам Бог благоволит приять в Свою личность человеческое естество и, умерши его смертию, сообщить ей всеобъемлющее и вечное значение, ибо тогда она будет Божескою смертию.

4) Наконец, смерть сия, по силе своей простираясь на весь род человеческий и на все времена, по цене должна соответствовать бесконечной правде Божией, оскорбленной грехом, иметь беспредельное значение, как беспределен Бог, чего стяжать она опять иначе не может, как быв усвоена Богом или сделавшись смертию Бога; а это будет, когда Бог, восприяв на Себя человеческое естество, умрет его смертию.

Эти положения не из ума взяты, а заимствованы через наведение из того, что говорится в Слове Божиим о воплощенном домостроительстве нашего спасения. Ибо спасение наше уже устроено и готово для всякого желающего принять его. Сын Божий и Бог воплотился, крестною смертию принес Богу жертву умиловления за род наш, снял с нас вину греха и

примирил нас с Богом. Сводятся указания о сем Слова Божия воедино, чтобы явно было, что воплощение Бога Слова не есть избыток милосердия Божия; но, хотя есть свободное дело благоволения Божия, такое, однако ж, без которого состояться нашему спасению не было возможно. В силу такого домостроительства Бог праведно нас милует и спасает. Вот что говорит о сем Слово Божие: «Един... Бог и един Ходатай Бога и человек, человек Христос Иисус, давый Себе избавление за всех» (1Тим. 2:5–6). Им разорено «средостение ограды» (Еф. 2:14) и водворен мир между Богом и человеком (Рим. 5:1, 10, 11). Его предложил Бог в жертву умиловления чрез веру в кровь Его, чтобы показать правду Свою в прощении грехов... дабы познали, что Он «праведен и оправдывает» (не без ничего), но «верующего во Христа» (Рим. 3:23–26), и таким образом праведно «примиряет» в Нем «мир с Собою, не вменяя людям прегрешений» (2Кор. 5:19). В Нем и мы, «чада гнева по естеству», безнадежные (Еф. 2:3, 12), избавясь от изнеможения и ослабления душами (от упадка духом по причине безнадежия) (Евр. 12:13) и возникши к надежде и «упованию спасения» (Гал. 5:5; 1Пет. 1:3; Евр. 7:19), имеем дерзновение и надежный «доступ ко Отцу... во внутреннейшее за завесы» (Еф. 2:18; Евр. 6:19), имеем свободу «входить во святилище посредством крови... Его, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть плоть Свою» (Евр. 10:19–20). Ибо «Христос искупил уже нас от клятвы законной, быв по нас клятва» (Гал. 3:13), и истребил «рукописание, бывшее против нас, взяв его от среды и пригвоздив ко кресту» (Кол. 2:14).

А для сего Он:

1) «Приемлет от Семени Авраамова» (Евр. 2:16), чтобы «иметь, что принести Богу» (Евр. 8:3), «во всем уподобляется братьям, чтобы быть... за них первосвященником... для умиловления за грехи» (Евр. 2:16, 17);

2) «Пострадал как праведник за неправедников» (1Пет. 3:18), «претерпел крест вместо предлежащей Ему радости» (Евр. 12:2), «не виде греха, соделался по нас грехом, дабы мы были правда Божия о Нем» (2Кор. 5:21), ибо «таков и должен был быть для нас первосвященник – святой, непорочный, непричастный злу, отлученный от грешников и превознесенный выше небес» (Евр. 7:26);

3) Не «многократно приносит Себя» – иначе многократно надлежало бы Ему и страдать – но «единожды явился с жертвою Своею для уничтожения греха» (Евр. 9:25, 26) и сим «единократным приношением тела освящает всех» (Евр. 10:10); «вниде единою во святая вечное искупление обретый» (Евр. 9:12); «пребывая вечно, Он и священство имеет непреступное, почему может всегда спасать проходящих через Него к

Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас» (Евр. 7: 24, 25; 1Ин. 2: 1, 2);

4) Такою «ценою куплены мы» (1Кор. 6:20) – не «сребром или золотом... , но драгоценною кровию Христа, яко агнца непорочного и пречистого Христа» (1Пет. 1: 18, 19), «лучше глаголющею Авелевой» (Евр. 12:24) и очищающею паче «крови козлей и тельчей, и пепла юнчаго» (Евр. 9:13, 14), ибо с нею «явился Христос пред самое лице Божие о нас» (Евр. 9:24) и сим приношением снял с нас клятву, «быв по нас клятва» (Гал. 3:13), и тем явил как правду Божию беспредельную (Рим. 3:25), так и «богатство благодати Своей» (Еф. 1:7).

б) Восполнить время жизни, проведенное в грехе, делами правды могут только дела Богочеловека.

Для оправдания человека мало того, чтобы только снять с него виновность в грехах, надо еще восполнить недостаток в его жизни дел правды и добра. Живя во грехе (разумеются здесь непрерывное грешение до обращения и прорывающиеся грехи по обращении), он не только опускает дела правды и добра, тратит время не на должное, но и наполняет его положительными делами неправды и зла, подлежащими соответственному наказанию. Когда снимается с него вина греховная через помилование и прощение и устраняется соответственное за нее наказание, тогда изглаждается только неправое и нечистое из его жизни, делается для его жизни то, что сих неправостей и нечистот как бы не было в ней. Но время жизни, проведенное во грехе, освобождаясь таким образом от бремени греховного, не приобретает еще чрез то дел правды и добра, которыми оно обязательно должно было быть наполнено по первоначальному назначению. Так как правда Божия требует, чтобы вся жизнь человека была наполнена делами правды и добра, то помилованный только и оправданный еще не вполне прав пред Богом; для сего надобно еще пустоты его жизни наполнить делами правыми и добрыми.

Как это возможно? Очевидно, что сам человек, обратившийся, раскаявшийся и прощенный, сделать этого не может, возревновав приумножить свои добрые дела. Потому что, что бы он в сем роде ни делал, будет делать лишь то, что для него обязательно делать в то время, когда делает, и чем потому нельзя восполнять прошедших опущений. Таким образом, и это восполнение недостатка должных дел, как и прежде изложенное требование жертвы умиловствления, возможно для него только чрез усвоение ему таких дел чужих или дел другого лица.

Кто же может быть для нас таким лицом, из богатства которого мы могли бы заимствовать себе дела для покрытия недостатка их в нашей

жизни?

Он должен быть человеком, чтобы творить дела человеческие дабы ими можно было восполнять недостатки таких дел в жизни человеческой. Но в нем самом такие дела не должны быть обязательны для него, не должны быть его собственными делами или принадлежать ему: иначе их нельзя усвоить другим взамен недостатка в них таких дел. Это же как возможно? Не иначе как если какое либо существо воспримет на себя человеческое естество и, сочетав со своею личностью, его силами будет творить дела человеческие, не будучи обязано творить их по своему естеству, чтобы, имея их в себе свободным богатством, иметь власть обогащать ими других. А таким существом, чтобы воспринять другое естество и творить дела его силами, необязательные для него самого, кто может быть? Из тварей никакая не может быть такою. Всякая тварь свое назначение имеет и свой круг дел, которыми должны наполняться все моменты ее бытия и жизни. Потому она не имеет времени делать дела за других и для других. Это ей возможно только через опущение своих дел, что то же было бы, что, спасая других, себя губить. Кроме же тварей, есть еще только Бог ни от чего не зависимый. Итак, обогащение нас делами правды и добра для восполнения ими недостатка их в нашей жизни не иначе возможно, как когда Бог благоволит принять на Себя естество человеческое и силами его творить дела правды и добра человеческие. Ибо такие только дела, будучи свободны от обязательства, и могут быть усвоены другим как свободное богатство Бога воплощенного.

К тому же, так как в таких делах имеет нужду жизнь каждого человека, жизнь всех людей – и настоящих, и бывших, и будущих – то богатство их должно быть столь велико, чтобы могло удовлетворить всех, и сила их должна простираться по всем временам и на все человечество. Но сила всякого тварного существа, равно как значение дел его, не могут простираться далее пределов его естества и никак не могут взойти до такой силы и пространства, чтобы обнять все человечество. Потому дела правды и добра, потребные для восполнения недостаточности таких дел в жизни каждого человека, чтобы иметь такое безмерное и вечное значение, должны быть совершены человеческими силами, но от такого лица, которое по своему существуечно и беспредельно, то есть от Бога; а это возможно только при ипостасном соединении Божества с человечеством в одном лице, или при воплощении Бога.

Таков и есть Господь наш Иисус Христос, как изображает Его Слово Божие. Оно представляет Его всякою полнотою, говоря, что Отец «благоволил вселиться в Нем всякому исполнению» (Кол. 1:19).

Разумеется полнота благ во спасение наше, в числе коих и полнота правды и добра в покрытие наших неправд и зол. «Греха в Нем не было» (1Ин. 3: 3,5), и Он ничего такого не сотворил (1Пет. 2: 3,5). Ибо творил только волю Божию, или всякую правду. Еще принимал на Себя дело спасения нас, сказал Он Отцу: «иду сотворити волю Твою, Боже мой» (Евр. 10:9) – и, пришедши на землю, в самом начале вступления в дело Свое, сказал Он Предтече: «остави; нам надо исполнить всякую правду» (Мф. 3:15) – и исполнял, свидетельствуя пред всеми, что пришел не Свою творить волю и не ищет ее, но одно имеет в желании – творить «волю Пославшего» (Ин. 5:30, 6:38), – до того, что творение сие имел единственною для Себя пищею и питанием (Ин. 4:34), «послушлив быв даже до смерти» (Флп. 2:8). Как не было момента, чтобы Он не делал чего-либо, делал же всегда одну правду, то какое богатство дел правды и добра собрано было Им?

Но для кого и для чего? Для верующих во имя Его, ибо Сам Он не имел в сем нужды, будучи по естеству беспредельною правдою. Это было богатым наследием для взыскавших правды Его (Еф. 1:18). От полноты сей и «мы все прияли» (Ин. 1:16) и являемся «исполненными плодов правды» (Флп. 1:11). Сею-то полнотою правды св. Павел и всем благожелает исполниться и даже удостоверяет, что все уже и имеют сию полноту в Господе (Кол. 2:10) и что, прияв сей «дар праведности», они «в жизни воцарятся» (Рим. 5:17), то есть наследят царствие небесное. Почему обще сей апостол свидетельствует о Господе, что Он для нас есть «правда, освящение и избавление» (1Кор. 1:30). Избавление здесь есть прощение грехов, правда – покрытие наших неправд правдою Его; из того же и другого сложилось наше освящение. И блаженными называет апостол таких, коих не «беззакония только прощены», но при сем вместе и «грехи покрыты» (Рим. 4:7). Чем? Богатством правды Христовой. Так совершилось, что как «единого прегрешением во вся человеки вниде осуждение; так Единого правдою во вся человеки вниде оправдание жизни» (Рим. 5:18).

Итак, заключим, загладить вину рода человеческого принесением подобающей жертвы и восполнить недостаток правды его могут только смерть и богатство правды Богочеловека. Следовательно, оправдание рода человеческого невозможно без воплощения Бога.

2) Но и обновление наше, или дарование нам новой жизни, также невозможно без воплощения Бога

Для спасения человека, как замечено вначале, недостаточно только оправдать его пред Богом; надобно еще, по оправдании, сделать его сильным противостоять греху и твердо стоять на начатом добром пути, а

для сего совершенно переродить его, дать ему новую жизнь, упразднить в нем начало жизни, достойной осуждения. Ибо пока будет в нем держаться сие начало, он не перестанет творить дела недобрые и, следовательно, никогда не выйдет из-под клятвы и осуждения. И это без конца. Таким образом, без обновления нашего естества и самое оправдание ни к чему. Как же быть? Надо искоренить в нем это злое начало. А это как? Даровав ему новую жизнь сильную вытеснить то злое начало.

В падении человек потерял свою истинную жизнь и начал жить какую-то иною жизнью, которую надо назвать ложною жизнью, смотря на нее с точки назначения человека. Она, начавшись в главе человеческого рода, разлилась потом во все члены его, так что весь род наш представлял одно огромное, ложно, или неистинно, человечески живущее тело. Очевидно, что для обновления этого в самом корне поврежденного тела человечества, надо отвне влить в него начало истинной человеческой жизни, подобно тому как совершенно испорченное тело человека обновляют перелитием в него крови совершенно здорового организма; надобно, представляя человечество деревом, привить его от другого, полного здоровой жизни дерева, чтобы оно под действием его живительных соков переродилось внутри и начало давать новые, живые отростки; надобно восстать новой главе человечества, новому родоначальнику людей, чтобы, рождаясь от него, или перерождаясь посредством заимствованного от него истинного начала жизни, они в союзе с ним составили новое тело человечества, полное истинной человеческой жизни.

Кто же может быть такою главою? Такая глава истинно обновленного человечества, сей родоначальник новых, истинных человеков, очевидно, должен быть человеком, чтобы иметь возможность давать людям новую жизнь не другую какую, а человеческую же; потому что люди, имеющие от него заимствовать новую жизнь, могут жить только человеческою жизнью, а следовательно, и оживать только для нее и через нее. Но сия человеческая в нем жизнь должна быть чистою, здоровою, неповрежденного, потому произойти от человеческого же существа, но необыкновенным человеческим способом: ибо всякая такая жизнь не может быть непричастною общечеловеческой порче. И не это только, но и, быв в самом происхождении претворенною и обновленною и в составе естества нашего, и во всех его силах и отправлениях, пребыть потом навсегда неизменно такою. Такое же начало и такая неизменная пребываемость и твердость возможны в ней, только когда она будет совсем извлечена или отторгнута от обычной человеческой самостоятельности и самодейственности и будет не себе принадлежать, а будет носима и

управляема иным лицом, обладающим творческою силою и Божескою неизменяемостью, или Богом; то есть когда Бог, претворив и обновив творчески начала и стихии человеческого естества, образует Себе из них человека и, облекшись в него, будет жить и действовать богочеловечески. Но в этом и состоит воплощенное домостроительство, представляющее столь необходимым для нашего спасения воплощение Бога Слова.

Сверх того, сия новая жизнь во главе должна совмещать в себе такую полноту, чтобы, порождая новое человечество, не истощаться, а пребывать всегда полною, дабы не отрождать только новых членов, но, отродивши всех, потом жить в их пребывании временном и вечном. Так как она по естеству своему не может быть такою, будучи тварною, то ей необходимо приять такое качество от другого лица, нетварного, или от самого Источника всякого бытия и жизни, от Бога присносущного, что и совершается через воплощение, в коем Бог приемлет человеческое естество в Свою личность и, облекшись в него, сообщает ему присноживую неистощимую полноту. Наконец, сей новый родоначальник, всех порождая к новой жизни, всех должен держать в единении и между собою, и с Ним, чтобы все, живя единою жизнью и под единою главою, составляли единое живое, стройно сочетанное тело. И первоначальное назначение человечества было, чтобы оно все было едино по всему и жило единою жизнью. Но привзошел грех и разъединил всех, так что все человечество стало похожим на груды без живого сочетания и сочленения. Новое человечество через нового родоначальника и главу имеет назначение восстановить в себе сие потерянное единение. Потому человеческое естество в сем родоначальнике, оставаясь человеческим, не должно принадлежать себе, но иному лицу, всюду сущему, все содержащему и вечному, чтобы соединять в Себе людей всех времен и мест, блюсти их и направлять к последнему концу, с подчинением требованиям сего конца и всех других тварей сущих в мире. То есть родоначальник сей, имея быть родоначальником человеков, должен быть не человеком только, но Богом в человеческом естестве, или Богочеловеком, в чем и состоит воплощение.

Таков Господь наш Иисус Христос, Бог от Бога, Слово, искони сущее у Бога (Ин. 1:1); Сын Божий, выну пребывающий в «лоне Отчем» (Ин. 1:18). Он, не оставляя недр Отчих, благоволил приять плоть нашу, или наше человеческое естество (Ин. 1:14), через рождение от Приснодевы в свое Ему время для «искупления» нас и «всыновления» (Гал. 4:5).

Обновив в Себе человеческое естество, Он стал «начатком» (Ин. 8:25) новых человеков, живущих истинною человеческою жизнью,

«начальником сей жизни" и раздаятелем (Деян. 3:15). "В Нем наша истинная жизнь" (Ин. 1:4), полнота сей жизни, из коей, как из источника, предназначено почерпать ее и всем нам (Ин. 1:16); и Он ею «ихже хочет живит» (Ин. 5:21).

И стал Он, таким образом, новым Адамом, новым родоначальником, а все приходящие к Нему положенным путем и от Него возрождающиеся родом Его (1Кор. 15: 45–48). Он глава, а те – тело Его (1Кор. 12:27), из Него породившиеся (Кол. 2:19) «от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5:30). Он древо, а те – ветви (Ин. 15:5).

Для сего всякий, приступающий к Нему, по покаянии и отречении от всего прежнего, приемлет Святое Крещение, в коем ради веры и решимости работать Господу совлекается ветхого человека и облекается в нового, после чего ветхий человек в нем умирает и жить начинает новый, «созданный по Богу, в правде и преподобии истины» (Рим. 6:3–6; Еф. 4:24). Ибо здесь верующие облекаются во Христа, Который есть "живот наш» (Кол. 3:4) и дает нам силу так быть, чтобы «к тому не жить нам себе, но умершему за нас и воскресшему Господу» (2Кор. 5:15), чтобы мы не сами уже жили, но жил в нас Христос (Гал. 2:20), с Коим "живот наш сокровен есть в Боге» (Кол. 3:3).

Так, «аще кто во Христе нова тварь» (2Кор. 5:17), вновь рождаемая «водою и Духом» (Ин. 3: 3, 5), ради чего все такие, яко «от Бога рожденные» , суть и именуются «чадами Божиими» (Ин. 1: 12, 13) и «всыновление восприемлют» (Гал. 4:5). И се – новое человечество, «род избран, царское священство, язык свят, люди обновления, долженствующие возвещать добродетели Того, Кто из тьмы призвал их в чудный Свой Свет» (1Пет. 2:9) и перевел «от смерти в живот» . (1Ин. 3:14).

Вот первая основа христианской жизни – вера в воплощенное домостроительство нашего спасения в Господе нашем Иисусе Христе, глубокое в силе его убеждение, не допускающее ни малейшего в сем колебания или раздвоения в мыслях и с крепким упованием неподвижно стоящее на том, что «нести ни о едином же ином нам спасения и нести иного имене под небесем, данного в человецех, о нем же подобает нам спастися» (Деян. 4:11–12). Остается или к Господу Спасителю прилепиться, или погибать. Ибо кто не с Ним, тот, что бы ни делал, «не собирает..., а расточает» (Лк. 11:23). Никто «не может делать ничего , достойного спасения, если не пребудет в Господе» (Ин. 15:4–6). Се дверь, вводящая внутрь храма спасения! «Се камень» , основание полагающий созиданию в духе храмины спасения для вселения в нее Господа Спасителя (Мф. 16:18).

2. Вторая основа христианской жизни, с первой неразлучная, есть живой союз с телом Церкви, коей Господь – глава, живитель и движитель

Господь наш Иисус Христос, Бог и Спаситель, совершив на земле еже о нас Божественное смотрение, вознесся на небеса и ниспослал от Отца Всесвятого Духа; потом с Ним, по благоволению Отца, через свв. апостолов устроил на земле Святую Церковь под Своим главенством и в ней совместил все потребное для нашего спасения и жизни сообразной с тем. Так что теперь через нее уже ищущие спасения получают от Него и искупление с отпущением грехов и освящение с новою жизнью. В ней поданы «нам все Божественные силы яже к животу и благочестию... и дарованы честные и великие обетования», и если мы в силу сего потщимся украсить всякою добродетелью, то нам, без всякого сомнения, «обильно преподается вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа» (2Пет. 1:3–11). Святая Церковь и есть новое человечество, от нового родоначальника Христа Господа.

Во время пребывания Своего на земле Господь только обетовал устроить Святую Церковь на камне твердого исповедания Его воплощенного домостроительства. Самое же создание ее по воле Отца совершил Он со Святым Духом через святых апостолов, утвердив и оградив ее догматами, заповедями, таинствами, священнодействиями, канонами и достоюльным руководством, и во всем сем показав верный путь в Царствие Небесное, которое уготовал верным, к которому благоволила призвать и нас всех.

Во Святой Церкви все от Господа Иисуса Христа со Святым Духом по благоволению Отца через свв. апостолов, и все, содержимое ею, должно быть содержимо и исполняемо всеми, вступающими в нее и делающимися членами ее, по всем означенным пунктам или сторонам устройства Церкви. Все то действительно содержится и исполняется всеми, в живом с нею союзе состоящими, вследствие чего они едино суть, – «едино тело и един дух» (Еф. 4:4), – и в исповедании веры или содержании «здорового образа словес» (2Тим. 1:13), и в жизни по заповедям или в исполнении воли Божией, и в освящении таинствами, и в молитвенных к Богу приступаниях, и в подчинении канонам и установленному руководству. Действующие так, «ходят достойно звания своего..., тщаясь блюсти единение духа в союзе мира» (Еф. 4:1–6). А отступающие от сего

выделяют себя из Церкви внутренне и, если не послушают увещательного гласа ее, матерински к ним обращаемого на вразумление их, отлучаются от нее и внешне и вступают в ряды язычников (Мф. 18:17).

Сущие в Церкви, истинные чада ее, блюдут единение духа в союзе мира и состоят потому в живом союзе с нею; вновь вступающие дают обет объединиться с нею и действительно объединяются по вступлении внутрь ее; рождающиеся внутри Церкви возрождаются к новой жизни и затем воспитываются и возрастают в духе ее и во всех порядках ее. Все такие суть живые члены Церкви и от Главы ее через Духа Святого сподобляются всех духовных благодатных благ с обетованием и вечных. Те же, которые отступают от показанного устройства Церкви, хотя в Церкви числятся, но не состоят с нею в живом союзе, потому не суть живы, а умерли или замерли. Их держат в Церкви в чаянии, что они опомнятся, возникнут от обдерживающей их сети и поспешат восстановить нарушенный ими союз с Церковью и с Господом – Главою ее – и опять вступить в чин спасаемых. Все, содержимое Церковью, не таково, чтобы могло быть оставляемо на произвол, но таково, без чего не может состояться спасение. Ибо оно есть осуществление, или явление на деле воплощенного домостроительства, без коего нет спасения. Почему чуждый Церкви чужд Христа Господа и спасения в Нем.

Итак, что предлежит решающемуся содевать свое спасение и начать жить по-христиански? Воспринять воцерковление, если не имел его, оживить, если имел и потерял, и затем блюсти его вседушно и пребывать в нем; и жизнь его будет поддерживаться, зреть и востекать к совершенству в Господе Иисусе Христе. Это стоит в числе неотложных условий христианской жизни.

Такое требование само собою вытекает из теснейшего союза Господа с Церковью и Церкви с Господом. В Слове Божием союз сей представляется под образом союза главы с телом. Оно говорит, что «Христос есть глава Церкви» (Еф. 5:23), «глава телу Церкви» (Кол. 1:18), а Церковь «есть тело Его, исполнение исполняющего всяческая во всех» (Еф. 1:22,23), что, по св. Златоусту значит, что Церковь полна Христом и что Он все члены ее исполняет, так что в ней «всяческая и во всех Христос» (Кол 3:11).

«Как глава Он есть и Спаситель тела Церкви» (Еф. 5:23); «питает и греет ее, яко сущую ...от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5:29–30), любит ее и ее ради «предал себя, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе, да представит ю Себе славному Церковь, неимущую скверны или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна» (Еф. 5: 25–

27); «Церковь же во всем повинуется Христу» (Еф. 5:24).

Тело по существу своему несть един уд, но мнози; но все такие «уды единого тела, мнози суще – едино суть тело: тако и Христос» (1Кор. 12: 12, 14), или так и тело Церкви, коей глава Христос. Христос Господь дал Церкви Своей «овы Апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова» (Еф. 4:11–12). Это главнейшие члены (заправители), но и все другие назначаются на служение всему телу Церкви, чтобы никого не было праздного, как и в животном теле нет и малейшей частички без дела. Для чего всякий получает свой дар: «овому... дается слово премудрости, иному слово разума...; другому вера..., иному же дарованье исцелений...; другому действие сил, иному же пророчества; другому рассуждение духовом, иному же роди языков, другому же сказание языков» (1Кор. 12: 7–10). Потому и положено было, чтобы каждый, какое приял дарование, тем и служил всем, «яко добрый строитель Божественной благодати: аще кто глаголет, яко словеса Божий, аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог, да о всем славится Бог Иисус Христом» (1Пет. 4:10–11); «имеет ли кто пророчество, пророчествуй по мере веры; имеет ли кто служение, пребывай в служении; учитель ли кто, пребывай в учении; увещатель ли, увещай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» и проч. и проч. (Рим. 12:6–8).

Таким взаимодействием всех членов все здание тела, будучи сгармонировываемо, растет в Церковь Святую о Господе, в Коем и все «созидаются в жилище Божие Духом» (Еф. 2:22). Чего ради и внушается всем – «истинствующе в любви, возвращать всяческая в Того, Кто есть Глава, т.е. во Христа, из Которого все тело, составяемое и совокупляемое посредством всяких, взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена получает приращение для созидания себя самого в любви» (Еф. 4:15, 16).

В сие-то «тело мы крестились... и все единым Духом напоились» (1Кор. 12:13), т.е. через крещение вошли в нее и объединились в ней духовно, обязуясь к единомыслию, единоволию, единочувствию и единодействию, – «да не будет распри в телеси» (1Кор. 12: 15–25).

Судя по сему, Церковь есть лоно матернее, зачинающее, образующее, возрастающее и совершающее каждого христианина: как в лоне природы разные твари засеменяются, прорастают, растут, вырастают и плодоносят во славу Божию. Как нет жизни и живых существ вне природы, так вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц. Почему быть в

Церкви, в живом с нею сочетании и союзе есть неотложное условие для желающих жить духом и в христианской преуспевать жизни.

3. Норма христианской жизни

Под нормою разумеется здесь такое правило, которое, определяя цель человека и средства к достижению ее, дает руководительное указание, куда и как следует направлять жизнь свою. Предначертание такой нормы положено в создании человека по образу и подобию Божию и вдунутии в лицо его дыхания Божественной жизни. Но привзошло падение и расстроило ее. Расстроило, но не уничтожило. Потому когда совершилось воплощенное домостроительство в восстановление падшего, тогда помилованный и обновленный в силу его человек, хотя получил новую норму для духовно-нравственной жизни своей, такую, однако ж, которая стояла на первоначальной норме испорченной падением, восстанавливая ее, пополняя и в совершеннейшей являя форме.

Таким образом, нам предлежит начертать сначала аа) первоначальную норму нравственной жизни человека, а потом, применительно к ней, установить бб) норму нравственной жизни христианской.

1) Первоначальная норма нравственной жизни человека

При уяснении нормы жизни нравственной требуется, как сказано выше, определить а) цель человека и б) средства, какие даровал ему Бог для достижения ее, и из той и других у) вывести общее руководительное правило для жизни нравственной. Итак,

а) Какая цель человека?.

Последняя цель человека – в Боге, в общении или живом союзе с Богом. Созданный по образу и подобию Божию человек по самой природе своей есть некоторым образом Божеского рода. Будучи же рода Божия, он не может не искать общения с Богом не только как со своим началом и первообразом, но и как с верховным благом. Потому-то сердце наше и бывает довольно только тогда, когда обладает Богом и бывает обладаемо от Бога. Ничто, кроме Бога, не успокаивает его. Соломон много знал, многим обладал и многим наслаждался; но все это наконец должен был признать суетою и крушением духа (Еккл. 1:8, 17–18, 3: 10–11, 8:17). Один покой для человека в Боге. «Что ми есть на небеси и от Тебе что восхотех на земли; исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во век» (Пс. 72:25–26). «В Боге жизнь, – учит Василий Великий. – Отчуждение и удаление от Бога есть зло несноснейшее даже будущих геенских мучений, зло самое тяжкое для человека, как для глаза лишение света и для животного отнятие жизни». И еще: «Что было для души

преимущественным благом? Пребывание с Богом и единение с Ним посредством любви. Отпав от Него, она стала страдать» (Тв. свв. отцов. Вас. Вел., т. 4). Посему-то нам внушается: «взыщите Господа, ...взыщите лица Его выну» (Пс. 104:4). Пророк Моисей поставлял зрение лица Божия краем своих желаний и после того уже, как Бог явил через него и в нем столько чрезвычайных действий Своей благодати и всемогущества: «аще обретох благодать пред Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя» (Исх. 33:13), – молился он. С каким страхом взывал ко Господу пророк Давид: «не отвержи мене от лица Твоего» (Пс. 50:13), зная, что «удаляющий себе от Него погибнут» (Пс. 72:27) С каким желанием устремлялся он всегда к Богу: «возжада... душа моя к Богу...» (Пс. 62:2); «имже образом желает елень на источники водные, еще желает душа моя к Тебе, Боже» (Пс. 41:2). С какою теплотою упокоивался в Нем едином: «мне же прилепятся Богови благо есть» (Пс. 72:28).

Но не в этом одном устремлении всех желаний к Богу наше благо. Жажда без утоления, алчба без насыщения, потребность без удовлетворения есть скорбь, болезнь, мучение. Ища Бога, мы хотим обрести Его, хотим обладать Им и быть обладаемыми от Него, приискренно приобщиться Его, быть в Нем и Его иметь в себе (Макарий Великий). В этом-то живом, внутреннем, непосредственном общении Бога с человеком и человека с Богом и есть его последняя цель.

Таким сие общение изображается в Слове Божиим. Так Сам Бог об одних говорит: «не имать Дух Мой пребывать в человецех сих, зоне плоть суть» (Быт. 6:3), а другим обещает: «вселюся в них и похожду» (2Кор. 6:16). «Внимай, – говорит на сие место св. Златоуст, – кто обитает в тебе! Ты Бога носишь в себе». Спаситель обещает внутреннейшее некое вселение Бога в сердце человеческое, когда говорит: «к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин. 14:23). Св. Иоанн Богослов учит, что, когда кто пребывает в любви, то не только он пребывает в Боге, но и Бог в нем пребывает (Ин. 15:10). У свв. отцов живое общение с Богом возводится до обожения человека. Так, св. Григорий Богослов изображает человека «живым существом через стремление к Богу достигающим обожения». Феодор, епископ Едесский, так учит о цели человека: «Цель жизни нашей есть блаженство, или, что все равно, Царство Небесное, или царство Божие, которое состоит не только в том, чтобы зреть царственную, так сказать, Троицу, но и в том, чтобы получать Божественное влияние и как бы принимать обожение и в сем влиянии находить исполнение и совершение всех недостатков и несовершенств. В сем-то состоит пища умных сил, то есть в восполнении недостатков посредством

Божественного оногo влияния». У св. Макария почти в каждой беседе можно находить напоминание о живом общении души с Богом. Так, в 46 беседе он учит, «что Бог сотворил душу человека такую, чтобы быть ей невестою и сообщницею Его и чтобы Ему быть с нею единым растворением и единым духом» (§ 6). Посему «если душа прилепляется Господу, то и Господь, милосердием и любовью подвигнутый, к ней приходит и ей прилепляется, и тако един дух, и едино растворение, и един разум бывает душа и Господь» (§ 8). «Для человека нужно, – говорит он в другом месте, – чтобы не только сам он был в Боге, но и Бог был в нем».

Не подумал бы кто, однако ж, что живой союз с Богом есть исчезновение души в Боге с насильем ее самостоятельности и свободы. Нет, хотя душа действительно стоит при сем под Божественным влиянием, прикасается некоторым образом Богу и проникается Его силою, однако ж, не перестает быть душою – существом разумно-свободным, подобно тому, как раскаленное железо или уголь, проникаясь огнем, не перестают быть железом и углем. Она приобретает только через сие общение полнейшую и скорейшую силу действовать по воле Божией – свободно, но и беспрекословно. С другой стороны, и то неверно, если б кто стал думать, что когда бого-общение поставляется последнею целию человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения. Состояние, в котором человек сознает, что Бог истинный есть его Бог, и сам он есть Божий, т.е. говорит в сердце своем Богу: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20:28), как апостол Фома, и к себе самому: «Божий есм – Божий есм» (Ис. 44:5), – такое состояние есть единое истинное состояние человека, есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно нравственной и духовной жизни.

Итак, далеки от истины те, кои поставляют последнею целию человека самого же человека, какими бы пышными названиями они ни украшали ее, развитием, например, духовных сил или стремлением к усовершенствованию. При такой цели люди разъединяются заботою только о себе и привыкают все обращать в средство, не исключая даже и Самого Бога, тогда как на самом деле человек, как и все сотворенное, есть средство в деснице Божией для целей Его Божественного Промысла. «Вся созда Господь Себе ради» (Притч. 16:4). Посему «о Нем живем, движемся и есмы» (Деян. 17:28), «яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая» (Рим. 11:36). Несправедливо последнею целию человека поставляет и одно благо

ближних, т.е. людей, даже и в том смысле, что вся забота его должна быть обращена на благосостояние общества. Содействовать общему благу есть бесспорно долг человека, но не первый и не исключительный. Если поставить это первым долгом, то всякий человек мысль и сердце обратит на других, а не к Богу, и, следовательно, все в совокупности составят общество людей, сомкнутых в себе, но душою отторгнутых от Бога. Это будет тело без главы. Напротив, при богообщении все люди, сходясь в сей единой цели, не мысленно только, но самым делом соединяются, и все, единым духом и единою силою преисполняясь, составляют единое, живое и стройное тело. Под этим только условием и может созидаться истинный и надежный союз между людьми. Вот цель!

б) Спрашивается, какой путь к сей цели, или как приспособлен к ней человек?

Твари неразумные достигают своего назначения, сами не зная того, по самой природе или устройству своему. Человек – тварь разумно-свободная – должен сам сознать свою цель, познать путь, ведущий к ней, и свободно определить себя идти неуклонно сим путем, чтобы достигнуть цели и осуществить свое назначение. Из сего само собою открывается, что, коль скоро указано будет 1) значение нравственной свободы и ее истинное употребление, коль скоро будет определен 2) путь, который она должна избрать, и 3) обозначены основания, по которым она должна это сделать, то совокупностию всех этих понятий изобразится, как приспособлен человек к своей цели, к которой должен стремиться всем своим существом, и, следовательно, обозначится все что от него требуется, чтобы быть верным своему назначению, или, что то же, быть в общении с Богом.

1) Удостоив воспринимать человека в живое общение с Собою, Господь даровал ему свободу, чтобы сие общение совершалось богодостойным образом, т.е. даровал ему власть располагать своими внутренними и внешними действиями по представлению цели, или по своему усмотрению. Ибо человек должен наперед владеть собою, чтобы потом предать себя Богу. Бог, устроив существо человека, отдал его самому себе, чтобы делал, что хочет, с собою и со своими силами. «Сам из начала сотвори человека и остави его в руке произволения его» (Сир. 15:14).

Свобода принадлежит лицу человека и составляет его характеристическую черту. Своими мыслями, желаниями, чувствами и соответствующими им делами должен заведовать сам человек. В сем смысле он сам для себя есть правительственное лицо. Ближайшие к сознанию силы составляют его внутренний совет, с помощью которого он

решает все свои дела и начинания. Требования поступают к человеку с разных сторон, и совне и изнутри, но, при всей силе их самого действия, внушаемого ими, никогда не бывает до тех пор, пока не последует сознательного решения на него от самого человека. В сем-то решении или согласии на дело состоит существо свободы. Насильно не может исторгнуть его никакая сила. Одно слово: не соизволяю – обезоруживает всякую власть и всякое насилие.

Таким изображается человек повсюду в Слове Божиим. Здесь самые необходимые для него распоряжения предлагаются его свободе и избранию. Так, Моисей, изобразив Израилю, в чем его живот и смерть, благословение и клятва, убеждает его: «избери себе живот, да живеша ты и семья твоя» (Втор. 30:19). «Изберите сами себе, – говорит тому же народу Иисус Навин, – кому послужите» (Нав. 24:15). То же самое слышим и от Сираха: «предложих ти огонь и воду, и на неже хочещи, прострещи руку твою. Пред человеком живот и смерть, и, еже аще изволит, дастся ему» (Сир. 15: 16–17). И Спаситель, пришедши на землю, не связывает свободы, но предлагает на выбор: «иже аще хочет по Мне ити» и проч. (Мф. 16:24); «аще хочещи совершен быти» (Мф. 19:21)... Не насильно входит в дом души, а "стою, – говорит, – при дверех, и толку, аще кто услышит» (Апок. 3:20). «Бог насильно не влечет нас, – говорит св. Златоуст. – Он дал нам власть избирать худое и доброе, чтобы мы были добры свободно. Душа, как царица над самой собою, и, свободная в своих действиях, не всегда покоряется Богу, а Он не хочет насильно и против воли сделать душу добродетельною и святою. Ибо где нет произволения, там нет и добродетели. Надобно убедить душу, чтобы по своей воле она сделалась доброю».

В свободе дана человеку некоторая независимость, но не с тем чтобы он своевольничал, а чтобы свободно подчинил себя воле Божией. Добровольное подчинение свободы воле Божией есть единое истинное и единственно блаженное употребление свободы. Воля Божия есть начало, по которому человек должен располагать свои действия. Ею одною решительно надлежит руководствоваться ему в своеличных распоряжениях. Под этим только условием его свобода получит простор и широту, ибо ни в самом человеке, ни вне его ничего нет свободного. Все устроено по определенным законам воли Божественной, которая после сего одна и остается совершенно свободною. Посему приличным поприщем для свободы может быть только воля Божия. Подчиняясь ей, свобода человека становится как бы неограниченною, или вступает в беспредельную некоторую область: «хождах в широте, яко заповеди Твоя

взысках» , говорит пророк Давид (Пс. 118:45). «Смотри, какие неизъяснимые тайны совершаются в душе, – говорит Макарий Великий (Беседа 46), – как расширяются и распространяются помыслы ума ее и в долготу, и в широту, и в глубину, и в высоту всего видимого и невидимого творения». Напротив, при другом каком-нибудь употреблении свободы, с одной стороны, постраждет – благо человека, с другой – самая свобода попадет в стеснительные узы. Весь человек в своем составе и силах, равно как и весь порядок окружающих его вещей, запечатлен законом Божественной воли. Если человек с такими силами и в таком мире начнет действовать по чуждым воле Божией началам, то он необходимо войдет в противоречие и с собою, и с миром: будет расстроивать себя и подвергнется бедственному влиянию совне, то есть человек неизбежно будет бедствовать и страдать. Мало того, самое употребление свободы его ограничится. Самовольно уклоняясь от воли Божией, человек неизбежно попадает в некоторые узы и теряет значительную часть возможных для него совершенств. «Если свободен человек, – спрашивает святитель Тихон, – то ему можно делать все, что хочет?» И отвечает: «Нет. Не в том свобода, чтобы жить своевольно. Это не столько свобода, сколько рабство – истое, тяжкое. Непокорные Богу подпадают под тяжкое иго мучителя – дьявола и греха, делаются беднейшими пленниками страстей и состоят под клятвою законною» (свт. Тихон, т. 11). Так, человек – тварь свободная, уклонившись от воли Божией, впадает в область мрака, объятую гневом Божиим, где поступает под власть сатаны, греха и страстей, в нем самом и в других свирепствующих.

2) Таким образом, сам собою обозначается путь, который свободно должны мы избрать, чтобы выполнить свое назначение, именно – путь воли Божией. Один Бог, благоволивший создать нас разумно-свободными и давший нам это высокое назначение – быть в живом общении с Собою – может указать нам верный путь, которым можем мы достигнуть сего богообщения и пребывать в нем. «Кто бо от человек познает совет Божий; или кто помыслит, что хочет Бог;... волю Его кто позна» (Прем. 9: 13–18), если не Сам Он откроет ее. Это объявление воли Божией разумным тварям, или указание, как должны они управлять своими внутренними и внешними действиями, чтобы угодить Богу, есть заповедь Божия, или закон нравственный – «закон Господень непорочный, обращающий души, свидетельство Господне верное, умудряющее младенцы, оправдание Господне правое, веселящее сердце, заповедь Господня светлая, просвещающая очи...» (Пс. 18:8–11). Потому неуклонное пребывание в законе Божиим, охотное хождение по заповедям Его, верное исполнение

оправданий Его есть единственно благонадежный путь к богообщению. Только «сотворивый та человек жив будет в них» , учит апостол (Гал. 3:12). «Аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди» , сказал Господь одному ревнителю богоугождения (Мф. 19:17), а всем вообще обетовал: «имеяй заповеди Моя и соблюдали их, той есть любяй Мя... Аще кто любит Мя, заповеди Моя соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин. 14:21, 23).

Посему-то Слово Божие называет закон «путем, светом, светильником, ...сияющим в темном месте» (Пс. 118:32, 35, 105; 2Пет. 1:19), и исполнению его усваивает те блага, которые могут истекать только из богообщения. Муж, хранящий закон, развивается, как «древо при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет» (Пс. 1:3). Посему-то Сам Бог с такою заботливостию и с некоторою, так сказать, настойчивостию открывал всегда людям волю Свою и давал им Свои законоположения. Первое Свое законоположение напечатлел Он в совести, по которой и «язычники, не имеющие закона, естеством законная творят, будучи сами для себя закон» (Рим. 2:14). «Душа подлинно дело великое, Божие и чудное!» – говорит Макарий Великий (Бес. 46). «При создании ее такою сотворил ее Бог, что в естество ее не было вложено порока; напротив того, Он сотворил ее по образу добродетели Духа, вложил в нее законы добродетелей – рассудительность, благоразумие, любовь и прочие добродетели» для того, как замечает св. Златоуст в одном месте (см. Крат, поуч., 6 ноября), чтобы никто не отзывался неведением закона. Потом, когда вследствие падения помрачилось или как покрывалом каким закрылось это внутреннее законоположение и в нас образовался сверх того ин закон, противоявующий закону Божию, Господь послал закон писанный, чтобы восстановить, очистить от примеси и уяснить в сознании людей сей внутренний закон и доставить им надежнейшее руководство к благочестию и богоугождению. Наконец, когда и сей закон, уясняя требования воли Божией, вместе же с тем освещая жизнь человека в ее отношении к закону и, подобно зеркалу, представляя лик ее, всегда почти нечистый и безобразный, только обличал людей в их беззакониях, а не исправлял; только указывал путь, а не давал силы идти по нему, то милосердый Господь обетовал открыть людям иной путь и дать новый закон. «И дам им путь ин и сердце ино... дая законы Моя в мысли их и в сердцах их напишу Я, и буду им в Бога, а тии будут Мне в людие» (Иер. 32:39, 31:33). И действительно даровал и дарует сей «закон духа жизни о Христе Иисусе» (Рим. 8:2).

3) Несмотря, впрочем, на такую важность закона, он все стоит как бы вне свободы. Чтобы свободное существо шло путем закона, для сего необходимо должно произойти предварительно их добровольное сочетание, а для того должны быть основания, по которым свободное существо произвольно должно связать себя законом. Существо, невольно влекомое к известному роду деятельности, уже не свободно, равно как и закон без понудительных оснований к исполнению его не есть закон.

Само собою очевидно, что основания сии не могут заключаться ни в свободе, потому что она должна еще только воспринять их, чтобы силою их подчинить себя закону, ни в самом законе, потому что он не имеет самостоятельности и независимости. Их надобно искать в источнике свободы и закона – в воле Бога, даровавшего свободу и предписывающего закон. Другими словами, основания, по которым человек добровольно должен подчинить свою свободу закону Божию, суть те же самые, по которым для нас священна воля Божия.

Воля же Божия должна быть священна для нас потому, что есть воля Божия. Бог – Царь наш. Мы беспрекословно, однако ж охотно, должны повиноваться всему, на что есть Его определение. Одно имя Бог должно заставлять нас преклоняться пред Его повелением, ибо Он Владыка всего. Посему, когда дается заповедь или изрекается суд на какой-нибудь народ в Слове Божиим, всегда говорится: тако, или сия глаголет Господь. Ибо «кто есть рекий противу Ему?» – как говорит Иов (Иов. 23:13).

Такое безусловное и вместе свободное повиновение Богу само собою образуется в нас 1) с одной стороны, из сознания того, что Бог есть наш Творец и Промыслитель. Жизнь наша от Бога, силы от Бога, наша участь и все, что есть у нас, тоже от Бога: как же не повиноваться Ему? Посему 24 старца, поклонившись Богу Вседержителю, так воспели: «достоин еси Господи, прияти славу и честь, и силу: яко Ты еси сотворил всяческая, и волею Твоею суть и сотворена» (Апок. 4:11). Пророк Давид молится: «вразуми мя, и научуся заповедем Твоим» . Почему же? Потому, что «руце Твои сотвористе мя и создасте мя» (Пс. 118:73). Далее он же исповедует Богу: «закона Твоего не забых, ...оправданий Твоих взысках» . Почему же? Ибо «Твой есмь аз... душа моя в руку Твоею выну» (Пс. 118: 94, 109). 2) С другой – из сознания того, что Он же есть наш Судия и Мздовоздатель. Хотя Бог даровал нам свободу и, следовательно, некоторую независимость, однако ж, хочет, чтобы мы непременно достигали своего назначения и именно – путем Его заповедей. Посему не попускает нам безнаказанно ходить в волях сердца, а преследует судом, чтобы преклонить к повиновению. «Не даде ослабы... ни единому же нечестивати» , – говорит

Сирах (Сир. 15:20). Посему, хотя говорит: «аще хотите» (Мф. 19:17, 16:24), но вместе прибавляет: «аще не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы пояст. Уста бо Господня глаголаша сия... Не престанет ярость Моя на противныя» до тех пор, пока не покорятся (Ис. 1:20, 24; Прем. 12:28). Это два ощущения, которые, впрочем, не всегда сознаются ясно, печатлеемые со всех сторон в сердце, образуют в нем благоговейный страх или чувство всесторонней зависимости нашей от Бога, которое и заставляет нас добровольно покоряться определениям воли Божией, или закону. В душе нашей сие именно чувство всесторонней зависимости от Бога служит единственным основанием подчинения нашей свободы закону. Поэтому всякий раз, как слабеет сие чувство, люди предаются беззакониям и, наоборот, предающиеся беззакониям утешают себя некоторою независимостью от Бога. Глаголют Господеви: «отступи от нас, путей Твоих видети не хотим. Что Достоин, яко да поработаем Ему» (Иов. 21:14–15). «Не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль» (Пс. 93:7). «Гма окрест мене, и стены закрывают мя... грехов моих не вспомянет Вышний» (Сир. 23:25). Так и Василий Великий говорит, что все зло происходит оттого, что оставляют великого и истинного единого Царя всех и Бога... и хотят лучше властвовать вопреки Господу, нежели сами быть под властью у Господа. Вообще, источником нечестия в Слове Божиим почитается богозабвение (Втор. 32:18) и отступление от Бога (там же, 15).

Но и это чувство всесторонней зависимости есть только посредствующее, так сказать, звено между законом и свободой. Самое сочетание свободы и закона опять производится самопроизвольным подчинением себя закону, или воле Божией. При всех основаниях не связывает нас насильно Бог, но оставляет нас на свободе, чтобы мы сами покорили и предали Ему в жертву свою свободу – единственное, какое может человек сделать от себя, приношение Богу, достойное Бога. В жертвоприношении свободы Богу состоит истинный характер нравственно-благочестивой жизни, или, что то же, он состоит в решимости не иначе располагать своими внутренними и внешними действиями, как по воле Божией. Сею решимостию начинается и поддерживается нравственная жизнь человека. Слово Божие изображает ее то под видом клятвы и вольного приношения Богу: «кляхся, – говорит Давид, – и поставих сохранить судьбы правды Твоя... Вольная уст моих благоволи, Господи» (Пс. 118:106, 108); то под видом смирения пред Богом и обращения к Нему, например, у Иова: «аще обратиши и смириши себе пред Господем и далече сотвориши от жилища твоего

неправду... будет тебе Вседержитель Помощник» (Иов. 22: 23–30; Ос. 6:1); то под видом взыскания Господа: «взыщите Господа, и внегда обрести вам Того, призовите; егда же приблизится к вам да оставит нечестивый пути своя и муж беззаконен советы своя, и да обратится к Господу» (Ис. 55:6–7); то, наконец, под видом исчезновения в законе и Боге: «очи мои исчезосте во спасение Твое и в слово правды Твоея» (Пс. 118:81–82).

Заклучим из сего, что, когда человек в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога определит себя или решится на неуклонное и всегдашнее хождение в воле Божией, или законе Божиим, он будет у своей цели или выполнит свое назначение. Ибо можно сказать всякому: решишь и исполняй закон и будешь находиться в постоянном общении с Богом. Вместе с тем, как покорит себя Богу человек, Бог усвоится человеку, а человек – Богу. Ибо так говорит Сам Господь: «будут Мне в люди, и Аз буду им в Бога: понеже обратятся ко Мне всем сердцем своим» (Иер. 24:7). Св. пророк Давид говорит: «часть моя еси, Господи, рех сохранить закон Твой» (Пс. 118:57), то есть, желая навсегда иметь Бога своим или, что то же, быть в общении с Ним, св. пророк решаетя всегда исполнять Его святой закон. У Иова это изображается под видом дерзновения к Богу. Он говорит, что обратившийся к Господу и смирившийся пред Ним имеет Его Помощником своим и сам «возымеет дерзновение пред Богом, возрев весело на небо» (Иов. 22:26); а нечестивый – «еда имат когда дерзновение пред Ним?» (Иов. 27:10).

Отсюда норму нравственной жизни вообще можно выразить в следующем правиле:

в) исполняй волю Божию, чтобы быть в общении с Богом или пребывай в общении с Богом деятельным исполнением Его святой воли

Это правило изрекается непрерывно во всем пространстве Слова Божия, и исполнение его поставляется источником всех благ, а неисполнение – всех зол. Аврааму Бог обещает благословение и не ему только, но и семени его по нем, под условием благоугождения: «благоугождай предо Мною» (Быт. 17:1); Бог избрал народ Израильский, и этот народ предает себя Ему, единодушно взывая: «вся, елика глагола Господь, сотворим и послушаем» (Исх. 24:7). И Спаситель говорит: «не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в царствие: но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех» (Мф. 7:21).

2) Норма нравственной христианской жизни

Нормою нравственной жизни вообще изображается существо первого завета, или духовная жизнь человека в первобытном его состоянии. Как покорное дитя, смиренно ходил бы он в воле Божией и тем состоял бы в

Его благоволения и пребывал бы в постоянном общении с Ним. Всем нужным к достижению сей цели обладал уже человек, именно: свободою – чистою, нестесняемою; сознанием закона – определенным и очевидным чувством страха Божия, или зависимости от Бога – сильным, а потому и решимостью ходить в воле Божией невозмутимо. Как через самое сотворение человек поставлен был в своем значении, так и пребывал бы в нем теми силами и средствами, какие даровал ему милосердый Творец и Промыслитель.

Но когда человек пал, то подвергся всестороннему расстройству и сам в себе, и в своих отношениях. Общение с Богом прервано: человек под клятвою, не смеет воззреть на небо; свободная самодеятельность связана грехом и страстями; закон помрачился; чувство зависимости ослабело, а вместе с тем ослабела и решимость ходить в воле Божией до того, что возвратиться к ней человеку самому нет возможности. Его держит в узах греховного рабства князь тьмы – диавол.

Между тем и по падении человек остался человеком. Назначение его и цель есть то же богообщение; путь к сей цели тот же – хождение в воле Божией, к исполнению которой он сам себя должен определить по чувству зависимости своей от Бога. И, однако ж, из всего этого человек сам собою не может выполнить ни одного требования. На всех пунктах необходима ему Божественная, чрезвычайная помощь. Посему Троиный Бог – Отец – через Единородного Сына Своего и Святого Духа благоволил устроить на земле благодатное царство, в котором и удовлетворяются вполне крайние духовные нужды человека. Здесь отпавший от Бога человек воссоединяется с Ним через Господа – Иисуса Христа – как единого Посредника, примиряющего Бога с человеками и человек с Богом, примиренных приводящего к источнику истинной жизни; обессилевшая свободная самодеятельность человека восстанавливается Божественною благодатью; недостаток исполнения закона восполняется верою во Христа Спасителя; чувство зависимости от Бога и решимость ходить в воле Его воскрешаются в покаянии. Вследствие покаяния, по вере в Господа Иисуса Христа, нисходит в человека в таинствах Божественная благодать, которая, возрождая его, соединяет с Господом Иисусом Христом, а чрез Него и с Нем с Богом.

Это необходимейшие условия к истинно христианской жизни. Так явно, что главнейшее в ней есть а) общение с Господом Иисусом Христом, в Котором открывается человеку источник истинной жизни, а б) на пути к общению с Христом Спасителем и в общении с Ним необходимы как в самом человеке, отчасти и со стороны человека: 1) покаяние и 2) вера –

так и свыше – зачинающая, образующая и совершающая в существе человека новую жизнь во Христе 3) Божественная благодать. По объяснении сих сторон жизни христианской откроется и у) норма нравственной христианской жизни.

а) Общение с Господом Иисусом Христом.

Теперь человеку нельзя иначе вступить в живой союз с Богом как через Иисуса Христа. «Никтоже может прийти ко Отцу, токмо Мною», говорит Господь (Ин. 14:6). Посему «един есть Бог, и един Ходатай Бога и человек – человек Христос Иисус» (1Тим. 2:5), Которым «одним имеем приведение... ко Отцу» (Еф. 2:18). Три зла потерпел отпавший от Бога человек: подвергся проклятию Божию, расстроился в себе самом и подпал под власть диавола – три зла такие, которые опять силою своею держат человека в состоянии отпадения от Бога, так что приближение к Богу не иначе возможно как с устранением этих зол. От всех их избавил нас Господь Иисус Христос:

Снял с нас клятву смертию Своею (Гал. 3:13), ибо «Он жрен за нас» (1Кор. 5:7), и «мы освящены приношением тела Его» (Евр. 10:10). «Во Христе Бог примирил Себе мир» (2Кор. 5: 18–19) и даровал через Него людям «дерзновение входить пред Себя» (Евр. 10:19). Посему апостолы и умоляли всех от лица Бога примириться с Ним во Христе Иисусе (2Кор. 5:18–20).

Увращевал расстройство наше, став для нас силою во спасение (Рим. 1:17; 1Кор. 1:24), преисполняясь которою, укрепляемся (1Тим. 1:12) и вся можем (Флп. 4:13). Он оживляет «нас, мертвых прегрешеньми» (Еф. 2:5), и «освобождает... от закона греховного» (Рим. 8:2; Ин. 8:36). И вообще, без Него мы «не можем творить ничего» истинно доброго (Ин. 15:5).

Разрушил дела диавола, «упразднил его, имущего державу смерти» (Евр. 2:14), осудил сего «князя мира и изгнал его вон» (Ин. 12:31, 16:11); потому всех верующих извлекает из тьмы в чудный Свой свет и из области сатанины к Богу, облакая их «во всеоружие Божие, яко возмощи им стати противу кознем диавольским» (Еф. 6:11).

Но сие «неисследимое богатство Христово» (Еф. 3:8) сокрыто в Нем Самом. Он для людей «правда, освящение, избавление» (1Кор. 1:30), "живот" (Ин. 1:4; Кол. 3:4) и единственный источник всех «небесных благословений» (Еф. 1:3, 10); в Нем мы «сооживлены, ...спосаждены на небесных» (Еф. 2:5–6), «усыновлены Богу» (Рим. 8:4–17); но так, что действительно сподобляются всех благ, заключенных для нас во Христе и открывающихся в Нем падшему человечеству, только те из людей, кои вступают в живое общение с Ним и так тесно соединяются, как члены с

телом (1Кор. 6:15) или как ветви с лозою (Ин. 15:5). Посему общение с Господом Иисусом Христом заповедуется и изображается как единственное и верховное благо. Так, Сам Господь говорит апостолам: «будите во Мне, и Аз в вас» (Ин. 15:4). Бог Отец через апостолов призывает нас именно «во общение Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор. 1:9); апостолы верующих называют «причастниками Христу» (Евр. 3:14); молят Бога «вселиться Христу... в сердца их» (Еф. 3:17); жалеют об «упразднившихся от Христа» и болезнуют, пока Он опять вообразится в них» (Гал. 4:19, 5:4); о самих себе свидетельствуют, что не к тому уже они живут, «но живет в них Христос» (Гал. 2:20), и всем заповедают «облекаться во Христа» (Рим. 13:14), поставляя и целью Божественного домостроительства сие: «да будем во истинном Сыне Его, Господе нашем Иисусе Христе» (1Ин. 5:20).

Так открывается, что единственное средство к общению с Богом есть общение с Господом Иисусом Христом. Тайну сию открыл Сам Спаситель свв. апостолам, говоря: «Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас» (Ин. 14:20). Посему учил, что Отец любит тех только, кои любят Его (Сына), приходит к ним и вместе с Ним «творит в них Себе обитель» (Ин. 14:23, 16:27), и молился ко Отцу: «да еси едино будут якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17:21). Таинственного общения с Господом нашим Иисусом Христом сподобляются верующие во святом таинстве крещения. Здесь они соделоваются членами тела Христова и облакаются в Господа, как учит апостол: «елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3:27), а вместе с тем сподобляются и тех благ, которые стяжал для нас Господь: оправдания и возрождения. Погружаемый в крещении спогребается Христу и восприимлет силу смерти Его – прощение грехов (Рим. 6:3). Крещеный выходит из купели в обновленной жизни, как нова тварь, «яко к тому не работати греху», который с сих пор уже не обладает им и не царствует в нем (Рим. 6:3–14). О сих благах говорит апостол: «но омыстесь, но освятитесь, но оправдастесь именем Господа нашего – Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор. 6:11).

б).

Сообщаемые, впрочем, при сем дары запечатлевают внутреннейшие изменения, которые должны происходить в сердце приступающего к Господу прежде крещения и которыми, собственно, полагается основание, начало и зародыш жизни истинно христианской. Сии изменения суть покаяние и вера, как требовал и Сам Спаситель от всех, приходящих к Нему, говоря: «покайтесь и веруйте во Евангелие» (Мк. 1:15). Они

производятся в душе Божественною благодатию – предваряющею. В крещении же и (миропомазании) благодать входит внутрь, в сердце христианина, и потом постоянно пребывает в нем, вспооществуя ему жить по-христиански и восходить от силы в силу в духовной жизни.

Покаяние.

Открывающаяся в сознании и опыте причина худой жизни есть ослабление в нас чувства страха Божия, или чувства зависимости от Бога, ослабление, доходящее иногда до крайней степени – до совершенной потери сего чувства. Действующее в нас начало греховной жизни есть себялюбие или самоугождение, иначе – эгоизм, самость. Сокрушается самость, и воскресает у человека страх Божий, или чувство зависимости от Бога, в покаянии. Тот человек живет в состоянии отпадения от Бога, который для себя только живет и не думает о Боге и небе, или, по словам Давида: «не предлагает Бога пред собою» (Пс. 53:5, 85:14). У такого обыкновенно вся забота о чем-нибудь своем: или о познании, или об искусстве, или о должности, или о семействе, или, еще хуже, о наслаждении и удовлетворении какой-нибудь страсти; о будущей жизни он не думает, а настоящую старается устроить так, чтобы жить спокойно и как бы вечно; внутрь себя не обращается, поэтому и не знает своего состояния и тех следствий, какие будут от его жизни, но всегда считает себя чем-то великим и гоним бывает все вперед суетною заботою; других не любит, а обходится с ними, как только требует приличие, посему готов и обидеть, если это не очернит его самого; он иногда делает и добрые дела, но они все суть свойства душевного (Поел. Вост. Патр., 3 ч.), напитаны общим его духом самолюбия, которое отнимает у них истинную цену. Все это исповедует всякий обратившийся к Богу, а не обративший пока пребывает в сем состоянии, как бы иногда, по-видимому, строго ни принимался разбирать себя и свою жизнь, никак не может уверить себя, что его дела ничтожны и злы. Сатана, обладающий человеком посредством греха, живущего в человеке вместе с его самостию, как летаргическим сном поражает его дух во всех силах. Поэтому он недугует ослеплением, нечувствием и нерадением.

Человеку, находящемуся в таком состоянии, самому очувствоваться нельзя, пока в его греховной тьме не воссияет свет Божественной благодати. Тьму наводит на него сатана, запутывает его в свои сети, от которых никто не возникнет без вразумления свыше (2Тим. 2:26). Никтоже может прийти ко Мне, – говорит Господь, – аще не Отец, пославый Мя, привлечет его... Всяк слышавши от Отца и навьк, ко Мне приидет» (Ин. 6: 44, 45). Посему Сам Господь «стоит при дверех сердца и толчет», как бы

говоря: «востани, спяй и воскресни от мертвых» (Апок. 3:20; Еф. 5:14).

Сей голос Божий зовущий приходит к грешнику или непосредственно, прямо в сердце, или посредственно, преимущественно через Слово Божие, а нередко и через многообразные происшествия внешние в природе и в жизни его самого и других. Но всегда он падает на совесть, пробуждает ее и, наподобие молнии, освещает (ясно представляет сознанию) все законные отношения человека, которые им были нарушены и извращены. Поэтому сие действие благодати и открывается всегда сильным беспокойством духа, смятением, опасением за себя и самопрезрением. Впрочем, оно не влечет насильно человека, а только останавливает его на пути порочном, после чего человек совершенно властен или обратиться к Богу, или опять погрязнуть в тьму самолюбия. В притче о блудном сыне сие состояние выражено словами: «в себе пришед» (Лк. 15:17).

В человеке, внявшем (не противодействующем) действию благодати, призывающей и просвещающей его внутреннюю тьму, открывается особенная способность живо воспринимать откровенные истины, как бы некоторый особенный сердечный слух и вняtie: «открываются очи» (Деян. 26:18), действует «дух премудрости... в познании истины» (Еф. 1:17). Примеры сему представляют все обращающиеся (напр. Мария Египетская, Евдокия и проч.). Истины откровенные изучаться могут и без содействия благодатного, но тогда они, слагаясь в уме, обыкновенно не проникают глубоко в сердце. Под действием же благодати сердце именно и питается ими, принимая их внутрь себя, совершенно усвая и удерживая их в себе, становится как бы ненапоимою губкою. При сем, так как откровение составляют закон и Евангелие, то, воспринимая сердцем откровенные истины, обращающийся испытывает двоякого рода изменения: одни тяжкие и безотрадные, другие облегчающие и успокаивающие душу. Однако ж соответственно состоянию обращающегося, прежде всего, всю тяготу своею налегает на него закон и истязует его, как виновника. Ряд изменений такого рода в сердце составляет совокупность покаянных чувств.

В сем порядке прежде всего происходит познание грехов. Закон показывает человеку все обязательные для него действия, или заповеди Божий, а сознание представляет целое поле действий, противных им, с уверением, что они могли и не быть, что все суть дело его свободы и допущены им нередко с сознанием их незаконности. Следствием сего бывает внутреннее обличение человека во всех опущениях и нарушениях: человек чувствует себя всесторонне виновным пред Богом,

безызвинительным, безответным. Отсюда, далее, болезненные, скорбные, сокрушительные о грехах чувства теснятся в сердце с разных сторон: презрение к себе и негодование на злой свой произвол, потому что сам всему виною; стыд, что до такого уничижительного состояния довел себя; болезненный страх и ожидание близких зол оттого, что оскорбил грехами своими Бога всемогущего и праведнейшего; наконец, смятенное чувство беспомощности и безнадёжности довершает поражение: желал бы человек все зло это стрясть с себя, но оно срослось будто с ним; желал бы даже умереть, чтобы восстать в лучшем состоянии, но не властен сделать это. Тогда-то человек из глубины души начинает вопиять: «что сотворю, ...что сотворю!» – как вопиял народ от обличений Иоанна Крестителя (Лк. 3:10, 12, 14) и от слов апостола Петра, по сошествии Святого Духа (Деян. 2:37). Здесь всякий, хотя бы был властелин или другой какой знаменитейший в свете человек, чувствует, что он пойман судом Божиим и совершенно подлежит Его силе, что он – «червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей» (Пс. 21:7), то есть в прах обращается вся самость человеческая и воскресает сознание повинности Богу, или чувство зависимости от Него – полной, неизбежной.

Такие чувства тотчас готовы принести и плод свой – возбудить то есть к покорности Богу или, в настоящем случае, к тому, чтобы исправиться и начать новую жизнь по воле Божией. Но при сем свыше теснит человека чувство гнева Божия и Божией клятвы, а в себе обезоруживает сознание бессилия одолеть себя по испытанной уже неоднократно силе страстей и испорченной воли. Потому он стоит, как пораженный, даже как бы не смея произвести ни одного движения. Здесь-то в благовременную помощь приходит к нему, с одной стороны, вера, а с другой – благодатная, вспомоществующая в делании всякого добра сила.

Вера.

Стесненному строгим обличением закона грешнику нигде нельзя найти утешения, кроме Евангелия – проповеди о Христе Спасителе, пришедшем в мир грешников спасти. Без Иисуса Христа – Господа грешникам, обличаемым от закона, невозможно бы было избежать отчаяния, почему и возвещается, что собственно для них и пришел Спаситель. «Не приидох, – говорит он, – призвати, праведных, но грешных на покаяние» (Лк. 5:32); еще: «прииде Сын Человеческий взыскати и спасти погибшего» (Лк. 19:10). «Вот кому проповедуется Евангельское утешение, – учит святитель Тихон, – нищим, то есть тем, которые признают свою духовную нищету, не находят в себе никакой правды пред Богом, а усматривают одно окаянство; сокрушенным сердцем, то есть тем,

у коих сердце, как стрелу, уязвлено печалию о грехах... "Закон всегда есть пестун... во Христа» (Гал. 3:24). Показывая нашу виновность и немощь, он заставляет искать иного посредства и, как бы взявши за руку, ведет ко Христу, ибо в тесноте совести нет иного прибежища, кроме Христа, Который «грехи наши Сам на теле Своем вознесе на древо» (1Пет. 2:24) и Которого, «не ведевшего греха, Бог по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем» (2Кор. 5:21)... Чтобы в сердце зачалась вера евангельская, необходимо предварительно познать немощь свою и живо восчувствовать гнев Божий, клятву, суд и осуждение, определенное грешникам. Тогда уже в сердце сим страхом, как огнем очищенном и предуготовленном, зачинается и вера от Духа Святого».

Как дождь принимает в себя жаждущая земля и как прохладительную влагою оживляется утомленный от зноя, так истерзанная совестью душа впивает благовестив Евангелия, и сокрушенное сердце отрадно внимает утешительным вещаниям веры.

Здесь всему предшествует познание Господа нашего Иисуса Христа, или познание устройства спасения в Нем, то, чего просил апостол ефесянам: «яко уведети» (Еф. 1:18). Такое познание есть необходимое условие к рождению веры или точка, с которой начинается ее образование, ибо как веровать, не зная предмета веры? Посему апостолы и посланы были научать проповедию людей, показать то есть, в чем истина (Мф. 28:19). «Как уверуют, – говорит апостол, – если не услышат от проповедника?» (Рим. 10:14, 15). У жаждущего спасения это познание сопровождается услаждением, занимает всего его, обнимает все внимание и оставляет после себя желание еще слышать, еще поучаться, еще познавать. Слабое подобие сему представляют афиняне и Агриппа с Фестом при проповеди апостола Павла (Деян. 17:32, 26:28–32).

Но не в сем еще вера. За познанием, искренно принятым, следует сердечное убеждение в истине Евангелия или в том, что спасение рода человеческого действительно устроилось так, как проповедуется, и что основания спасению людей иного нет и не может быть как в Господе – Иисусе Христе. Это сердечное убеждение составляет отличительное свойство веры. Многие знают умом домостроительство спасения, но не у всех них есть вера. Истинно верующий так привержен сердцем к вере во Христа, что не только небоязненно исповедует Его, но и стоит за сие исповедание до крови: оно дороже ему самой жизни.

Верх же совершенства веры составляет живейшее личное убеждение, что Господь как всех, так и меня спас; как со всех снял проклятие, так и с меня; как всех есть Живот, так и мой. «Истинно верующий, – говорит

святитель Тихон, – исповедует со апостолом: «верою живу Сына Божия, возлюбившего мене и предавшего Себе по мне» (Гал. 2:20). Сын Божий возлюбил весь мир и предал Себя за весь мир, но апостол Павел сие великое Его благодеяние присволяет себе. И святы́й Дамаскин поет: спасл еси всего мя человека... до мене идегии, мене ища заблудшего (глас 3, песн. 4)». «В такой вере все существо христианского блаженства заключается», ибо от нее возрождается в сердце действительное ощущение спасения в Господе, чувство свободы от проклятия и гнева Божия, сознание собственного примирения с Богом в Господе Иисусе Христе. «Такая вера, – говорит святитель Тихон, – освобождает от греха, клятвы, ада, приносит с собою веселье духовное, радость о Господе Спасителе, о благодати и человеколюбии Его собственно к себе, мир и спокойствие совести; как говорит апостол: «оправдившеся верою, мира имама к Богу Господем нашим Иисусом Христом» (Рим. 5:1)». Что происходило в сердце галатян под действием сей веры, о том так говорит апостол: «кое убо бяше блаженство ваше; свидетельствую бо вам, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевши дали бысте ми» (Гал. 4:15).

Все спасительные действия веры, о коих упоминается в Священном Писании, принадлежат такой именно вере. Главный же ее плод и как бы основание всех других есть оправдание. Она таинственно соединяет душу верующего со Христом, как невесту с женихом (Ос. 2:20; 2Кор. 11:2). При сем Христос отъемлет от такой души клятву, осуждение, всю скверну греха, а вместо того подает ей благословение, чистоту и святость (1Кор. 1:30). Как жену какую, Он облакает ее в чистую багряницу правды, да пред очами Его и небесного Отца Его явится чиста и, как дочь царская, духовною утварию «одеяна и преиспещрена» (Пс. 44:10). Созерцая сие благо, пророк в радости духовной восклицает от лица души, сподобившейся сего: «да возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения и одеждою веселия одея мя: яко на жениха возложи на мя венец и яко невесту украси мя красотою» (Ис. 61:10). Должно, однако ж, знать, что как такое дарование по вере ниспосылается собственно в таинстве крещения, где, как говорит Златоустый, во время погружения тела в воду дается нам и правда, и усыновление, так здесь же напечатлевается и последнее чувство веры, то есть действительное ощущение спасения и оправдания в Господе, ибо нельзя ощущать того, чего нет. Следовательно, в крещении уже, принимаемом с верою, завершается самая вера.

Благодать (содействующая).

Человек, как бы уничтоженный судом закона, по мере вступления в

область веры оживает отрадою в сердце, восклоняет главу убитый скорбью, приходит в напряжение расслабленный. Чем больше растет вера, тем более вкореняется в нем уверенность в возможности и плодородности усилий исполнять закон с помощью Божиею, вместе с тем образуется и укрепляется благое намерение определить себя решительно на служение Богу хождением в Его законе. Пока не уверится человек в помиловании и помощи Божией, не может положить и решительного намерения жить по воле Божией (1Пет. 1:3). Посему-то, когда чувство благонадежности в Боге и Божия благословения, изливаемое в сердце верою во всеумилостивительную смерть Господа Иисуса, уверяет его, что Бог не презрит его, не отвергнет, не оставит Своею помощью при исполнении закона ради Господа; тогда уже, утверждаясь на сем чувстве, как на камени, дает человек решительный обет оставить все и посвятить себя Богу всего, без всяких ограничений, воодушевляется ревностью ко всесторонней чистоте и святости с ненавистью ко греху, со страхом, однако же, чая Божественной силы и помощи... Здесь-то совершается перелом воли: человек бывает в том состоянии, в каком был блудный сын, когда говорил: «восстав, иду» (Лк.15:20).

Решительное, впрочем, намерение сие есть только условие жизни по Богу, а не самая жизнь. Жизнь есть сила действовать. Жизнь духовная есть сила действовать духовно, или по воле Божией. Такая сила потеряна человеком; посему, пока снова не дастся ему, он не может жить духовно, сколько бы ни полагал намерения. Вот почему изливание благодатной силы в душу верующего существенно необходимо для жизни истинно христианской. Истинно христианская жизнь есть жизнь благодатная. Возводится человек до святой решимости, но чтобы он мог и действовать по ней, необходимо чтобы с его духом сочеталась благодать. При сем сочетании нравственная сила, знаменуемая только первым воодушевлением, запечатлевается в духе и остается при нем навсегда. В сем-то восстановлении нравственной силы духа и состоит действие возрождения, совершаемого в крещении, где ниспосылаются человеку как оправдание, так и сила действовать «по Богу в правде и преподобии истины» (Еф. 4:24). Так истинно христианская жизнь зачинается в крещении, которое и называется «банею пакибытия и обновления Духа Святаго» (Тит. 3:5), новым рождением (Ин. 3:5), а крещеный – «новою тварию во Христе Иисусе» (2Кор. 5:17).

С сего времени вселившаяся в человека благодать пребывает в нем, вспооществуя ему быть «верным Господу до смерти», чтобы воспринять «венец жизни» (Апок. 2:10); ибо все верующие не иначе как «силою

Божиею соблюдаются чрез веру во спасение, готовое явиться в последнее время» (1Пет. 1:5): Восприяв сию силу, человек благонадежно ходит в исполнении Божественного закона, или ходит как лев, уповая, под непрерывным осенением Божественной благодати, с «радостью вместе и со страхом» предаваясь ее водительству (Пс. 2:11) и подвизаясь в делах богоугодных, в чувстве крепости своей в Боге при глубоком сознании своего бессилия. Вся жизнь верующего после сего течет в следующем порядке: он со смиренною покорностию и желанием принимает благодатные освящающие средства – Слово Божие и таинства, а благодать в сие время производит в нем многообразные действия просвещения и укрепления. От сего, с продолжением поприща земной жизни, постепенно растет и спеет духовная жизнь христианина, восходящего от силы в силу «Господним Духом» (2Кор. 3:18), «дондеже приидет... в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4:13). Посему у него нет, собственно, ни одного действия, которое бы он совершил без благодати и которого сознательно не относил бы к ней. Они и действительно относятся к ней как поначалу, ибо она возбуждает, так и по совершению, ибо она дает силу. «Бог есть действующий в нем, и еже хотети, и еже деяти о благоволении» (Флп. 2:13). У человека свое только пламенное желание пребывать в сем порядке Божественного хранения, в нравственно-доброй жизни и решительное предание себя водительству Божию.

Все, что здесь усваивается Святому Крещению, действует в таинстве покаяния над приступающими ко Господу от грехов по крещении.

Образ действия благодати предвещающей и пребывающей в человеке, с их отличием, отношение последней к произволу и греху, искушающему человека, подробно изображаются блаженным Диодохом, еп. Фотики. Доброт., т. 3, особенно главы с 76 по 90. То же в Кр. поуч. Но нигде полнее не раскрывается сей предмет, как в Беседах и Словах Макария Великого.

в) Норма нравственной христианской жизни и ее характер.

Итак, последняя цель человека неизменно состоит в общении с Богом. Поэтому когда он отпал от Бога и не мог восстановить общения с Ним сам, то по благоволению Божию явился Богочеловек – Христос Иисус, чтобы через Него человек входил в общение с Богом. Таким образом, последнею целью стало общение с Богом во Христе Иисусе – Господе нашем. "Никтоже может прийти ко Отцу, токмо Мною», говорит Господь (Ин. 14:6).

Назначенный человеку путь к цели неизменно есть хождение в законе Божиим, в заповедях, или в воле Божией. «Сотворивши та человек жив будет в них» (Гал. 3:12). Поэтому когда человек сделался преступником

закона, то не мог иначе надеяться на достижение своей цели, как через усвоение себе чужой праведности. Сия усвояемая праведность восполняет недостаток законности в нашей жизни и дает нам возможность быть близкими к Богу. «Немощное бо закона, в немже немоществование плотию, Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха и о гресе осуди грех во плоти, да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих, но по духу» (Рим. 8:3–4). Сие усвоение совершается посредством веры во Христа. Посему должно сказать: путь к цели для человека и теперь тот же – исполнение закона, но только восполняемое верою. Все грехи человека до обращения и все падения по обращении изглаждаются верою, так что вообще жизнь наша вся пред очами Божиими является праведною не иначе как через оправдание верою в Господа нашего – Иисуса Христа.

Достижение цели неизменно должно быть делом свободы человека. Посему, когда через преступление человек утратил совершенство своей свободы и подпал игу греха и диавола, он не иначе мог взойти в состояние идти к цели, как по расторжении сих уз Божественною благодатию и по восприятии ее в помощь – противиться и одолевать своих врагов. Человек и теперь сам действует в добре, но не иначе как под благодатию. Он «силен Богом» (2Кор. 10:4). Так свободно идет и теперь человек к цели, но свободною воскрешенною и укрепляемою непрерывно благодатию.

Точка опоры для нравственной жизни неизменно есть чувство зависимости от Бога, и существо ее – пожертвование свободы Богу. Поэтому, когда все сие уничтожилось грехом, человек не иначе начинает жить по духу, как когда воскресится в нем чувство зависимости от Бога Божественною благодатию, действующею на него в покаянии, и вследствие того, через посредство веры, возникнет решимость всего себя подчинить воле Божией, или принести свою свободу в жертву Богу. Свидетельствуется сие и запечатлевается в крещении, где человек отрицается сатаны, всех дел его и всего служения его и в вере предается Господу Иисусу Христу; почему крещение и называется «совести благим вопрошением», или обещанием (1Пет. 3:21). Итак, теперь начало и характер нравственной жизни человека – пожертвование свободы Богу в чувстве зависимости от Него, совершаемое обетом в крещении (или покаянии), вследствие перемены воли от покаянного сокрушения о своем развращении.

После сего общее начало нравственной жизни – пребывай в общении с Богом свободнодейтельным исполнением Его воли – должно быть представлено так: пребывай в общении с Богом в Господе Иисусе Христе деятельным под руководством и укреплением благодати, хождением в

воле Божией, восполняемым и совершаемым верою в бесконечные заслуги Искупителя, как торжественно пред Церковию обещался ты в крещении (или таинстве покаяния).

Судя по таковому началу и по самому составу жизни истинно христианской, ей должны принадлежать следующие существенные и отличительные свойства, по которым всякий может рассуждать и себе самого, «аще есть в вере» (2Кор. 13:5).

Жизнь истинно христианская есть:

1) Сокровенная со Христом в Боге. Утвердившись умом и сердцем в Боге через Господа Иисуса Христа, христианин действует пред лицом Бога, по воле Божией, ради славы Божией, силою Божиею. Вниманием и сердцем своим он погружен в Бога.

2) Отрешенная от чувственного, или бесстрастная. Христианин так возвышается над всем, что в нем и вокруг него, что чужд бывает всякого мирского пристрастия и земных надежд: «вышних ищет, идеже есть Христос, одесную Бога сидя» (Кол. 3:1). Кто приступает к христианству, уповая в сем только веце, тот есть «окаяннейший из всех людей» (1Кор. 15:19).

3) Самоотверженная. Испытавши, до чего доводит хождение в воле плоти и помышлений, христианин, ради угождения Богу, с неприязнию отвергает всякую свою волю потому только, что она своя, и всегда, когда воля Божия требует, обходится с собою без саможаления, даже с суровостию, и в отношении к естественным движениям сердца, ума и воли, и в отношении к страстям и требованиям плоти и мира.

4) Воинственная. Благодатию порожден уже христианин в новую жизнь по Боге, но не уничтожено еще семя зла, в нем таящееся. От сего в продолжение всей земной жизни «плоть похотствует на духа, дух же – на плоть» (Гал. 5:17). Стоя на стороне добра и принимая приращения греха, христианин, «облеченный во вся оружия Божия» (Еф. 6:11), противится ему и побеждает его.

5) Бдительная и трезвенная. Чтобы быть в готовности встретить и в состоянии отражать беспрерывные нечаянные нападения врагов духовных отвне и внутри, особенно от бесов, христианин «трезвится, бодрствует», себе внимает (1Пет. 5:8; 1Фес. 5:6). От утра и до вечера стоит у входа сердца своего, блюдя за подкрадывающимися злыми врагами внутреннего покоя и чистоты.

6) Самопринудительная. Все силы, и духовные и телесные, у него в напряжении то для противоборства своим влечениям к злу, то для принуждения себя на добро. Это два существенных направления воли,

решившейся служить Богу.

7) Многотрудная, но и пресладостная. Подвизается христианин войти сквозь тесная врата, но и вкушает «правду, мир и радость о Дусе Святе» (Рим. 14:17).

8) Тщательная. С огнем благочестивой ревности христианин, «избыточествуя в деле Господни всегда» (1Кор. 15:58), «задняя забывает и в предняя простирается» (Флп. 3:13), преобразуясь от славы в славу, чтобы прийти «в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4:13).

9) Сильная Богом, потому и многоплодная, и самоуниженная. Христианин чувствует в себе, как говорит апостол, «вся могу о укрепляющем мя Христе» (Флп. 4:13), и вместе исповедует: «что есть во мне, чего бы я не приял?» (1Кор. 4:7), почему и оправданий ищет и ожидает окончательно от единого Христа Спасителя при всем обилии дел благих.

II. Характеристические черты христианской деятельности как нравственной

Черты сии суть неотложные принадлежности нравственно-христианских деяний, долженствующие иметь место в каждом христианском деянии, большом и малом, и отличающие их от подобных же деяний не христианских. Так как они не случайно входят в состав христианских деяний, а определяются разумно свободными решениями христиан и требуются внутренним строем нравственно-христианского духа, то они принимают вид правил и справедливо могут именоваться законами нравственно-христианской деятельности вообще.

Судя по сему, к определению сих черт и принадлежностей надо восходить по указанию изложенных выше основ христианской жизни, определяющих внутренний строй ее. И стоит только посмотреть на нравственную деятельность, как такую, при свете сих указаний, и черты ее нравственно-христианские обозначатся сами собою.

В общих рассуждениях о нравственной деятельности человека определяют:

- 1) Условия нравственности деяний.
- 2) Производство нравственных деяний.
- 3) Правила для определения нравственного достоинства деяний.
- 4) Виды нравственности с возрастами нравственной жизни в добром и худом направлении.

С сих же сторон рассматриваются и нравственные христианские деяния, но во всех их имеют свои отличия, которые христианину следует хорошо знать.

4. Условия нравственности деяний – общие и христианские

Условия сии суть а) самосознание и б) свободная самодеятельность

1) Самосознание

Лицо, способное и обязанное к нравственным деяниям, должно быть в своем разуме, или должно сознавать себя, настоящее свое положение и свои отношения. Кто вне себя, не в своем уме, не сознает себя, того действия не имеют нравственного чина – каковы действия слабоумных, расстроенных в уме, погруженных в сон или еще не опомнившихся от сна.

Такое, впрочем, сознание должно быть не таково только, каково общее сознание естественное, в коем человек отличает себя, как себя, в том круге, где существует; но должно быть еще сознанием собственно нравственным, называемым самосознанием, в коем человек сознает себя лицом, обязанным к целесообразной деятельности, к делам ответным, подлежащим отчету. Почему дети, еще не дошедшие до такого самосознания, во всем худом извиняются и своим добром подают только надежды, хоть еще нерешительные; равно как, наоборот, подвергаются сильному укору взрослые, когда позволяют себе забываться и действовать не по-человечески и не по своему положению и месту.

Прилагая последнее свойство к христианину, должно обязать его к особенному некоему самосознанию – именно христианскому. Что оно должно быть в нем особенное, видно из того, что в перерождении он стал иным – новым, не мысленно, но делом; почему должен был переродиться и в самосознании. Что должно входить в состав сего самосознания, видно из того, каким он вошел в купель крещения или покаяния и каким вышел из него или чем стал в нем. Погибал – и вот избавлен; был в ранах – и вот исцелен; был отвержен – и вот принят в сыновство; своевольничал – а теперь связал себя послушанием по обету. Все сие должно отзываться в его сердце и составлять в совокупности одно то, чем он чувствует себя во Христе Иисусе. В чувстве исцеления и свободы он должен сознавать себя Христовым рабом, работать и трудиться как бы от Его лица, пред Ним и ради Его, до того чтобы с апостолом говорить: «живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Сие самосознание христианское так бывало сильно во многих из первенствующих христиан, что на все вопросы мучителей они отвечали только: я раб Христов, я раб Христов.

И вот первая черта христианской нравственности, или первое свойство лица, действующего по-христиански, – раб, сознавая себя рабом,

действует в отношении к господину как раб; сын, сознавая себя сыном, действует пред отцом как сын, так что потеря сего сознания есть вместе начало их уклонения от своего порядка. И христианин с сознанием себя рабом Христовым должен исходить на деятельность. С погашением сего сознания его действия если и не становятся худыми, то теряют в большей или меньшей мере характер христианских и поступают в разряд дел общенравственных. Между тем христианин есть лицо не общенравственное только, а нравственное по-христиански.

Если, таким образом, от такого самосознания получает свой характер вся деятельность христианина, то свет его должен гореть в душе его, не погасая, не умаяясь, а возрастая, по самый конец жизни.

Потому-то преосвященный Тихон вот какое правило написал для всей своей паствы: «Краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти всегда в памяти содержать должно: помни 1) что при Крещении Святом через отца и мать крестных отрекся ты сатаны, и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его и сие учинил троекратным отречением. 2) Отрекшись сатаны, ты обещался, троекратно же, служить Христу Сыну Божию, со Отцом и Святым Его Духом. Итак, ты на крещении в службу Христу записался и присягнул так, как воины и прочие царю земному в службу записуются и присягают.

Сие в памяти содержать, домашним внушать, а особенно малым детям, чтобы, помня свое обещание, от малых лет приучались они к благочестию».

2) Свободная самодеятельность

Несмотря на то что человек сознает себя лицом и лицом нравственным, не все, однако же, происходящее от него и в нем, причитается ему как лицу или есть нравственно. Нравственные действия отпечатлеваются особенными свойствами. Во-первых, они суть неизбежно действия сознаваемые, ибо исходят от лица сознающего себя и ему причитаются. Как же может причитаться что ему, когда он о том и не знает? Например, обращение крови, питание и рост тела равно привычные движения рук, ног и других членов. Не всякое, впрочем, и сознаваемое действие должно быть приписываемо человеку как лицу. Множество бывает в сем действий, кои, хотя и сознаются им в себе, однако ж, происходят совершенно без его ведома, не им самим производятся. Таковы все естественные движения его сил и потребностей. Итак, к сознанию должна еще присоединиться самодеятельность, то есть самоначинание, самоизбрание. Чтобы известное дело приписать к какому лицу, необходимо, чтобы оно им самим было начато и произведено намеренно,

причем так как сие лицо сознает себя нравственным, характер нравственности переходит и на самое дело. Сей характер может перейти на те действия, кои происходят не по его воле, но не иначе как когда он даст на них свое вольное согласие, ибо в таком случае он усвоит их себе – избирает, делает своими. С сей минуты они начинают причитаться ему и им самим, и другими. Так, гнев родится сам собою, но когда человек согласился на него, тогда уже сам начинает гневаться. Напротив, если кто, чувствуя невольное движение гнева или другой страсти, не соглашается на то, а преодолеть их напрягается, то они не вменяются ему, хотя находятся в нем. Сей акт согласия очень многозначителен в жизни и, можно сказать, столько же, если не более, многообъемлющ, как и самоначинание. Ибо на его долю причитается не только то, что происходит внутри нас или что производится нами, но и другими – независимо от нас. И чужое дело, в коем как-нибудь вмешалось наше согласие, тоже причитается нам. Отсюда следует, что все то вменяется лицу человека и есть нравственно, что сознательно им избрано и на что сознательно он согласился. Очевидно после сего, что для человека, чтобы выдержать характер нравственного лица, обязательно быть господином своих действий, распоряжаться ими по усмотрению своему и своей цели, а не быть ведомому течением внешних обстоятельств или своих внутренних душевных движений.

Но какую смешанную и жалкую картину представит нравственная жизнь человека, если пересмотреть ее с сей точки зрения?! Как многое делается в неведении, забвении и невнимании! Это часть, потерянная для доброй нравственности хотя не для суда. Как многое унижается или тоже похищается такими случаями, в которых то сознание подвергается насилию, как, например, в гневе и страхе, то самодеятельность подрывается, как в страстях и греховных привычках? Между тем внешние происшествия, располагающие к свободным начинаниям, и внутренние движения, выманивающие согласие, не всегда согласны с законом и всегда почти беспорядочны. Почему нравственная деятельность человека скудна, смешанна и даже безобразна? Причина сему прямая в потери нравственной силы. Сия сила воскрешена или восстановлена в христианине благодатью Божию. Почему, вступая на поприще нравственной деятельности, настоящий христианин, с сознанием своего долга работать Христу, имеет одну исключительную цель – ходить в воле Его: дал обет на то, пламенеет ревностью, а главное, принял силу. Стоя на прочном основании, он властно располагает своими делами и направляет их все к показанной цели, не позволяя никакого уклонения. Вот как именно поступает он!

С первого раза узнает для себя требования христианского закона – размышлением, чтением, слышанием, беседою – сколько может и сколько сумеет.

Построевает соответственно сему знанию весь порядок своей жизни – и внешней, и внутренней – по крайней мере, в общих и главных ее частях.

Наконец правит собою и своими делами по своему плану, не увлекаясь, как сказано, ни внешним ходом соприкосновенных происшествий, ни внутренними движениями своей природы.

Сего требует и желание сердца, решившегося работать Господу во всех путях жизни, и то свойство облагодатствования, по коему человек воцаряется в себе и становится полным своим владельцем и распорядителем. Не иное заповедуют апостолы, когда повелевают «трезвиться, бодрствовать, ...себе внимать» (1Пет. 5:8; 1Кор. 16:13; 1Тим. 4:16). Ибо этим, очевидно, заповедуется сознательное и осмотнительное распоряжение своею деятельностью, распоряжение своеличное, хотя в произвольном подчинении воле Божией. Что другое внушает апостол и когда учит созидаться «в храм духовен, в святилище» Богу? (1Пет. 2:5; Еф. 2:22). Ибо это значит устроить свою жизнь по известному плану, вести ее стройно, в постепенном возвышении и усовершеннии, в полном убеждении, что она ведется по чертежу небесному – Божественному, каков есть закон христианский, изображенный в Слове Божиим Самим Господом и апостолами.

5. Производство нравственных деяний

Было сказано, что христианин есть распорядитель всей своей деятельности. Теперь посмотрим, как он ведет каждое свое дело отдельно. Сначала скажем, как делается каждое дело вообще, а потом – как строится дело христианское.

Внешнее дело есть плод внутреннего действования. Прежде, нежели оно обнаружится, ему должно совершиться внутри. Там, где нравственную деятельность человека предают механическому соотношению его сил, способ внутреннего образования нравственного дела объясняют различным сочетанием действий рассудка и воли, или степеней желания и оборотов рассуждения. Здесь рассудок с волею принимают несколько оборотов и соответственно тому изменяются в деятельности.

Сначала обращаются они к предмету или делу; и здесь рассудок видит его и представляет сознанию в призрачном или истинном совершенстве, за что воля находит его угодным и желала бы его; потом, когда рассудок объявит получение сего предмета или совершение дела возможным и для сил, и для лица человека, воля действительно вожделевает его и деятельно готова стремиться к нему.

Потом от предмета переходят они к средствам. Тут дело рассудка – совещание, пересмотр средств, сравнение хороших с лучшими и указание более приспособительных, которые тотчас волею и избираются. Сие избрание, сочетавшись с деятельным желанием, рождает решимость.

Далее задуманное надобно приводить в исполнение: рассудок собирает разные представления для возбуждения воли и укрепления; воля действует, приводя в движение подчиненные ей низшие силы.

Наконец дело сделано: рассудок приобретает из того опытное, практическое познание относительно сего дела, воля же наслаждается, успокаиваясь в достижении цели, опытно вкушает благо из него.

Так естественно доходит человек от первой мысли о предмете до окончательного наслаждения им по совершении дела. Но это история или, лучше, форма без содержания. Какое же содержание должен вложить в сию форму христианин или какой именно образ совершения дел свойствен ему? Точно, и у него есть такие четыре оборота то к предмету, то к побуждениям, то к средствам, то к тому, что должно быть по совершении дел; но все сие имеет у него особый смысл, особенный дух и свойство соответственно его настроению главному и цели. Именно: христианин возобщен с Богом и ревнует о том, чтобы пребывать в сем общении

деятельным исполнением воли Его силою благодати, в чувстве рабства Господу Иисусу Христу. Следует, что все его дела должны как бы от Бога исходить и к Богу возвращаться. Этот общий закон выражается в следующем ходе совершения дел истинно христианских: сознавши законность известного действия или, что то же, волю Божию на него и восчувствовавши внутреннее обязательство совершить его, христианин должен склонить к нему и волю, и сердце свое; затем, по испрошении помощи Божией в молитве, с чувством силы о Господе (Флп. 4:13) совершить его, всегда, однако ж, смиренно сознавая несовершенство и ничтожность как сего действия, так и всех других и успокаиваясь окончательно только в Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе.

Это всеобщая программа на всякое христианское дело: а) сознание в нем воли Божией; б) склонение на него своей воли и сердца; в) молитва о помощи к совершению его и г) невидение его и других своих добрых дел.

1) Сознание воли Божией в деле предпринимаемом

Все дела свои христианин должен совершать с ясным сознанием их законности или того, что на них есть воля Божия, чтобы ходить, таким образом, во свете как «сыну света и ...дня, а не ночи и тмы» (1Сол. 5:5). К этому обязывает его существо обета в крещении. Если ради спасения в Господе Иисусе Христе он всего себя предал Богу, то с сим вместе предал Ему и все свои дела, внутренние и внешние. Почему не должен позволять, чтобы вошло в жизнь его что-либо такое, в угодности чего Богу и Господу он не был бы уверен. Он и «создан во Христе Иисусе на дела благая, ...да в них ходит» (Еф. 2:10). Без сего он не может быть уверен в Божественном к себе благоволении, не может смело стоять пред лицом Божиим и «весело взирать на небо» (Иов. 22:26), чем, собственно, и обнаруживается, что он стоит у своей цели последней или находится в общении с Богом. Ибо не иначе как когда «сердце наше не зазрит нам, дерзновение имамы к Богу», учит апостол Иоанн (1Ин. 3:21). Почему прямою заповедью для него положено «не бывать несмысленным, но разумеват, что есть воля Божия» (Еф. 5:17).

Итак, всегдашним правилом его деятельности должно быть: в каждом действии, которое исходит от твоего сознания и должно быть причтено тебе, спешి сознать волю Божию и не иначе приступай к совершению его, как по точном определении, что оно не только не противно воле Божией, но и угодно Ему; действия же, не определенные законом, запечатлевай сам сею волею, чтобы таким образом вся жизнь твоя была по Богу.

При сем всякий готов спросить, как узнать волю Божию в частных случаях?

Средство к тому, чтобы узнать волю Божию на то или другое дело, первое и главное – совесть, просвещенная Словом Божиим и благодатию Божиею руководимая. Ибо она на то и определена, это ее существенное дело. Кто с совестью своею обходится добросовестно, не противоречит ей, не искажает и не заглушает ее своими толками, тот редко может говорить: не понимаю, что делать. Если и действительно встретится какое недоумение, то у него тотчас решают его, как и должны решать, самоотвержение и любовь.

Помощь совести великое подает пособие к образованию или устройению жизни своей по сознанному и уясненному закону, как сказано прежде. Ибо если кто действительно уяснил все обязательные для себя действия как для христианина, понял дух истинно христианской жизни и потом соответственно тому установил и все свое поведение в своем месте, в свое время, от своего лица и на все вообще наложил печать воли Божией; если при сем все несвойственное христианину, что нашел он в своей жизни внутренней и внешней, изменено им и перестроено с благоразумием, однако ж, и без угождения и без малейшей поправки самости и страстям, а особенно развращенным обычаям века – если все это сделано, как должно, то всякое после сего действие его будет уже не что иное, как выражение воли Божией.

Далее действительная жизнь в духе истинно христианском, хотя не без ошибок, всегда вразумительных, обогатит опытами и практическим разумом.

В иных случаях тому, кто положил себе на сердце ходить в воле Божией, Дух Святой, живущий в нем в час действия, откроет как поступить по Господню обещанию апостолам (Лк. 12:12). Только неблагонамеренность отгоняет сего руководителя. Но «кто есть человек, бояйся Господа, законоположит ему на пути, егоже изволи», поет Давид (Пс. 24:12).

Наконец, каждый имеет духовного отца, и закон повелевает слушаться и обращаться к нему за советами. Как скажет, так и поступи – и поступишь по воле Божией.

Такая деятельность всей жизни христианина сообщает характер осмотрительного внимания к своему внутреннему и внешнему поведению и вместе заботливой боязливости – не сделать бы чего против воли Божией. Смелость вообще всеми святыми отцами почитается началом уклонения от пути правого. Почему они советуют поддерживать постоянную страшливую заботу о добре.

(Есть совестливость ложная – *scrupulosa*; не о той дело, то болезнь

совести).

В сем отношении все люди, главным образом, делятся на три класса: одни – всегда и во всем действуют по своей воле, не стесняясь никакими правилами, идут то есть путем широким; другие – во всем стесняют себя волею Божиею и идут тесным путем; третьи – хотят соблюсти невозможную середину: эти ни теплые, ни холодные.

Смотря с сей точки зрения на дела человеческие, надо заключить, что погрешают все те, кои действуют вообще без должного внимания к себе и главной цели своей жизни или действуют, как случится, по заведенному порядку и течению обстоятельств. Это обличает в них равнодушие и даже презрение к воле Божией – нерадение.

Кои действуют, не будучи уверены в правоте своих действий, с темным и неопределенным сознанием сообразности или несообразности действий с волею Божиею. Ибо «все, еже не от веры, – говорит апостол, – грех есть" (Рим. 14:23).

Кои действуют при сомнении; кои, то есть в то еще время, как их сознание колеблется между тою и другою стороною, решаются на действие и совершают его под сим непрерывным колебанием. Таковых «совесть немощна суци сквернится» (1Кор. 8:7);

Равно как и те, кои позволяют себе действовать опрометчиво, при смятении духа, во время увлечения или какою-нибудь мыслию новою и разительною, или каким чувством, тем более страстию. Обыкновенно они сами себя считают правыми, например, гневающиеся, ревнующие не по разуму: нередко их сторона и на самом деле оказывается правою. Но, кроме того, что сия правота есть случайность, главное у них не угождение Богу, а себе, своим страстям и своему нраву.

Особенно же те, кои разными предложениями хотят увольнять себя от исполнения сознанной воли Божией и разными представлениями разуверяют себя даже в самой законности законного дела. Такие, очевидно, действуют против совести – и их дела суть очевидное преступление.

2) Склонение воли к делу обязательному

Это второй прием при совершении христианином дел своих. Напоминается о сем потому, что редкий считает сей пункт значительным, тогда как на деле он не малозначителен.

Коль скоро познана законность действия, или воля Божия на него, тотчас должно христианину склонить к нему волю свою и расположить сердце. Первую потому, что она не всегда покорна, – второе потому, что иначе дело без сердечного участия будет дело бездушное.

Справедливо, что давший обет во всем угождать Богу должен чувствовать большую или меньшую готовность исполнять всякую познанную волю Его; но такая легкая подвижность на добро, свободная, невоспящаемая, есть всегда благо духовное, стяжаемое долгим трудом и многими подвигами. Обыкновенно же в воле гнездятся свои расположения, склонности и страсти, не позволяющие ей охотно спешить на добро и отвлекающие в противную сторону; иногда же она бывает в состоянии непонятного своенравия, когда при всей силе обязательности не хочет делать, что должно (Рим. 7:20). Потому надлежит необходимость самому себя нудить на добро, как бы силою влечь и преклонять к нему, уговаривать и убеждать свою душу.

Очевидно, что здесь многое, если не все, зависит от восприятия закона сердцем, от коего раздается чувство обязательства, или сознание нравственной необходимости действия. Как вообще чувство сердца лежит в основании действий воли, так и в нравственной жизни чувство обязательства составляет самую крепкую точку опоры для склонения воли на дело. Человек, в котором действием Божественной благодати в крещении или покаянии запечатлена пламенная ревность к богоугождению, или неуклонному хождению в воле Божией, который, следовательно, жаждет воле Божией, такой человек тотчас и действует, как скоро сознает обязательство, несмотря ни на какие препятствия. Посему если бы, с одной стороны, сия ревность никогда не хладела и не воспящалась и если бы с другой – нравственное чувство всегда обладало таким совершенством, чтобы живо и верно осязало силу обязательности действий и было так чувствительно к воле Божией, чтобы в нем отражались самые малые следы ее, то сими двумя силами можно бы заменить все наставления в нравственности и все руководства к благочестию, так как это и бывало у некоторых подвижников. Но так как и ревность на самом деле бывает у человека в разных степенях повышения и понижения, и нравственное чувство по своим природным свойствам у одного бывает живо и возбуждительно, у другого тупо и медленно, у одного более привычно к одним, у другого – к другим делам, иногда бывает верно, иногда не верно (ибо есть и ложный нравственный вкус), и, вообще, человек в сердце своем встречает великую неровность и неправоту (почему молится: дух прав обнови), по коей оно или незаконно чувствительно к одному, или незаконно холодно к другому, то во многих случаях ему належит необходимость как бы силою налагать на себя обязательство и внедрять сие чувство в сердце.

Такое управление сердца и воли производится посредством

побуждений, или такого рода мыслей и истин, кои имеют силу разварять сердце – делать его мягким и удобосклонным.

Где находить такие мысли, определить нетрудно. Чем сочетается свобода с законом? Главным образом, чувством зависимости своей от Бога. Следовательно, все мысли, ударяющие на это чувство зависимости и приводящие его в движение, должны стоять в ряду побуждений воли. Какие же это именно мысли, видно из пути обращения христианина. Так как обращение сие, начавшись чувством зависимости, воскрешено в покаянии и через веру в Господа Иисуса Христа, запечатлено обетами в крещении, то сии самые истины и другие, соприкосновенные им, и должны иметь силу поддерживать, возочищать и возобновлять погасающую ревность и вместе волю на добро. Итак...

Приведи на ум обеты крещения и помяни блага, дарованные тебе при сем: оправдание, возрождение, усыновление Богу и снаследие Христу. Не запятой чистой одежды сей.

Вспомни домостроительство спасения, как Единородный Сын Божий ради тебя пришел на землю, воплотился, страдал, умер, воскрес, вознесся на небо и сидит одесную Отца и там ходатайствует о тебе, и блюдись оказаться неблагодарным. Вспомни также, как Дух Святой сошел на апостолов и, через них учредивши Церковь Святую, выну пребывает в ней, чтобы приводить верующих ко Христу, и как тебе самому сообщен Он в таинствах, и блюдись оскорбить Его нечистотою.

Помяни благородство твое, коим почтен ты в творении и возрождении, и тут же гнусность греха и святость добродетели, как тот искажает, а сия освящает внутреннее твое.

Поставь себя мысленно пред очи Бога Творца и Промыслителя твоего, Который держит тебя в деснице Своей и дарует все, что ни есть в тебе и чем ты ни обладаешь, Который везде есть, все видит до сокровеннейших помышлений твоих, Который сколько благ и благость Свою являет непрерывно, столько же и праведен и правду Свою готов являть в каждое мгновение.

Помяни последнее: смерть неминуемую, но безвестно восхищающую; суд нелицемерный за каждое слово, дело и помышление; ад и муку вечную, не имеющую меры и конца; Царство Небесное с неизреченными радостями.

В сих помышлениях, как в атмосфере какой, должно содержать душу, и ревность к богоугождению не погаснет. По крайней мере, в нужном случае каждое из них сильно вызвать ее и восстановить в должной силе. Старайся только доводить мысли сии до чувства, а не держать в виде

холодных представлений; для сего обращай их пред сердцем тою стороною, какую могут они на него воздействовать, собирай все поразительное, переходи от одного к другому и не оставляй труда, пока не одолеешь себя и не восстановишь внутри должный порядок и должную подчиненность. Быть не может, чтобы добросовестное делание такое не принесло плод. Есть, впрочем, особенная для каждой души всепобедительнейшая мысль, которая мгновенно одолевает упорство воли. Старайся найти ее, чтобы править ею, как рулем, корабль души своей.

Особенно сильно в сем случае внимание к подлежащему частному случаю. Кто поспешно выяснит себе связь его с главным законом, с одной стороны, и неизбежность действовать с другой – тот поставляет себя как бы в каких теснотах, почему по нужде воодушевляется и напрягает силы. Уметь также найти в деле сторону, лестную для сердца, не с грехом, а невинно образовать вкус к нему принадлежит к числу мудрых распоряжений человека в отношении к себе.

Вообще, надо уговорить себя. Впрочем, как во внешних правительствах действуют иногда убеждением, а нередко и властью, заставляющею делать иное и против воли, так можно и для воли своей и сердца человеку употреблять, кроме первого, и последнее средство – хочешь не хочешь, приятно или неприятно – делай. На то есть воля Божия – иначе нельзя.

3) Молитва в составе дел христианских

Есть молитва – одна из обязанностей христианина к Богу, и есть молитва как часть в составе истинно христианских дел. Самонадеянный во всем полагается на себя. Христианин истинный всего ожидает от Бога, почему начинает, продолжает и оканчивает каждое дело молитвою. И вся вообще жизнь его по преимуществу есть жизнь молитвенная, как заповедует апостол: «непрестанно молитесь... Всякою молитвою и молением молящиеся во всякое время духом» (1Сол. 5:17; Еф. 6:18).

При сем он молится ко Господу о вразумлении, чтобы духом премудрости Своей внушил, что именно угодно Ему в многообразных, стечениях обстоятельств (Иак. 1:5), как молился Ему пророк Давид: «Пути Твоя, Господи, скажи ми и стезям Твоим научи мя. Настави мя на истину Твою и научи мя» (Пс. 24:4–5). Молится об укреплении слабых сил своих, да Бог Господа нашего Иисуса Христа даст ему «по богатству славы Своея силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеке» (Еф. 3:16). Возгревши молитвою ревность к богоугождению, он чувствует, как все может о укрепляющем Его Христе, и в чувстве сей крепости благонадежно совершает благие дела. Молитвою, наконец, приносит Богу в жертву и

себя, и дела свои, смиренно умоляя, чтобы покрыл милостию Своею как сие дело, так и все другие дела, и всю жизнь. Как вначале он всего себя предал Господу, так и после всякое помышление, слово и дело Ему приносит как «жертву правды» (Пс. 4:6), «Ему благоугодную» (Евр. 13:16).

Таким образом, молитва при добром деле показывает, что это есть истинно христианское дело; дело же без молитвы есть не христианское. «Невозможно тому быть, чтобы без молитвы житие христианское было», – говорит Златоустый (свт. Тихон, т. 2). «Глава всякого благого тщания и верх добрых дел есть всегдашнее в молитве пребывание, через которую и другие добродетели приобретаем», – учит св. Макарий (Кр. поуч.; 6 февраля).

Приложением молитвы к добрым делам и понуждением себя на них, несмотря на сопротивление сердца, по св. Макарию, христианин скоро востекает на верх добродетелей и начинает творить заповеди Божии уже без всякого труда, с охотою и услаждением (Крат, поучения; 4 февраля, 26 ноября).

4) Невидение добрых дел

Последнее же существенное свойство и как бы заключение христианских дел есть невидение их, как бы незамечание. Христианин, и все сотворивши, говорит, что он «раб неключимый» (Лк. 17:10), почему окончательную надежду спасения полагает в Господе Иисусе Христе. «Таково основание христианства, что хотя бы кто совершил все дела правды, то он не должен останавливаться на них, надеяться на них и думать, что он уже много сделал» (Макарий Великий. О любви, гл. 30). Посему, и вкусивши христианства, думай, что ты еще не прикасался к оному, и сие должно быть не поверхностно, но как бы насаждено и навсегда утверждено в мысли твоей (Макарий Великий. О любви, гл. 3).

Возможность такого расположения объясняется живым сознанием силы Божией в себе или того, как она совершает в нас добрые дела. Если Бог «действует в нас, и еже хотети и еже делати» (Флп. 2:13), то что и видеть в себе своего или на чем остановиться вниманием? Посему душа боголюбивая, праведно приписывая все дела свои Богу, себя чувствует постоянно ничтожною и презренною (Макарий В. о свободе ума, гл. 8). С другой стороны, душа, воистину боголюбивая и христоролюбивая, хотя и многочисленные сотворит добродетели, так себя ведет, как бы ничего не сотворила ради ненасытного ко Господу желания. Она никогда не мнит себе быти нечто; но чем более духовно богатеет, тем недостаточнейшею себя считает, ненасытным к небесному Жениху духовным желанием воспламеняясь, как говорит Писание: «ядущии Мя еще взалчут и пиющии

Мя еще возжаждутся» (Сир. 24:23) (св. Мак. Беседа 10, гл. 1, 4).

Плод спасительный сего тот, что христианин непрестанно начинает только жить по-христиански, считая ничем все прошедшее, как свидетельствует о себе и апостол Павел: «аз себе не у помышляю достигши: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе. – Не зане уже достигох, или уже совершихся: гоню же аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса» (Флп. 3:12–14).

Христианская жизнь посему есть непрерывное покаяние. Всякое мгновение он возносит покаянное воззвание к Богу о помиловании и очищении то помыслов, то движений сердца, то другого чего незамеченного. Таким образом, действительно, всякое дело христианское от Бога идет и к Богу возвращается. Если на каком-нибудь из показанных пунктов душа что-нибудь присвоит себе, то попрепятствует образованию истинно доброго дела. Из того произойдет призрак добра. Действуя же так, как показано, христианин непрерывно предает себя Богу во всем и, следовательно, непрерывно находится в общении с Ним.

Судя по всему прописанному всякий может убедиться, что христианское дело не то же, что всякое другое, ибо есть особого рода повороты сознания, ума, воли и сердца, кои запечатлевают действия христианина особым характером. У христианина свое состояние личности, свое отношение к деятельности и свой порядок совершения каждого дела, как это очевидно. Вонми сему всяк и суди себя по сему. А других судит Бог.

6. Чем определяется нравственное достоинство дел?

Если смотреть на дела отвлеченно, то достоинство их определить нетрудно. Дело по заповеди хорошо; дело, противное заповеди, худо. Ибо заповедь свята. Сказано: твори милостыню; милостыня и есть доброе дело, и наоборот. Но когда рассматривать дела, самым делом совершенные нами или другим кем, то, кроме сей сообразности или несообразности их с заповедями, надо обращать внимание и на другие стороны, как-то: на цель и обстоятельства. В сем отношении давно принято положение, что нравственное достоинство действия определяется его а) предметом, б) целью и в) обстоятельствами.

1) Предмет в нравственных действиях

Каждое из наших действий, внутренних и внешних, то есть наши мысли, чувства, желания, слова, движения, поступки, имеет свой предмет. Большая часть из сих предметов возведена в неизменное правило и закон, так что не желать и не делать их нельзя. Они составляют круг аа) обязанностей наших. Несколько предметов предлагаются в виде бб) советов. Немалое, наконец, число остается без определения их значения. Они ни добры, ни злы сами по себе, потому как вв) безразличные, считаются позволительными всякому. Заповеди, или обязанности, составляют основание, устройство и твердость нравственного царства; советы выше закона (св. Златоуст); то, что позволительно, ниже его.

Дело заповеданное и, следовательно обязательное, от совета и действия безразличного отличается внутреннею или совестною непонудительностию на него. Можно решительно сказать, что к чему есть такое понуждение внутреннее или касательно чего сознает себя человек состоящим в нравственной необходимости, то есть его обязанность. Ибо такое сознание есть действие совести; совести же решительно должно повиноваться и по той мере, как она связывает. Напротив, что полагается в виде совета как лучшее, только приятно располагает к себе, но не нудит; в отношении же к действиям безразличным и чувство наше нравственное безразлично, то есть оно ничего о них не говорит: действуй как хочешь. Но вернее и надежнее различать их по указанию откровенного Слова Божия, которое есть кодекс уложений духовных. Что там заповедано или указано как закон, тем беспрекословно должна связать себя совесть наша или принять то в обязанность; что там указано как совет, то и принимать надо как совет; что оставлено без определения значения, то таким и считать должно.

а) Об обязанностях, или заповедях.

Общее основание нравственной необходимости, свойственной заповедям, или обязанностям, есть сознание воли Божией на них. Как во внешнем мире воле сей никто противиться не может, так и во внутреннем, нравственном, мире должно быть молчаливое послушание Божественной воле. Совесть по природе сочтена с волею Божиею, потому, коль скоро ей указано будет, что на то и на то есть воля Божия, она тотчас склоняется на то, стоит за то и нудит нас не нарушать того. Впрочем, поставляя то или другое дело в обязанность, Господь не хотел ограничиваться одною волею Своею или одним титулом вседержительства, но к каждому из таковых дел благоволил приложить и другие, ближайшие основания, непосредственно вытекающие из свойств самого дела и его соприкосновенностей. Сии ближайшие основания суть посредства, через кои воля Божия впечатлевается в нашем уме и сердце в свойственной делу степени. Потому в истолковании обязанностей своих можно, конечно, ограничиваться тем, что на то или другое дело есть воля Божия; но приличнее или соответственнее нашей природе изыскивать и сии основания ближайшие, ибо через них воля Божия связывает нас; с другой стороны, с точки зрения воли Божией, все обязанности представляются равными, между тем как они имеют неодинаковую важность, которая может быть распознаваема только посредством ближайших оснований.

Судя по сим ближайшим основаниям, а часто и по другим соприкосновенностям, обязанности наши, или дела, которые совершать мы чувствуем себя внутренне понуждаемыми, получают разные оттенки.

Первый из сих оттенков кладется их происхождением. В сем отношении есть обязанности совестные, такие внушения, для коих достаточно одной совести, хотя бы не было никаких сторонних указаний. Их называют естественными, ибо мы с ними рождаемся. Есть обязанности положительные, такие кои после уже наложены на совесть и стали в ряд ее собственных обязанностей. Сила обязательства сих последних зависит от того, что они воспринимаются самою совестью в закон и, можно сказать, с этой минуты перестают быть чисто положительными. Правда, некоторые из них суть только развития естественных, совестных, однако ж, от сего и те, коим не к чему, так сказать, привиться в совести, не теряют ничего от свойственной им силы, а иные даже становятся выше всех естественных. Из положительных – одни Божеские и притом непосредственные, каково откровение Господа нашего Иисуса Христа и святых Его апостолов, содержащееся в Слове Божиим и в Священном Предании Церкви, и Божеские посредственные, каковы постановления Соборов Вселенских.

Другие – человеческие и притом церковные и гражданские. Последние происходят от лица государя, а первые – от церковной иерархии. Обязательство на те и другие вытекает из Божественного происхождения властей и совестного нашего им подчинения. Преданный Церкви и престолу все исходящее от них принимает с благоговением и творит то, как им угодно, то есть по силе обязательства, какое они налагают.

Особый в сем отношении класс правил составляют обычаи и церковные, и гражданские. Так приятно влекут они к себе, так покойно в них духу нашему по чувству безопасности, огражденности и вековой неизменности. Обычаи должны быть священны для нас: от них зависит твердость нашей жизни; отторгшийся от них влается как ветром. Но собственно в число правил законных и обязательных они вступают не безусловно: именно для сего необходимо, чтобы они были согласны во всем с нравственным законом и духом христианства: чем сильнее их действия, тем опаснее погрешность в сем отношении.

Память предков обязывает к молчаливой покорности. Опыт показывает, что нарушение таких обычаев всегда в близкой связи с развращением нравов. Что отсюда исключаются все обычаи века развращенные, это разумеется само собою. Но и вообще строго должно помнить различие между обычаем и заповедью, или законом. Потому что развращающийся в сердце и уме всегда почти начинает с презрения к обычаям, а потом, по неведению, хотя не без желания, и все уже начинает почитать обычаем, то есть и веру, и нравственность, и также начинает их презирать. Так надобно знать его границу. Что окрест, на то еще можешь наложить руку, но сердца нравственной жизни – обязанностей – не касайся.

Второй оттенок кладется на заповеди, или обязанности, внутренним их значением, свойством или содержанием.

В сем отношении есть обязанности безусловные, какие человек христианин должен исполнять, кто бы он ни был и в каких бы обстоятельствах ни находился, и есть условные, обязательные только под известными условиями. Например, обязанности отца лежат только на женатом и притом имеющем детей. Первые вытекают из существа человека и христианина, вторые – из его состояния и положения в мире. Не должно, однако ж, думать, будто условные обязанности малозначительны. Для того, к кому они идут, они имеют силу безусловных, ибо суть не что иное, как ближайшее их приложение к его быту. Он первых и не может выполнить иначе как посредством последних. Сии и стоят у него на первом плане, а те сокрыты под ними; поэтому, хотя

бы и не имел он в виду первых, но выполняет их через последние.

Те и другие бывают главные, неточные, коренные и подчиненные, средственные. Первые надобно положить глубже в сердце, последние держать как бы в руках. Однако ж и к последним обязательство так же сильно, как и к первым, почему и есть закон, что кто обязан к какому-нибудь действию, тот обязан и к средствам, необходимо ведущим к нему. Есть, например, обязанность очищать сердце от страстей; должно почтить обязанностью и известные подвиги, ибо иначе нельзя выполнить той обязанности.

Замечательнейшее в сем отношении разделение обязанностей на обязанности справедливости и любви, или доброхотства. Такое положено Богом между людьми отношение, чтобы один не нарушал свободы и прав другого и воздавал ему то, чем должен ему. Сего требует, как говорят, справедливость. Кто исполняет сие – тот прав, кто нарушает – не прав. Его можно предать суду и требовать удовлетворения. Требования такого рода суть обязанности справедливости. Они составляют внешнюю ограду добродетельной жизни. Кто нарушает закон справедливости, тот выступает из области добродетели; но кто исполняет их, тому для полноты добродетели надобно еще приложить дела любви и к людям, и к самой правде. Любовь не ограничивается одною справедливостью или одним тем, чего требует правда, но охотно делает больше того по одному внутреннему доброхотству. Кто делает так – тот нравственно добр, но принудить к сему никого нельзя. Кто, например, занял у другого деньги и не хочет отдать, того можно заставить отдать властью; но кто не помогает нуждающемуся, того принудить к тому нельзя. Истинный христианин охотно благотворит другим, хотя с сим не соединено внешнее понуждение, и справедливо поступает в отношении к другим не по боязни взыскания, а по любви к правде и по страху Божию. Есть и еще различие обязанностей: одни предписывают, что должно делать, а другие указывают, чего не должно делать. «Уклонися от зла и сотвори благо», говорит пророк ([Пс. 33:15](#)). Также есть обязанности к Богу, есть обязанности к ближним и к самим себе. Возлюбиши Господа всем сердцем, – и ближнего, яко сам себе, говорит Господь.

Третий оттенок обязанностей есть следствие двух первых и состоит в различной степени их важности. Из показанного перечисления обязанностей очевидно уже, что не все обязанности одинаковую имеют для нас силу обязательства, а одни понудительнее, другие менее понудительны. Это и совесть подтверждает, и Спаситель, когда обличал иудеев за «оставление вящих закона», что надлежало творить, и

прилепление исключительно к тому, что можно было только «не оставлять» (Мф. 23:23). Знать силу и соотношение разных обязанностей очень важно в нравственной жизни. Этого требует уже одна стройность нравственности, чтобы как во вне, в составе закона, все стоит на своем месте, так внутри, у нас в сердце, все имело соответственный себе вес. Сия стройность в сердце потеряна: почему и молиться должно, чтобы Господь обновил в нас дух правый. Но особенно это нужно для того, чтобы, как обличал Господь иудеев, не оцедать комара, пожирая верблюдов. Придавая слишком много значения малозначительному, можно заслонить им важнейшее и тем превратить Божий порядок в себе. На самом деле определять важность обязанностей следовало бы нашей совести, и тогда одно правило решало бы все: чем понудительнее требование совести, тем важнее обязанность; но по неверности нашей совести в теперешнем ее состоянии такое правило в очень многих и очень важных случаях не может дать верного решения, ибо мы сами себя часто подкупаем страстями.

Потому надобно положить внешнюю некоторую мерку для измерения важности обязанностей. Если судить отвлеченно, то очевидно, что 1) тем важнее обязанность, чем она ближе к существенным, или чем больше нарушением какой-нибудь обязанности извращается нравственный порядок, тем она важнее. Сие общее правило в приложении к делу в подкрепление себе получает следующие два: 2) чем больше побуждений к известному делу, тем оно важнее. Ибо если через сии побуждения, или основания, доходит к нам воля Божия, то где их больше, касательно того и воля Божия действует на нас настоятельнее. Например, уважение к родителям обязательнее, нежели уважение ко всякому другому, 3) Чем значительнее предмет действия сам ли по себе или по обстоятельствам, тем оно обязательнее.

Должно, впрочем, содержать в мысли, что, когда указываются разные степени важности обязанностей, не следует отсюда, будто позволяется какие-нибудь обязанности уничижать в мысли своей или дается свобода исполнять их или не исполнять. Обязанность всякая священна и должна быть исполняема со всем усердием, готовностью и нежалением трудов, на ее долю необходимых. Это делается с тем, чтобы руководить всякого быть мудрым делателем в царстве Христовом, знающим его чин и строй деяний, а не предающимся случайному течению обстоятельств.

На деле, впрочем, представляются великие несправедливости у человека в оценке обязательных для него дел. Это, главным образом, касается отношения христианства к естественному закону, церковности – к гражданственности. Заповеди, условливающие спасение, стоят выше

всего, ибо без спасения души что будет значить все прочее? За ними следуют законы совести нравственные, ибо те первые и существуют затем, чтобы освящать и приводить в силу сии последние. Далее должны стоять священные чины Церкви, ибо они суть ближайшее облачение двух первых, и, наконец уже, гражданственность. Ибо, имея временное значение, она должна быть служебна вере и доброй нравственности, которыми условливается получение вечного блаженства. Но на деле бывает не так. У того, чье сердце не управлено как следует, христианство не стоит на первом месте, о Церкви и ее благотворных учреждениях он мало думает; честность и польза семейная и гражданственная суть основные правила его нравственности. Как многие довольствуются сим правилом и покойны! Начинаящему жить добродетельно, по-христиански, прежде всего должно на это обратить свое внимание, позаботиться исправить свои чувства и всякой обязанности дать свой вес и свое место.

Другая неправота обнаруживается в предпочтении обязанностей правды обязанностям любви и доброхотства. У всех почти первые считаются выше последних, и тем из жизни как бы насильно изгоняется истинный ее дух, дух любви. Законы правды составляют сами по себе только внешнюю ограду нравственного царства; ходящий по ним может и не быть внутри сего царства. Ибо если им удовлетворяет одна законность, а законностью дела не отрицается худое сердце, то всякий праведник по обязанностям правды может быть беззаконник нравственный. Истинная нравственная жизнь – в исполнении обязанностей любви: тут корень жизни. С сим духом любви должно исполнять и обязанности правды. И можно сказать, что тогда только, как они бывают пропитаны сим духом, они входят в область нравственности. После сего можно ли ставить их выше первых?! Если такое правило обобщится, то надобно ожидать всеобщего извращения нравственного порядка. Мир нравственный отторгнется от своего центра.

Есть еще и третья неправда в неверном соразмерии наших прав с чужими. Для сердца самолюбивого наши права на других ценнее, нежели права других на вас. У иных это и закон. Но христианам не следует так делать. По слову Господа им должно забывать свои права: ударил кто в ланиту – подставь другую; одну одежду взял – отдай другую; взял кто займы – не проси... вообще не противься злу; пусть оно идет на тебя... Напротив, к правам других должно питать полное уважение и благоговение. И лицо брата, и его собственность для христианина неприкосновенны, священны. Если к этому присоединить, что христианин обязан ко всевозможному доброхотству, с которым должен исполнять и

обязанности правды, то вот как можно определить порядок и соотношение сих обязанностей: будь всевозможно ревностен в исполнении обязанностей доброхотства; с сим же духом исполняй и обязанности правды, с забвением своих прав.

Надо приобрести навык в оценке истинной важности обязанностей, особенно в приложении к частным случаям. Это доставит нам возможность легко выпутываться из затруднительного положения при столкновении обязательных дел. Ибо обязанность предполагает необходимость определенного действия. Между тем нередко бывают случаи, в коих человеку подлежат два или более обязательных дела, из коих, однако ж, он может и должен выполнить только одно. Такое столкновение обязанностей поставяет всегда в затруднение от недоумения – на что решиться. Кто хорошо понимает относительную важность обязанностей, тот не затруднится избрать должное. То несомненно, что представляющаяся несовместность обязанностей есть только мнимая. Ибо делать всегда должно одно. Надобно только угадать, что именно. Кто затрудняется выбором, тому советуют: 1) прежде всего посмотреть, точно ли обязанности противоречат обязанностям? Не самость ли наша, не страсти ли какие не хотят покориться долгу?

2) Если действительно обязанности с обязанностями в споре, то надобно смотреть одного ли они вида. При обязанностях разного вида высшие преимуществуют над низшими, именно: безусловные над условными, Божеские над человеческими, главные над средственными.

3) Когда обязанности одного вида, то все решают основания, причины или побуждения. Где больше сих оснований, туда и склоняться должно.

4) Нередко случается, что можно из подлежащих обязанностей выполнить одну прежде, другую после, и только торопливость, а иногда слабость сердца поставяет в затруднение. Всякий, впрочем, по опыту знает, что стечение обязанностей и даже столкновение их редко поставяют в неисходное положение. Добросовестность легко решит все сама собою.

Но и то сказать должно, что и немногие случаи для человека, ревнующего о чистоте жизни, очень смутительны и скорбны. Потому, чтобы предупредить такие случаи, советуют: 1) построить свои обязанности по известному верному началу, написать как бы программу жизни (о чем уже упоминалось прежде) и потом выполнять ее. При этом нечаянности будут редки. 2) Чаще размышлять об обязанностях и разных случаях их выполнения, поставять себя мысленно в затруднительных обстоятельствах и придумывать, как бы поступить в них. Это образует

живость соображения и поможет сохранить присутствие духа в теснотах и правоту в решении дела в них. 3) Чаще советоваться и беседовать с опытными. 4) В самый же час нужды поставь себя в присутствие Божие или в положение умирающего и сделай так, как бы сделал именно на краю гроба, готовый предстать Судии – Богу.

б) О советах.

Кроме действий обязательных, касательно которых мы состоим в нравственной необходимости, в Слове Божиим предлагаются некоторые действия в виде советов в том смысле, что кто их совершает, тот делает лучше того, кто поступает иначе, и к коим потому приятно располагаемся, однако ж, не чувствуем себя связанными необходимостью. Что действительно есть такие советы, нет сомнения.

Когда к Господу пришел юноша с вопросом: «что... сотворив, живот вечный наследую»? Господь отвечал ему: «аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди». Потом, когда юноша объявил, что все сие уже он сохранил от юности, и возжелал узнать, чего еще не dokonчил, Господь прибавил: «аще хочещи совершен быти, иди, продажд имение и дажд нищим и гряди в след Мене». Вот здесь очевидно разделение между обязанностями, необходимыми для спасения, и между такими действиями, через кои восходят только на высшую степень совершенства (Мф. 19 и др.).

Еще яснее та же истина у апостола Павла (1Кор. 7). Его спрашивали о девстве и супружестве. Он отвечал, что обязывать к девству он не имеет заповеди от Господа, но совет соблюдать его – дает. Потом пространно объясняет, как и чем девство выше супружества. И заключает, что кто отдает дочь свою в замужество, делает хорошо, но кто позволяет ей оставаться девою, делает лучше. Здесь у апостола раздельно обозначаются заповедь и совет. Это, впрочем, только образцы советов. А на самом деле в жизни их может быть бесчисленное множество.

Потому несправедливо в какой-то отрасли протестантов вводится мысль, будто христианин ко всему решительно обязан, то есть как бы связан необходимостью. Есть обязательство и в совете, но только не такое, чтобы не исполняющий его делался преступником. Он есть только менее совершен. В этом нам совесть – верное свидетельство: не чувствуем ли такого уверения в себе, что вот такое и такое действие лежит на нас необходимо, и, не совершивши его, мы преступники, а то и то хотя и лучше, однако ж, мы не связаны в отношении к нему и не станем преступниками, не совершив его. Кто не притесняет своего должника, а ждет на нем долг молча, тот делает хорошо. Но кто берет с должника

только половину долга ради его нужды, тем более кто весь долг отпускает, тот делает лучше.

Патриарх Авраам, возвратившись с войны, мог бы взять всю добычу себе тем больше, что на то же соглашались и сами цари, помогавшие ему, и этот поступок не был бы худ; но когда он уступил все – сделал лучше. Или когда он же Лоту дал свободу избирать лучшее место для своего жительства, поступил наилучшим образом; однако ж и то не было бы худо, если бы он сам назначил ему участок достаточный и хороший, хотя и не лучше. И опять, благоговейно чтимые нами святые Божий затем так возвеличены и прославлены Богом, что они во всю жизнь свою поставляли на долю себе всегда избирать лучшее и совершеннейшее. Если бы все лучшее было непременно законом, куда бы деваться слабым и кто бы мог не падать в отчаяние о своем спасении? Между тем, когда оставляется оно в виде совета, как это утешительно для слабого и робкого духа и вместе как воодушевительно для христианина, чувствующего в себе довольно сил!

Должно, однако ж, напоминать христианину: для тебя приводимы были в движение небо и земля; ты избран, освящен, принял силы яже к животу и благочестию; ужели все это без особенных целей и обязательств для тебя? Нет, христианин, ты тщательно должен совершать всякое возможное для тебя добро, которого только коснулась мысль твоя. Если в благодарность благодетелям в обыкновенной жизни стараются предупредить всякое их желание, то ты, осыпанный милостынями и силами Божиими, можешь ли отказываться, не возмущая совести, от воли Божией, которая тебе указывает лучший путь и указывает, не желая, чтобы ты тек по нему. Когда при этом взять во внимание слово Господа: подставь другую ланиту, когда получил удар в одну или вообще не противься злу, и слово апостола – вышних искать, горняя мудрствовать, то нельзя, кажется, не заключить, что христианину свойственнее избирать все лучшее и совершеннейшее, разумеется, при возможности исполнить то. Ибо ни Господь, ни апостолы христианам ни в чем не давали никакого послабления, но сколько почитали их высокими, столько обязывали и к высоким, отличным, Божественным делам. И если судить об отличиях христианина от других по предметам действий, то можно прямо говорить: тем и отличается, что всегда в действиях своих избирает отличное. Но опять, какое множество слабых, боязливых христиан, которые едва-едва переступают по пути правому?! Воодушеви, вразуми, возьми его на рамена и неси. Есть пастыри, на то уставленные, чтобы не смотреть только, как идут, а вести и нести... Вообще, нельзя найти прочного основания, по коему можно бы снять с нас обязательство избирать

лучшее... В общей нравственности, вне христианства – так, в христианстве сего не должно быть. Кто отказывается от лучшего, тот унижает в себе христианство, сходит на степень естественной нравственности.

Надобно только помнить, 1) что это непременно касается только лучшего, сознаваемого лучшими, к коему есть притом полная возможность; почему оно делается обязательным и для слабого, если растолковать ему то, ибо тогда причиною, почему не выполняется, останется только свое нехотение и себя жаление.

2) Это не касается советов главнейших – безбрачия и произвольной нищеты. Эти точно не для всех. Но «могий вместити, – говорит Господь, – да вместит» (Мф. 19:12). Однако и здесь есть внутренние понуждения и внешние указания, которым противоречить небезопасно в деле спасения.

в) О действиях безразличных.

О многих очень действиях ни внутренний наш закон совести, ни закон писанный ничего не говорят. Такие почитаются обыкновенно безразличными, оставленными на произвол (сесть, встать, посмотреть вправо и влево и проч.). Всего законом определить нет никакой возможности судя по бесконечному разнообразию нравственных лиц и обстоятельств. Сверх того, это и не совсем в духе нравственного свободного закона – связать каждого со всех сторон. Если человек в нравственной жизни воспитывается, то надлежало для воспитания и укрепления его духа многое оставить на его свободу, чтобы через то он упражнял свои нравственные силы или вынаруживал истинный дух нравственной жизни подобно тому, как отец не всякий шаг сына определяет приказами. Надобно только при сем помнить, что если смотреть на действия в нравственном лице со всеми обстоятельствами его действия, то хоть и здесь бывают действия безразличные, именно те, кои сами по себе безразличны и совершаются человеком без особенного намерения, даже без мысли; но коль скоро сии же действия, самые незначительные на вид (например, взгляд), получают цель, они перестают быть безразличными. Вообще, все действия, исходящие от лица человека с сознанием и целью, непременно имеют нравственное качество и суть добры или злы.

Хорошо ли допускать в себе действия безразличные? Нехорошо, христианину должно всемерно заботиться о том, чтобы все у него обращалось в средство к целям нравственным, даже положение стана, движение руки, глаз и проч. Ибо он себя предал в жертву Богу всецелую, дал обет работать Ему все дни жизни. То время, которое отдано безразличному действованию, есть время потерянное, потому должно быть

восполнено покаянием. Сверх того, есть ли предметы, безразличные для сердца? Кажется, нет. Но движения сердца в нравственной жизни не безразличны. Следовательно, и действия, кажущиеся безразличными, оставляя хороший или худой след на душе, по тому самому хороши или худы. Что, например, худого в вольной поступи, в вольном положении стана, рук, ног и проч.? Ничего, на взгляд. Но они всегда осаждают в душе вольность мыслей и желаний, следовательно, с сей стороны и суть недобры. Опять, если есть возможность безразличное действие сделать качественным, а христианин есть купец, собирающий ревностно здесь сокровища дел на вечную жизнь, то почему не обращать их на свою пользу? И что препятствует сему, кроме недостатка ревности и избытка нерадения, которое не может считаться безразличным. Так, в христианине потому уже безразличные дела не безразличны, что они допускаются в его жизнь по нерадению, суть плод нравственно-худого состояния. Не лучше ли же позаботиться о том, чтобы все их окачествовать, обращая в средство к своим целям? Это мысль св. Златоуста, но не помню, где он высказал ее. Вот все поле действий! Воздělывай всяк не лентясь! Предполагаю, что читающий предыдущие строки внимательно не может не почувствовать, как вдруг широко станет и вдруг опять тесно. Но не ложно и слово Господа, Законоположника нашего, что узкия врата и тесный путь вводят в живот. Оставим широкое на свободный выбор другим, а себе изберем тесное.

2) О цели нравственных деяний

На первом месте решить надо вопрос, что цель вносит в дело? Вот что:

Дела безразличные от цели получают качество, то есть от цели доброй становятся добрыми, от худой – худыми.

Добрая цель в добром деле украшает и возвышает его, цель худая в худом деле усиливает его худобу и безнравственность. Например, кто изучает истины веры для распространения Царства Христова или кто вольно стоит в церкви, чтобы не подумали, что он держится благочестия, или кто осуждает другого, чтобы себя выставить.

Цель худая в добром деле съедает его доброту, а цель добрая в деле худом не сообщает ему своей доброты. В том и другом случае дело худо. Например, кто поет или читает в церкви, чтобы показать свое искусство, а не назидать, тот доброе делает худым; а кто присволяет себе чужое, чтобы помочь, худого не делает добрым.

Вообще, чем выше цель, тем чище и совершеннее дело и чем развращеннее намерение, тем безнравственнее дело.

Этих кратких положений достаточно, чтобы увериться, как важна цель в нашей деятельности. Потому стоит позаботиться о том, чтобы узнать, какую должно иметь цель в делах своих.

Здесь дело не о побуждениях, которыми склонять можно волю на дела и которых можно изобрести для себя много, и всякий – свое, судя по своему характеру и настроению (об этом уже было сказано); но о том, что должен иметь в виду христианин, ревнуя о добродетели, чего достигает всюю своею добродетельною жизнью, или какая главная цель нравственной деятельности? Это же с первого раза уже определяется и целью человека, и обетом христианина, именно: твори все дела свои для Бога, для угождения Ему, для прославления Его Святого имени. Господь говорит: «так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. 5:16). Апостол заповедует все творить во славу Божию, даже есть и пить (1Кор. 10:31). К этому прибавить только надобно: ради веры в Господа. Как сам человек не восходит к богообщению без Иисуса Христа, так и дела его не взойдут к Богу без веры в Господа! Как в древней скинии кровь приносилась во Святое, и жертва была приятна Богу, так и ныне жертва дел бывает приятна Богу только ради веры во Христа, кровию Своею нас искупившего. Это особенно нужно сказать тем, кои думают угодить Богу, не веруя в Господа. Всуе труд их! Далее, так как Царство Христово несть от мира сего, и христианин «есть окаяннейший, если в вещи сем точию уповаеет» получить что от своего христианства (1Кор. 15:19), то мысли и ожидания христианина должны быть все обращены в оный век: он должен работать, трудиться в надежде бесконечно блаженной жизни. Таким образом, вся цель вот какова: Все твори во славу Божию, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, в надежде бесконечной жизни.

Должно только при сем помнить, что главное здесь – слава Божия, исходный пункт – вера во Христа Спасителя, конечный предел – вечная жизнь; что когда поставляется вечная жизнь в таком важном деле, какова цель нравственная, то при сем не представляется ничего корыстного, наемнического, а только полагается на вид существенная черта христианства и христиан, кои еще, здесь становятся гражданами небесными и живут, чая и воздыхая о своем отечестве, с мыслию, что странники и пришельцы суть на земле, «не имеющие здесь пребывающего града, но грядущего взыскующие» (Евр. 13:14).

Что касается до других целей, то они хотя и могут быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: от них всегда должно восходить к Богу. Здесь особенно важны цели самых дел. Каждое дело

способно иметь свою цель, например, цель милостыни – помочь бедному, цель чтения – просветить ум. Но на них не должно останавливаться, ибо иначе дело будет совершенно вне главного значения христианина. Вообще, если позволить останавливаться на таких целях, то в жизнь христианина войдет бесконечное разнообразие, между тем как она вся должна иметь один тон. Тон сей сообщается ей единством цели, по коей она вся есть жертва Богу всецелая. «Прославите Бога в душах ваших и телесах ваших, яже суть Божия» (1Кор. 6:20).

Иным кажется очень строгим – все творить во славу Божию, они потому и полагают, что при делах можно иметь и другие цели, вне Бога, только бы сии цели не исключали Бога, и вообще говорят, можно ограничиваться тем, чтобы только чаще относить к Богу дела. Все же дела свои посвящать Богу есть удел совершеннейших, что можно советовать, но к чему всех обязывать не должно. Как унижена тут светлая христианская жизнь! Как видимо тут нехотение и леность сделать напряжение, чтобы возноситься к Богу! Но, во-первых, все посвящать Богу не есть совет, а цель необходимая, обязательная: Прославите Бога в душах ваших и телесах ваших; вся во славу Божию творите... Что яснее и определеннее сего? И зачем относить сию цель к совершеннейшим только, когда такое направление действия не требует особого напряжения: кто творит уже добро, скажи ему только, чтобы он мысленно и сердечно посвятил его Богу. Какой здесь труд? Другое дело – пробудить грешника от сна греховного или оживить ослабевающего. Здесь надобно устрашать его, потрясать – представлять пагубные следствия греха и благие плоды добродетели и проч.; но это не цели, а возбудители воли, как говорено прежде. Во-вторых, говорить: позволительны и другие цели, лишь бы они не исключали Бога, – значит, что мы делами своими как будто милость какую оказываем Богу, а говорить: довольно сколько-нибудь дел посвятить Богу, – значит, будто Бог есть нечто стороннее в нравственной жизни.

Таковыми мыслями порядок извращается. Христианин от Бога рожден есть и к Богу должен относить дела свои все до одного и всю жизнь свою освятить одною сею целию. Если мы станем рассматривать языческую нравственность, то есть как там действовали добрые люди, то найдем точное приложение сих правил, равно и у христиан, оставленных без назидания. Но те и другие не знают существа дела. Теперь из жаления их дел не следует извращать истинного смысла и порядка жизни чистой и святой, а скорее следует вразумлять всех и всюду в чем истина. Христианин не есть лицо, преданное влечению случайностей, а лицо самоуправительное. Скажи ему, как собою править, и он будет править.

Нет, доброе дело, не для Бога и не по вере Господа совершенное, не есть христианское, а есть простое добро, естественное. Как, например, естественно рассуждение в уме, но оно не добродетель, так и дело доброе не для Бога естественно в духе, но не добродетель.

Следует теперь заключить, что все другие цели, кроме показанной, не суть цели истинные, и дела, по ним совершаемые, в той мере теряют свою цену, в какой удаляются от ней. О худых же целях, вытекающих из эгоизма, и не говорится. Да слышит сие всяк и да направляет так сердце свое всякий раз, как делает какое дело. Ведь и это устремление дел своих к Богу имеет нужду в подвиге потому особенно, что оно заслоняется ближайшими целями. Так минуй всегда умом и сердцем сии ближайшие цели и восходи пред лицо Бога и Ему посвящай всякое дело свое и тем освящай Его.

3) Об обстоятельствах нравственных деяний

Обстоятельства – это то, что обстоит дело, или все его внешние соприкосновенности. Нет дела, которое не имело бы многих соприкосновенностей, но собственно в нравственные обстоятельства дела причитаются только те, кои имеют влияние на его внутреннее достоинство. Из таковых одни касаются лица действующего, другие – производимого дела, а иные и самого действования. Их все совмещают под вопросами: кто, что, где, когда, как, какими средствами?

Проведите по сим вопросам какое угодно дело и сами увидите, как оно чем дальше, тем больше окачивается. Не подумайте, однако ж, что все это мелочи или риторические забавы. Вникните только в то, чего должно искать в деле по поводу всякого из сих вопроса, и уверитесь в сем сами.

На вопрос кто? ищется не то, нравственно ли лицо, сделавшее дело, а то, каково оно, какого состояния и качества: священник или мирянин, образованный или невежда, должностной человек или частный, мужчина или женщина и прочее подобное. Приложите к каждому из сих лиц, например, нетрезвость и увидите, как злокачественность его то повышается, то понижается. Приложите также искреннюю веру и увидите, что не у всех она будет иметь одинаковую цену... Так рассуждайте и о прочем. Для себя же запишем по сему случаю следующее правило: устрояй дела достойные твоего состояния, степени образования и сана. Кто больше – будь всем раб.

На вопрос что? ищется не то, сообразно ли дело с заповедями или нет, не предмет собственно дела, о коем уже было говорено, но его второстепенные принадлежности. Например, воровство... сколько, вещь

священную или простую, у бедного или богатого. Так же милостыня... от избытка ли или последняя лепта. Так и о прочем. А себе вот что принять должно: точною мерою определяй каждое дело и вообще делай все возможное, чтобы пространство сил не оставалось излишним в приложении к пространству дел. Иные полагают для себя правилом не допускать, чтобы кто-либо отходил от них с печальным лицом.

В обстоятельстве где? обращается внимание не просто на место, ибо где-нибудь да должно совершиться делу, а на свойство места и другие его случайности. Например, оскорбил кто личность наедине или публично, глазерство на улице или в храме и подобное. Итак, освящай места делами, а не оскверняй их. Помни, что в час суда каждое место подаст голос Судие Богу во свидетельство о добром или худом деле твоём.

В обстоятельстве когда? берется во внимание тоже не время вообще, а его качество, например, в праздник или простой день, час, месяц или годы и подобное. Итак, позаботься, чтобы все время жизни твоей было непрерывною цепью добрых дел. Но вместе помни, что всему свое время. Есть система выжидания благоприятнейшего времени, в которое дело принесет обильнейший плод.

Когда хотят знать как? – тогда исследуют образ производства дел, не тот, о коем прежде писано и какой свойствен делу по его природе, но другой, внешний, случайный. Например, в страхе или спокойном состоянии, в ведении или неведении, настойчиво или мимоходом, вдруг или с приготовлением. Кто зорко смотрит за своим сердцем, у того стройно идут все дела. Медлительное он умедляет, скорое ускоряет и все вообще делает со свойственным усердием, без лености и опрометчивости.

Когда хотят знать каким образом?, доискиваются средств, коими произведено дело или достигнута цель, и пособий, какими при сем пользовались. Например, сделано что полезное – своим трудом или чужими руками; собрано богатство – праведно или неправедно; действовал открыто или скрытыми путями подводил... и прочее, тому подобное. Помоги, Господи, не ходить кривыми дорогами даже к добру, не жалеть своих трудов, и, если нельзя чего достигнуть добросовестно, лучше потерпеть, нежели воспользоваться неправедным представляющимся способом.

Все такие обстоятельства составляют, если они законны, внешнюю красоту и благообразие действия, хотя одни из них сильнее влияют на дело, а другие не так сильно. Средства, например, так значительны, что некоторые весь вопрос об обстоятельствах ограничивают ими одними. Внутренние свои добрые помышления вставляют, как следует, в строй

внешнего течения дел есть христианское благоразумие, которое, впрочем, состоит не в применении внутреннего к внешнему (например, Евангелия к обычаям мира), а в приличном, так сказать, облачении внутреннего духовного закона соответственными ему внешними соприкосновениями, хотя бы при сем надлежало идти наперекор течению внешних дел. Скажу еще больше: благоразумие христианское есть проразумение воли Божией, вседержавной и всеправящей в течении всех событий – и внешних, и внутренних. С сей точки зрения опять выходит, что христианин должен сам управлять своими обстоятельствами, а не подчиняться их влечению. Сие достигается не вдруг, а постепенно, опытностью в доброделии, по стяжании которой всякое дело из рук христианина выходит совершенным во всем, как изящное произведение из рук художника.

Из такого рассмотрения соприкосновенных всякому делу обстоятельств можете увидеть, как трудно на опыте или в лице действующем найти действие безразличное, когда так многообразно каждое из них сцеплено отовсюду со многими предметами, имеющими истинное влияние на его нравственное достоинство! Как трудно, с другой стороны, не только сторонним, но даже и самому действующему определить истинное достоинство своих дел! Ибо, может быть, в ином деле обстоятельства сии все законны, в ином – только некоторые и притом в большей или меньшей мере; инде может быть тень дел только худа, а инде быть только тень добра. Точное знание всего сего возможно только для одного Всевидящего. Человеку же праведный лежит закон: и не берись судить о других. А что до себя самого, то удесятери плач и сокрушение о своих, грехах, потому что, может быть, они в десять раз грешнее, нежели как думаешь, и в сто раз понизь доброту дел твоих, потому что, может быть, оно так и есть. Это правило предписывается св. Макарием Египетским.

Вот коротко о всех сторонах дел наших: предмете, цели, обстоятельствах. По ним учитесь судить себя, но никогда – других. То не наша область, а Божия. Вот общее правило для определения достоинства дел. Его приписывают святому Дионисию Ареопагиту, именно: чтобы действие достойно считать добрым, у него должны быть предмет хороший, и цель истинная, и обстоятельства законные. Напротив, если в каком действии какая-нибудь из сих трех сторон нехороша, то оно добрым быть не может. Само собою разумеется, что степень доброты и худобы сих сторон передается в ответственности и самому делу.

7. Виды нравственности и возрасты нравственной жизни в добром и худом направлении

Видов нравственности два: нравственность добрая и нравственность худая. Первой имя добродетель; а второй – порок, или грех.

1) О добродетели

Добродетель имеет не одно значение, а) Она означает то 1) главное всеобъемлющее стремление духа к добру, или настроение духа, христиански действующего; то 2) разные добрые расположения воли и сердца; то 3) каждое отдельное доброе дело. Во всех сих проявлениях добродетель не стоит на одном, но постепенно восходит к совершенству и тем определяет б) возрасты нравственной жизни доброй. Итак...

а) О трех видах проявления добродетели и, во-первых, о добродетели как настроении христиански действующего духа.

Где наше добро? В Боге. Следовательно, стремление к добру есть то же, что стремление пребывать в Боге, или жажда богообщения. Если сие стремление не должно оставаться бесплодным, а должно найти соответственное себе удовлетворение, то оно должно принять труд пройти весь тот путь, коим восходить может человек к Богу. Следовательно, сей самый путь и все, что бывает на нем, и должно войти в состав добродетели как главного стремления или настроения христиански добродетельного духа, то есть войти все то, что входит необходимо в состав главной нормы христианской жизни и деятельности. Там положено: «Пребывай в общении с Богом через Иисуса Христа Господа деятельным исполнением Его Святой воли, вспомоществуемым благодатию и восполняемым верою по силе и обету крещения во Святой Церкви».

Следовательно, истинно христианскою добродетелью, или христиански добродетельным настроением духа, будет:

Жажда и сила пребывать в общении с Богом через Господа Иисуса Христа ревностным, постоянным, полным и всегдашним исполнением Его воли с помощью благодати и с верою в Господа, по силе и обету Крещения.

Почему все сие необходимо, уже известно из статьи о норме христианской жизни. Теперь нужно только немного пояснить каждую из сих черт христиански нравственного настроения духа, чтобы дать понять отличительные свойства, состав и происхождение христианской добродетели.

Первая черта ее – жажда. Спаситель улаживает тех, кои имеют алчбу и

«жажду правды» (Мф. 5:6). Апостол Павел о себе говорит: «Гоню, аще и постигну... со усердием гоню к почести вышнего звания» (Флп. 3: 12, 14), – и других увещевает, – «всегда доброе гоните; ...Духа не угашайте» (1Сол. 5: 15, 19), «вышних ищите» (Кол. 3:1), «духом горяще» (Рим. 12:11). Жажда сия сама по себе есть разверстое и готовое приятилице всего доброго, подобно жаждущей земле, которая скоро впивает в себя воду. В жизни же она, с одной стороны, поддерживает напряжение духа, а с другой – не дает ему слишком много ценить внешние труды, утруждая его собою изнутри. Она есть всегдашний признак и доброго состояния, как алчба и жажда телесные – признак здоровья телесного. Узнавать ее можно по непрестанно хранящейся в сердце теплоте. Противопологается она духу холодному, расслабленному, вялому, малоподвижному, незаботливому о добре и спасении. Вторая черта – сила. Что и жажда без силы? Это бесплодное мучение или крушение духа. Смотри на жаждущего Иустина философа! До приятия силы он страдает от снедающего его внутреннего духовного огня. Напрасно потому вздумал бы кто ограничиваться одним стремлением. Оно есть только приготовительное состояние вначале и потом постоянный подновитель деятельности впоследствии. Его можно встречать и вне христианства, а сила дается только в христианстве. Господь человеколюбивый дает жаждущим, однако ж, пить из Себя силу, чтобы силою сею они могли пребывать в Нем. "Приидите, – говорит, – и... упокою вы» (Мф. 11:28). «Кто... во Мне, ...плод мног сотворит» (Ин. 15:5). Жажда есть свидетельство пробуждения нашего духа, а сила – свидетельство сочетания нашего духа с силою Божиею. В последнем случае он исповедует: «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе» (Флп. 4:13).

Третья черта – сила пребывать в общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа. Известно, как человек назначен к общению с Богом, как потом он отпал от Него, как вследствие сего отпадения подвергся тиранству самолюбия и страстей с разжигателями их – диаволом и миром. Следует из сего, что в состав доброй заботы человека должны необходимо входить два расположения: отречение от себя и всего льстящего самолюбию и предание себя Богу. Но самоотвержение есть только средство, а цель – пребывание в Боге. Потому, кто прошел кризис самоотвержения, у того главное и все – богообщение. Это исключительный предмет, на который устремлены весь труд и вся забота христианина. Отсюда вот что выходит.

Кто не испытал внутренней перемены, вследствие которой все помышления и желания его начали быть обращаемы и посвящаемы Богу,

тот еще не начинал быть истинно и по-христиански добрым. «Иже хочет по Мне ити, – говорит Господь, – да отвержется себе... и по Мне грядет» (Мк. 8:34).

Кто остановится на одном самоотвержении, думая, что он сделал все, тот в опасном заблуждении. Кроме того, что самоотвержение как средство, без приспособления его к своей цели – богообщению, бесполезно, оно едва ли может быть и истинным без сего! Ибо без Бога нельзя отвергнуться себя. Такого свойства было учение и жизнь стоиков. Они учили покорять самость уму или духу, но что и дух или ум должно покорить Богу, сего не поняли, потому и были учителями духовной гордости и, несмотря на труд и пожертвования, себя и других содержали вне Бога, в отпадении от Него. Равным образом и те, кои придумывают некоторую философскую добродетель, то есть делание добра без помышления о Боге, делают худо и мечтательно: ибо что за добродетель вне Бога? Так как без общения с Богом добродетель не добродетель, а общение сие возможно только через Господа нашего Иисуса Христа, то следует, что вне христианства нет истинно доброй жизни. Есть там доброделание, не приносящее истинных плодов, не доводящее до цели. Посему-то все люди призываются в общение с Богом и Господом Иисусом Христом, и прилепление и стремление к Богу поставляются для них единственным и исключительным делом. Господь учит: «будьте во Мне и Аз в вас» (Ин. 15:4) и молится ко Отцу: «якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут» (Ин. 17:21); «Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино» (Ин. 17:23). Апостолы проповедуют: «по Христе молим, ...примиритесь с Богом» (2Кор. 5:20), да «общение имате с нами: общение же наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом» (1Ин. 1:3). «Приблизитесь к Богу, и приблизится вам» (Иак. 4:8). «Аще възьщете Его, обрящется вам: аще же оставите Его, оставит вас» (2Пар. 15:2).

Четвертая черта – сила пребывать в богообщении через ревностное, постоянное, полное, всегдашнее исполнение святой воли Божией. Не должно думать, чтобы богообщение могло поддерживаться одним ведением Божественных вещей или тайн, или напряженным устремлением чувств к Богу, или внешним изъявлением своего неотчуждения от Бога. Все это бывает при нем и есть необходимо в большей или меньшей мере; но существенное, самое твердое и благонадежное средство к тому есть хождение в воле Божией. Так говорит Господь: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие Божие, но творяй волю Отца Моего, Иже на небесех» (Мф. 7:21). «Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: яко же Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в

любви Его» (Ин. 15:10). И христианином соделывается человек, по апостолу, «во еже не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время. Довлеет бо... мимошедшее время» (1Пет. 4:2–3). Так необходимо для христианина исполнение воли Божией. Должно, однако ж, при сем помнить, что это все же есть только средство, хотя существенное и неотложное. Так как цель в Боге, то сие исполнение должно быть освящаемо посвящением его Богу или воззрением на Него. Кроме того, к полноте сей черты добродетельного состояния требуется, чтобы исполнение воли Божией было ревностное, усердное, из сердца исходящее. Без сего вся сумма дел, добрых по виду или законных, будет собранием небезобразных изваяний, в коих нет души; постоянное, в отличие от скоропреходящих добрых движений сердца или перемежающихся порывов, которые не чужды и грешному человеку; полное, то есть простирающееся на весь закон и заповеди, обнимающее всю волю Божию, а не часть какую-нибудь, может быть, легчайшую, избранную более по природному расположению, нежели по любви к добру и богоугождению, притом не ограничивающееся одними встречающимися случаями, но их взыскивающее, изобретательное на добро. «Иже весь закон соблюдет, – говорит апостол Иаков, – согрешит же во едином, быст всем повинен» (Иак. 2:10). Так как основание всех заповедей одно – воля Божия, то кто искренно предан воле Божией, тот не станет оставлять ее без исполнения, в каком бы виде она ни открылась ему. Наконец, непрестанное, во все время жизни неутомимо работающее. «Никто же возложив руку свою на рало и зря вспять управлен есть в царствии Божии» (Лк. 9:62). И только «претерпевши до конца спасен будет» (Мф. 10:22), говорит Господь. «Не весте ли, – учит апостол, – яко текущий в позорищи, вси убо текут, един же приемлет почеть. Тако тецыте, да постигнете» (1Кор. 9:24). Почему не останавливающееся пока не достигнет конца – ибо конец венчает дело.

Пятая черта – с помощью Божественной благодати. Благодать есть достояние человека-христианина и вместе отличительное свойство его жизни. Как вначале он стал христианином силою Божиею, так и после все дела свои совершает тою же силою. Ибо по апостолу: «Бог есть действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении» (Флп. 2:13), Тот же апостол свидетельствовал о себе, как благодать Божия, которая с ним была во всех трудах его, «не тща быст в нем» (1Кор. 15:10). Действия сей благодати, сопровождающей человека-христианина в деятельности, состоят в многообразном просвещении ума впечатлением в нем истин веры и деятельности как вообще, так и особенно касательно каждого случая, чтобы он видел, что есть воля Божия святая, имея таким образом

«просвещенные очеса сердца» (Еф. 1:18); в воспламенении ревности и укреплении воли. «Без Мене не можете творити ничесоже», говорит Господь (Ин. 15:5). Почему и молится апостол Петр: «Бог всякия благодати, призвавый вас в вечную славу о Христе Иисусе... Той... да утвердит, да укрепит, да оснует» (1Пет. 5:10). От сих влияний Божественной благодати христианину свойственно чувство силы и крепости к нравственно-доброй жизни или ревностное хождение в законе, однако ж не независимо, а в Господе: ибо говорит: «вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе» (Флп. 4:13).

Шестая черта – и с верою в Господа. Вера совершает или делает совершенную и законченную добрую христианскую деятельность и жизнь. Ею покрываются недостатки, немощи, слабости, грехи. Почему вообще "без веры сей угодити Богу невозможно» (Евр. 11:6). Она заставляет говорить делателя, сотворившего все повеленное: «раб непотребный есм» (Лк. 17:10), – и всю надежду полагать в Господе Иисусе Христе. В отношении к самым делам она не только представляет сильнейшие, возбудительнейшие побуждения к усвоению нравственного порядка в несомненности великих обетовании и в чрезмерной любви Божией к нам во Христе Иисусе (1Ин. 4:10; 2Кор. 5:14), но и сообщает им некоторое сверхъестественное качество Божественное, ибо верующий творит их, как живой член Иисуса Христа Господа. «Иже пребудет во Мне, ...плод мног сотворит» (Ин. 15:5).

Седьмая наконец черта – вследствие силы и обета крещения. Эта черта исключительно уместная только у христиан. Крещением мы вступаем в Церковь и, становясь членами ее, сподобляемся вместе быть участниками и всех благ ее. В крещении полагается сему начало. Ради его потом и далее все действует в христианине. Как для семени развивающегося пищу доставляют одежащие его стихии, так для новоотрожденного благодатию в Церкви духовные стихии в пищу ему доставляются таинствами и всем чином священнодействий церковных. В то же время внутренняя сила приходит к нему от целого тела, к коему он привит, от тела Церкви, через которую от главы ее нисходят в его жилы духовные живительные соки. В Церкви зреет христианин. Как кокош собирает птенцов под крылья свои и греет их, так и она, объемля всех чад своих, питает и греет их. Потому преспеяние в добродетели обуславливается пребыванием в Церкви. Вне Церкви нет истинно добродетельной жизни: ибо к тем, кои вне ее, не проходит Божия сила, и около них нет воспитательной атмосферы и воспитательной мудрости.

Вот все черты христиански добродетельного состояния. Ими

означаются и существенные свойства, и состав, и происхождение христианской добродетели.

Если все сии черты назовем порядком христиански нравственной жизни, то добродетель, как состояние или как настроение духа добродетельного, можно будет определить так: есть ревность и сила пребывать в порядке христиански нравственной жизни, или просто ревность о христианской жизни. Сокращая, однако ж, описание добродетели словом, не следует выпускать из мысли всех входящих в нее черт, чтобы в случае не принести поддельной монеты вместо истинной.

«Страх ради Твоего..., во чреве прияхом и поболехом и родихом духа спасены», поет пророк Исайя (Ис.26:18). Это может сказать о себе всякий истинно ревностный христианин. Приступая к Господу, он зачинает ревностную заботу о спасении и, спеша вослед Его, непрерывно богатится добрыми делами. Сия ревность и есть дух спасения, зародыш и производитель жизни христиански доброй, которая из нее растет и сплетается постепенно и соответственно тому, как сильна или слаба ревность, сплетается скоро или медленно. Апостол Павел говорит о себе в поучение для всех: «Не зане уже достигох или уже совершихся, гоню же аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса. Братие, аз себе не у помышляю достигши: едино же задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе» (Флп. 3:12–14). Так была постоянна и неутомима ревность у апостола Павла. Столько же постоянно она должна быть и у всякого христианина. Но степени ее силы, напряженности и быстроты могут быть различны по различию человеческих характеров и различию обстоятельств жизни. Вот как о сем надобно судить.

Ревность тем выше, напряженнее и тверже, чем охотнее, поспешнее, неотложнее, как бы неразмышленное, совершает всякое представляющееся доброе дело. Ибо таково свойство любви – спешить на угодное любимому. Что апостол говорит о милостынодавцах: «доброхотна дателя любит Бог» (2Кор. 9:7), то же должно явить и во всякой добродетели. Как добрый сын, едва выслушав слово отца, стремится выполнить его, так и христианину должно действовать относительно всякой познанной воли Божией.

Чем больше она в действовании своем подымлет трудов и озлоблений. Спаситель говорит, что когда любят любящих, ничего особенного не совершают, ибо это естественно. Но то высокое совершенство – любить ненавидящих и врагов (Мф. 5:44). Озлобление – проба истинной доброты сердца. Многие с радостью приемлют слово оскорбительное и хранят его при благоприятных обстоятельствах, но

встретится озлобление – тотчас отпадают. Степень ревности в сем отношении зависит как от величины трудов и неудовольствий, так и от их длительности. Иной день и ночь не имеет покоя то от насмешек, то от притеснений, а все не отстаёт от своего доброго намерения. Одного 28 лет терзали и мучили за исповедание имени Христова, и он остался непоколебим. Но и без мучений и гонений кто при непрестанных уязвлениях, терзающих сердце, остаётся несовратимым, удостаивается венца мученического.

Чем обширнее круг деятельности, на который она простирается. Как не удивляться апостолу Павлу, который «всем был вся, да всяко некия спасет» (1Кор. 9:22). Его попечение обнимало иудеев, язычников, немощных, заблуждающихся, упорствующих, обратившихся и необратившихся – и это не в одном месте, а на пространстве всех почти языческих стран. Подражая ему, и другие святые Божий старались все более и более расширять круг своего доброделания, всегда, однако ж, держась постепенности и мудро ожидая манований Божиих, чтобы не потерять Его помощи за самоуверенность и своеволие и, растянувшись на многое, не остаться безуспешными и в немногом.

Наконец, чем чище и отрешеннее её побуждение. Должно подражать тому, кто все творит во славу Божию, взывая, «что ми есть на небеси: и от Тебе что восхотех на земли; исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя Боже во век» (Пс. 72:25–26); кто "не ктому себе живет, но живет в нем Христос" (Гал. 2:20); «не себе живет, но умершему за нас и воскресшему» (2Кор. 5:15); кто «желает разрешиться и со Христом быти» и затем только охотно готов пребывать в сем мире, что это нужно для других (Флп. 1:23) и для того, чтобы «богатиться добрыми делами» в жизнь вечную (1Тим. 6:18), зная и чувствуя, что «наше житие на небесех есть» (Флп. 3:20). Ограничиваюсь предложенными объяснениями. Приложу только: попекись всяк молить Господа, чтобы не попустил никогда угаснуть огню сему в сердце – ибо в нем жизнь.

б) О добродетели как разных добрых расположениях.

Что суть и как образуются добрые расположения. Доброе расположение есть чувство или любовь к известного рода добрым делам, лежащее в основании их. Смирение, например, называется добродетелию, но оно не есть какое-нибудь определенное дело, а есть пребывающее в сердце расположение, видное во всех смиренных делах; равным образом терпение, кротость, бескорыстие, послушание называются и суть добродетели, а между тем они не суть определенные дела, а нечто сокрытое в соответственных им делах, лежащее в основании их, нечто

постоянно пребывающее в сердце, внедренное в него, именно – любовь к сим делам непрестанная. Сии добрые расположения и суть собственно добродетели. Не тот безгневен, кто не бранит своего обидчика, но тот, кто в сердце имеет к нему незлобие. Не тот имеет уважение и послушание, кто кланяется и скоро говорит: слушаю, но тот, кто питает сии добродетели в сердце и объемлет их чувством. «Сердце есть начало и корень наших деяний, – говорит святитель Тихон. – Чего нет на сердце, того и в самой вещи нет. Вера не есть вера, любовь не есть любовь, когда на сердце не имеется, но есть лицемерие; смирение не есть смирение, но притворство, когда не в сердце; дружба не дружба, когда вне только является, а в сердце не имеет места. Откуда Бог требует от нас сердца нашего: «дажд ми, сыне, сердце твое»» (Притч. 23:26; Тихон, т. 4, о сердце человек., § 33). «Благий человек от благого сокровища сердца своего износит благое, и злый человек от злого сокровища сердца своего износит злое: от избытка бо сердца уста глаголют» (Лк. 6:45). Почему и заповедует апостол: «Облецытесь убо, яко же избрании Божий святы и возлюбленни, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение» (Кол. 3:12). Облецытесь – то есть напечатлейте в душе своей сии расположения. Или еще: «конец же – еси единомудренни будите, милостиви, братолюбцы, милосердни, благоутробни, мудролюбцы, смиренномудри» (1Пет. 3:8). Почему на сие и должно устремлять все внимание. Именно воспитывать любовь к самым добродетелям – кротости, смирению, терпению и проч., а не ограничиваться одними внешними делами.

Сначала, когда человек воспринимает только благое иго Христово и начинает ревновать о христианском житии, в сердце не бывает еще добрых расположений в силе, не бывает ни кротости, ни терпения, ни смирения, ни воздержания, разве случайно, по естественному настроению. Только та зародившаяся в сердце ревность побуждает человека желать их, искать, напрягаться на них.

Ревность о доброй христианской жизни не совмещает всех добрых расположений, а есть только семя их, зачатое и зародыш. Хотя без нее их нельзя вообразить в душе, однако ж и когда она есть, не тотчас приносит их с собою в душу. Но как семя разрастается и дает пр время стебель и ветви, так и сия ревность разрастается наконец в добрые расположения. Способ, как ревнующий о спасении человек внедряет в сердце свое добрые расположения, коих в нем еще нет и коих оно на первый раз чуждается, состоит в немилосердом самопринуждении. Кто с молитвою, без саможаления, понуждает себя на всякое добро, тот больше и больше приучает к нему свою душу, сердце больше и больше прилагается к сему

добру и наконец возлюбяет его. Тогда уже то доброе, к которому нудил себя человек сначала, становится внедренным в его духе и как бы природным. Так, например, у иного нет терпения. Напрягаясь к нему, хотя с трудом и болезнью, но с желанием, он наконец приобретает его. То же надо сказать о смирении, безгневи и прочих добрых расположениях: все они при труде и поте с молитвою, благодатию Божиею напечатлеваются в душе. Так учит Макарий Великий во многих местах. Св. Диадок в одном месте изображает, как Божественная благодать, даровавши человеку в самом крещении еже по образу, потом еже по подобию напечатлеват в нем после, живописуя в сердце его, добродетель за добродетелию (см. в Добротолубии). Что сказать о добрых расположениях, с коими рождается человек? Они не зло, но не имеют качеств добродетели. Сие качество усваивается им, когда уже они по образованию ревности сознательно усваиваются христианином.

2б) Какие именно сии добрые расположения? На это надобно сказать, что их должно быть столько, сколько есть видов добрых дел, ибо в основании каждого из сих должно быть свое особое доброе расположение, характеризующее их. Есть, например, дела поста, в основании их лежит постничество или подвижничество и проч. Однако же между ними должно быть стройное подчинение или такая система, по коей есть у них одни начальные, другие производные, так как из источника идут сначала главные ручьи, а далее разветвляется ручей от ручья. И все, вообще, сии расположения состоят в необходимом взаимном союзе, как кольца одной цепи.

Как в цепи, если взять одно кольцо, необходимо поднимаешь и другие, а наконец и всю цепь, так между добрыми расположениями такое соотношение, что одно влечет за собою, естественно, другое. Ни одно расположение не приходит в душу одиноким.

Какая именно между ними связь и какое расположение от какого происходит, на это можно найти несколько указаний и в Слове Божиим, и в писаниях святых отцов. Так, апостол Петр заповедует: «Тщание все привнесше (тщание – это искренняя ревность), подадите в вере вашей добродетель, в добродетели разум, в разуме воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» (2Пет. 1:5–7). Святой Макарий говорит: «Все добродетели наподобие некоей духовной цепи одна от другой зависят, как-то: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от покорности, покорность от надежды, надежда от веры, вера от слуха, слух от простодушия» (Бес. 40, гл. 1). Святой Исаак

Сирианин располагает добродетели по-своему и притом неодинаково. Например: «Страх вводит нас на корабль покаяния, переводит по смраднему морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь» (Слово 83). В других местах иначе, например, в словах о трех степенях разума. Очень много можно находить подобных сочетаний у св. Иоанна Лествичника, тоже множество их у Феодора Едесского (в Добротолюбии) и у других. Дивиться нечему, что находим такую разность в показаниях. Это зависит от того, кто какое избирает начало и какой путь. Если каждому из нас начать вести родословную линию, то их можно наделать очень много, ведя по отцовой или материнной стороне, далее – тоже по линии их отца или матери. Лжи не будет, хотя и будет разность. Таким образом, и в разных показаниях естественного развития всех добрых расположений нет лжи, хотя есть разногласие. А другое дело – что об этом и заботиться много?.. Благодать Божия все сама устроит, да хранится только ревность о богоугодной жизни. Естественно добрые расположения сейчас вступят в свой порядок, а те, которых нет, начнут внедряться мало-помалу, по мере очищения страстей им противоположных. Имейте сие в мысли, и довольно. Строгая система нейдет к христианской жизни деятельной. Тут все почти строится ех-ргоmptu.

в) О добродетели как добром деле.

Всякое исполнение заповеди надлежащим образом, то есть с истинною целию, во славу Божию по вере в Господа и с законными обстоятельствами, есть доброе дело; равным образом добрыми делами становятся и действия безразличные – от благой цели, которую прилагает к ним христианин. В «Православном Исповедании» дела добрые определяются так: они состоят в исполнении заповедей Божиих, которые человек соблюдает охотно, при помощи Божией и при содействии собственного разума и воли, из любви к Богу и ближним, не имея ниоткуда препятствия, собственно так называемого. Таким образом, добрые дела, чтобы иметь истинную соответственную себе цену, подлежат следующим условиям.

Предмет их заповедь, все предписанное в Слове Божиим и касательно чего сознает себя человек состоящим в нравственной необходимости. Впрочем, и такие дела, кои, собственно, не определены законом, способны принимать нравственно доброе качество от благих целей, с какими совершаются, хотя, очевидно, цена их не может быть велика. Потому можно прибавить: доброе дело состоит не только в исполнении заповеди, но и в совершении того, что непротивно заповедям, согласно с их духом и

порядком.

Исполнение сие должно быть охотнее, то есть не вынуждено обстоятельствами, не зависеть от привычки и холодного механического обычая или от природного расположения, а иметь возбудителем свою охоту, желание, любовь, ревность творить добрые дела, как сие предлежащее и сего рода, так и вообще все указываемые заповедями Божиими. Отсюда должно заключить, что пока человек не возымел еще полного и решительного намерения преуспевать во всех заповедях Божиих, до тех пор добрые дела его не совсем чисты и совершенны. Ибо без того быть не может, чтобы они исходили из святой ревности и, прямее, делаются по увлечению чувств и каким-нибудь сторонним соображениям; главное же, они тогда не бывают постоянны, а смешаны с грехами и страстями. Совершенного, вечного веса такие дела не имеют, однако ж, не бесполезны как приготовители и молителю о благодати Божией, возгнетающей огонь ревности. Припомните сказание о булочнике, в досаде бросившем булку в бедного, чтобы отделаться только от него, и потом удостоившемся за сие видения и обратившемся от греха к благочестной жизни. Почему всякому, кто не имеет ревности, можно советовать: твори какое-либо доброе дело, особенно милостыню, и Бог подаст огонь ревности – свидетельство и источник духовной жизни.

Всякое доброе дело добро, если творится для Бога. Все – во славу Божию. Человек-христианин весь должен быть жертвою Богу и Господу Иисусу Христу, пожершемся за нас. «Любы Божия обдержит нас суждших сие... Христос за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему» (2Кор. 5:14–15). Теперь надобно предавать Богу дела, чтобы в день суда Он возвратил их и воздал христианину. Должно сказать, что вечного воздаяния и достойны только сии дела, посвящаемые Вечному Богу. И здесь такое устройство сердца сообщает делам некоторую легкость, естественность, богоприличный, привлекательный, отрешенный лик.

Истинно доброе дело творится при содействии собственного разума и при помощи Божией. Видимо, как всякое доброе дело, от человека к Богу возносимое, есть вместе Божие и человеческое. В совершении добрых дел самонадеянность и самоуверенность вредят не только их чистоте, но и успеху и совершенству. Ибо вообще такие дела бывают поспешны, незрелы, неотерплены, а нередко и до конца не доводятся. Равно и отречение от должного употребления своих сил искажает дела и всю деятельность. Этот недостаток вошел даже в учение у квиетистов и квакеров, чающих на все вдохновений свыше. Нет сомнения, что в случаях

чрезвычайных иным приходит вдохновение от Господа, и вообще решаться без особенного призывания на что-нибудь важное и решительное не должно, чтобы, начавши, сдать, не оказаться неспособным кончить здание, к стыду своему и унижению добродетели. Но в таких случаях большею частью бывает так, что не только решиться на такое дело, но и задумать его, не может человек без сего вдохновения. Поступать же таким образом в обыкновенных случаях опасно, ибо сим отверзается пространная дверь лени и обольщениям. Теперь человек живет под воспитанием. Ему должно очищать и исправлять свое упорное сердце, действуя против него. Если сердце никогда почти не хочет добра само, а нехотящему и нерадящему Бог не пошлет помощи и вразумления, то можно в ожидании сих небесных наитий всю жизнь проспять для добродетели. От Господа приходит помощь, но тем, которые действуют, а не тем, которые не действуют. Сделай напряжение – и придет помощь.

Наконец, истинно доброе дело бывает без препятствий. Здесь разумеются препятствия законные, то есть если дело не может быть совершено с законными обстоятельствами, но или место, или время, или другое что не позволяет ему или совсем быть добрым, или явиться в истинном совершенстве и плодотворности. Что же касается до препятствий незаконных, то они не только не мешают делу быть добрым, а напротив, возвышают его по мере своей силы и настойчивости. Тем многоценнее дело, чем в совершении его больше преодолено препятствий. Совершать дела добрые соответственно их доброй природе и законным требованиям обстоятельств, в противность беззаконным препонам, а между тем совершать так, чтобы отсюда выходило добро, а не зло, есть дело благоразумия, которого наука преподается Божию благодатию и многообразною опытностью в духовной жизни. «Вопроси... старцы, ...и рекут тебе» (Втор. 32:7).

Потрудитесь также заметить о сих делах следующее: тогда как ревность, как огонь внутренний, непрестанно приводит в движение наши силы, а чувство и расположение пребывают в неизменном внутреннем покое, как поле, на коем растут и множатся плоды дел, – дела суть нечто перемежающееся в нас: они начинаются и престают, следуя одни за другими. Впрочем, заботливый и благоразумный труженик может установить в своей жизни непрерывную цепь добродетели. Это потому, что в доброе дело можно обращать и мысль, и слово, и движение, и поступок. Время жизни дано человеку на собрание добрых дел. Если теперь время сие течет не останавливаясь и есть в течении своем непрерывно повторяющаяся точка, то должно позаботиться человеку,

чтобы каждая из сих точек была занята добром. Сон мешает?! Но и он может быть обращен в добро, именно – в дело самоотвержения; пища тем больше... глаз – еще больше... Учреди согласие внешнего человека с внутренним. Внутри Бог положил ревность неугасающую, а ты совне предлагай дела непрерывные... Между ними, как полюсами, будет очищаться и освящаться природа твоя. Удобное средство к тому подает то, что жизнь каждого обставлена всегда непрерываемого цепью обстоятельств, могущих рождать добро. Это сейчас увидит каждый, пересмотревши со вниманием свой день, для своего то есть лица, в своем положении, от начала до конца.

Приходит некоторым на мысль ограничиваться одним внутренним, без внешнего дела. Это особенно касается тех случаев, в которых неизбежно приходится сильно пострадать эгоизму, например, в прощении прощения и проч. Нет, человека Бог сотворил из тела и души; хочет, чтобы и дела его были совершаемы целым его лицом, а не одною частию. Притом самое дело вполне плодотворным для добродетельного является в исполнении его, или в совершении, а не при желании только, хотя бы пламенном. Только совершенное дело есть шаг вперед по степеням нравственного совершенства. Кто однажды перенес обиду, тот стал выше, в другой раз еще выше и так далее. Между тем кто желает только переносить, а не переносит, тот остается на прежнем месте и даже подается назад, потому что по мере неисполнения слабеет желание. Кто не собирает – расточает. Вот почему ревнители совершенства изыскивают случаи к добрым делам, а не только не позволяют себе пропускать их, когда они представляются. Чем больше кто творит дел истинно добрых, тем тот выше и выше.

Так должно богатиться добрыми делами, но больше заботиться надо о добрых расположениях. Когда, впрочем, есть истинная о спасении ревность, то она научит всему, ибо она очень изобретательна.

г) О возрастах добродетельной жизни христианской.

Показанные три стороны добродетели, как видно из их свойств, находятся в непрерывной между собою связи и взаимодействии. Но неточное начало всего – ревность по христианской жизни, утверждаемая благодатию в таинстве крещения или покаяния. Она через непрерывный ряд дел осаждает в духе и сердце человека и добрые расположения. Надежда и крепость нравственной жизни состоят в сих расположениях, почему не должно оставлять труда и забот, пока они не утвердятся, равно как и не ослабевать от того, что они не так скоро утверждаются, как бы хотелось. Дерево, недавно посаженное, легко исторгается, а дерево

укоренившееся требует больших трудов от того, кто хотел бы его исторгнуть. Так и добрые расположения в начале только что предпринятого доброго жития ненадежны, шатки, изменчивы; но чем более стоит человек в делах им соответствующих, тем они становятся прочнее, глубже укореняются в сердце и обращаются в естественные как бы расположения. По мере же внедрения в сердце добрых расположений изгоняются из него злые, и душа все более и более становится чистою. На сем основании законно должно различать разные состояния христианина добродетельного по его возрастам духовной жизни. В Слове Божиим сии возрасты обозначаются сравнением усовершенствования духовной жизни то с развитием семени, которое сначала дает «траву, потом клас, наконец и пшеницу» (Мк. 4:28), то с естественными возрастaми человека, каковы младенческий, юношеский, мужеский или совершенный (1Ин. 2:12–14; Евр. 5:13,14). Три же степени возрастания духовного означаются и у святых отцов: новоначальные, успевающие и совершенные, или степени обращения, очищения и освящения (Леств., степ. 26).

Что свойственно каждой из сих степеней, определить очень трудно. Общий закон возрастания тот, что от зачатия жизни, как искры или семени, до совершенного ее развития в пламень или древо плодовитое, или до явления ее во всей чистоте и полноте, доступной в здешней жизни, все время проходит в подвиге и борьбе, в коих искореняется зло и насаждается добро; но где именно поворот с младенческого возраста на юношеский, с юношеского на совершенный определить с точностью нельзя. Ибо движение жизни духовной, как и движение тени солнечной или возрастание тела, совершается без скачков, с мудрою и непрерывнейшею постепенностью. Только некоторые черты, на основании Слова Божия и писаний отеческих, можно указать в сем отношении.

Младенческий возраст. Это период от зачала жизни христианской до образования порядка сей жизни и правил христианского действия вообще. Нужно, например, установить, как вести себя во внешнем порядке своей жизни и притом в разных случаях и разным лицам, так однако ж, чтобы это и отношений не расстраивало, и духу не мешало. Попасть на истинный в сем путь очень трудно, почему прибирается то то, то другое. Равным образом и во внутреннем действии против смущающих помыслов и страстей установить действие так, чтобы легко и замечать, и покорять их, можно не вдруг. Так, пока устанавлиются, так сказать, формы жизни, во все это время длится период младенческий в духовной жизни, которому и свойственны, как младенцу, нетвердость, незрелость, детское рассуждение и детское слово, как говорит апостол

Павел (1Кор. 13:11). Младенцам о Христе и предлагается «млеко, а не крепкая пища» (Евр. 5:12–13), «начала Христова слова» (Евр. 6:1), «словесное и нелестное млеко, ...да о нем возрастают во спасение» (1Пет. 2:3). По такой нетвердости и незрелости они легко колеблются, а нередко и увлекаются «всяким ветром учения ...в коварстве козней льщения» (Еф. 4:14) и в самых побуждениях допускают более снисходительности, нежели отрешенности от всего (1Кор. 3:1–3). Однако ж им усвоится отпущение грехов ради имени Христова, «познание Отца» (1Ин. 2: 13–14) и «вкушение благодати Господней» (1Пет. 2:3). Познание в Боге Отца очень характеристическая черта. Дитя долго не смыслит и не различает от чужих ни отца, ни матери, но потом начинает различать их, и вместе с тем начинается у него радость жизни. И человек-грешник пока не обратится к Богу, не знает Его, Отца человеколюбивого; но, обратившись, в первый раз видит Его грозным Судиею, потом, очистившись в крещении или покаянии, вкушает благодать Его и ощущает Его Отцом. Действительно, если судить по внутреннему человеку, то чувство отеческой Божией попечительности есть отличие младенца о Христе. Господь для них путь: Он невидимо проводит их через этот нерешительный период жизни. Из побуждений у них более страх. У св. Иоанна Лествичника приписываются сим новоначальным преимущественно телесные подвиги: пост, вретище, пепел, молчание, труд, бдение, слезы и другое (26 ст.).

Возраст юношеский. Это время борьбы и подвига над искоренением страстей и насаждением добрых расположений. Как на войне по установлении порядка войск начинается война, или у земледельцев по приготовлении нужного начинается сеятва, так и здесь, когда формы жизни установились, начинается решительное преследование зла в себе со вкоренением добра. Это не значит, чтобы в младенческом возрасте зло попускалось, но что оно теперь преследуется, так сказать, систематически, неопустительно. Как в естественной жизни юноше предлежит труд образовать себя, так и в духовной. Почему в Слове Божием говорится о юношах духовных, что они крепки, что «Слово Божие пребывает в них, и они победили лукавого» (1Ин. 2:14). Слово Божие, прежде с детскою простотою принятое, теперь обращается в сок их и кровь, пребывает в них и сообщает им крепость жизни, по коей они суть не слышатели только, но и творцы слова и силою его, как мечом, отражают и поражают лукавого. Господь Иисус Христос есть для них истина, то есть истина искупления и спасения, пребывающая вне всякого, теперь переходит и вселяется в их сердца. У юношей характеристическое чувство есть чувство силы в Боге. Вся могу о укрепляющем мя Господе. Юноша живет надеждами, почему и

из побуждений ему свойственное несомненная надежда достижения совершенства и получения вечных благ, хотя сим не исключаются и другие побуждения. У св. Иоанна Лествичника (там же) им усвоятся преимущественно подвиги душевные: нетщеславие, безгневие, благонадежие, кроткое увещание, непорочная молитва, несребролюбие.

Возраст мужеский. Это время, когда внутренняя борьба утихает, и человек начинает вкушать покой и сладость духовных благ. Земледелец, после жатвы вкушающий плоды трудов, также тесто, заквашенное и вскисшее, вполне образовавшееся, это образы совершенного возраста. Премудрый Сирах изображает действие премудрости, как она сначала мучит и испытывает любимца своего, потом обращается к нему, возвеселяет его и открывает ему тайны своя (Сир. 4 и др.). Это последнее – характер духовного мужа. Мужу мы приписываем твердость, степенность, непоколебимость, опытность; и духовному мужу Слово Божие усвояет такая же совершенства: «ему свойственна твердая пища» (Евр. 5:14), чувства обучена в рассуждение добра же и зла; «познание безначального, ...исконного» (1Ин. 2:13–14); то есть им открываются сокровеннейшие Божественные свойства и тайны, тогда как у юноши и младенца более свойства являемые, как благодать и могущество. Из побуждений им свойственное любовь: ибо, пришедши «в меру возраста исполнения Христова, они истинствующе в любви возвращают в Того всяческая, иже есть глава Христос» (Еф. 4:13, 15). Господь для них живот, их оживляющий и исполняющий (Tsui. 2:20). Почему, живя уже «не себе, но умершему за них и воскресшему» (2Кор. 5:15), они вся уметы вменяют за превосходящее разумение Христово. Св. Иоанн Лествичник усвояет им преимущественно жизнь в духе и пребывание неподвижное в Боге: непорабощенное сердце, совершенную любовь, умом из мира выступление и во Христа внедрение, небесного света в душе и мыслей во время молитвы нерасхищение, обилие Божия просвещения, желание смерти, ненавидение жизни, небесных тайн вмещение, власть над бесами, неисповедимых Божиих судеб хранение и проч. (там же).

Касательно возрастания в духовной жизни вообще должно заметить:

что ему пределов назначить нельзя. Христианам поставлено целью быть «совершенными, якоже Отец Небесный совершен есть» (Мф. 5:48). Стремление же к воображению в себе бесконечного образца должно проводить человека через бесконечные степени;

что совершенство не части какой касается, а обнимает всего человека и по духу, и по душе, и по телу, во всех частях и силах его существа, и «в премудрости» (Лк. 2:52), и «в вере» (Лк. 18:8), и «в надежде» (Рим. 15:13),

и в самоотвержении и самоуничижении (Флп. 2:7–8), и в «умерщвлении и освящении тела» (1Кор. 9:27; Рим. 8:7). Вообще, совершенному свойственно все то, что в Слове Божиим усваивается облагодатствованному;

что все возможные на земле степени совершенства суть высшие только, относительно; они не означают чистоту и зрелость окончательную, а тем более не исключают возможности падения. Почему апостол Павел, с одной стороны, заповедует: «мняйся стояти, да блюдется, да не падет», с другой – уверяет о себе: «аз не у себе помышляю достигши» (1Кор. 10:12; Флп. 3:13–16). Посему нет времени, когда бы можно было сказать нам: довольно! – но непрестанно должно начинать; непрестанно «возгревать дар Божий» (2Тим. 1:6) и стремиться неутомимо «на совершение» (Евр. 6:1). Макарий Великий свидетельствует, что и совершенные не пребывают на одной степени, а иногда повышаются, иногда понижаются и что даже им невозможно пребывать всегда на высших степенях по невыносимости сего для тленной нашей природы (см. Бес. 8, § 4). Святой Лествичник приводит в пример Ефрема Сирианина, который, восходя на верх бесстрастия, взывал к Богу: ослаби ми волны благодати Твоя, подобно тому, как Давид молился: «ослаби ми, да почию» (Пс. 38:14; Леств., ст. 26).

Ведая сие, всякому смотреть надо, где он? Начало, может быть, положено... а сделан ли после того шаг вперед, Бог весть. Хотя об одном да будет попечение, чтобы не погасла ревность. Пока она есть, все еще есть надежда на успех. Может быть, подвигнемся иногда на какое-либо добро и хоть на волосок прибавим себе росту. А как она погаснет, тогда всему конец. Господь да будет нам охрана и крепость!

Приложу и еще одну мысль: о высоком достоинстве истинно христианского жития, или высокой цене добродетели, и вместе незавидном его состоянии по внешности. Контраст сей очень поучителен. На земле нет ничего, с чем бы можно было сравнивать добродетель христианскую в достоинстве. Что Спаситель назвал единым на потребу? Ревность о спасении души. Но это и есть добродетель христианская. Что важнее достижения последней цели? Но она достигается единственно христианскою добродетелию. Что блаженнее богообщения? Но оно нераздельно с христианскою добродетелью.

Много предметов на земле достойных уважения: искусства, науки, доброе правление, богатство, достоинства, но что все это без добродетели? «Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщтит» (Мф. 16:26). Все другое, кроме добродетели, походит на математический нуль и получает смысл и значение только от нее, как нули – от цифры.

Стяжавший добродетель стяжал непохитимое сокровище. Все другое может быть расхищено здесь, и все непременно оставит человека в час смерти. А добродетель безопасно проходит этот испытательный пункт и входит с человеком в небесное отечество. Но если и без такого сравнения с преходящими вещами обратиться к порядку христианской жизни – доброй, то откроются новые ее чрезвычайные преимущества.

Живущий истинно по-христиански христианин имеет Отцом Бога, от Коего рожден и Который особенно благоволит к нему; есть брат Господа Иисуса Христа и член от плоти Его и от костей Его; есть общник и таинник Божий; жилище Бога Триипостасного, сослужебник ангелов и святых. Он получил неоцененную милость питаться телом Христовым и через Слово Божие, как чрез завесу, входить во внутреннейшее, беседовать с Единым истинным Богом лицом к лицу в чистой молитве; отечеством он имеет небо, а в нем – наследие, которого языком человеческим описать нельзя. Можно всем советовать прочитать Преосвященного Тихона о преимуществах христианина в 9-м томе его сочинений.

Чаще должно христианину приводить на память такое преимущество доброго жития, чтобы чаще взывать: что ми есть на небеси?... Судя по такой высоте доброго христианского жития, надлежало бы ожидать светлой для него участи. Но Слово Божие сего не обещает, и на самом деле сего почти не бывает. Начиная жить по-христиански вступает в путь тесный и прискорбный, берет крест и с ним идет вслед Христа. Сам Господь Иисус Христос был обещен, умален паче всех сынов человеческих и пригвожден ко кресту. Апостолам говорил Он: в мире скорбни будете. «Аз избрах вы от мира; сего ради ненавидит вас мир» (Ин. 15:18–19). Апостолы о себе говорили: «до нынешнего часа и алчем, и жаждем, и наготуем... якоже отреби миру быхом всем поспание» (1Кор. 4:11,13). Вслед за ними и во всякое другое время «хотящие жить благочестиво... гонимы бывают» (2Тим. 3:12). Иначе сему быть нельзя. Мир, во зле лежащий, не терпит обличителей. Сатана не терпит противников. А христианин есть ратник Божий против князя тьмы, почему и составляет цель для стрел злости мира с князем его. С самого начала встречает он подозрения, укоры в лицемерии и ханжестве; далее одно за другим последуют личные оскорбления, лишение преимуществ, видимое преследование, озлобление отовсюду, которому никто решительно не может дать отчета из тех, кои производят его. Но когда таким образом внешнее человека-христианина тлеет, внутреннее его обновляется по вся дни. Крест есть лестница восхождения по степеням христианского совершенства. В скудельном сосуде сем созидаются сокровища духа. В

нем воображаются все совершенства частей и сил человека, то есть совершенства духа, души и тела, ума, воли и сердца; и, укрепляясь все более и более, он из младенца о Христе становится наконец мужем, созревшим и готовым в другой мир, подлинный, из сего приговорительного, желает и сам разрешиться и со Христом быть. Наконец трудничающий странник кончает путь, безболезненно скидает странническую одежду, приемлется ангелами, возносится к Престолу беспредельного Бога и поставляется на свое место, в коем и наслаждается неизъяснимым блаженством по духу от таинственного лицезрения Бога, пока во втором пришествии Христовом и мертвенное сие не облечется в бессмертие. Тогда, в целостности существа преисполняясь Божества, будет он вечно сиять, как солнце, в царствии Отца.

После сего вопрос о союзе счастья и блаженства с доброю жизнью решается сам собою: в настоящей жизни для совершенства в духе не даются христианам блага здешние, но внутренними благами духовными они одни только здесь и наслаждаются и, несмотря на все скорби, присно радуются и исполняются миром Божиим, превосходящим всяк ум, от чувства Божиих милостей. В другой жизни, без скорбей, сие блаженство по духу является во всей силе и бывает только духовно до второго пришествия. По втором же пришествии сего блаженства соделается причастным и преобразованное тело наше, и тогда целым существом праведник будет блаженствовать бесконечные веки.

Сей конец венчает дело! О нем ревностно да ревнует душа. А что есть неприятности в жизни, что за беда? Немного... ныне, завтра конец!

2) О грехе

И грех так же, как добродетель, можно рассматривать в трех видах его проявления: аа): 1) как дело, 2) как расположение или страсть, 3) как состояние и греховное настроение души. И жизнь грешная имеет бб) свои возрасты, как и добродетельная.

Грех в трех видах проявления его

а) Грех как дело.

Что есть грех? Грешное дело есть преступление повелевающей или запрещающей заповеди Божией или, как говорит апостол, «грех есть беззаконие» (1Ин. 3:4). Две особенно черты тотчас отражаются в грехе от слов: преступление и заповедь. Там он есть злоупотребление свободы, здесь – презрение закона.

Грех имеет место только в существах разумных – бестелесных и соединенных с телом. Как особенное преимущество Господь даровал им свободу. Но вблизи сего преимущества на одну черту и бездна. Свобода не

связана: можем обращаться к Богу и можем отвращаться от Него. Но сия возможность есть в свободе не для того, чтобы тварь отвращалась от Творца, но потому что составляет природу свободы. Цель и назначение свободы – непринужденное служение Богу, Творцу своему, чтобы тварь, свободно служа Богу и исполняя волю Его, тем больших сподоблялась благ, становилась пространнейшим вместилищем блаженства. Очевидно, что тварь, уклоняющаяся от воли Божией, злоупотребляет свободой. Это говорится с тем, чтобы показать, что она злоупотребляет сама, не по какой-нибудь необходимости или року, а самовольно, имея то есть полную возможность и исполнить волю Божию в то мгновение, когда не исполняет ее. В сем смысле в «Православном Исповедании» говорится, что грех есть необузданная воля человека и диавола. Никто не принуждал диавола восстать против Бога: он это сделал сам собою. Прародителей наших хотя соблазнял сатана, но не связывал свободы, а только обольщал; потому и они, когда преступили заповедь, согрешили свободно, сами собою. И ныне, пусть восстает на нас многообразная похоть, воюют мир и диавол; но все самый грех есть наше вольное дело, непринужденное, плод необузданной воли.

Грех есть преступление, или нарушение закона. Но закон сам в себе остается неизменным. Он разоряется только и нарушается в лице грешащего. Например, неверие есть нарушение закона веры в Бога, но и Бог, и вера сами по себе остаются неприкосновенными. То и другое он нечествовал только в себе самом сам нечествующий тем именно, что не принимает, отвергает, презирает, попирает сей закон. Отсюда презрение закона есть неотъемлемая черта греха; презрение закона, следовательно, презрение воли Божией и противление Богу. Далее, так как закон нравственный напечатлен в существе человека и внутренне соображен и сочетан с его устройством, то, преступая его, человек идет против себя, себя самого разоряет и губит, ибо непреложное условие благосостояния и здоровья всякого существа есть невоспящаемое развитие положенных в нем начал. Посему, можно сказать, грех есть яд и разрушение человека через самовольное нарушение закона. От противления закону неминуемо рождается смерть и возгорается гнев Божий.

Посему вообще характеризуется грех этою необузданностию воли, этим презорством к закону, этою силою разрушительною, кою он возвратно действует на грешника.

Отсюда следует, что нельзя говорить, будто грех состоит в недостатках и несовершенствах наших сил, есть неминуемое следствие нашей ограниченности. Не всеведущ и не всемогущ, потому и святым быть

не может. Правда, наши силы ограничены; но ведь и обязательства, на нас лежащие, не бесконечны, а в точности соответствуют нашей природе. Если б от нас стали требовать ангельской жизни, мы могли бы извиняться, не успевая в ней. А если, будучи людьми, живем не по-человечески, чем извинимся? Равным образом неправда, будто грех есть следствие недалновидности ума, неблагоразумия: цель не ту назначил, средства не те прибрал. Все это бывает и в грехе; но грех, собственно, в развращении воли, по коему и знаем, что должно делать, но не делаем, потому что не хотим. «Ведущему добро творити и не творящему, грех ему есть» (Иак. 4:17).

16) Откуда грех? Что касается до происхождения греха, то оно изумительно и в диаволе, и в человеке. Представьте себе чистейшую и совершеннейшую разумную тварь, каков ангел, только что вышедший из рук Творца с высокими достоинствами, приближавшими его к Творцу; он получает заповедь и скоро потом, ведая совершенно волю своего Творца, ведая запрещение Его, угодное Ему и неугодное, избирает неугодное в противность Ему. Ни одной не видишь мысли, на какой можно было бы основать объяснение такого действия. Это непостижимая тайна нравственная! В духе родилась мысль, или внутреннее слово, и произвела столько зла, что им наполнился весь мир, и зла столь крепкого, что оно пребудет в вечные веки, хотя, несомненно, на разорение себя. Таково существо свободы! Свободное существо есть неточное начало дел, о которых не всегда можно ответить почему? Просто потому, что хочу; а хочу потому, что хочу.

Так и в человеке мало объяснимо рождение греха, ибо и он также согрешил, все зная. В грешнике падшем еще понятно рождение грехов, ибо согрешивший стал рабом греха, привил к себе грех, принял его как бы в правило. Но от чего и как падение человека чистого первого или теперь падение людей, успевавших в добре, познавших его сладость, удостоившихся особенного благоволения Божия, людей праведных? Некоторый свет на сие проливает следующее место из Послания к Евреям : «Блюдите братие, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво неверия, во еже отступити от Бога жива. Но утешайте себе на всяк день, дбндеже днесь нарицается, да не ожесточится некто от вас лестью греховною» (Евр.3:12–13). Здесь указывается, что грех начинается неверием, ослаблением убеждения в истине, омрачением ума. Оно наводит некоторую тень на истину, на Бога, закон Его и Божественный порядок, следовательно, и отдаляет их из сознания по мере увеличения сей тени. Так поступил диавол вначале, омрачив лик Божий в уме прародителей. С

сего же начинается и грех каждого. Посему возочищать веру сколько можно чаще и есть обязанность не желающего грешить. Потом к неверию присоединяется лесь греховная, чаяние великой сладости, какая придет сама, без всякого труда, лишь только согреши. Сие чаяние приковывает внимание и сердце к предмету греха.

Тогда и думается, и желается только один сей предмет. Закон, истина, нужды духа, Слово Бога – все становится ни во что. К ним ожестел человек, или он успел уже установиться в упорстве и непокоривости, готов сказать: отойди, – или отступил от Бога... Не имея же страха Его, как ярый зверь, кидается на грех. В основании же и самой глубине всего лежит сердце лукаво: недобросовестность, внутренний обман пред самим собою и Богом, Которого, однако ж, не отвергает. Оно тут же пребывает во все производство греха и все дело приводит в движение и покрывает собою.

Таким образом, несколько виден механизм греха. Но все же это не есть полное его объяснение. Ибо откуда эта недобросовестность и лукавство в том, кто был пред тем добросовестен и прямодушен? Далее, откуда неверие в том, кто дышал верою, откуда лесь греховная в ненавидевшем грех или ожестение в мягком и благопокорливом? Припомните пример святого подвижника, преуспевшего до того, что ему ангел приносил пищу. Как это сделалось, что он, оставя пустыню, бежал уже в мир? И убежал бы, если б не удержала его милость Божия. Так грех – тайна... мы все грешим и бываем крайне виновны во грехах, но не можем сказать себе, почему грешим.

Поэтому не только через посредственное заключение, но и непосредственно зачало нашего греха можно возводить к диаволу. Он тени и мраки наводит на душу и, держа ее как бы в каком опьянении, доводит до того, что она рождает грех сначала в себе, а потом и во вне. Однако ж, это не извиняет душу, ибо соблазн не необходимость. Грех всегда есть самовольное уклонение от Бога и святого Его закона в угодность себе. Бдите и молитесь: не введи нас, Господи, во искушение!

1в) Виды греха. Чтобы ближе познакомить с грехом, перечисляются здесь разные его виды, ибо в них злая и мрачная природа его очевиднее. В руководство при этом возьмем простую мысль о грехе. Грех есть преступление заповеди, повелевающей или запрещающей что-либо делать; преступление произвольное, непринужденное. Отсюда есть грехи опущения и нарушения заповеди. Господь заповедал: «уклонися от зла и сотвори благо» (Пс. 33:15); должно одно делать, а другого не делать. Посему, когда делаем что не должно, творим грех, и когда не делаем что должно, тоже творим грех. И нарушение, и неисполнение заповеди есть

грех. Первое преступнее последнего, так как нарушение заповеди требует особого напряжения сил и не может произойти иначе как от большого упорства и развращения воли. Должно, однако ж, помнить, что и опущения бывают очень важные и нередко важнее самых нарушений. Это особенно должно сказать о тех случаях, в коих опущение сие зависит от постоянного и всегдашнего небрежения о законе или от презрения к нему, равно как и о тех, в коих опускаются обязанности или важные сами по себе, или такие, коих опущение влечет за собою вредные и разрушительные для других последствия. Таково опущение обязанностей своих отцом, священником, воспитателем и проч. В Слове Божиим нарочито указывается виновность опущения в случае самом решительном, именно – на последнем суде. Так, «неключимому рабу», скрывшему талант, говорится: "вверзите его в тму кромешную» (Мф. 25:30); и тем, кои жестокосерды к бедным, сказано будет: «понеже не сотвористе... отыдите от Мене» (Мф. 25:40–41).

Потому всякому ревнителю о совершенстве нравственном всемерно должно восстанавливать в совести своей чувство обязательства к положительным предписаниям закона и исполнять их; в случае же нарушения возбуждать соответственное жаление и скорбь о том и очищать его покаянием, потому что часто не только необразованные, но даже довольно сведущие в своих обязанностях потому только, что не сделали больших нарушений и преступлений, говорят: да что же такое я сделал? – ни во что вменяя допущенные опущения, сколько б они важны ни были.

Более разнообразия вносится в область греха тем его свойством, что он есть нарушение или опущение заповеди непринужденное, свободное. Так как все действия свободные совершаются взаимодействием разума и воли, то соответственно тому, какая сила больше участвует в грехах или больше на них имеет влияния своим неправым действом – разум ли или воля – и грехи получают разные названия, оттенки и виды.

Дело разума в нравственной деятельности – уяснить человеку его обязанности и потом, в самом исполнении их, строго смотреть за тем как, что и где исполнить. От неисполнения разумом как следует своего долга в том или другом случае происходят, с одной стороны, грехи неведения, с другой – грехи неосмотрительности.

Всякий, помнящий себя и свое назначение, должен по мере сил и возможности собирать познание о своих обязанностях и уяснять себе что и как ему совершить. На то дана всякому совесть, сей неписанный закон, по которому, и не учась, узнают свой долг; в христианстве же к сему присоединяются открытое всем Слово Божие, непрерывная проповедь в

Церкви и устное слово пастырей, касательно коих написано: «вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе» (Втор. 32:7). И еще: «храни зело творити, по всему закону, егоже возвестят вам жрецы» (Втор. 24:8). При всем том, однако ж, нередко каждому почти случается говорить: ах! я и не знал, – то есть упрекать себя в неведении, особенно если дело идет о частных случаях. Но, с другой стороны, и не всякое неведение одинаково грешно. Касательно сего должно заметить:

Кто живет в простоте сердца, стараясь по возможности и узнавать, и исполнять узнанное, а между тем сделает что незаконное, не подозревая греха, с чистою совестью, без всякого сомнения и колебания, того, собственно, один грех и есть грех неведения, то есть такое худое дело, которое человеком творится, но ему в полную вину не вменяется.

Всякий человек, к себе и своему долгу невнимательный, живущий в беспечности и равнодушии к своему спасению, не извиняется, когда делает что худое по неведению. Ибо так как у него нет любви к добру, то он хотя бы и узнал его, вероятно, не сделал бы; он и не узнает его по сей нелюбви или постоянному нехотению добродетели. Такой в два раза грешит: и в том, что не знает и не узнает, и в тех делах, кои творит по сему незнанию. В нехотении узнать долг лежит тайное хотение противного.

Такое неведение тем виновнее, чем развратнейшую показывает волю, именно: чем важнее предмет незнаемый, например, предметы веры и особенно главнейшие ее члены – обязанности, непосредственно к своему званию относящиеся; чем легче кому узнать то, чего не знает или по способностям, или по внешним способам; чем более кто не только имеет, но и чувствует к тому побуждений.

Самый верх нечестия – в неведении, когда кто не знает не только по нерадению и беспечности, но и по отвращению или презрению, пребывая, однако ж, в том порядке, какого не любит. Это именующиеся христианами, а между тем поносящие христианство, хотя не знают его как должно.

И то есть обязанность человека, чтобы быть внимательным к себе и своим делам. Посему если кто и знает свой долг или то, как должно ему поступать, но в самом исполнении долга или действований по обязанности не внимает себе и вследствие того делает разные ошибки и проступки, то он грешит, и грехи такого рода называются грехами неосмотрительности и опрометчивости.

Касательно сего рода грехов должно знать:

Что в настоящем нашем состоянии расстройств сил или их подвижности и неустойчивости нельзя за всем усмотреть – и внутри и во

вне. Потому если кто из строго наблюдающих за собою, живущих с бодренным сердцем и трезвеною мыслию, нехотя, сам не зная как, впадет в какое прегрешение мыслию, словом или делом и потом, заметивши его, тотчас отвергнет ненавистию сердечною, а себя освятит покаянною молитвою: «от тайных моих очисти мя» (Пс. 18:13) – того проступок невинен: это дело немощи, но не злонамеренности, например набег осуждения, зависти и под. Только главное: заметивши, надо отвергнуть сердцем, ибо кто примет его после и усладится им, тот после изберет то, чего прежде не видал и что совершил не зная и не избирая.

Тот же, кто, хотя и внимателен к своему долгу, имеет желание быть исправным как следует, только в час действия позволяет себе предаваться влечению своего характера или чувствам сердца, например вспыльчивости, веселонаравию, суровости, ложной снисходительности и проч.; того дела суть дела преступной неосмотрительности и потому грешны. И грех их тем значительнее, чем предмет их дела и сам по себе, и по своим последствиям важнее, чем более опыт обличал уже недоброту такого поведения и чем легче человеку поправить такую ошибку. Виновность здесь умалается только старанием поправлять себя, что делается не вдруг, а постепенно и потому среди падений.

Человек рассеянный или решительно небрежный, неблаговольтельно смотрящий на добродетель и нравственность, есть в корне злой грешник. Его греховность тем более тяжка, чем бесстыднее его неглижерство, настоятельнее презорство к долгу и яснее сознание всего сего.

Так, трезвиться и бодрствовать должно, препоясав чресла помышлений своих. Надо обоими глазами смотреть под ноги, чтобы не споткнуться, и молиться: стопы моя направи по словеси Твоему. Когда хотят различать грехи по участию в них воли и самодеятельности человека, то обращаются или к исходищу и началу греха, или к его образованию из мысли в дело.

Как вообще все дела человека или исходят непосредственно от его лица, или совершаются вследствие требований и возбуждений сторонних, приходящих со вне, или от низших его сил; так и грехи иной совершает по увлечению развратных желаний, а иной – по хладнокровному соображению. Последние суть грехи злости или злонамеренности и разврата, а те – грехи страсти и увлечения.

Нет нужды и указывать на то, что грехи, исходящие из развратного и злого ума и сердца, суть последней степени тяжести. Ибо тут человек становится сам в своем лице исходищем зла, следовательно, близким подобником злого сатаны, услаждающегося злом и о нем только и

помышляющего. Таковой стоит уже во глубине зол, в которую пришедши "нерадит" (Притч. 18:3), и «не уснет, аще не сотворит зла» (Притч. 4:16). Но и о грехах по увлечению должно сказать, что они никак неизвинительны. Справедливо, что теперь природа наша страстна, слаба, расстроена и падка на самоугодие, но это не делает необходимым согласие на ее худые требования. Сие согласие всегда в руках наших, тем более у тех, коим силы даны и обещана крепкая помощь за воззвание (Флп. 4:13). Посему называть грехи по увлечению и страсти грехами только слабости, значит отверзать пространную дверь расслабления и нечистоты в нравственный мир. На опыте хотят это титло усвоить более влечениям похоти, вкуса, инстинкта, движения полноты или игrania жизни. Видимо, что откуда больше зла, к тому и хотят быть снисходительными. Как бы ни было сильно увлечение, но если предмет избирается и желается, то дело обличает развратность воли и есть безнравственно. Отсюда разве только те должно исключить случаи, в которых мгновенное, нечаянное бывает воскипение страсти, а между тем столь сильное, что человек, как в опьянении или омрачении ума, увлечется ко греху. Но и такие случаи очень редки и в лице одном могут быть только однажды. И, вообще, большая или меньшая виновность сего греха зависит от меньшей или большей силы влечения, от большей или меньшей старости и новости страсти, больше или меньше ясного сознания своего состояния. Новые оттенки в сем роде грехов бывают оттого, вольно или невольно, изнутри сама собою или по внешнему возбуждению воскипает страсть. В последнем отношении обстоятельства места, времени, лиц и проч. представляют нередко удобные случаи ко греху, нередко увлекают в грехи, возбуждая страсть. Но и это не извиняет греха, а напротив, и при сем тем грешнее грех, чем больше случай, вовлекший в него, был предвиден и состоял в нашем распоряжении. Ибо тут очевидно – идущий в огонь хочет обжечься. Кто ходит в такой дом, где или мысли, или сердце набираются худа, сам виноват, если делает потом худо. Но и в обстоятельствах непредотвратимых скорее должно понести ущерб, показать опыт самоотвержения, нежели ввергать в опасность дух, для коего и тело, и мир, и время.

Способ образования греха из мысли в дело у святых отцов определен с точностию, и с точностию тоже определена виновность каждого в сем ходе дела момента. Весь ход дела изображается так: сначала бывает прилог, далее – внимание, потом – услаждение, за ним – желание, из него – решимость и наконец – дело (см. Филофея Синайского. Добротолюбие, т. 3., гл. 34 и далее). Чем далее какой момент от исхода и чем ближе к

концу, тем он значительнее, развратнее и грешнее. Верх виновности – в деле, и ее почти нет в прилоге.

Прилог есть простое представление вещи, от действия ли чувств или от действия памяти и воображения представшей нашему сознанию. Здесь нет греха, когда рождение образов не в нашей власти. Иногда, впрочем, посредственно переходит сюда виновность, когда, например, образ соблазнительный впадает на мысль по причине допущенного позволения на мечты. Нередко и самодеятельно вызывается образ, тогда, по качеству его, сие дело становится грехом, ибо человек обязан держать ум свой в вещах Божественных.

Внимание есть установление сознания или ока ума на родившемся образе с тем, чтобы осмотреть его, как бы побеседовать с ним. Это есть медление в помысле единичном или многосложном. Сие действие более во власти человека, ибо родившийся против воли образ можно тотчас изгнать. Потому оно и более виновно. Кто внутренне смотрит на преступный предмет, тот обличает худое настроение сердца. Он походит на того, кто в чистый жилой покой вводит нечистое животное или вместе с честными гостями сажает отвратительного нечестивца. Иногда, правда, предмет приковывает к себе внимание своею новостью, поразительностью, но все, после того как сознана его нечистота и прелесть, должно изгнать его вон, ибо иначе тут будет участвовать соизволение, и из невольного дело сие станет произвольным. Вообще, сей момент очень важен в нравственной жизни. Он стоит на переходе к делам. Кто прогнал помыслы, тот погасил всю брань, прекратил все производство греха. Потому и советуется все внимание обращать на помыслы, с ними воевать. Сюда преимущественно направлены и все правила святых подвижников. Отсюда само собою видно, какой цены грехи воображения и самовольных мечтаний. Где им соизволяется, там они грех. Но сей грех грешнее, если к тому употребляются какие-нибудь внешние средства, например, чтение, слышание, зрение, разговаривание. Сии последние также оцениваются как случаи ко греху.

Услаждение есть приложение к предмету вслед за умом и сердца. Оно приходит, когда вследствие внимания к предмету он начинает нам нравиться и мы находим удовольствие в умном смотре на него, лелеем его в мысли. Услаждение греховными предметами есть уже прямо грех. Ибо если сердце наше должно быть предано Богу, то всякое его сочетание с другими предметами есть нарушение верности Ему, разрыв союза, измена, духовное прелюбодеяние. Должно сердце свое хранить в чистоте, потому что из-за него помышления ума становятся злыми (Мф. 15:18),

когда то есть оно начинает услаждаться ими незаконно. Есть, впрочем, усладительные движения плоти и сердца, несколько не зависящие от произвола, каковы все движения потребностей. Но и они, невинные вначале, тотчас становятся не безвинными, коль скоро признаны и прикрываются благоволением к ним или согласием на незаконное удовлетворение им. Вначале они суть движения естественные, а потом становятся уже нравственными. Посему говорят: заметив их, вознегодуй. Отсюда само собою следует, что должно думать об эстетических наслаждениях. Они преступны в той мере, в какой их содержание или форма несообразны с чистотою сердца и нравов. То же и относительно мастерских произведений ремесленников: одобрять их умом за приспособленность к цели есть должное дело, а предавать себя их эффекту ради пустого минутного услаждения – худо. Да и вообще, отходя ко сну, молимся о прощении, если доброту чуждую видею, тою уязвлены были сердцем, чтобы тем очистить сердце свое от всех увлечений днем. Во многих, впрочем, случаях услаждение вырывается необходимо или неудержимо. Тут одно правило: не соизволяй, отринь, вознегодуй.

От услаждения один шаг до желания. Отличие между ними то, что душа услаждающаяся пребывает в себе; напротив, желающая склоняется к предмету, имеет к нему стремление, начинает искать его. Оно никак не может быть безвинным, ибо совершается согласием или рождается современно с ним, как бы из под него; согласие же всегда в нашей воле.

От желания еще одною чертою отличается решимость, именно тем, что в состав или в условие рождения ее входит уверенность в возможности и видение средств. Желающий изрек согласие на дело, но еще ничего не придумал и не предпринимал к достижению своей цели; у решившегося все уже осмотрено и решено, остается только приводить в движение члены тела или другие силы для соответственного производства дел.

Когда же наконец и сие будет совершено, тогда кончается все делопроизводство греха и является дело – плод развращения, зачатого внутри и родившего беззаконие во вне.

После услаждения так быстро стремление к делу, как падение тяжкого камня по крутому скату. Посему-то общее правило: бори и гони помыслы, пока еще ими не уязвлено сердце, ибо тогда очень трудна, если не невозможна, победа. В главнейшем ходе образования греха заметно, как одна за другою силы человека сочетаются с грехом. После того, как в услаждении осквернено сердце, в желании оскверняется воля; в решимости, через изобретение средств, становится причастником сей скверны и рассудок; в деле, наконец, и самые силы тела проникаются

грехом: и стал весь человек грешен.

Здесь должно заметить:

Уже и тот, кто возжелал или изрек согласие на дело внутренно, в нравственном смысле совершил грех пред Богом, видящим тайная сердец. Кто «зачал похоть, родил грех», говорит апостол Иаков (Иак.1:15); и «вождевший при воззрении на жену уже слубодействовал с нею», говорит Господь (Мф. 5:28). Однако ж решившийся грешнее его по большему напряжению сил на грех, по большему объему огрешения внутреннего, по большему упорству и развращению воли. От решимости до дела одна черта.

Хотя в желании и решимости есть уже грех, однако ж, из сего не должно заключать, что самому делу грешному нечего прибавить к их греховности, и оно грешно не более их. Решившийся может еще или имеет время отказаться от дела и, следовательно, однажды воспротивившись закону, оказать ему покорность в другой раз, когда он в совести предъявит свои требования; между тем сделавший дело попирает закон и внутренне, и внешне. Совершающий дело во все продолжение его борется с совестью, которая не престаёт вразумлять его, следовательно, более развращает себя и расстраивает свою нравственную природу.

Совершающий дело всего себя исполняет грехом, все силы и все существо свое наклоняет к нему и направляет; оттого в первом уже деле полагает основание привычке, ибо сделавший однажды скорее и охотнее сделает в другой раз и так далее, особенно плотские грехи. Наконец злые следствия от греха начинают являться уже по совершении его. Соблазн, расстройство здоровья, ущерб для себя и других происходят уже от дела.

Отсюда само собою очевидно, как думать о грехах, кои не совершаются делом не по свободному произволению, а по нужде или внешней невозможности. Тяжесть сего греха равна почти делу. Разность между ними только в следствиях, и притом все внутренние следствия уже есть, недостает только внешних. В сем отношении разность тем менее или значительнее, чем меньших или больших худых следствий ожидать должно было от дела. Где их нет и не бывает, там, можно сказать, и разность исчезает.

На сем основании различаются грехи внутренние и внешние.

К числу внешних грехов можно относить и грехи чужие, вменяемые нам, ибо в таком случае другие бывают как бы исполнителями нашего внутреннего греха, то же, что наши силы и наше тело для наших желаний. Ибо через что мы становимся участниками чужих грехов? Через то, если на грех, ими совершаемый, есть наше развращенное желание, и при их

деле мы не обнаруживаем только пред другими, но самым делом имеем и питаем внутри презрение и неуважение к нарушенному другими законом нравственности, как тогда же видится сие и в совести нашей. После сего само собою разумеется, что во столько вменяется нам чужой грех, во сколько велико наше в нем участие и во сколько тем является наше презрение к нравственному закону. Способы, как сие делается, суть: приказ больше или меньше строгий, совет больше или меньше убедительный, согласие с большим или меньшим услаждением, соблазн больше или меньше намеренный и льстивый, незамечание или попускание с большею или меньшею поблажкою, также одобрение, непротиводействие, необъявление. Как важными могут быть чужие грехи, можно судить по тому, как грешен грех родителя, не останавливающего своих детей, или воспитателя, не исправляющего слабостей воспитанников, или образованного превратно, который книгами, картинами, статуями повсюду рассеивает соблазн. Вообще, чем легче бывает остановить зло и содействовать благу, тем злее и безнравственнее наше участие в чужих грехах.

Так строятся дела! Потому снова напоминает: трезвиться и бодрствовать подобает, себе внимать и сердце свое блюсти от всякого приражения греховной скверны!

Наконец грехи еще различаются по разной степени важности. Об этом нечего много толковать. Из простого и краткого рассмотрения грехов видно, что они имеют неодинаковую степень важности и силы, но есть слабые, злые и злейшие. Сия разная важность их зависит иногда от их предмета, а иногда – от степени развращения сердца, участвующего в них.

В первом отношении грехи называются тяжкими и легкими.

Как обязанности, лежащие на человеке, имеют неодинаковую важность, так и нарушение сих обязанностей, или грехи, неодинаково тяжки. И правила для определения сей тяжести соответствуют правилам для определения важности обязанностей. Именно грех тем более тяжек, чем более он вносит расстройство в мир нравственный, то есть чем больше противоположен нравственно-христианскому духу жизни, любви к Богу и ближним, как например, богохульство или нескромное стояние в церкви; чем больше совестию и откровением приложено к известному делу оснований, связывающих нас необходимостью в отношении к нему, например, непочтение к родителям и простому человеку; чем наконец значительнее количество материи греха... например, украсть мало или много, оскорбить словом или делом, в первый или уже не в первый раз.

Но все это как бы мысленная только мерка для определения тяжести

грехов. В действительности же она подлежит разнообразнейшим условиям, кои, надобно сказать, нелегко определяются теорией. Помнить, впрочем, надобно, что сие различие грехов тяжких от нетяжких полагается совсем не с тем, чтобы быть дерзновеннее и смелее в иных грехах. Грех всякий есть тяжкий грех, ибо оскорбляет Бога. Потому вообще от всякого и должно блюстись. Только есть разные степени тяжести грехов, так разные, что иные грехи кажутся легкими сравнительно с другими, почему легкость сия есть только относительная. Знать же сие не бесполезно для нравственного внутреннего порядка, для изощрения нравственного чувства, особенно для избежания смятений совести или уврачевания сей ее болезни. Ибо иной на каждом почти шагу думает, что он тяжце согрешил. Такого решительное, мирное, численное определение тяжести грехов очень вразумит. Но и для беспечного это может быть спасительно, чтобы потрясти и утешить, если по самозабвению слишком легкомысленно думает о своем грехе и порочном поведении.

Как добродетель не в одном деле состоит, но еще паче во внутреннем расположении, так и грех. Потому значительнее различие важности грехов по внутреннему греховному расположению. В сем отношении грехи разделяются на смертные и несмертные.

Смертный грех есть тот, который отнимает у человека нравственно-христианскую жизнь его. Если нам известно, в чем нравственная жизнь, то определение смертного греха не трудно. Жизнь христианская есть ревность и сила пребывать в общении с Богом исполнением Его святого закона. Потому всякий грех, который погашает ревность, отнимает силу и расслабляет, отдаляет от Бога и лишает Его благодати, так что человек после него не может воззреть на Бога, а чувствует себя отрываемым от Него; всякий такой грех есть грех смертный. Об этом грехе говорится, когда говорится: «есть грех к смерти» (1Ин. 5:16). И еще: «питающаяся пространно, жива умерла» (1Тим. 5:6). Или «нелюбая... пребывает в смерти» (1Ин. 3:14). Такой грех лишает человека благодати, полученной в крещении, отнимает Царство Небесное и отдает суду. И это все утверждается в час греха, хотя не совершается видимо. Такого рода грехи изменяют все направление деятельности человека и самое его состояние и сердце, образуют как бы новое исходище в нравственной жизни; почему иные определяют, что смертный грех есть тот, который изменяет центр деятельности человеческой.

Это отвлеченное определение смертного греха более становится близким к делам нашим через следующие правила или условия, по коим грех становится смертным. Именно – он смертен, если кто преступает

ясную заповедь Божию с желанием и услаждением, с сознанием себя и греховности дела. Если есть степени в смерти, то надобно сказать: грех тем смертнее, чем важнее каждая из сих сторон греха. При сем должно заметить, что важность предмета, как это само собою очевидно, при сознании его греховности не оставляет никакого сомнения в смертности соделанного греха; но и в отношении к предметам меньшей важности может быть грех смертным, судя по развращению воли, с каким он совершается, или презрению через него закона, или хвастовству через него несвязности законами нравственными.

В «Православном Исповедании» подробно описаны смертные грехи (ч. 3, вопр. 18–42). Они разделяются на три класса. К первому относятся грехи, служащие источником для других грехов. Ко – второму против Духа Святого, именно: безмерное упование на благодать Божию, отчаяние, противление ясной истине, также зависть к духовным совершенствам других, застарение в злобе, отложение покаяния до смерти. К третьему – грехи, вопиющие на небо, каковы: вольное убийство, содомское дело, обида нищих, вдов и сирот и лишение мзды наемников, оскорбление и досаждение родителям.

Грех несмертный, иначе простительный, по противоположности со смертным, есть тот, который не погашает духовной жизни, не отдаляет человека от Бога, не изменяет центра его деятельности, при котором можно без смущения обращаться к Богу и беседовать с Ним в молитве искренно. Такого рода грехов бесчисленное множество, и от них никто не свободен, кроме Господа Иисуса Христа и Пречистой Богородицы. Посему сказано: «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1Ин. 1:8), или «много бо согрешаем вси» (Иак. 3:2), еще: «седмерицею падет праведный» (Притч. 24:16); «яко несть человек праведен на земле, иже сотворит благое и не согрешит» (Еккл. 7:20).

Трудно, однако ж, определить, какие именно эти грехи, тем больше, что несмертность греха зависит и от внутреннего расположения духа, а не от одной маловажности предмета его. Решительно только можно, сказать, что все грехи невинного неведения, неосмотрительности ненамеренной, иногда неприличия и неблагоразумия легкого суть грехи несмертные, извинительные, потому особенно, что в них не участвовало намерение и желание сделать что недоброе. Кто, увидев их в себе, осудит отвращением, тому простятся они. Вообще, все легко худое, без сознания худости совершенное, есть грех простительный. Худость таких дел и близость к смертному греху возрастает по мере сознания их худости при совершении их. Это особенно должно сказать о вещах безразличных, когда они

совершаются не с худою целью, но и не с доброю, а в естественном их порядке. В последнем случае они могут заимствовать худость от того действия, какое производят на душу человека, например, прогулка может оставлять рассеянность в мыслях и возбуждать движение похоти. Кто заметил, что она имеет худое на него влияние и сознал вместе, что по сему самому он обязан прекратить ее, а между тем не прекращает, тот, очевидно, хотя легко, но оскорбляет совесть, нарушает ее покой и чистоту. Очевидно, что такого рода грех уже выступил из несмертного и очень приблизился к смертному, а учащение действительно превратит его в такой. Ибо больше всего и замирает жизнь духа от развлечений.

Посему-то, вообще, предписывается бегать, сколько возможно, и простительных, и смертных грехов, тем паче с того времени, как признана их греховность. Кто искренно любит Бога, тот не должен попускать пятнать пред лицом Его чистоту своего сердца из какой-нибудь маловажной и пустой привычки. Притом и малые грехи уже сродняют с греховностию и потому пролагают путь большим грехам. «Уничижаяй малая по мале упадет» (Сир. 19:1). Надо еще подумать, не обманываемся ли мы в том, что это грех малый; может быть, он в существе большой и злой!

Из сего рассмотрения о греховных делах всякий может уразуметь, как посреди сетей ходим! Будем вопиять: избави ны от ловящих нас!

б) О грехе как расположении.

Греховное расположение, иначе греховная склонность, страсть, есть постоянное желание грешить известным образом, или любовь к греховным каким-нибудь делам или предметам. Так, например, рассеянность есть постоянное желание развлечений, или любовь к ним.

Такие пристрастия или греховные склонности в нравственной жизни имеют великое значение. В них – крепость зла, как в добрых расположениях – крепость добра. Что крепости в государстве, то они в душе. Через них грех или сатана воздвигает себе крепости в сердцах и из них безопасно действует, не страшась как бы противной стороны. Страсть в отношении к деятельности человека есть истинное духовное рабство: ибо человек ею, как вedomый, ведется на зло, даже сознавая свою беду, даже не хотя уже его. Как невольника связанного влечет пленивший куда хочет, так делает и страсть с грешником. «Велико, – говорит св. Златоустый (Бесед. 7 на 2 Кор.), – обычая мучительство, потому что он превращается в истинную потребность». «Имже кто побежден бывает, сему и работен есть» (2Пет. 2:19). «Творяй грех, раб есть греха» (Ин. 8:34). Природа человеческая здесь терпит полное унижение от греха. Иной и

воздержится мало, но потом, при случае, как огонь, воскипает страсть и увлекает к обычным делам. Иной терзается, мучится, окаявает себя, когда страсть утихает; но лишь придет она в движение, беспрекословно покорствуется ей и охотно предается в руки мучителя своего. У иного сила ее до того доходит, что ни убеждение, ни страх, ни стыд, ни беды, ни даже смерть не сильны отворотить его от дела. Человек, работающий страсти, есть беднейшее существо. Если смотреть на страсть в отношении к Богу или на ее значение в нравственном мире, то она есть истинное духовное идолопоклонство. Коль скоро есть страсть, или любовь ко греху, то предмет его, как идол, стоит в сердце, которое потому становится для него капищем и в жертву ему приносится все с охотным послушанием всякий раз. «Не можете Богу работати и мамоне», сказал Господь (Мф. 6:24). Чье сердце пристрастилось ко греху, для того он Бог. Посему для чревоугодника «чрево – Бог» (Флп. 3:19), для лихоимца – деньги (Кол. 3:5). Откуда страсти? Ни один человек не рождается со страстию определенной. Каждый из нас приходит в свет сей только с семенем всех страстей – самолюбием. Сие семя потом жизнь и свободную деятельность развивает, растет и раскрывается в большое дерево, которое ветвями своими покрывает всю греховность нашу, или всю область грехов, потому что всякий грех непременно уже укрывается под ним или висит на какой-нибудь его ветке. Главнейшие ветви самолюбия суть гордость, лихоимание, сластолюбие. От сих отрождаются уже все другие страсти, но между ними не все одинаково важны. Замечательнейшие суть блуд, чревонеистовство, зависть, леность, злопамятование. По силе своей они равняются первым, с которыми вместе составляют семь начальнейших страстей ибо суть возбудители греха и родители всякой другой греховной склонности и страсти. Как и какие страсти далее развиваются из них – смотри «Православное исповедание», ч. 3, вопр. 18–40.

Отсюда видно, что все страсти состоят между собой во взаимной связи и взаиморождении, подобно добрым расположениям, и имеют различную силу и греховную тяжесть. Нет сомнения, что всякая страсть есть тяжкий и смертный грех, ибо отдаляет от Бога и погашает ревность к богоугодной жизни. Однако ж страсть тем злее и преступнее, чем злее и безнравственнее ее предмет, чем существеннейшее нарушаются ею обязанности и чем она застарелее.

Никак не должно думать, что страсти образуются естественно, сами собою. Всякая страсть есть дело наше. Позывы на то или другое греховное происходят из растления нашей природы; но удовлетворять ему, тем более

неоднократно, до привычки, состоит в нашей воле. Так, гордость утверждается частым гордением, лень – частою недеятельностью, зависть – частым завидованием, сварливость – частою бранью и проч.

В составе страсти должно различать сердечное расположение и привычные действия, удовлетворяющие страсть. Когда человек бывает в состоянии образовавшейся страсти, тогда то и другое, можно сказать, равносильно. Но прежде, нежели страсть придет в силу, хотя расположение страстное, или страсть, в сердце уже есть, но привычка к действиям соответственным может быть очень слаба. Наоборот, когда человек войдет в себя, поймет свою опасность от страсти и решится погасить ее, страсть уже ненавидится, гонится и преследуется человеком; но привычка к действиям, удовлетворяющим страсть, к которым настроены части и силы души и тела, долго еще соблазняет, иногда вырывает удовлетворение как бы против воли, иногда увлекает как бы неудержимо. Потому-то долго, долго надобно трудиться над искоренением внедрившегося порока, пока действия и движения сил привыкнут к противоположным оборотам.

Об искоренении страстей надо писать целые книги... Потому здесь упоминается о сем малое нечто. То нерешительный признак, что кто-нибудь исправляет свое сердце, если он удерживается только от внешних дел, соответствующих страсти; ибо при сем может и любовь страстная таится внутри, и, следовательно, по сердцу сей человек может оставаться страстным – неуправляемым. Также вспышка ненависти на страсть и недовольство собою за нее, думание и передумывание, как отучить себя от страсти и победить страсть, нерешительный того признак, ибо это состояние минутное: пройдет, и сердце опять помирится со страстию. Но если кто с сей минуты негодования на страсть примет твердое и решительное намерение преследовать ее и, не жалея себя, начнет искоренять ее, то такое устремление против страсти есть истинное начало исправления; а благонадежность исправления зависит от постоянства и неизменности намерения и действия против страсти, ибо конец венчает дело. Хорошее начало есть половина дела, но другая половина исполняется уже в конце начатого поприща; или лучше, до самой смерти человеку страстному, исправляющему себя, должно думать, что он сделал только половину или только начал. От дел страстных иногда скоро отвыкают, но так как силы души подвижнее членов тела вещественных, то вообще не советуется верить погашению страсти, будто ее нет уже, или она умерла. Во всякое время ее лучше сравнивать с прикинувшейся змеею, которая при всяком удобном случае готова уязвить, или с обмершим

насекомым, которое при благоприятных обстоятельствах легко оживает. Посему бдеть надо и молиться! Немалая, впрочем, в сем отношении разность у стоящих в добре людей, именно у тех, кои не рабствовали прежде страстям, с теми, кои рабствовали им, но исправились. Что прилично одним, то не всегда может быть принимаемо другими. Те могут действовать с большею свободою, последним должно всегда ходить так, как около огня. Сим же решается недоумение: как же некоторые святые позволяли себе льготы и утешения? Нам же почему необходима такая строгость?! Потому что они были целы, а мы были изломаны. Как тем, у кого были вывихнуты какие-либо члены, по установлении последних на своих местах не позволяют действовать свободно, а предписывают крайнюю осторожность, так и тем, кои падали в страсти и исправились, нужна строгая осмотрительность во все дни жизни их.

Спрашивается: что думать о некоторых чувственных привычках к вещам и делам различным, то есть привычках удовлетворять потребности тела и чувств известным, определенным образом, например, привычке к известной пище, к цвету и проч.? Как любовь к чувственному, это есть нечистота, но когда предмет ее – вещь безразличная и, особенно, не влекущая за собою расстройства в духе и благочестивом состоянии, то это есть дело извинительное, то, что прежде названо грехом несмертным, легким и прощительным. Истинные, впрочем, ревнители благочестия, посвящая сердце Богу, тотчас замечают, что хотя небольшое, однако ж все полагают, препятствие всему сии пустые привычки, подобно тому, как длинное платье мешает скоро идти, потому стараются освободить свое сердце и от них, чтобы как они безразличны, так и сердце было безразлично в отношении к ним. Какая бы ни была привычка, но все же она – связка. Всякий невнимательный есть раб страстей и привычек. Приходя в себя, всеконечно, все внимание и тщание должно ему обратить на страсти, ибо в них седалище греха. Но, одолевая их, должно потому отрешаться и от привычек, чтобы, подобно свободной голубице, полетать и почить в Едином Всеблаженном и Всеублажающем Боге.

И так молиться подобает: сердце чисто созижди во мне, Боже! – и со страхом и трепетом свое спасение содевать! Один Бог весть, что породит находящий день. Но то утешение нам, что близ есть Господь всем призывающим Его во истине.

в) О грехе как состоянии, или греховном настроении.

Греховное настроение духа легко определить по противоположности с настроением духа добродетельного, как оно изображено прежде. Так, в нем нет жажды Божественного; он не ощущает и даже не чаает в нем никакой

сладо́сти, а иной даже отвращается от него и бежит; нет силы: «часто хотел бы», говорит он, «но не могу пересилить себя»; нет богообщения: он отвратил очи свои от Бога и не только не взирает на Него, но и не хочет взирать и даже боится. Внутреннее чувство и совесть уверяют его, что он отпал от Бога, отрывается Им; вместо желания ходить в воле Божией у него есть своеволие, или он избрал началом для своей деятельности свою волю, делает что хочет; вместо ожидания небесной помощи у него самонадеянность, или вообще земные средства, какие в его руках: имение, покровительство и проч.; нужды в защите со стороны веры и Церкви Христовой у него нет. Христос и Святая Церковь становятся для него и суть что-то стороннее, не совсем нужное, если не излишнее. Главные, впрочем, между сими чертами суть жизнь в своей воле с отвращением от Бога или невниманием к Нему и Его закону. Другие черты собираются уже около сего и из сего развиваются. Впрочем, судя по обстоятельствам, у иного одна, а у другого другая черта выдается из-за других, бывает очевиднее и злее. Также, судя по силе каждого из сих элементов, и самое состояние греховное бывает более или менее упорно и развращенно все сие по противоположности с добрым настроением духа. И условия для определения степеней греховности сейчас же видны из подобной противоположности, именно: чем кто стремительнее к похотям своей воли, чем больший объем грешных дел берет на свою долю, чем настойчивее в преодолении препятствий внешних и внутренних, особенно со стороны сторонних увещаний и внушений совести, чем развращеннейшие имеет цели в гре-ходеяниях, тем хуже, злее и опаснее греховное настроение. Сие все возрастает оттого, если кто и больше получил даров и благодеяний и особенно вкусил благодати Христовой, больше имел возбуждений внешних и внутренних, больше и яснее знает порядок нравственной жизни доброй и злой.

Наконец, и отношение греховного состояния, страстного расположения и грешного дела в грехе точно такое же, какое и в добродетели соответствующих им добрых сторон. Отвратившийся от Бога в свою волю частым повторением грешных дел одних и тех же, осаждает в сердце пристрастие к ним. Разность только в том, что добрый борется со страстями и нехотением добра, а грешник с совестью, претящую ему грешить и побуждающею образумиться. Остатки добра противятся греху, – сему злу, входящему в сердце; развращенная воля посекает добро, чтобы воцарить зло. Как происходит сия несчастная и бедственная борьба человека с собою на погибель себе отчасти изображено Господом в притче о блудном сыне. Тут видно, как от одного простого, будто и благовидного

помысла, непрогнозируемого в свое время, зарождается в сердце порочное желание и образуется своя воля, как потом за ним следует дело за делом, пока не дойдено до края развращения. Так камень, брошенный по скату горы, останавливается уже на самом дне ее пропасти.

г) Возрасты греховной жизни.

Различают и в греховной жизни возрасты, как есть они в истинно христианской жизни. В Слове Божиим о грешнике вообще говорится, что он, все более и более «преуспевая на горшее» (2Тим. 3:13), "приходит наконец в глубину зол» (Притч. 18:3); означаются и степени ниспадения в сию глубину, например, он «болит неправдою, зачинает болезнь и рождает беззаконие» (Пс. 7:15); или, яснее, по противоположности с мужем, убажваемым в первом псалме, идет на «совет нечестивых», останавливается на «пути грешных» и наконец садится на «седалище губителей» (Пс. 1:1). Последние выражения можно принять за характеристические черты греховных возрастов. Их тоже три: младенческий, юношеский, мужеский. В первом – грешник только пошел в грех, во втором – остановился в нем, в третьем – стал распорядителем в его области.

Младенческий возраст. Это период образующейся греховной жизни, не установившейся в своих формах, колеблющейся; время борьбы остатков внутреннего добра и света с вступающим злом и тьмою. Здесь поблажающий греху человек все еще думает отстать от него; мало-мало, говорит он себе, и брошу. Грех еще кажется ему как бы шуткою, или он занимается им, как дитя, резвящееся игрушкою; он только будто рассеян и опрометчив. Но в сем чаду, в сем состоянии кружения невидимо полагаются основы будущему ужасному состоянию грешника. Первые черты, первые линии его полагаются в первый момент отдаления от Бога. Когда сей свет, сия жизнь и сила сокрываются от человека, или человек сокрывает себя от них, вслед за тем начинает слепнуть ум, расслабляться и нерадеть воля, черстветь и проникаться нечувствием сердце, что все и заставляет человека часто говорить себе: нет, перестану. Но время течет и зло растет. Кто-то из ума крадет истины одну за другою; он уже многого не понимает даже из того, что прежде ясно понимал; многого никак не может удержать в голове по тяжести и неуместимости того в теперешнее время; наконец совсем ослепляется: не видит Бога и вещей Божественных, не понимает настоящего порядка вещей, ни своих отношений истинных, ни своего состояния, ни того, чем он был, ни того, чем стал теперь и что с ним будет... вступает во тьму и ходит во тьме (см. прп. Тих., ослеп, чел., тол. 5). Воля, побуждаемая совестью, все еще иногда радеет и приемлет

заботы о спасении человека... иногда он напрягается, восстает, удерживается от одного или другого дела в надежде и совсем поправиться, но и опять падает, и чем более падает, тем становится слабее. Прежние остановки и отказы делам действительные превращаются в одни бесплодные намерения, а из намерений – в холодные помышления об исправлении; наконец и это исчезает. Грешник как бы махнул рукою: так и быть, пусть оно идет, авось само как-нибудь остановится! И начинает жить как живется, предаваясь порочным желанием, удерживаясь от явных дел, когда нужно, не беспокоясь ни угрозами, ни обещаниями, не тревожась даже явным растлением души и тела. Грех есть болезнь и язва. Сильно терзает душу после первого опыта. Но время все сглаживает. Второй опыт бывает сноснее, третий еще сноснее и т.д. Наконец душа немеет, как немеет часть тела от частого трения по ней. То были страхи и ужасы, и гром готов был разразиться с неба, и люди хотели будто преследовать преступника, стыд не давал покоя и не позволял показываться на свет; а тут наконец все ничего! Человек смело и не боязненно продолжает грешить, понять даже не умея, откуда это прежде бывали у него такие тревоги. Когда таким образом образовались ослепление, нерадение и нечувствие, видимо, что человек-грешник остановился на пути грешных. Все добрые восстания улеглись... Он покойно, без смущений и тревог, пребывает в грехе... Здесь вступает он в период юношеский.

Возраст юношеский. Это период пребывания в грехе или стояния на пути грешных в слепоте, нечувствии и нерадении. Высшие силы человеческого духа поражены летаргическим сном, а силы греха возобладали над ними и как бы наслаждаются покоем. Сначала это есть как бы точка безразличия. Но с сей точки начинается покорение лица человеческого греху. Силы его одна за другою приводятся к подножию греха и поклоняются ему, принимают или признают над собою его царскую власть и становятся его агентами. Поклоняется ум и принимает начала неверия, поклоняется воля и вдается в разврат, поклоняется сердце и полнится робостию и страхом пред грехом и греховным началом. Не все спит грешник, иногда и просыпается. В это время хотел бы все оставить, но боится начать сие дело по непонятной некоторой робости, в которой отчета дать нельзя. Так застрашивается человек тиранством греха, что о возмущении против него как бы и подумать не смеет. Тут свидетельство, как через грех глубоко падает сила духа и поносное рабство ему до чего унижает благородное лицо человека! Ум сначала только не видит или теряет все истинное, но с продолжением времени вместо истины вступает

в него ложь. Здесь все начинается сомнением или простыми вопросами: почему так, не лучше ли так или вот этак? Вопросы сии сначала пропускаются без внимания, только тень некоторую, подобно сети паутинной, налагают на сердце; но, прилегая к нему ближе, сродняются с ним и обращаются в чувство; чувство сомнения есть семя неверия. Начинают говорить свободно, потом сшивать остроты, наконец презирать и отметаться всего Божественного и святого. Это неверие! И воля спит в беспечности, действуя по началам недобрым, сама того не замечая, как ими вытесняются начала добрые. Она может пребывать покойною, не высказывая резко своего внутреннего растления, но где ее начинают тревожить, где хотят ее заставить действовать по другим началам, там она высказывает всю строптивость своего нрава, не уважая ни очевидности убеждений, ни даже крайности: она идет всему наперекор, поставляя себя главным правилом для всего. Закон ли совести будет ей внушать это или законы положительные, она говорит: отойди, путей таких ведать не хочу; и это не по чему иному, как по растлению нрава. Таким образом, грешник, робостию застрашенный восставать на грех, неверием принявший начала лжи, волею усвоивший правила развратные, являет себя довольно надежным, чтобы его возвести в некоторые правительственные распоряжения в греховном царстве. Таковой посаждается на седалище губителей. Он вступил в возраст мужа для заведывания частию дел греховного царства.

Возраст мужеский. Это период самостоятельного, настойчивого действия в пользу греха, против всего доброго, от чего человек приходит на край пагубы. Степени ниспадения его определяются степенями противления свету и добру. Ибо и тогда, как он так живет, совесть не престаёт тревожить его. Но, принявши другие начала, он не слушает и идет напротив. Иногда он только не внимает сему гласу, в состоянии нераскаянности, иногда отвергает и вооружается против него, в состоянии ожесточения, иногда же самого себя сознательно предаёт пагубе, в состоянии отчаяния. Это конец, куда приводит наконец грешника грех, им возлюбленный.

Таким образом, греховных три возраста дают девять состояний. К ним можно приложить еще три состояния несовершенного обращения грешника, или обращения недоконченного и незрелого, именно состояния: рабства, когда по страху наказаний и угроз Божиих удерживают руки от грехов более важных, не стыдясь питать страсти и помыслы худые; самопрельщения, когда считают себя совершенными по нерешительным и начальным только делам добра; лицемерия, когда

останавливаются только на внешних делах благочестия и на том основывают свою надежду. И будет всех состояний греховных, вне доброго пути, двенадцать.

Большая часть людей вязнет в первых трех и в трех последних. Но немало их во вторых и третьих. В утешение грешному роду нашему должно сказать, что пока человек в сей жизни, какие бы ни делал он грехи, всегда есть ему возможность возвратиться к милосердному Богу, милующему кающихся. Так хороша и добра человеческая природа, что всеми неправдами своими человек не может вконец исказить ее здесь. Только пока он не раскаян, пока ожесточен, пока отчаивается, не может быть помилован, и если не изменит сего нрава, не начнет плакать и надеяться, то так сойдет и во гроб и погибнет вечно. Всему злу виновник диавол. Если бы не он, не было бы отчаивающихся, а то он сначала твердит: Бог милосерд; а когда нагрешит много человек и задумает каяться, страшит его грозным правосудием Божиим. Но кто изобразит все коварство и злобу сатаны и какими сетями опутывает он грешных, поддающихся ему? Ужасается и не может понять грешник образумившийся, как мог он сделать то и то, хотя прежде так это казалось ему легким. Человек грешит всегда в некотором самозабвении.

Сколь велико зло греха! Грехом оскорбляется беспредельное величие Бога. Презирая закон, презираем Самого Законодателя и оскорбляем Его. Не так сие надо понимать, чтобы сим оскорблением нарушалось всеблаженство Божие, ибо Он вне всякого прикосновения от твари, но так, что с нашей стороны уже все бывает сделано к тому, чтобы оскорбить Его беспредельное величие подобно тому, как простой гражданин, хотя величество царское остается неприкосновенно, оскорбляет его своими делами. В сем отношении грех есть зло бесконечно великое. Но правда требует, чтобы оскорбление было удовлетворено. Удовлетворение должно быть равно оскорблению. За бесконечно великое оскорбление должно представить бесконечно великое удовлетворение. Вот здесь и горе! Имея возможность сделать бесконечное оскорбление, человек не имеет возможности сделать за него должное удовлетворение. Остается человеку вечно быть виновным и, следовательно, вечно нести наказание. Таковы как первый грех, так и все последующие. Всякий раз, как грешит человек, он ввергает себя в бесконечное зло.

О человеке же христианине пишет апостол, что он, согрешая по крещении, «второе распинает Сына Божия» (Евр. 6:6), попирает кровь Завета и становится в ряд распинателей, кричавших: кровь Его на нас и на чадах наших!

Отделившись от Бога и Христа, человек через грех присоединяется к полчищу сатаны и становится для него засадным местом, откуда он воюет на Бога, издеваясь над беспредельною Его милостию, и слепотою, и безумием христианина. Бог Сына Своего Единородного дал, говорит сатана, а я и так умею владеть людьми. После же, на суде, всю вину внесет он на самого человека и еще увеличит ее, чтобы поспешнее свести в ад. А что грех производит в самом человеке? Он извращает его и, как бы в какую тьму ввергая, в мечты фантазии, суету желаний и беспорядочность сердечных волнений, кружит его всю жизнь, не давая опомниться. Между тем мучительство страстей съедает и душу, и тело. Грешник есть существо тлеющее.

Судя по сей заключительности и по сему безобразию греха, грешнику надлежало бы начать всесторонние страдания еще здесь. Но по судьбам Божиим сего не бывает. Грешник нередко веселится и упивается счастьем земным, сколько сумеет или сколько попустит Бог частью для воздаяния за какие-нибудь добрые дела, частью для вразумления. Но под этим видимым счастьем всегда кроется крушение духа непрерывное, по временам только заливаемое чувственным упоением и то не вполне. Грешник всегда мрачен и как будто боится чего-то.

К умирающему грешнику нераскаявшемуся приходят демоны и, исторгши душу его, ввергают в место мрака до второго пришествия. Здесь пока терзается дух один, а когда по втором пришествии соединится с телом, с телом и страдать будет бесконечные веки, и мучений тех изобразить нельзя. Имеем теперь общее очертание христианской добродетели и нехристианского греха. Довольно и сего, чтобы уразуметь, как хороша первая и как худ второй. Но это еще очевиднее обнаружится, когда изображено будет подробно, как отпечатлевается христиански добродетельная жизнь и жизнь противоположная ей во всем существе человека и на всех отправлениях его сил. Тут яснее всего можно увидеть, что производит в человеке Божественная благодать ради покорности человека указаниям Слова Божия и что бывает с человеком, когда он, оставаясь сам с собою, следует внушениям своей воли и своего самоугодия, и тем более когда предается какой-либо страсти или греху.

III. Последствия и плоды доброй христианской жизни и жизни противоположной ей

Отличительное свойство христианской жизни то, что она есть жизнь благодатная. Потому к плодам ее, или к ее действиям на наше существо, относится не то одно, что может производить в нас добродетель вообще, но то особенно, что производит в нас ради взыскания нами добра и труда; посему Божественная благодать, равно и противоположная ей жизнь нехристианская, отличается не только тем, что производит грех в человеке, но и тем, что бывает с ним вследствие того, что он теряет или не принимает Божественной благодати. Чтобы не путаться в словах, здесь будут означаемы та и другая соответственными словами: христианин – нехристианин, благодатный – безблагодатный, ревнующий о христианской жизни – преданный греху и страстям.

8. В каких чертах Слово Божие изображает истинного христианина, и человека не христианина?

Если собрать все места Писания, относящиеся к сему, то в них найдем ответы на следующие вопросы: что есть та и другая жизнь по происхождению своему, по действиям, по общему духу, по обществу, в коем развивается, и по своей участи?

Человек вне христианства, или пребывающий в грехе, естественным путем рождения происходя от первого Адама падшего, и по внутренним, нравственным свойствам своим почитается совершенно с ним схожим, т.е. пребывающим в отпадении от Бога. Будучи, таким образом, истым его выражением, он называется и ветхим, как бы столько же существующим, сколько род человеческий, или ничего в себе нового не заключающим, таким же, каковы все исстари. Апостол пишет, что мы «облекаемся в образ перстного» (1Кор. 15:49) в рождении, и если не "отложим... сего ветхого человека» (Еф. 4:22), то навсегда останемся такими же, каков "перстный" (1Кор. 15:47).

Действия сего подобника Адамова, как ветхого человека, преимущественно греховны. Ему «принадлежит прилежное помышление на зло от юности» (Быт 8:21), потому что он «зачат в беззакониях и рожден во грехах» (Пс. 50:7), даже «продан под грех» (Рим. 7:14). Сия вошедшая в него путем рождения сила греховная властвует в нем с непреодолимостью, живет, как господин (Рим. 7: 20, 23); так что все существо человека со всеми членами его есть не что иное, как "тело Греха", и силы его суть «орудия неправды» (Рим. 6:12, 13). Посему "очи его исполнены блудодеяния и непрестанного греха» (2Пет. 2:14); «гроб отверст – гортань его» (Рим. 3:13); он «необрезан сердцем и ушесы; ...нозе его на зло текут и скоры пролияти кровь» (Деян. 7:51; Ис. 59:7).

Такое основание внутренней жизни показывает на иное некое происхождение по духу, именно – от диавола. Ибо «и сперва диавол согрешил», а потом уже и все люди, кои и бывают грешниками не иначе как от диавола, почему и называются "детьми его» (1Ин. 3:8, 10), "семенем змия» (Быт. 3:15), или прямо «змиями, порождениями ехидниными» (Мф. 3:7; Лк. 3:7; Мф. 23:33), а «диавол – отцом их» (Ин. 8:44). По такому родству с диаволом они суть истые приемники духа его, духа богоборства, вражды на Бога и противления Ему явного и тайного. Все святое и Божественное всем им вообще неприятно, а некоторым даже противно. Богу говорят: отойди от нас, или что Вышний, не вем Бога (Фараон); "Духа

Божия не принимают» (Ин. 14:17), людей Божиих «ненавидят» и преследуют (Ин. 15:19).

Вся совокупность таких людей, порождений диавола, исполненных духом богопротивления, составляет «область сатаны» мрачную (Деян. 26:18), в которой он живет, имеет свои "глубины" (Апок. 2:24), или престол, и как «князь мира сего» и "бог века" (2Кор. 4:4; Ин. 12:31) всем правит посредством «миродержителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Эта область есть «мир, лежащий во зле» (1Ин. 5:19), преисполненный "скверн" (2Пет. 2:20), валяющийся "в похотях" (2Пет. 1:4), «ослепленный» (2Кор. 4:4) и в ослеплении буйствующий и преследующий все святое и всех святых и ревнующих о святости; мир, одна любовь к которому есть «вражда на Бога» и друг коего есть «враг Божий» (Иак. 4:4). Дух ослепления и упорного буйства есть прямой "дух мира" или сатаны (1Кор. 2:12).

Жалка участь сих людей! Она одинакова с миром и сатаною. Будучи «естеством чадами гнева» (Еф. 2:3), они потом в продолжение жизни «собирают себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим. 2:5); «кончина их погибель» (Флп. 3:19), и им «блюдется мрак темный вовеки» (2Пет. 2:9, 17; Иуд. 1:13).

Ни один из таких не спасется иначе как под условием обращения и покаяния ради веры в Господа Иисуса Христа, действием благодатного возрождения. "Веруй в Господа не будет осужден, а не веруй уже осужден есть, яко не верова во имя Единородного Сына Божия» (Ин. 3:18). «Аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия» (Ин. 3:3). «Веруй в Сына, имать живот вечный, а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3:36).

В человеке, зачавшем в себе истинно христианскую жизнь и преуспевшем в ней, все сии стороны совсем противоположны.

Так, "рождается он свыше" и образом совершенно новым, то есть водою и духом (Ин. 3:3), через приобщение ко Христу, единому истинному источнику истинно человеческой жизни, и через «облечение в образ сего небесного" Человека, нового Адама, нового родоначальника истинных людей (1Кор. 15:49), почему и называется «человеком новым», совлекшимся ветхого (Еф. 4:24), новою тварию о Христе Иисусе (2Кор. 5: 1–7).

Рожденный «не от похоти плотской, но от Бога...», он приемлет область быть чадом Божиим» (Ин. 1: 12, 13) ради Господа Иисуса Христа, преискренне приобщившегося плоти и крови и соделывающего верующих «причастниками Божеского естества» (2Пет. 1:4), которые, потому что

«водятся духом Его, суть сынове» (Рим. 8:14), «принявшие духа сыноположения, по которому вопиют: Авва, Отче» (Рим. 8:15), – и который «спослушествует духу» их, что они суть сынове (Рим. 8:16). В чувстве сего сыновства они наслаждаются благоволением Божиим, исполняются любовью к Богу и из любви ревнуют о славе Его. Все Божеское есть как бы их собственное.

По сему происхождению в них как дух жизни, так и самые дела святы и Божественны. Еще прежде сложения мира они определены быть святыми и непорочными в любви (Еф. 1:6) и по исполнении времен «созданы во Христе Иисусе на дела благая, ...да в них ходят» (Еф. 2:10); и действительно «ходят в обновлении жизни», по подобию светлости воскресшего Господа (Рим. 6:4), как «ревнители добрым делом» (Тит. 2:14). Ибо как корень свят, так и привитое к нему свято, «по звавшему... Святому» (1Пет. 1:15).

Все же такие в совокупности составляют род избран, царское священство, язык свят, людей обновления – «возвещать добродетели из тьмы Призвавшего их в чудный свой свет» (1Пет. 2:9); все «зидуются во храм духовен, святительство свято возносити жертвы духовны, благоприятны Богу Иисус Христом» (1Пет. 2:5), «созидаются в жилище Божие духом, ...в Церковь Святую о Господе» (Еф. 2:21, 22); «из Него же все тело составляемо и счиноваемо приличне, всяцем осязанием подаяния, по действу в мере единые коеяждо части, возвращение тела творит в создание самого себе любовью» (Еф. 4:16), и таким образом составляют тело Церкви, которой глава Христос, – «исполнение исполняющего всяческая во всех» (Еф. 1:23), а они суть «уды Его от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5:30; Кол. 2:19).

Такие люди, все в совокупности и каждый по частям, состоя еще здесь под особенным Божиим благоволением, особенно блюдутся для высоких наград в будущем. «Аще Бог по нас, – взывает апостол, – кто на ны? Кто поемлет на избранные? Бог оправдаяй» (Рим. 8:31, 33). Это здесь, а в будущем они, как чада, суть «наследницы: наследницы убо Богу, снаследницы же Христу». Слава же и величие сего наследия так высоки, что его "чают вся тварь" (Рим. 8:17, 19). Как каждый из них есть сын, то необходимо уже есть «и наследник Божий Иисус Христом» (Гал. 4:7). Посему их «жительство на небесех есть, отнюдуже и Спасителя чают, Господа Иисуса Христа, иже преобразить тело смирения нашего, во еже быти ему сообразну телу славы Его» (Флп. 3:20, 21). По виду они странники и пришельцы, делом же сожители святым и приснии Богу. Здесь они только на время; а отечество их, где они вписаны в гражданство,

не здесь, а на небе.

Как мрачно состояние первых и как отрадно состояние вторых. Конечно, есть разные степени в той и другой стороне; но больше или меньше все прописанное свойственно каждой степени. Иной ужаснется того, как мрачно изображены грешники; что же делать? такое мрачное лицо их не человеком писано, а Словом Божиим неложным. Вот чем дальше, тем больше будет оправдываться сие общее очертание той и другой стороны.

9. Состояние составных частей человеческого естества, его существенных свойств и сил в истинном христианине и человеке-грешнике

Указанная прежде противоположность людей, живущих по духу Христову, под действием Божией благодати, и людей, чуждых сего духа и отметающих благодать, откроется еще с большею очевидностью, когда увидим, каково состояние общего устройства всей природы человеческой и главных ее свойств и каково состояние ее сил и способностей.

Общее устройство природы человеческой определяется сочетанием разных сил ее и способностей и разных частей ее состава. Так, все разнообразие наших внутренних действий сознаваемых сводится к трем исходным началам, или силам: познающей, желающей и чувствующей. Все же силы сии сосредоточиваются и сходятся в нашем лице, в нашей личности, в том, что говорит в нас: я, которое есть слияние и нераздельное единство всех сил. Они в нем сцентрированы и исходят из него, как из фокуса.

Далее, то, что познания, желания и чувствования являются в нас не только на различных степенях, но даже в противоположных направлениях, заставляет, кроме других оснований, допускать в составе существа человеческого три части: дух, душу и тело, из коих характер первого – отрешение от чувственного, последнего – погружение в нем, средней же – совместность того и другого. Цель и назначение первого есть общение с Богом и миром духовным, последней – посредничество в сношении с миром чувственным; средняя должна от чувственного через дух восходить к Богу и одуховляться и от Бога через дух низводить одуховление чувственному. Части сии в составе нашем не лежат одна подле другой, но все, так же как и способности, сходятся в нашем лице (я), ему присвояются и суть для него постоянные средства. Лицо человека (я) есть единство духа, души и тела.

К существенным свойствам человека принадлежит то, что он одарен сознанием, может говорить о себе – я, или есть лицо. Это такое свойство, по коему человек, утверждая свое собственное бытие и бытие вещей вне себя, отличает их от себя, а себя от них, говорит о себе – я, а не они, а о тех – они, а не я. Оно получает название самосознания, когда обращается внутрь, к себе исключительно. В сем обращении в себя оно опять может отличать себя от своих действий, или свое бытие от того, что исходит из

него, возносясь как бы над тем и другим. При сем, так как к бытию нашему могут прилагаться чуждые, сторонние силы, то сознавая свое бытие, он может сознавать себя не как себя, а как иное лицо (у бесноватых).

Разумно-свободная самостоятельность. Самостоятельность принадлежит существу, которое не есть явление другого существа, а само есть источник всех явлений от него исходящих. Таких самостоятельных существ много (субстанции). Отличительное свойство человеческой самостоятельности состоит в том, что он не только производит действия, но и видит их, не только видит, но и правит ими по своему усмотрению и разуму. Это свойство однозначительно с разумною свободой.

Жизненность. Человек есть живое существо. Есть силы мертвые, например, электричество, магнетизм. Они в каждое мгновение суть то, чем быть им должно, не развиваются. Человек в минуты происхождения не есть то, чем ему быть должно, а развивается, образуется, растет, преспеивает. И растение сначала, в семени, есть только будущее возможное растение; становится же действительным растением через принятие в себя чуждых элементов и усвоение их себе. Возрастание духовной природы человека происходит другим порядком. Она зреет разнообразием собственных произведений: мыслей, чувств, желаний и дел, которые, обращаясь внутрь, осаждаются как бы в ней и составляют для нее пищу или элемент возрастания. Посему свойство жизни ее всегда можно определять свойством ее действий. Особеннейшая же черта жизни, свойственной человеку, есть бессмертие, предполагающее бесконечную его усовершенствость.

Теперь спрашивается, в каком состоянии соотношение составных частей существа человеческого и его способностей и существенные свойства, прежде чем человек станет жить по-христиански и после того, как он решится на сие дело и окрепнет в нем.

Естественное отношение составных частей человека должно быть, по закону подчинения меньшего большему, слабейшего сильнейшему, таково: тело должно подчиняться душе, душа – духу, дух же по свойству своему должен быть погружен в Бога. В Боге должен пребывать человек всем своим существом и сознанием. При сем сила духа над душою зависит от соприсущего ему Божества, сила души над телом – от обладающего ею духа. По отпадении от Бога произошло и должно было произойти смятение во всем составе человека: дух, отдалившись от Бога, потерял свою силу и подчинился душе; душа, не возвышаемая духом, подчинилась телу. Человек всем существом своим и сознанием погряз в чувственность.

Человек, до приятия новой жизни в Господе Иисусе Христе, именно находится в этом состоянии низвращенного соотношения составных частей его существа, подобие которому представляет зрительная трубка, когда составные ее части вдвинуты одна в другую.

Так, Слово Божие, говоря о грешниках, забывающих Бога, постоянно почти называет их плотскими, редко – душевными, а духовными не только не называет, даже почитает их противоположными таковым.

Еще о первом допотопном мире сказал Бог: «не имат Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть» (Быт. 6:3). Явно, что преданность плоти погашает дух и отчуждение от Бога. У пророка Давида говорится: «человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48:13), то есть честь богоподобия, отраженную в его духе, заменил скотством, предавшись плоти. Апостол Павел о состоянии людей до принятия благодати в христианстве говорит, что тогда они были "во плоти, потому страсти греховные действовали в них" (Рим. 7:5), жили «в похотех плоти, творяще волю плоти и помышлений» (Еф. 2:3), или, как говорит апостол Петр, «вслед плотския похоти сквернения ходили» (2Пет. 2:10). Апостол Иуда неверных прямо называет «телесными, духа не имущими» (Иуд. 1:19). И вообще, в Слове Божиим плотяности приписывается все зло. «Сущий по плоти, плотская мудрствуют..., мудрование же плотское смерть и вражда на Бога есть» (Рим. 8:5, 7), подчинившиеся коему «Богу угодили не могут» (Рим. 8:8), почему «пожнут от плоти истление» (Гал. 6:8).

Душевность же в человеке, не принявшем благодати или потерявшем ее, как облако какое стоит между лицом человека и Богом, пресекая общение между ними. Тот, кто поработен преимущественно ею, или «душевен человек, не приемлет, яже Духа Божия» (1Кор. 2:14). Преобладание души, равно как и преобладание тела, есть отрицание жизни по духу. Святой апостол Иаков, перечислив страсти, коим удовлетворяет и по которым действует человек, не приемлющий яже Духа Божия, с большой точностию прибавляет: «несть сия премудрость... от Бога, но земна, душевна, бесовска» (Иак. 3:15). Слова: душевный, земной, не Божий – однозначительны...

Где же дух у такого рода людей? В них же, но, состоя в подчинении душе и телу, он заморен и совсем почти не действует свойственным ему образом. Его присутствие в них можно узнавать, с одной стороны, по безграничности некоторых душевно-чувственных стремлений, несвойственных душе и плоти по их природе, с другой – по бывающим нередко состояниям сих людей, в коих они отрешаются от земли

наперекор требованиям души и плоти. В последнем случае дух покусается как бы войти в свои права. Мучения совести, боязнь Судии – Бога, постоянная тоска – это суть его действия на душу, его стоны, отзывающиеся в сознании душевном. Так, в людях чувственных и душевных дух тлеет, как искра под пеплом. Возбуди его или, лучше, не мешай ему возбуждену быть «Словом Божиим, ...проходящим... до разделения души и духа» (Евр. 4:12), и он явится во всей своей силе и власти.

В человеке же, прилепившемся к Господу Иисусу Христу и благодать Его приявшем, все сие имеет себя иначе. Как свойственно рабу Христову, он «распял плоть свою со страстями и похотями» (Гал. 5:24). С первого раза, когда только полагает еще намерение работать Господу, он определяет уже себя на самоумерщвление, а потом и постоянно «не по плоти ходит, но по духу» (Рим. 8:1, 4), «духом умерщвляя деяния плотския» (Рим. 8:13). Он как бы «несть во плоти, но в душе, ...и не должен плоти, еже по плоти жити» (Рим. 8:9, 12). .

Прияв слово, «проходящее... до разделения души и духа» (Евр. 4:12), он берет душу в свою власть и приносит ее в жертву Богу (Мф. 10:39), начинает «огребатися от ...похотей, яже воюют на душу» (1Пет. 2:11), подчинять ее «слову, могущему спасти» (Иак. 1:21), и таким образом преобразует ее всю, назидает ее духом чрез "веру или послушание истине" (1Пет. 1:22; Иуд. 1:20), приучает ее предавать... себя в благотворение» (1Пет. 4:19), и "сердце ее обрезывает духом» (Рим. 2:29), и все богоугодное, «еже аще творит, заставляет творить от души», чего прежде она не хотела (Кол. 3:23). Работая таким образом Богу «всею душею» и "от души" (Еф. 6:6; Мф. 22:37), он обретает покой душе своей (Мф. 11:29), прозревая «кончину веры... – спасение души» (1Пет. 1:9), что, «как котву, имел для души» своей (Евр. 6:19).

Вследствие сего у него жизнь духовная совершенно поглощает жизнь плотскую и душевную. Он «прославляет Бога в душе и телеси своем» (1Кор. 6:20); у него все производится в духе и духом; служит он Богу и работает духом и «в обновлении духа» (Рим. 1:9, 7:6; Флп. 3:3), тщанием он неленив от того, что «горит духом» (Рим. 12:11); «ходит духом и похотей плотских не совершает» (Гал. 5:16); «сеет в духе» (Гал. 6:8); «исполняется духом» (Еф. 5:18); к «слушанию истины» преклоняется духом (1Пет. 1:22).

Отчего так? Христианин «ходит духом оттого, что живет духом» (Гал. 5:25), что «Дух Божий живет в нем» (Рим. 8:9; 1Кор. 3:16); что он стал храмом живущего в нем Духа Святаго, «напоился Духом» (1Кор.

12:13; 1Кор. 3:16; Еф. 2:22). Сей Дух, пришедши через слово, разделившее душу и дух, высвободил сей последний из теснивших его душевно плотских уз, ибо «где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3:17), и тем положил начало новой, духовно благодатной жизни (Рим. 8:23). С таким «обручением духа» (2Кор. 1:22) зреет потом «потаенный сердца человек в неистлении кроткого и молчаливого духа» (1Пет. 3:4). Христианин больше и больше утверждается Духом Божиим – «во внутреннем человеке»; вселяется верою Христос в сердце его, в любви вкореняемое и утверждаемое (Еф. 3:16), ибо «прилепляйся Господу един дух есть с Господем» (1Кор. 6:17); почему «вышних ищет, идеже есть Христос одесную Бога сидя, горняя мудрствует, а не земная, ...и живот его сокровен есть со Христом в Боге» (Кол. 3: 1–3).

Отсюда видно, что истинный христианин и нехристианин, или христианин ложный, по составным частям существа человеческого состоит в противоположности. Что у одного первое, то у другого последнее. У того первое – дух, у сего он заглушён; у того первое – плотность, у сего она отрицается, подавляется, распинается, умерщвляется. Средняя душа подчиняется, очевидно, господствующему: у одного – духу, у другого – телу. Посему истинное соотношение частей существа человеческого: «совершенный... дух, душа и тело» (1Сол. 5:23) – есть только у тех, кои соделались Христовыми. В них, следовательно, и истина человеческого существа; вне же христианства не истина, а ложь – как бы призрак человека.

Не показалось бы кому жестоким слово сие. Жаль некоторых язычников, так высоко стоящих во мнении, и некоторых именующихся христианами, силы же его отвергшихся, кои тоже не без заметных достоинств. Но потерпите. Чем дальше, все будет яснее и яснее раскрываться проводимая нами истина, что истинно человеческая жизнь на деле может быть видима только в христианстве, в тех, кои сочетаются с Христом и приемлют Дух Его.

Теперь об общем состоянии и соотношении действующих внутри нас сил. Силы сии, исходя из нашего сознания или лица (я) и в него возвращаясь, должны пребывать во взаимной связи и согласии между собою, под управлением своего неточного начала. Взаимопроникновение и взаимовспомоществование при зависимости от действующего лица есть естественное состояние их.

Но в человеке-грешнике, отпадшем от Бога и пребывающем в сем падении, как представляет опыт, силы сии являются как бы отпадшими от его лица, ставшими в некоторую от него независимость и

самоуправствующими. Что значат, например, обыкновенные у нас слова: сделал бы, да не хочется; или пусть это не так хорошо, но мне очень хочется; или сердце не лежит – поди ты с сердцем; или поверил бы, но разум не покоряется; ум – царь в голове, куда деваться мне с моим разумом? Эти и многие другие выражения значат, что силы сии перестали быть во власти человека, но или управляются сами собою, или подлежат влиянию сторонней силы. Отпадши же от лица человека, они потеряли взаимную точку соединения, а вместе с тем перестали получать и взаимную друг от друга помощь и не имеют уже того, чем одна обыкновенно пользуется от других. Так разум заоблачен, мечтателен и отвлечен, потому что не удерживается сердцем и не правится волею; воля своенравна и бессерда оттого, что не слушает разума и не смотрит на сердце; сердце неустойчиво, слепо и блажно, потому что не хочет следовать указаниям разума и не отрешается силою воли. Но мало того, что силы сии потеряли взаимную помощь, они приняли некоторое враждебное друг против друга направление: одна отрицает другую, как бы поглощает ее и снедает. Оттого преобладание сердца имеет с собою в связи слабость ума и непостоянство воли, как бы бесхарактерность; преобладающее стремление к познаниям ведет за собою ослабление деятельности или беспечность воли и нечувствие или холодность сердца; преобладание воли всегда сопровождается односторонним направлением, упорным, не внимающим никаким доводам, там душа не слушает никаких убеждений и недоступна для потрясений сердечных. Таким образом, внутренний мир человека-грешника исполнен самоуправства, беспорядка и разрушения. О таком состоянии свидетельствует преимущественно опыт, но и в Слове Божиим можно находить немало на то указаний, хотя оно изображает не столько душевные силы и их состояние, сколько дела человека – произведение всех сил. В сем отношении очень замечательны следующие места.

Так, апостол Павел в Послании к Римлянам в 1-й главе изображает большое смятение и нестроение внутреннее, какое бывает в грешниках и нечестивцах, производя его из отпадения от Бога. "Разумеете, – говорит, – Бога, они не яко Бога прославиша» (Рим.1:21), то есть презрели Бога, отпали от Него, отвергли Его. Следствием сего естественным было то, что сердце у них стало слепо, воля – своенравна, ум обезумел осуетишася помышления (желаниями), «омрачися неразумное их сердце» (Рим.1:21) и «объюродеша» (Рим.1:22). За сим естественным следствием настало другое, как казнь от Бога... «предаде их Бог в похотех сердец их» (Рим.1:24), то есть своенравию сердца, «страсти безчестия» (Рим.1:26), то

есть упорному разврату воли, «в неискусен ум» (Рим.1:28), то есть неблагоприятно, мечтам и отвлеченностям (отнял практический разум).

Тот же апостол в Послании к Ефессянам (Еф.4:17–20), называя язычников или неверующих «отчужденными от жизни Божией», здесь же изображает состояние их души, именно что они «ходят в суете ума», то есть в призрачных, фантастических построениях умственных, идеальных, страдают «окаменением сердца», то есть бессердием и нечувствием; «предали себя студодеянию», то есть буйству и увлечениям воли.

Человек же, к Богу обратившийся и в Святой Церкви с Господом Иисусом Христом соединившийся и в Нем обновившийся, в Слове Божиим изображается совсем в противоположном виде. Так, апостол Павел молится об ефесянах (Еф. 3:16–19), да даст им Бог «силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце», да дарует то есть нравственную силу воле через союз со Святым Духом, да даст «вселиться Христу верою в сердца» их, да будет то есть у них сердечное сочетание с Христом Спасителем, «да возмогут разумети», то есть из сего опытного вкушения Христа Господа да черплют духовный разум и «да исполнятся во всяко исполнение Божие», то есть из совокупности всего сего или из соединения их с Богом всеми силами пусть составляется полнота свойственных христианам внутренних совершенств или, под сим условием, их внутреннее да будет жилищем или сосудом, который непрерывно наполнялся бы приливом от Бога совершенств духовных... Видимо, как во Христе Иисусе дух человека становится крепким или скрепленным в себе сосудом.

В том же Послании (Еф. 4:22–24) существо христианства, или истину о Христе, апостол описывает так: «отложить вам, по первому житию, ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных» – этим заповедуется обновление сердца; «обновляться же духом ума вашего» – здесь изменение ума; «и облещися в нового, созданного по Богу в правде преподобии истины» – тут преобразование воли! Сим местом указывается, что в христианине совместно и единовременно обновляются все силы его существа и притом все в одном духе и в одном направлении.

В Послании к Филиппийцам апостол изображает, что «мир Божий, превосходящий всякий ум», водворяется в сердце вместе с вселением в нем "Бога мира" (Флп. 4:7, 9). Чтобы не возмущать сего мира, он заповедует им: все помышления свои, или иначе, действия всех своих способностей обратить на богоугодное, именно: ум – на истинное, волю – на праведное, сердце – на прелюбезное. Какая душа это сделает, та способною становится быть жилищем Бога мира. Посмотрите притом, все сии

богоугодные предметы апостол прежде указал филиппийцам, и они уразумели их, приняли их и покорились им, то есть заняли себя ими всех всецело, по всем силам.

Такое же совмещение деятельности всех сил в одном, как характер жизни христианской, указывается и в следующих местах: Кол. 1:9–11 – апостол молится о колоссянах, «да исполнятся в разуме воли Божией во всякой премудрости и разуме духовном, яко ходити им достойне Богу во всяком угождении» и проч.; Кол. 2:1–7 – апостол молится о всех, «да утешатся сердца всех, снемшихся в любви, и во всяком богатстве извещения разума, в познание тайны Бога и Отца и Христа...» и проч.; Кол. 3:12–16 – «Облецытесь... во утробы щедрот... мир Божий да водворяется в сердцах ваших... Слово Христово да вселяется в вас богато во всякой премудрости» и проч.; Еф. 5:15–19 – «Блюдайте, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри... не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия... исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмах и пениях и песнях духовных» и проч.

Из них видно, что в душе истинного христианина совсем не бывает того нестроения, какое неизбежно в человеке, непричастном Духа Христова. Все его способности действуют совместно, устремлены на одно, состоят в подчинении ему, как лицу, почему и приписываются ему целость, полнота, здравие.

В правилах святых подвижников о том, как питать душу свою истиною Божиею через благоговейное размышление о ней, видно, как самым делом должны быть совмещены все силы в одном. Старцы Божии заповедуют, обыкновенно, держаться при сем следующего порядка: сосредоточь внимание свое на избранном тобою предмете, например, присутствии Божию, смерти, крещении и рассматривай его с разных сторон. При сем каждую родившуюся у тебя мысль старайся проводить до чувства или внедрять в сердце; например, из мысли о близости смерти роди страх или раскаяние, из помышления об обетах крещения – радость или печаль и проч. Заключай же всякое размышление выводом правил для себя применительно к твоей жизни и твоим обстоятельствам, например, Бог везде есть, все видит, следовательно, и меня; не буду же я допускать худых помыслов – лучше умру, нежели согрешу; а в таком-то случае буду поступать так и так, чтобы не прогневать Бога, видящего меня. Таким образом действованья, очевидно, скрепляются все силы духа или весь состав внутренней жизни человека, вся жизнь непрерывно движется и подновляется.

Есть и другое правило, которое показывает, как все силы духа должно

держат в своих руках, именно: утром, по молитве, сядь и расчисли, что тебе необходимо делать в продолжение дня: где быть, с чем и с кем встречаться – и применительно тому наперед определи, что где помышлять, что сказать, как держать свою душу и тело и проч. Это значит, что истинный христианин должен сам держать себя в руках, сам заведовать всеми движениями своей души, а не позволять им происходить самим собою, как бы без его ведома. Он должен быть сам владыкою всего внутри его происходящего, владыкою своих сил.

Из всего предложенного может всяк усмотреть, что в истинном христианине все силы в деятельности своей зависят от него самого, а не самовластно движутся, что в сей деятельности везде действуют совместно, не раздробляясь и не отделяясь одна от другой, вспооществуя себе взаимно и взаимно возвышая общую жизнь духа, так что она от сего есть цела и крепка, есть достойный сосуд пребывающего и покоящегося в нем Бога. В грешнике же этого нет, а есть все противное, как видели. Сам он сего не видит и говорит о себе, что цел и здоров, в чем и беда его. Но и тем, кои отказались от грехов, надо внимать себе, чтобы не попасть хоть временно в такое разложение сил, какое бывает в преданных греху... ибо и это опасно. Уразумевая сие, внимай себе всяк.

Вслед за изменением соотношения составных частей человека и главных его способностей не могут не изменяться и существенные свойства его лица, ибо сие лицо есть центр и частей, и способностей. Потому состояние сих последних непосредственно отражается в первом и его определяет, как и обратно им определяется.

Между сими свойствами первое место занимает сознание. Оно есть свойство, исходное для других, есть прямое свойство лица и как бы истолкование его. В производстве своем оно, полагая бытие себя и бытие существ вне сущих, отличает себя от них и их от себя. Следующее условие к совершенству сознания или к стоянию его в своем чине есть возвышение нашего лица и над собою, и над внешним миром. Где нет сего возвышения, там сознание должно быть мутно, неопределенно, безотчетно или приближаться к животному самочувствию.

Но о человеке до восприятия им благого намерения жить свято, похристиански, о человеке, работающем греху и страстям, несомненно известно, что он не возвышается над внешним миром, а напротив, увлекается им, живет в нем, как бы сорастворяется с ним, почему и называется внешним, вне себя живущим, ушедшим из себя. В себя приходит он уже в обращении. Благосостояние внешних вещей своих он считает благосостоянием собственного лица и, напротив,

неблагополучие их – своим несчастьем. Оттого покушение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и проч. глубоко потрясает его, поражают в самое сердце.

Не возвышается он также и над внутренним своим миром, но так же, как внешними вещами, увлекается и механизмом внутренних своих движений. Обыкновенно говорят: я задумался, был в забытьи, не помню, что со мною было и около меня...то есть в это время он увлекался движением мыслей, или был вне себя от радости, убит горем, в сердцах вышел из себя... то есть предал себя движениям сердца; или не вспомнишься в хлопотах и заботах: то нужно, другое нужно... то есть беспрерывно гонять все вперед и вперед многообразные желания воли. Очевидно, что преданный греху не властен над внутренними движениями, а втеснен как бы в них, влечется ими, как воин, стесненный внутри полка. И это не на один только час, а постоянно. Таков уж закон его жизни внутренней: вестись как ведомому.

Итак, у человека-грешника ясного сознания быть не может. Его и нет. Он ходит как в тумане, как бы обуморенный, кружится как в вихре. Как полусонный слабо различает предметы от себя и полусознает только себя таков и преданный страстям. Это явление очень странно: в гордости он никого не считает выше себя, а между тем сам себя слабо сознает.

Особенный оборот сознания есть самосознание, или самопознание. Оно преимущественно обращено внутрь и различает себя от своих действий, опять возносясь над тем и другим. Сие самосознание еще более слабо у человека страстного, лишенного благодати. Ибо для сего надобно знать свои действия, знать себя и отделять себя от своих действий.

Но у него:

Нет достаточного знания собственных своих действий. Он не знает не только, что сделано вчера, даже ныне или за несколько часов. Он находится непрестанно в заботливом действовании, а не знает, что делать, как будто сии действия не от его лица происходили. Это оттого, что слишком увлеченный потоком собственных действий и оглянуться на себя не имеет он времени.

Нет знания себя, ибо это знание слагается из знания собственных действий и своего отношения ко всему прочему существующему. Но ни последнего, ни первого в нем нет. Потому он не скажет, что, собственно, он значит, что его ожидает, в каком он состоянии, какое главное его настроение, главный недуг и чем помочь ему.

Потому нет и различения себя от своих действий. Это опаснейшее из обольщений лица грешного. Все, что возникает внутри, считает он

собственно собою и стоит за то как за себя, как за свою жизнь. Оттого и отказать себе ни в чем не хочет.

Между тем мало ли всеается в нас со вне от сатаны и мира, кроме того, что возникает от живущего в нас греха, которого тоже не следует считать собою?

По всем сим причинам и опытам надо полагать, что грешник не знает себя как следует.

Такое состояние сознания и самосознания у грешников, потерявших благодать, и у неверных, не принявших благодати, называется сном, почему к каждому из них говорит апостол: «востани спяй» (Еф. 5:14), также слепотою, сидением во тме и даже прямо – тмою. Каждый из таковых «слеп есть, мжай, забвение прием» (2Пет. 1:9). Грешник живет в самозабвении, видит как во мгле и даже больше – ходит как слепой. Посему Спаситель, как обещано было, и пришел «отверсти очи слепых, извести от уз связанных и из дому темницы сидящих во тме...» (Ис. 42:7). Грешник, как в темнице какой, заключен во внутренней своей тме самоневедения и самозабвения, из какой изводится Спасителем. Напоминая о сем благе, апостол Павел говорит: «Бесте иногда тма, ныне же свет о Господе» (Еф. 5:8), то есть как прежде в вас, по густоте мрака, ничего не было видно, так теперь все видно, по благодати Господней.

И действительно, сознание благодатно живущего во Христе совсем не то, что сознание работающего греху и страстям. Они отличаются как света и тьма. Первое действие благодатного пробуждения грешника состоит в извлечении души из механизма его внутренней и внешней жизни и в возвышении над течением ее... Здесь, следовательно, полагается первая возможность сознанию истинному и полному. С сей минуты оно и начинается, ибо первый взор человека под действием благодати обращается на его существенные отношения: на них прежде всего падает свет ее. Затем уже внимательный к себе не сходит с сей высоты духа. Око его вознесено над всем своим и над всем соприкосновенным к нему, и все то сознает и видит он ясно, как страж какой.

Это свойство облагодатствованного в Слове Божиим и в наставлениях подвижнических называется бодрствованием и трезвением. Механизм внутренней и внешней жизни поминутно порывается опять вовлечь их в себя, как в вихрь или пучину какую; они держатся в себе. Напряжение пребывать в себе есть подвиг трезвения или бодрствования, самый важный и начальный в духовной жизни. По мере совершенства в трезвенной бдительности над собою возвышается и сознание.

Так заповедуется христианам «трезвиться и бодрствовать,

...трезвиться в молитвах» или бодрствовать в молитвах (1Пет. 5:8, 4:7) и, вообще, быть всесторонне бодрственными: «Вы же, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет. Вси бо вы сынове света есте и сынове дне; несмы ноци, ниже тмы. Темже убо да не спим якоже прочии, но бодрствуим и трезвимся. Спящий бо в ноци спят... Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеса в броню веры и любве, и шлем упования спасения» (1Фес. 5:4–8). Такое стражничество над собою заповедуется христианам. Следовательно, оно в них есть как свойство.

То же изображается и в правилах святых подвижников, что есть новое доказательство того свойства христианина, что он ясно зрит себя, все свое и все вокруг себя. Так у преподобного Филофея пишется: от утра надлежит твердо содержать в памяти Бога и, непрестанно содержа душевную молитву к Иисусу Христу, мужественно и непреклонно стоять при дверях сердца и на сей духовной страже убивать всех грешников земли (Добротолюбие, т. 3, гл. 2).

Вследствие сего и самосознание, как дальнейшее развитие или особый только оборот сознания, состоит у истинного христианина на высшей степени совершенства.

Так ясно знает он свои действия, действия не только одного дня, но недель и годов, со времени пробуждения знает не только численно, но по их силе и смыслу, с побуждениями, чистотою и нечистотою вполне. За тем у него есть повседневная исповедь.

Различает себя от действий. На этом основана вся мудрая тактика в духовной брани, ибо самое первое здесь дело есть сознание врага. Затем всякое движение у него сейчас оценивается, откуда оно и что значит. Взор внутрь себя в сем отношении у него так глубок, что он не только вообще неправые движения видит, но и между ними различает свои от не своих. В этом и состоит известное у святых подвижников различие вещей или помыслов.

Знает, что он значит сам, что его ожидает, в каком он состоянии, в каких отношениях к другим...

Из всех сих свойств слагается тот внутренний свет, который приписывается истинным христианам и по которому вся их жизнь называется хождением во свете или деланием в день.

Второе свойство человеческого лица есть разумно-свободная самостоятельность. Состояние этого свойства определяется уже состоянием сознания, ибо они служат взаимным друг для друга отражением. Следовательно, в истинном виде и оно бывает только у христиан истинных, а у преданных греху можно видеть только тень его.

Самостоятельность, свойственная человеку, отличается разумностью и свободой. Разумность требует, чтобы действия располагались по своему усмотрению, своим целям и своеличному распоряжению разумному. Признаком его отличительным служит то, если мысль всегда предшествует желанию; напротив, где желание правит мыслью, там отсутствие или неблагосостояние сего свойства не подлежит никакому сомнению. У человека-грешника, неводимого и неукрепляемого благодатно, так и есть. Мы видели уже, что он предан механизму внутренних движений; и Слово Божие говорит о нем, что он творит только «волю плоти и помышлений» (Еф. 2:3) и «ходит в своих похотях» (2Пет. 3:3), то есть как захотел, так и делает, тогда как следует действовать так, как находит человек сообразным с собственным своим назначением.

Свобода состоит в том, чтобы располагать действиями без всякого насилия и увлечения совне или изнутри, прямо от лица. Отличительный ее признак – независимость и непринужденность. Если бы кто хотел сделать что по своему усмотрению, а между тем бывает вынуждаем делать иначе, то свобода сия, очевидно, была бы в узах. Такою она изображена апостолом Павлом в человеке-грешнике, о котором в своем лице говорит он: «не еже хочу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю». Сии узы налагаются: Грехом, живущим в нас: «уже не аз сие творю, – говорит там же апостол, – но живой во мне грех... Вижду бо ин закон во удах моих, против воюющ закону ума моего и пленяющ мя законом греховным, сущим во удах моих» (Рим. 7:14–23). Силу сего греха больше всего испытывает, чувствует и знает по опыту тот, кто пришел в сознание своей господствующей страсти и собирается одолеть ее. Он видит, как ведется вслед «своей похоти, влеком и прельщаем» как невольник (Иак. 1:14). Посему таковые в Слове Божиим называются «рабами греха» (Рим. 6:7–20), «проданными под грех» (Рим. 7:14); «имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть» (2Пет. 2:19).

Миром. Над человеком, не приившим благодатной силы, господствуют сила и власть страстных обычаев мирских и духа, действующего в мире, до того, что ему и на мысль даже не может прийти решиться на что-нибудь противное. «Никак нельзя: так принято». Этим выражается общее сознание своего рабства духу мира. Поддерживается сия власть некоторой боязнию или страхом за жизнь. Ибо иначе надобно выйти из мира, куда же?! Посему в Слове Божиим они и называются «порабощенными под стихиями... мира» (Гал. 4:3), «ходящими по веку мира сего» (Еф. 2:2), «по преданию человеческому и по стихиям мира» (Кол. 2:8).

Диаволом. Он действует через мир и грех, в нас живущий; потому большую часть сокрыты узы его. Но если покающийся человек осмотрится и сообразит прежнюю свою жизнь, то найдет, что в пути его к гибели была соблюдена самая хитрая сообразительность, не его, впрочем, и не других людей. Чья же? Очевидно, чья – человекоубийцы искони. Следовательно, надобно сказать, что каждый грешник, как и все грешники, суть лица, состоящие в распоряжении злого духа, или суть рабы его. Рабство сие выражается в отвращении грешника от всего священного и в его бессилии привлечь себя к чему-либо такому. В Слове Божием грешники, чуждые Духа Христова и благодати его, прямо называются рабами диавола, содержащимися в области его (Деян. 26:18) и сетях, и суть «живи уловлены от него в свою его волю» (2Тим. 2:26).

Таким образом, и второе свойство, разумно-свободная самостоятельность, у людей, не пришедших в себя благодатных, восстановительных сил, в худом и униженном состоянии. Напротив, у пришедших сии силы она является в истинном своем значении.

Что касается до разумности, она у них действует со всею силою уже потому, что они извлечены силою благодати из внутреннего своего механизма и вознесены над своими действиями; особенно же потому, что с минуты обращения к Богу и воссоединения с Ним благодатию всякое у них действие производится не иначе как по сознанию воли Божией на него, всякое действие – и внутреннее, и внешнее. Они «уже не к тому человеческим похотем, но воли Божией прочее по плоти живут время» (1Пет. 4:2). Жизнь по воле Божией есть в высочайшей степени жизнь разумная. Здесь воля Божия через покорный внушениям ее разум правит всеми делами и всем ходом жизни и ведет человека к последней его цели. Отсюда строй, целостность жизни.

И свободным в полном смысле можно назвать только того, у кого жизнь устроится показанным образом. Тот только и свободен истинно, кого освободит Иисус Христос (Гал. 5:1); "там только и свобода, где Дух Господень» (2Кор. 3:17). Пребывающий в Господе Иисусе Божественною силою Духа христианин наслаждается отрадным состоянием свободы (Рим. 8:2). Грех им не обладает (Рим. 6:7–12), из мира он изъят (Ин. 15:19) и небоязненно готов говорить истины «пред владыками» (Мф. 10:18), диавола и всю силу вражью он попирает (Лк. 10:19). Поэтому он стоит, как столп твердый, не колеблясь никакими противностями; никакие стечения обстоятельств не овладевают им; а напротив, он ими располагает по своему усмотрению или ведет себя среди их, не изменяя своего настроения и главных своих преднамерений.

Последнее наконец свойство человеческой природы – жизнь – у человека-грешника, по указанию Слова Божия, совсем утрачивается. Оно почти иначе и не называет его, как мертвым, который только «имя имеет, яко жив, а в самом деле есть мертв» (Апок. 3:1). Мертвость сию оно производит от греха (Еф. 2:1–5; Кол. 2:13), который «рождает смерть» (Иак. 1:15), есть «жало смерти», всех уязвляющее на смерть (1Кор. 15:56), и за которым смерть следует как "оброк" (Рим. 6:23).

Мертвящая сила греха состоит:

В отчуждении человека от Бога. Грешник «отчужден от жизни Божией» (Еф. 4:18) и живет как бы без Бога (Еф. 2:12). Богообщение, вещи Божественные и духовные составляют естественную пищу нашего духа, или как бы его стихию. Отпадши оттуда, он принужден теперь быть не в естественном себе месте и умирать, как без пищи и без воздуха.

В расстройстве сил и способностей. Жизнь человека состоит в гармоническом сочетании сил его природы и их взаимодействии соответственно их природе. Если сие законное соотношение их отнято, как видели, то и жизни, и деятельности в человеке, свойственной человеку, нет. На вид он человек, а по настроению внутреннему – не истинный человек. Как инструмент расстроенный по виду есть тот или другой, а по звукам не знать какой, так судить должно и о человеке, которого внутреннее расстроено грехом. В сем отношении надобно сказать, что в нем умерло или утрачено истинно-человеческое или то, что свойственно человеку. Как мертвый не видит, не слышит, не движется, так и человек-грешник не видит, не слышит и не движется по-человечески: делает дела, но "мертвья" (Евр. 6:1, 9:14).

В отъятии и как бы убитии сил душевных и телесных. Грех назван ядом: и точно, он есть яд. Как ржа съедает железо, так он съедает душу и тело. Он отнимает у ума живость, сообразительность, быстроту; у воли – крепость и стойкость; у сердца – вкус и такт. Ядовитость же греха для тела всем очевидна. В сем отношении человек, работающий греху, есть то же, что умирающий или томящийся предсмертно. Как ощутительно это выражается в непрерывном безотрадном состоянии человека-грешника! Жизни свойственна радость, но нет радости у нечестивого.

По определению Божию на всяком человеке лежит закон: смертию умреша (Быт. 3:19). Всякий входящий в мир сей вступает в область смерти и через смерть временную должен подпасть смерти второй, вечной. Такой и есть естественный порядок жизни человека падшего и пребывающего в падении. Изменение в нем производится только Божественною благодатию. Она, пришедши, зарождает в человеке истинную жизнь во

Христе Иисусе. Восприявший в себя благодать полагает в своем растлении нетленное семя, которое возрастает в древо жизни. Кто удостоивается сего, тот изъемлетя из челюстей смерти, а кто – нет, тот «пребывает в смерти» (1Ин. 3:14); «не веруяй... не узрит живота» (Ин. 3:36).

Так верующий, сочетаваясь со Христом, принимает новую жизнь (Рим. 11:15) и потому «переходит от смерти в живот» (1Ин. 3:14), из мертвого становится живым (Рим. 6:13). Это зависит от того, что при сем соединяется человек с Богом, источником жизни. Он уже "имеет в себе Сына, а с ним живот" (1Ин. 5:12) и принял Духа животворящего (Рим, 8:10); "живот его сокровен есть со Христом в Боге» (Кол. 3:3); ибо "не ктому он живет – но живет в нем Христос" (Гал. 2:20).

Сила нового рождения и жизни начинает истреблять в человеке грех, а вместе с тем уничтожать и следствия греха – расстройство сил и частей его существа, или восстанавливать в нем жизнь истинную, которая в нем множится, растет, приходит от силы в силу и преисполняет его отрадою. А здесь, сподобившись приять духа жизни, он и вечно будет жить, ибо над ним смерть вторая не возымеет власти.

Сия новая жизнь ныне сокровенна в искренно работающих Господу и даже большею частию сокрыта и от них. Она зреет как бы под покровом тления, строя и составляя там нового человека или человека вечности. Но потом, как плод из древа или древо из семени, из него явится сия жизнь во всем свете. Силу свою она воспринимает постепенно, подобно закваске, постепенно исполняющей тесто, ибо постепенно изъемлет из смерти части наши одну за другою... Переполнивши же все, тленное оставляет тлению, а живое передает или переносит в область жизни, в мир Божественный.

Это предмет спорный, хотя весь только о словах. Тем, которые не хотят различать духа и души, можно предложить, чтобы под словом дух они понимали высшую сторону нашей нетелесной стороны, а словом душа означали низшие ее действия и направления. У Антония Великого (см. Добротолубие, т. 1, изречение 166-е) говорится, что есть существа, одаренные только жизнью (растения), есть другие, одаренные жизнью и душой (животные) и есть еще одаренные жизнью, душой и умом. Это человек. Что здесь означается словом ум, то мы выражаем словом дух. У Исаака Сирианина тоже полагается три части, также и у Ефрема Сир., и многие из свв. отцов допускали дух, душу и тело... В Слове Божиим понимаются три части: «всесовершен ваш дух и душа, и тело непорочно в пришествие Господа... Иисуса Христа да сохранится». (1Сол. 5:23). В другом месте резко различается в нас дух и душа, когда говорится, что «Слово Божие, живое и действенное, ...проходит до разделения души и

духа» (Евр. 4:12).

10. Состояние сил познавательных, желательных, чувствующих в христианине и грешнике

Теперь обращаюсь к подробному указанию действия жизни истинно христианской, благодатной, и действия греха на каждую, в частности, силу и способность человека. Тут яснее будет, как какую часть нашу поражает грех, как зловердная роса – цвет, и как потом в обратившемся грешнике Божия благодать снова оживляет ее и являет в ее истинном виде. Прежде было помянуто, что в нас есть три силы, и показано, в каком они находятся соотношении в грешнике и праведнике. Но то было сказано вообще – теперь подробнее о том же. И вот смотрите. Немудрено заметить, что внутри нас есть три рода действий: мысли, представления, соображения; желания, склонности, предприятия и чувства всякого рода. Но как в составе существа нашего нельзя не различать трех частей: тела, души и духа – то и те три рода действий являются в нас на трех степенях, или в трех состояниях, именно: животном, душевном и духовном. Полагая теперь в основание каждому из сих кругу действий особую силу, мы должны сознать девяттерную иерархию сил, во внутреннем нашем мире качествующих и действующих под прикрытием тела – этого грубого вещественно-стихийного состава, как и в природе девяттерная иерархия вещественных сил действует под видимым нами грубым составом нашей планеты и как в мире невидимом, духовном есть девять чинов ангельских.

1) Состояние сил познавательных

Будем описывать каждую из сих девяти сил под действием греха и влиянием благодати. Начнем с тех сил, кои занимаются познанием вещей или указанием человеку истины.

Между сими силами на низшей степени стоит наблюдение с воображением и памятью, которыми собираются материалы; затем следует рассудок, которым сии материалы преобразуются в познания; над всеми же ними возвышается разум, который познает вещи невидимые и духовные и внутреннейшие стороны вещей, уже познанных рассудком.

а) Состояние высшей способности познания, или разума.

Предмет познаний разума есть верховное Существо – Бог, с бесконечными Своими совершенствами, и Божественный вечный порядок вещей, отражающийся как в нравственно-религиозном устройстве мира духовного, так и в сотворении и промышленности или в устройстве тварей и ходе происшествий и явлений природы и человечества. Все это предметы сокровенные, таинственные, и разум в истинном своем виде есть

созерцатель таинств Божества, духа и мира вещественного.

Возможность такого ведения основывается на том, что дух наш сам из мира духовного и имеет к нему некоторое предрасположение, некоторое его чаяние и требование. Так, опыт показывает, что у нас есть потребность Божества, нравственного порядка промышленности, лучшей жизни вечной и проч. и есть общая вера во все сии предметы. Такие требования, верования, чаяния обыкновенно называются идеями, или неопределенным созерцанием чего-то лучшего по бытию и совершенствам, нежели то, что мы знаем вокруг себя. Сии идеи сколько уверяют, что дух наш из одного мира, столько же показывают, что он не лишен возможности познавать его.

Хорошо надо помнить, что из того, что у нас есть идеи, можно заключить только о возможности познания и созерцания мира невидимого, духовного, а не о действительности его, подобно тому как из присутствия зрительной силы в нашем глазе видна только возможность зреть вещи, а самое зрение подлечит своим условиям.

Кто считает идеи действительным созерцанием, тот делает большую ошибку. Идеи доказывают только, что есть невидимые вещи, подобно тому как требование пищи доказывает, что есть пища; а что такое те предметы, каковы они, где – это еще надобно узнавать. Притом и сие указание на бытие невидимого мира не есть непосредственное, а посредственное, умозаключительное. Убедительно же оно по сильному только его желанию, а не само по себе, так что умали или уничтожь желание тех невидимых вещей, умалится или уничтожится и самое убеждение в бытии их.

В таком состоянии ведение духовное, или разум, находится во всяком человеке, приходящем в мир сей. Оно является в виде требований невидимого мира, сопровождающихся убеждением в действительном бытии его, но без действительного и верного о нем познания. Разум есть только зрительная духовного мира сила. Очевидно, что для дальнейшего развития или размножения сего знания необходимо упражнять сию силу зрения духовного действительным зрением, подобно тому как зрительную силу глаза упражняет и разнообразить опытность зрения вашего в действительном зрении. А для сего необходимо входить с тем миром в непосредственное сношение и соприкосновение, как чувственный глаз входит в такое сношение с вещами чувственными, то есть необходимо быть в общении с Богом и миром духовным. Без сего общения ведение духовное навсегда в духе нашем останется в виде предположительного требования и никогда не взойдет на степень знания ясного,

действительного, определенно-убедительного, подобно тому как слепой с закрытыми глазами, у которых не повреждена, однако ж, сила зрения, будет знать только, что, верно, есть светящиеся и освещаемые вещи, но знать их определенно не возмо́жет, пока не откроются глаза его. Причина сему – падение в грех и пребывание в сем падении. Вместе с отпадением от Бога дух наш отпал от всего Божественного и духовного, не входит с Богом в непосредственное сношение, не видит Его, не созерцает, стал слеп для Него. Надобно возвратить его в прежнее состояние, чтобы он мог знать Его ясно и определенно...Если теперь сие условие может быть исполнено только, когда человек восприимет восстановительные силы в христианстве, очевидно, что вне истинного христианства, деятельно усвояемого, разум слеп, не знает духовных вещей, а только требует знания их, имеет идеи о них, но неопределенные, неясные, предположительные.

Между тем предметы невидимого мира, по своей высоте и особенно по родству с нашим духом, не могут не занимать человека, не могут не возбуждать в нем желания разгадать их. Это всегда и есть. Редкая усыпленная душа не хочет узнать, что такое оный мир? Многие над тем трудятся. Какой же плод сего труда? Если один путь к истинному его познанию – опыт духовный, от действительного вкушения вещей духовных, возможного лишь для человека, восстановленного благодатию, очевидно, что самодельное его познание не должно обещать многого. Чтобы увериться в сем, стоит только посмотреть на способы, какие вне истинного пути употребляет для сего разум, оставленный себе. Из них известны два. Один состоит в умозаключительном восходе от низшего к высшему, другой надеется на уяснение идей механическим переходом их от одной силы к другой внутри нас. В том и другом сознается неясность и неполнота духовного ведения и решается вопрос: как уяснить и пополнить сие знание?

Под первым разумеется вот что: заключать от действий к причине всего – Богу, приписывая Ему в высочайшей степени то, что может быть Ему свойственно, и отрицая то, что Ему свойственным быть не может. Нет сомнения, что сим путем немало можно пояснить тайную область идей; но, кроме того, что такое знание касается не всего объема невидимых вещей, а только одного Божества, хотя это и главный предмет, оно тоже не прямо, не непосредственно, следовательно, также остается по-прежнему предположительным.

Потому оно никак не удовлетворяет, а всегда заставляет ожидать новых подтверждений и доказательств, как это очень сильно выразил Платон. При нем можно сказать только: кажется так и так, но когда кто

скажет: может быть, и не так – не всегда ум найдется, что на это ответить.

Тем больше это приходится испытывать, что здесь же опыт приводит ко многим нерешимым вопросам касательно, например, Божественного Промышления или слишком большого влияния вещества на дух. Мало ли людей, кои, смотря на тайную, непостижимую связь происшествий, говорят: есть ли кто, приводящий все сие в движение, есть ли свобода, что дух? и проч. А это и заставляет разум, если не оставаться в решительном сомнении, то часто с грустью испытывать сильные нападения со стороны сего врага истины. Вот плодпоказанного способа. А о том уже нечего и говорить, что при неправом его употреблении он может вести к опасным заблуждениям, как уже это случалось и на самом деле. Отчего Эпикур устранял Бога от мироправления? Оттого, что судил о Нем по своему настроению, что любил сам предаваться сладкому бездействию и покою. Отчего Ориген дошел до мысли о несовместности вечных мучений с благостию Божиею? Оттого, что судил о Нем по своему мягкосердию и поблажливому нраву. То же и другие могут представлять себе и представляют Бога только грозным и неразборчивым деспотом. А жизнь вечную как – как не изображают? И об ангелах, и о способах спасения, и о прочем как не судят? Всякий судит по себе, по своим наличным познаниям и своему настроению. И, очевидно, во всем этом извращают истину и превращают ее в ложь, оттого что не тем путем идут к знанию тех вещей.

О втором способе нечего почти и говорить. Он походит на баснословное похождение идей во внутреннем нашем мире. По нему сначала идеи падают в сознание, отсюда – в сердце, потом они принимаются фантазией, далее наконец – рассудком, который и строит из них понятия, суждения и умозаключения. Очевидно, что это изображение совершенно чуждо опыту, выдуманно и никем не может быть в себе сознано. Однако ж оно очень ясно показывает, что разум сам не знает, как ему познать невидимый мир, потерял истинный к тому способ и придумывает то то, то другое, и в этом смятении попадает на смешное и нелепое; ибо если предмет не совсем виден, надобно идти к нему, а не вертеться или принимать самому разные положения, оставаясь в одинаковом от него отдалении. Неясное в нас самих непонятно, как в нас же самих может и уясниться само? Пусть, впрочем, и можно вытеснить из себя какие-нибудь мысли при сем поворачивании или трении идей; все не видно, откуда они могут приобрести достоверность и силу убеждения. Если сами идеи только предположительны, то что и все развитое из них?

Итак, в разуме, пребывающем в отдалении от Бога и благодати Его,

знание о мире духовном, которое он достает из развития идей предположительного достоинства и способами неверными и ненадежными, –

Само предположительно, недоуменно у всех, никого не исключая. Что и как? – эти вопросы разум такой всегда будет себе предлагать и никогда не решит их сам;

Всегда почти неверно, ибо берется не с натуры вещей тех, а образуется по вещам другим, противоположным;

И само собою оно может касаться только малой части всего – очевиднейшей, каково бытие Божие и его свойства. Что же касается законов Божественного мироправления, до нравственно-религиозного порядка мира духовного и особенно таинства спасения рода человеческого, это или совсем не имеется в мысли, или является в виде самых мечтательных предположений.

Должно при этом заметить, что даже когда разуму дается доступ в откровение, то и тогда, хотя мнения нелепые исправляются, недостающее восполняется, но предположительность все еще остается, в каких бы то степенях ни было. И тогда знает он сии предметы, как умозрение, и пока не вкусит их самым делом, не знает, как они есть на деле. Посему очень многие истины, и между ними истины спасения, содержатся в уме как нечто чуждое, туда положенное совне, но не сорастворившееся с самою природою ума. Оттого далее, даже и после полного их изучения значение их все еще перебивается сомнениями и недоумениями, нерешительностию, готовою всем колебаться, как стебель от легкого дыхания ветра. Вот что говорит о таком познании св. Макарий Египетский:

«Тех, которые возвещают духовное учение, не вкусив и не испытав оно, почитаю я подобными человеку, летом в жаркий полдень идущему по пустой и безводной стране; потом, от сильной и палящей жажды, представляющему в уме своем, будто близ него находится прохладный источник, имеющий сладкую и прозрачную воду, и будто он без всякого препятствия пьет из него досыта; или человеку, который нимало не вкусил меда, но старается другим изъяснить, какова его сладость. Таковы поистине те, которые, самым делом и собственным дознанием не постигнув того, что принадлежит совершенству, освящению и бесстрастию, хотят наставлять в сем других. Ибо, если Бог дарует им хотя бы несколько почувствовать то, о чем они говорят, они, конечно, узнают, что истина и дело не походят на их рассказ, но весьма много различествуют от него» (Слово о возв. ума, гл. 18).

«Имеющие внутри себя Божественное богатство Духа, если сообщают кому-нибудь духовное учение, то, как бы вынося собственное сокровище, дают им. Напротив, те, кои не имеют сего богатства внутри сердца, из которого струятся благие Божественные мысли, тайны и необыкновенные речения глаголов, схватив только несколько цветов из обоих Заветов Писания, носят их на конце языка или, быв слушателями духовных мужей, тщеславятся их учением, предлагают оное, как будто свое собственное, присвоая себе чуждое приобретение» (Слово о любви, гл. 5).

«Те даже, кои исполняют добродетели, прилежат Слову Божию, но не освободились от страстей, – и те подобны людям, ходящим ночью при свете звезд, которые суть заповеди Божий; ибо, как они еще не совершенно освободились от тьмы, невозможно им хорошо все видеть... «Они хорошо делают, что обращаются к нему (к слову пророческому), как к светильнику, сияющему в темном месте, пока не начнет рассветать день и не воссияет утренняя звезда в сердцах наших» (2Пет. 1:19). Но многие ничем не различествуют от тех, кои ходят среди ночи совершенно без света и кои не пользуются даже малым оным сиянием, которое есть Слово Божие, могущее светить их душам, и потому (почти) похожи на слепых. Это суть те, кои совершенно связаны цепями вещества и житейскими узами...» (Слово о свободе ума, гл. 27).

Вот состояние разума или ведения мира невидимого у людей необлагодатствованных! В каком виде оно у тех, кои прияли Духа благодатного, можно судить уже по противоположности, то есть оно должно быть ясно, живо, опытно, несомненно, истинно, потому что заимствуется из опытного вкушения самых вещей невидимых; должно быть и полно: знать и Бога, и Его свойства, и законы мироправления, и тайны искупления, особенно последние, потому что через искупление ум вводится в тот мир. Опять отсылаю хотящих к св. Макарию. Пусть посмотрят, как он изображает сие духовное ведение. Сокращенно его мысли можно совместить в следующем положении: падением закрылось око ума, и человек погряз во тьму. Благодать Святого Духа, через возрождение приводя человека в живое общение с Господом Иисусом Христом и Богом, вводит его в духовный мир и показывает все сокровенные тайны Божий, которые он здесь и познает опытно, истинно, полно.

Вот самые места:

«Когда человек преступил заповедь Божию и лишился райской жизни, тогда он связан стал как бы двумя цепями: во-первых, цепью житейских забот... во-вторых, цепью невидимую; ибо душа от духов злобы связана

некими узами тьмы, так что не можно ей ни любить Бога, ни веровать в Него, ни заниматься молитвою по ее желанию» (Сл. о св. ума, гл. 29).

«Когда Христос, сия первая и существенная благодать, послал Божественным ученикам дар Духа, то с тех пор Божественная сила, осеняя всех верующих и обитая в душах их, врачует греховные страсти и освобождает от тьмы и смерти; но до того времени душа была в ранах, содержалась под стражею и объята была греховным мраком. Да и ныне душа, не удостоившаяся еще иметь общение с Господом и силу Святого Духа, которая бы деятельно всею силою и полнотою ее осеняла, находится во тьме, а у тех, на кого низошла благодать Духа Божия и у кого поселилась она во глубине ума, Господь есть как бы душа: «соединяющийся с Господом, – говорит апостол, – становится один дух с Господом» (1Кор. 6:17; Слово о свободе ума, гл. 12).

«Мы все, то есть совершенною верою рожденные от Духа, «открытым лицом взираем на славу Божию... Когда кто обратится ко Господу, взимается покрывало...» (2Кор. 3: 16–17). Сим ясно показал апостол, что на душе лежало покрывало тьмы, которая со времени преступления Адамова имела свободный вход в человечество; ныне же она через осияние Духа снимается с верующих и истинно достойных душ. Для сей самой причины и было пришествие Иисуса Христа, ибо угодно было Богу, чтобы истинно верующие приходили в сию меру святости» (Слово о свободе ума, гл. 22).

«Благодать, пришедши через очищение внутреннего человека и ума, снимает покрывало сатаны, после преступления возложенное на человек, и очищает душу от всякой скверны и помысла нечистого, желая, чтобы она, возвратясь в собственное естество, открытыми и ясными очами усматривала славу истинного света. Таковые отседе восхищаются уже в тот век и видят тамошня красоту и чудеса. Как телесное око, неповрежденное и здоровое, свободно смотрит на сияние солнечное, так и сии посредством просвещенного и очищенного ума повсюду усматривают непреступное сияние Господа» (Слово о возв. ума, гл. 13).

«Как невозможно без глаз, языка, ушей и ног смотреть, говорить, слышать, ходить, так равно невозможно без Бога и сообщаемого Им действия участвовать в Божественных тайнах, постигать Божественную мудрость, или богатеть по духу. Ибо греческие мудрецы упражняются в науках и ревностно занимаются словопрениями, но рабы Божий, хотя бы и незнакомы были с науками, совершенствуются знанием Божественным и благодатию Божиею» (Слово о возв. ума, гл. 15).

«Блаженны поистине и счастливы по жизни и сверхъестественному наслаждению те, кои посредством пламенной любви к добродетельной

жизни получили опытное и осязательное познание небесных тайн Духа и имеют жилище свое на небесах! Они превосходят всех людей, и вот доказательство тому ясное: кому из сильных, или мудрых, или разумных, обращающихся на земле, случилось взойти на небо, производить там дела духовные и зреть красоты Духа? Между тем, по-видимому, нищий, крайне нищий и уничиженный, нимало не известный даже и соседям, падши на лицо свое пред Господом, под руководством Духа восходит на небо и в твердой вере души своей наслаждается там чудесами, там действует, там имеет жилище; как говорит Божественный апостол: «наше житие на небесах» (Флп. 3:20); и еще: «чего не видал глаз, не слыхало ухо, и что на сердце человеку не приходило, то приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2:9) и потом прибавляет: «а нам Бог открыл... Духом Своим» (1Кор. 2:10)» (Сл. о любви, гл. 17).

«Имеющий благодать, укоренившуюся в душе и сорастворившуюся с нею... познал на опыте иное богатство, иную честь и иную славу, и питает душу нетленною радостью, и ощущает и вполне наслаждается оною через сообщение с Духом» (Слово о любви, гл. 22).

«Сколько есть различия между разумным пастырем и бессловесными скотами, столько таковой человек смыслом, знанием и рассуждением различествует от других людей, ибо он имеет иной дух и иной ум, иной смысл и иную мудрость, нежели какова мудрость мира сего» (Слово о любви, гл. 23; многообразные откровения благодати, – там же, гл. 6).

«Божественный апостол Павел точно и ясно показал, что совершенное таинство Христово опытно познает верующая душа по действию Божию, которое есть сияние небесного света в откровении и силе Духа, дабы кто не подумал, что освещение Духа бывает только посредством познания ума, и по неведению и нерадению не подвергся опасности уклониться от совершенного таинства благодати» (Слово о своб. ума, гл. 21).

«Оное сияние Духа не есть только освещение ума и благодатное просвещение, как выше сказано, но есть постоянное и непрестанное в душах сияние существенного света» (Слово о своб. ума, гл. 22).

«И блаженному Павлу воссиявший на пути свет, посредством коего он восхищен был и до третьего неба и соделался слышателем неизреченных таинств, не было какое-либо просвещение мыслей и разума, но существенное сияние силы благого Духа в душе, коего чрезвычайным блеском ослепились телесные очи, не могли перенести оно, и которым открывается всякое знание и истинно является Бог душе, достойной и любящей Его» (Слово о своб. ума, гл. 23).

«Всякая душа, за свое усилие и веру по действию и уверению

благодати удостоившаяся совершенно облечься во Христа и соединившаяся с небесным светом нетленного образа, и ныне уже участвует в существенном познании небесных таинств» (Слово о своб. ума, гл. 24).

«Как сначала... определение смерти за преступление... открылось в душе тем, что умственные чувства, лишившись небесного и духовного наслаждения, погасли в нем и соделались как бы мертвыми, так ныне крестом и смертью Спасителя примирившийся с человечеством Бог истинно верующей душе, еще в теле находящейся, снова дает наслаждаться небесным светом и таинствами и снова просвещает умственные чувства Божественным светом благодати» (Слово о своб. ума, гл. 26).

«Когда случается тебе слышать об общении жениха с невестою, о хорах певцов, о праздниках, то не представляй ничего вещественного и земного. Это берется только в пример по снисхождению, поелику те вещи неизреченны, духовны и неприкосновенны для плотских очей, но подходят под понятие только души святой и верной. Общение Святого Духа, небесные сокровища, хоры певцов и торжества святых ангелов понятны только для человека, познавшего сие самым опытом, а неиспытанный не может вовсе и представить себе этого. Итак, слушай о сем с благоговением, доколе и ты за веру свою не удостоишься достигнуть таких благ. И тогда ты душевными очами на самом опыте увидишь, каких благ и здесь могут приобщаться христианские души!» (Сл. о любви, гл. 13). Пространно о сем пишется у св. Исаака Сирианина в 55-м Слове.

Все, что говорит святой Макарий Великий, есть только пространнейшее изъяснение, или собственным опытом оправдание того, что Слово Божие говорит об уме человека, ради святой жизни соделавшегося сосудом благодати. Ему усвоется «помазание, научающее всему» (1Ин. 2:27), «просвещение разума славы Божия» (2Кор. 4:6), "свет" (1Ин. 2:9–10), «премудрость и откровение» вещей духовных (Еф. 1:17), «познание... духовное» (Кол. 1:9–10), «ум Христов» (1Кор. 2:16).

Напротив, у человека, работающего страстям, Слово Божие видит омрачение (Еф. 5:11–18), "тму" (Еф. 5:8–10), неведение Бога и Христа (Еф. 2:12; Деян. 3:13); для него сокрыта истинная мудрость (2Кор. 4:4), и он «не может разуметь» (1Кор. 2:14).

Из сего видно, что разум в истинном его виде и во всей красоте является только в духе истинных христиан. У тех, кои запутаны в грехи или не радят о чистоте сердца, но принимают Слово Божие, теоретическое познание может близко подходить к ведению истинного разума; но сие

знание лежит не в уме их, а как бы на уме, как пыль, готовая тотчас слететь, то есть оно не сорастворилось с существом его, почему не уничтожается в нем свойственная ему предположительность, и оно часто подвергается нападениям сомнения, иногда очень глубоким, особенно с той стороны, где лежат тайны искупления и условия его усвоения... Кто же, очистив себя, сорастворился с истинами, тот не боится таких нападений (см. блж. Иеронима Греч., «Христ. чт.», 1821). Что касается до ума, не знающего Божественного Писания, то в нем неизбежны неполнота познания духовных вещей, неверность, а главное – предположительность... И это еще при добром направлении, то есть когда человек, не предаваясь порочным страстям, ревностно занимается такими вещами и благонамеренно хочет распознать их. Коль же скоро он при том невнимателен к важнейшим истинам, не старается их разъяснить и узнать и предан страстям, то можно сказать, что он совсем не имеет разумного ведения, хотя мнится иметь его. Несколько мыслей наскоро схваченных, заученных, принятых по слуху – вот и все у некоторых. У большей же части качествуют неведение или сомнение и презорство. У таких истинно – запустение во внутреннем святилище нашего духа, мрак и тьма густая и непроницаемая.

Вот несколько мыслей о разуме! Утвердить в себе надо ту мысль, что здесь дело идет о познании мира невидимого и вещей духовных. Познание мира видимого и вещей чувственных совсем другое дело. Тут действуют другие способности и с другими приемами. Смешивать то и другое не должно. От сего бывает великое зло... Видимое нетрудно узнавать. Иной, узнавши кое-что из сего, говорит: ну, знаю! – и на том останавливается, не заботясь о главном. И другие высоко его ценят и ставят учителем во всем, а он все говорит им о стороннем, а главного и сам не знает.

б) Состояние рассудка.

Способность, обращенная на познание видимого, тварного, конечного, называется рассудком. Впрочем, не в имени дело, а в характеристических чертах. На них обращается и внимание особое. Сей рассудок, кажется, сохраняет всю свою силу – христианин ли кто или нехристианин, добродетелен или порочен, особенно если смотреть на него, как он есть у людей образованных, посвящающих себя основательному изучению каких-нибудь наук. Смешивая рассудок с разумом, они сами себе усваивают большую цену, и другие их считают великими головами. Сами они готовы всегда довольствоваться тем, что знают, а другие рады бы хоть и до того дойти, до чего они добились; мало того, иной, сличая их многоведение, обыкновенно высокотонное,

выражаемое хитросплетенными словами, с простыми словами святых Божиих, может, пожалуй, прийти к мысли, что у последних многого недостает против первых. Тем необходимее разъяснить, чем должен быть и чем бывает рассудок у разного рода людей.

Установить надобно понятие о том, что требуется от рассудка, или что он должен от себя выставить на сцену знания. Деятельность его непосредственно утверждается на воображении и памяти, которые при посредстве чувств наблюдением ли или чтением и слышанием собирают для него материалы, доставляя сведения о всем являемом и существующем вне нас и в нас так, как все существует и является в пространственно-временных отношениях. Весь этот материал или все собранные таким образом сведения, еще как бы не окачественные, рассудок должен превратить в ясные понятия и построить из них знание посредством мышления.

Образ деятельности рассудка состоит в приемах, какие он употребляет в приобретении подручных ему познаний, именно: рассудок строит наведения, составляет понятия, суждения и умозаключения, или, иначе, делает обобщения, определяет и развивает мысль. Но на этой стороне его (формальной) мало нужно нам останавливаться. Значительнее содержание рассудочных познаний (материальная сторона рассудка). Его составляют те стороны, к каким обращается рассудок в познании предметов, именно: свойства и состав вещей, причинные их отношения, то есть причина и действие, средства и цель, материя и форма. Что оно действительно поневоле как бы двух видов, зависит от того, что на самом деле, в действительности, мы видим только существа и явления, то, что есть и что бывает. В первом случае нечего более и узнавать как свойства и состав вещи, равно как и во втором – нечего более узнавать, кроме причинных отношений: отчего? для чего? как?

Основую для рассудка в том и другом случае должны быть наблюдение и опыт, а орудием – обобщение и наведение. Как действует он, в примере яснее. Пусть, например, он хочет узнать человека в его свойствах и составе. Для сего нужно ему долго наблюдать за человеком, за его действиями и всем, что в нем бывает. Эти наблюдения составят материалы, по собрании которых начинаются обобщения и наведения. Так, распределяя их на группы, рассудок находит, что в человеке внутри есть представления, желания и чувствования; всматриваясь далее в каждый из сих кругов действий, видит, что все они бывают трех видов: чувственные, душевные и духовные. Возводя все это к началам, он должен будет положить, что в человеке есть три силы и три части. Исходное начало для

тех и других есть лицо человека. Выходит, что человек в составе своем есть сочетание трех сил и трех частей, кои, взаимно соприникаясь, сходятся в одном нераздельном лице человека. В то же самое время он будет через отвлечение добывать ясные представления о том, какого свойства каждая сила и каждая часть, а наконец, каково и самое лицо человека или каковы неотъемлемые принадлежности каждой человеческой личности. Это, как указано уже, – сознание, свобода и жизнь.

Из сего примера видно, что в отношении к познанию существ рассудок нераздельно восходит к представлению состава и свойств: от действий идет к силам, производящим их, от сил – к взаимному их соотношению и строю.

Познание явлений и происшествий строится на основании познания свойств и состава существ и вытекает из них. Точное познание существ, сил и законов их деятельности служит началом при объяснении явлений и происшествий. Здесь основание то же: наблюдение и опыт, но предмет другой и стороны другие. От рассудка требуется здесь больше живости и сообразительности. Подметить причину, угадать цель, взвесить следствие – это занятие более отвлеченное, более дающее простора свободе мысли, но зато много ошибочнее и маловернее. Задача для рассудка – определить причину явления, средства и закон, по коему оно происходило, соприкосновенные обстоятельства явления, цели и следствия его, образ происхождения. Конец трудов для рассудка тогда, когда он с уверенностью удовлетворительно может ответить на вопрос: как из известной причины, по известному закону, при известных пособиях и среди известных . обстоятельств могло образоваться то или другое явление? Первое определение есть подготовка себя к ответу на последний вопрос, то есть как бы только материал, последнее – собственно знание. Отсюда выходит, что знание в отношении к явлениям есть созерцание их происхождения с сознанием неизбежности и необходимости сего именно, а не другого их хода, судя по причине и соприкосновенным обстоятельствам. Так, например, кто будет разбирать подпадение России под иго монголов, тот подготовит себя к точному его познанию, когда узнает, кто и как его произвел, каким способом, когда, что тому способствовало, какие были следствия того; а потом точно узнает его, когда будет в силах объяснить, как оно из состояния России и свойств монголов родилось и развилось по временным обстоятельствам, в том виде, в каком оно случилось. Судя по сим обязательным занятиям, от рассудка или от человека относительно рассудка можно требовать следующих добрых качеств, или добродетелей, которые можно назвать

добродетелями рассудка: труд – он до точности с неусыпностью должен дознаться все, что как есть, по собственному ли наблюдению или по наблюдениям других. Кто разрабатывает какую-нибудь часть истории, тот знает, как это нужно и как нелегко. Добросовестность. Нехотение труда или полутруд может понудить поспешить делом и после, при дальнейшем производстве его, позволить пропуски – отсюда бывают большие ошибки в обобщениях и наведениях. Приступая к ним, человек должен сознательно сказать себе: я все сделал, что мог и что нужно, и на основании всего делаю выводы. Внимательная осмотрительность. Все у него должно быть основано на фактах; между тем или их число, или подробности могут ускользнуть; может случиться, что малозначительное будет очевиднее, а главное – скрытнее; многое может быть ничтожно, а одно – важно. Пропуск или ошибка во взоре могут дать всему ходу работ рассудка оборот превратный. От этого всегда наложится необходимость доверять другим, с ними советоваться, их суду подчиняться когда нужно и, вообще, сколько можно менее придавать аподиктической непреложности своим наведениям и смиренно сознавать свою малую дальновидность. Противоположные сим добрым качествам пороки относительно рассудочной деятельности суть заносчивость и диктаторство, неосмотрительность, недобросовестность и верхоглядная ветренность.

После таких замечаний обращаемся к определению состояния рассудка у людей, отчужденных от Бога, и у людей, прилепляющихся к Нему.

У первых он является всегда почти с превратными направлениями. Если осмотреть людей, то найдется бесконечное их в сем отношении разнообразие. Однако ж, судя по сторонам, какие пред сим указаны, можно их распределить или по видам рассудочной деятельности, или по ее добродетелям.

Одни преимущественно остаются при приемах, какие употребляет рассудок при познании вещей (при формальной его деятельности), и или хотя все строить из произвольных своих отвлеченных понятий по примеру схоластиков, или готовы с одинаковою силою утверждать «да» или «нет» об одном и том же, по примеру пустословных софистов. Схоластика и софизмы неизбежны для рассудка при бедности материалов, ибо он есть сила действующая, требующая деятельности; потому, когда не на что обратить своих сил, он вращается с ними в себе самом и, как в нем остаются одни формы, ходит по ним как из одной комнаты в другую. Здесь при неиспорченном нраве он будет жалкий схоластик, а при испорченном – пустой и злой софист. Другие более склонны к приобретению самих

познаний (к материальной деятельности) и собирают богатство сведений и притом о разного рода предметах. У них, обыкновенно, огромная память, и голова их есть бесконечный магазин, наполненный всякою всячиною. Труд такого рода необходим в познании вещей, но на нем одном останавливаться не должно: один он есть некоторым образом даже отрицание рассудка. Тут, видимо, материалы не пересмотрены, не очищены, а остаются так, как есть, и или бременят только голову, или употребляются без разбора. Сообразительность и самостоятельность рассудка подавлены.

Третьи стоят на середине между ними и не склоняются ни на ту, ни на другую сторону. Таковы суть преимущественно преступники добродетелей рассудочных, то есть трудиться и работать головою они не хотят и добросовестности имеют мало, а лишь бы как-нибудь; между тем по великой заносчивости о всем хотят давать суд, действуя при сем без всякой осмотрительности. Это – ветреники, самохвалы, всезнайки. Есть, впрочем, на сей середине преданные усыплению почти всеконечному, кои довольствуются тем, что как-нибудь услышат или увидят, сами же от себя не хотят поднять, так сказать, ни ноги, ни руки умственной.

Показанные недостатки, очевидно, обличают нездоровье рассудка, равно как болезненное состояние всей души, в которой он таков. Судя по ним, не боязненно можно заключить, что рассудок у людей неправых сдвинут со своего места, не знает своего пути, потерял свой такт, вкус и свойственные ему приемы при рассматривании вещей познаваемых. Что такие недостатки не суть следствия какого-либо физического расстройства людей, а плод нравственного их повреждения, это очевидно уже из самого их свойства; и опыт уверяет, что коль скоро кто впадет в какое-нибудь из показанных направлений превратных, то не избавится от него и думать о том не станет, пока не переменит всей своей жизни; по крайней мере, большею частию это так. У людей же, к Богу обращающихся и приемлющих восстановительные силы, можно сказать, прежде всего отпадают эти струны. Они уже не ленятся работать головою, не хитрят мыслию, а смотрят на дела и вещи, как они есть. Оттого часть последующей борьбы у них составляет и борьба со своим рассудком, именно – в тех его неправых действиях, о коих было сказано. Сверх того, как заходят они к человеку? Через грех небрежения и беспечности о себе самом и своем состоянии. Следовательно, вообще можно сказать, что, в ком есть они, тот пребывает во грехе и или еще не сподобился благодати, или потерял ее. Но в ком нет их? Даже и те, кои жизнь свою проводят в научных занятиях, несвободны от них в большей или меньшей степени.

Некоторое исключение из сего представляют сильные рассудки (физики, математики, историки). Многие из них обладают познаниями точными, многотрудными, изыскательными, между тем как стоят, видимо, вне благодатного царства и по образу мыслей, и по жизни. Они представляются держащими истинную средину в рассудочной деятельности, то есть между деятельностью его формальной и материальной, и сколько можно выполняют добродетели рассудка. Некоторые видимые успехи надоумляют их чуждаться всякой помощи свыше и располагают верить, что они целы и невредимы. Но такая самоуверенность сейчас и обличает нездоровость их рассудка, ибо здравый всегда осязательно видит и указывает свои слабости и свою немощь. Если теперь эта заносчивость обща почти всем крепким рассудкам, то все их надобно считать поврежденными. Сверх того, мы только не знаем всего производства их работ кабинетных, не имеем досуга тщательнее пересмотреть их труды обнародованные, а то всегда могли бы найти там, как и находят, немалые общие с другими грехи, например: натяжки посредством понятий отвлеченных, чтобы дополнить промежутки опытов и застоять свою теорию, довольство и малым числом фактов, коль скоро они, по нашим мыслям, имеют склонность видеть во всем отражение своих мыслей с унижением чужих, возношение себя над всеми другими людьми одного класса и вообще стремление скорее завершить свое дело, несмотря на то, выполнено или не выполнено все, что требуется к совершенству и верности их мыслей; то есть и они то падают в софизмы и схоластику, то забывают о добродетелях рассудка.

После сего, не боясь сих крепких голов, можно оставить в силе прежнее заключение, что рассудок у людей неправых, преданных греху и страстям, вообще расстроен до того, что при всем усилии многоученных он платит дань своей немощи и высвободиться из нее не имеет сил. В этом еще осязательнее всякий уверится, когда позаботится вникнуть в обыкновенные наши понятия, суждения и умствования хотя бы в продолжение одного дня – в том кругу, в каком живет. Здесь почти повсюдны

в понятиях: неясность, сбивчивость, безотчетность, незнание их цены и подчинения, следовательно – запутанность и нестройность;

в суждениях: опрометчивость и поспешность, чувственность, изменчивость, отсутствие оценки, неведение, болтливость и шутовство, поверхностность;

в заключениях: недальновидность и близорукость, безначалие или предположительность, предрассудки и софизмы.

Еще: неверие, легкоеверие, упорство, хитрость и изворотливость, особенно же пустота в слове и мысли показывают, что рассудок большею частью не пользуется своими правами и сидит, как в какой засаде, без действия или действует, но превратно. От этого не свободен ни один из людей, неправых и благодати Божией восстановительной непричастных.

Допустим, впрочем, что рассудок у кого-нибудь сохранит истинную середину между показанными прежде крайностями, тщательно соблюдая лежащие на нем обязанности, будет успешно идти к предположенной цели – дойдет ли он при всем том до всего, что нужно?

Заметить должно, что иное знание рассудок достает сам по себе, а иное он должен доставать в связи с разумом. Есть познания, которые разум иногда может постигнуть один, но которых рассудок один, отдельно от разума, постигнуть никак не может. Чтобы видеть, что это, представим себе, что есть каждая тварная вещь – исключительный предмет рассудка?

Кроме фактического, есть еще в каждой вещи мыслимое, разумемое только и созерцаемое внутреннейшее ее существо, отпечатленное и выраженное фактической ее стороною. Каждая тварь есть состав сил и стихий, стройно сочетанных между собою по известному образцу или мысли, которую они и должны отпечатлеть на себе. Сия мысль не есть, впрочем, в вещи как видимая часть, стоящая в ряду других частей, а есть нечто невидимое, сокрытое под видимым, его проникающее и одушевляющее – потому более мыслимое и созерцаемое, нежели осязаемое. При всем том, однако ж, оно не есть что-нибудь мечтаемое, а есть действительно там присущая мысль. Подобно тому, как в картине видимый очерк, сочетание частей, разнообразие поз, красок и оттенков воодушевляются какою-нибудь мыслию, которую картина выражает и кою проникается, мыслию, которая присуща в картине, однако ж, не составляет в ряду с другими отдельную часть, так и во всякой вещи есть своя сокровенная мысль, животворная ее сущность; ибо мир как во всем своем составе, так и в малейших частях есть бесконечно мудрое художественное произведение Божие. Мысль Божия о мире и частях его (мир идеальный), от вечности содержащаяся в уме Божиим, при переходе во время или при осуществлении волею Божиею бесконечною была облечена силами и стихиями, через кои и явилась в действительности, как равно и теперь сокровенные планы Божественного мироправления осуществляются многообразным сочетанием различных явлений природы и человечества. Итак, в мире мы всегда видим видимую, являемую сторону, под нею – силы и стихии, а под ними еще должны усмотреть и

кроющуюся там мысль Божию. Сия мысль – цель наших усилий; постижение ее и есть собственно знание, а прочее все – подготовительные сведения. Как рассматривающий картину когда расскажет краски, перечислит члены, опишет их положение и сочетание, еще ничего не скажет о картине, потому что не объясняет главного – того, что выражает картина; так и тот, кто, рассматривая твари, явления и происшествия в мире, когда узнает, как все есть, а именно: в вещах – состав сил и стихий, в происшествиях – сочетание причин и производство их со следствиями – еще не знает ни вещей, ни явлений, пока не скажет, какая мысль Божия кроется в тех и других, что они выражают собою, какое их вечное значение.

Как вещь и происшествие являются в действительности, об этом дают нам знать чувства; сокрытые под являемым силы и стихии узнает рассудок посредством обобщения и наведения; спрашивается, как узнать мысль, которую они выражают?

Ответ простой: как узнается мысль художника? – посредством эстетического чувства – способности, одинаковой со способностью, участвовавшей в производстве картины. То же и в отношении к вещам тварным: познать их сокровенное, положенное в них от ума Божественного, можно только посредством силы Божественного свойства. Сия сила в нас есть дух, и в духе – разум. Итак, когда рассудок своим трудом дошел до конца, то есть до узла сил и стихий, разузнал все фактическое, он должен взять как бы за руку разум и сказать ему: поди, посмотри, что тут такое есть еще. Но очевидно, что разум сей должен быть разум здравый, зрящий, а не слепой и испорченный, как и чувство только здоровое познает идеи художнических произведений. Разум же здравый, зрящий, как мы видели, есть только у тех, кои, обратясь от греха к Богу, прияли благодать, а у работающих греху и благодати не имеющих он извращен и удален от истины. Следовательно, и познание сокровенного в вещах возможно только для первого, оставаясь недостижимым для второго.

Что действительно стремление разгадать сокровенную сторону вещей свойственно духу нашему, об этом представляет свидетельство каждый мыслитель. Физик хочет разгадать значение существ, сил, стихий; историк – определить значение происшествий; психолог – значение каждой способности и самого человека. Очевидно, никто не довольствуется познанием фактической стороны, но всякому хочется проникнуть глубже под нее. Обыкновенно называют это философиею, или идеальностию в знании. При всей естественности, однако ж, такого стремления, его всеобщности и как бы неудержимости оно не увольняется от

необходимого условия: иметь разум не только развитый откровением, но и просвещенный благодатию.

Без сего его построения будут чистая мечта, доказательство тому – вся история философии; ибо когда разум извращен, а малейшая часть оставшегося в нем истинного по силе убеждения есть не более как предположение, то и дальнейшее, создаваемое разумом на том, что есть в нем, все необходимо будет одного свойства: неистинно и мечтательно. Следствием сего необходимым должно быть то, что и само фактическое извращается, и рассудок иногда дает себе волю утверждать как закон силу и стихию; то, чего на деле нет (нынешние геологи). Он отуманивается, и затем осязательный мрак налегает на всю область знания.

Совсем не то с человеком чистым по жизни, просвещаемым свыше. Он не умолчит о сокровенном, когда почувствует его, но никогда не станет выдавать за созерцание истины того, что не есть таково. Ему не усвоится всеведение, но утверждается, что если доступно человеку знание сокровенного в вещах и явлениях, то только человеку благодатствованному; ибо та область есть собственно область Божественного ума, где лежат умственные сокровища Бога Царя. Да не надеется кто-нибудь вторгнуться туда насильем или самовольно. Истинная философия есть Богом даруемая мудрость.

Сорастворившись с умом Божиим, разум человека, к Богу прилепившегося, может быть введен Им и в тайны бытия и явлений, ибо между откровениями, которые усвоит св. Макарий Великий благодатию Божиею просвещенному духу, почему не разуметь и тайн творения и промышленности, когда ему, несомненно, принадлежит ведение тайн искупления, сокровеннейших и таинственнейших. Не напрасно у св. Исаака Сириянина сей разум духовный называется чувствованием таин, чувствованием сокровенного, высшим духовным созерцанием (см. его слова о трех степенях разума). Св. Максим Исповедник учит: «Как основание радиусов, прямолинейно выходящих из одного центра, представляется в самом центре совершенно нераздельным, так просто и единично будет познание существа, соединившегося с Богом, о всех заключающихся в Нем первообразах вещей сотворенных» («Христ. чт.», 1835, 1 ч.). Сюда же можно отнести свидетельство Соломона, что Бог дал ему «о сущих познание неложное» и что он потому «елика суть скрытна и явна познал...» (Прем. 7:17, 21).

Если теперь кто хочет искать истинных идей или идеального познания вещей и философии, пусть ищет их преимущественно в Слове Божиим, затем – в писаниях святых отцов, затем – в богослужебных наших

книгах. Например, когда говорится, что Господь пришел возглавить всяческая, что истинные христиане суть цари и иереи, что языкообразное сошествие Святого Духа есть начало и основание соединения всех народов, разделенных смешением языков при столпотворении, что жизнь наша есть странничество, милостыня – предпослание сокровища на небо и проч. – все сие представляет истинные идеи созерцания или чувствования сокровенного.

То особенно замечательно, что просвещаемые благодатию нередко созерцают значение вещей без особенной помощи со стороны рассудка, то есть рассудок у них еще не знает фактического строя вещей или знает его отчасти, а они уже созерцают их значение; тогда как, напротив, многоученый, но Бога забывший, широко изображает действительный быт и, кажется, исчерпывает все в нем до малейших подробностей, между тем не видит и не умеет сказать сокровенного в нем смысла. Если теперь ценить того и другого по истинному их весу, то, очевидно, первый должен стоять несравненно выше последнего, ибо у него недостает того, без чего можно обойтись, что есть только средство и что легко можно восполнить всякому; у другого же недостает главного, существенного, чего он сам восполнить не может. Потому при встрече, например, каких-нибудь оговорок в сочинениях отеческих, против нынешних опытных познаний, не должно в мыслях своих тотчас унижать их пред каким-нибудь многосведущим физиком. В его время так был постигаем действительный быт вещей, в наше – он признается таким, после, может быть, еще иным будут его изображать; но истинное значение, указанное первым, во веки веков пребудет одно. Читая, например, беседы Василия Великого на шестоднев, найдешь там два или три слова, которым противоречат настоящие физики; но зато у него беспрерывно почти указываются сокровенности вещей драгоценнейшие, чего не доставит ни одна физика. Само собою после сего разумеется, что совершеннейшее знание представляет тот, кто в себе соединяет благодатное просвещение разума с многосведущим рассудком. Но в отдельности гораздо выше и ценнее первый, нежели последний.

Такое, впрочем, совершенство знания в духе облагодатствованного есть плод более разума, нежели рассудка, или, лучше, следствие восполнения рассудка разумом. Что же происходит в самом рассудке? Уничтожение его несовершенств, не только произвольных, но нередко и непроизвольных, и его оздоровление. Благодать, пришедши, не приносит с собою; много сведений, но научает человека вниманию и как бы обязывает к точному рассмотрению вещей; она не истолковывает ему законов

мышления, но вливает любовь к истине, которая не позволяет уклоняться от путей правых и слишком полагаться на отвлеченности, следовательно, поставляет его на истинную середину и утверждает в ней, чего он сам собою сделать никак не может. От сего нередко и не посвящавший себя наукам человек становится рассудительным и здравомыслящим и долгими опытами жизни наконец приобретает истинную, достаточную не на его одного долю мудрость. У человека же научного образуется особый метод исследования, особое чутье к открытию истины и истинного пути к ней, а это при помощи добродетелей рассудочных, которые теперь вместе с другими возвращаются в сердце, как то: при труде и умении трудиться, добросовестности, осмотрительности, смиренном доверии, особенно же при Божиим благословении – сообщает его умственным трудам особенные свойства: успешность, прочность, плодотворность. Такая здравость рассудочной деятельности для всякого очевидна и в обыкновенном его поведении, и в сношениях: в понятиях, отличающихся, кроме ясности, определенности и отчетливости, и некоторою сердечною глубиною; в услаждениях, отличающихся верностию, осмотрительно-стию, осязательностию, различительностию; в умствованиях, отличающихся прочностию, дальновидностию, единством и стройностию. Все же в совокупности такие свойства доставляют ему титул человека со здравым рассудком или здравомыслящего.

Остается еще приложить два замечания о влиянии худой воли на рассудок и о том, что бывает, когда рассудок преобладает над разумом.

Тогда как рассудок у неправоходящего сам по себе, потеряв точку опоры, влается туда и сюда, воля мало-помалу вливает в него свое развращение. Здесь составляются сказанные апостолом стихии мира: мудрование плотское, мудрость бесовская – то есть образуются разные убеждения в угодность развратной воле, каковы, например, что жизнь кончится нескоро-нескоро и конца не видно, что только и жизни что в благосостоянии и счастии на земле, что надо поддержать свое имя и честь как бы то ни было, надо иметь руки сильные, к коим бы можно было обратиться в случае нужды, надо уметь пользоваться обстоятельствами и проч. Все они содержатся в рассудке без исследования, поэтому суть предрассудки; в слове редко выражаются, а хранятся глубоко в сердце и известны только самому человеку, приходя к нему в сознание в виде тайных помышлений, в свободное от хлопот время, а более – служа сокровенною пружиною, приводящею в движение его дела.

Но если бы и без такого повреждения со стороны воли оставался рассудок, и тогда много вреда для высших истин ожидать бы надлежало от

преобладания его над разумом. Тем значительнее и как бы неотвратимее сей вред при тлетворном действии на него воли.

Известно, что преимущественный предмет рассудка составляет то, что есть и бывает в нас и вне нас и больше – последнее; опора его деятельности – опыт: с него уже он начинается, а не прежде. Отсюда главное свойство рассудочных познаний – осязательность. Рассудок начинается с опыта, который преобразовывает по сродным себе приемам. Кто стоит на степени рассудка и преимущественно им действует, у того мало-помалу образуется склонность, переходящая потом и в постоянное правило, и нрав умственный – то только и признавать истинным, в чем осязательно можно увериться и что можно поверить рассудочным способом. При сем мало-помалу должен неизбежно заслоняться мир духовный, и ведение о нем – терять значимость. Ведение это у человека, оставленного себе, как мы видели, предположительно, между тем как рассудок все представляет осязательно очевидным и образует потребность осязательности. Это само собою должно наводить тень сомнения на мир духовный и духовные вещи. Поэтому рассудочных научных вообще можно назвать колеблющимися маловерами в отношении к невидимому и духовному. Присоединись к сему недоброе сердце со страстями, которому есть сильное основание желать, чтобы не было иного мира и иных законов и надежд, кроме видимых, – тогда не избежит человек или сомнения, или, еще больше, окончательного неверия.

Что рассудок своею деятельностью составляет общие положения, всегда приложимые к делу, – это образует в нем сильное доверие к своему разумению, склонность постигать и выше всего ставить свое постижение. Оттого он не отдает должного чествования откровению, и если принимает его, то хочет толковать не иначе как по своему разумению или даже и признает в нем истинным только ясно разумеемое. Эта болезнь – рационализм, которого в редком нет сердце у научных, хотя в слове он и не открывается.

Другие худые склонности умственные от рассудка навязываются душе ради предметов, к которым обращены его труды.

Вне нас, где больше живем чувствами, все вещественно, все есть состав стихий, и все там изменения и явления суть не что иное, как следствие действия и противодействия, вражды и мира между стихиями. Кто постоянно занимается этим одним, у того рождается мысль, а потом и начало, что кроме вещества ничего и нет. Это несчастное настроение, или болезнь ума, именуемая материализмом, чаще всего постигает занимающихся химиею и медициною. С ним всегда соединено как

гибельное последствие – отвержение бессмертия души, Бога и нравственного закона Божия.

Далее, замечаемый повсюду в природе видимой механизм ведет к мысли, что на все положена печать неизбежной необходимости, которой отворотить не сильна никакая рука. Все ей подчинено, а сама она – никому. Это фатализм, которого не избежали и мудрые стоики.

Замечаемая повсюду естественность, или то, что всякая вещь достигает цели своими силами и все, что ни исходит из нее, есть плод ее деятельности, приводит к положению, что нет втечения в мир сей иных сторонних высших сил, даже силы Божией, в помощь и содействие тем, кои есть в нем. Следовательно, нет чудес, нет и благодати. Человек сам собою может идти и дойдет, куда дойти должен. Это натурализм.

Столько исчадий опаснейших рождает рассудок, когда ему дают слишком много власти, дают больше, нежели сколько следует. Их бытие оправдывает опыт. Здесь объясняется только, как естественно они образуются у человека, которого разум не просвещен ведением духовным, у которого, потому, ведение сие остается предположительным, не превращено в осязательное посредством опыта духовного. И можно еще приложить, что если они естественно развиваются у человека неправоходящего, то их должно предполагать во всяком таком, если не все, то какие-нибудь, если не в развитии, то в семени. И действительно, редкий не искушается ими, редкому подчас они не нравятся и редкий, по крайней мере своим путем, не приходит к помышлению: а может быть, и так.

Какой свет после такого мрака воссияет в душе человека по обращении его к Богу и по приятии благодати! И, во-первых, все пришлые от развращенной воли начала тотчас исчезают, как мрак в комнате освященной или нечистые силы из освященного места. Противоположные им убеждения образуются в сердце, в самом производстве обращения кающегося. Когда изгоняется из сердца нечистота, тогда же уничтожаются и все следствия ее. Он чувствует, что жизнь коротка и надобно спешить делом, что себя надобно озлоблять, что всего надо ожидать от Бога, а не от себя, на мнения людские не смотреть и проч. Во-вторых, вредные следствия преобладания рассудка или совсем предотвращаются, если обращение упреждает его развитие, или исправляются здесь же, и рассудок превращается в служебную силу, покорную разуму. Так как умственные злые склонности главным образом происходят от осязательности познаний рассудка и предположительности идей разума, оставленного себе, то с уничтожением его основания падает само собою и

то, что на нем строится. Основание же сие уничтожается в покаявшемся, к Богу обратившемся и к Нему прилепившемся; ибо с сего времени он начинает осязательно познавать вещи духовные, как прежде познавал чувственные. Это равенство осязательности уничтожает колебание сомнения, а то, что в разуме просвещенном предлагаются истины драгоценнейшие, преклоняет на его сторону сознание и ему покоряет. Когда, таким образом, через сей новый путь узнает человек многое сокровеннейшее, чего прежде не постигал, но что теперь ясно созерцает, тогда, естественно, перестает верить исключительно своему разумению. Такой уже и не подумает, что нет духа, когда живет в духе, или что все подчинено неизбежной необходимости, когда ощущает силу, пришедшую к нему свыше, совне, или что все может сам, когда только принятою от Бога силою избег угнетавшего его зла (пример Августина). Вместе с тем начинается новая жизнь для рассудка, и в человеке – новое направление научности, если она была или ею занимаются. Как прежде рассудок действовал как господин, так теперь начинает действовать как подчиненный, по порученности от лица разума духовного. Поэтому как прежде, при рассматривании вещей, человек ничего не видел, не мог и не хотел видеть кроме самих вещей, так теперь во всем видит яснейшее отражение мира духовного и в вещах, и в явлениях. Весь мир проникнут действительно духовным, Божественным (Рим. 1:20); но прежде это не замечалось, а теперь созерцается ясно. Затем все существующее и все являющееся превращается в обширное и непрерывное поучение, или разумную книгу, как сказал Антоний Великий. Что это действительно так, сейчас можно увериться, читая какого-нибудь святого отца. У всякого из них поминутно предлагается зрение духовного в чувственном или сквозь чувственное. У преосвященного Тихона составлено из сего целых четыре книги под заглавием «Сокровище духовное от мира собираемое».

Отсюда следует, что целость, полнота и истина знания, собственно, принадлежат людям, восстановленным благодатию и в Боге живущим. У других оно и неполно, и неистинно. Как верна мысль блж. Августина, которую он с такою настойчивостию доказывал, что только жизнь ведет в храм мудрости, а не наоборот! О ложных направлениях рассудка говорится обыкновенно в логиках, и там же предлагаются разные средства к избежанию их. Очевидно, какова цена сих наставлений. Что ни говори, логика без внутреннего изменения ничего не сделает. Кому сказано: смотри, верь откровению – тот, пожалуй, и себе то же будет говорить, но в сердце и на деле будет верить только себе или будет говорить, что нужна помощь Божия, но полагаться будет только на себя. Воспитать душу нашу

в способностях, как должно, нельзя без подчинения ее врачевательным и восстановительным благодатным средствам.

Коротко: у того, кто стоит вне сих средств, знание таково – духовный мир и его вещи как облаком и туманом сокрыты; им мало он верит или не думает о них; знание рассудочное обращено у него только к видимому, действительному, осязаемому; сокровенное в вещах не видится; причины познаются только ближайшие, наличные; намерения Промысла ускользают из внимания... Потому все знание его поверхностно: в составе неполно, в общем же духе растленно, извращено каким-нибудь неправым настроением умственным.

в) Состояние низших способностей познавательных.

Низшие способности познания суть наблюдение внутреннее и внешнее, воображение и память. Все они действуют почти совместно, и сделанное одною тотчас принимается другою. Что увидел глаз, образ того сейчас снимается воображением и слагается в память, как в какой архив. Все внешнее и внутреннее, подлежащее нашему знанию и касающееся нашего сознания, непременно есть и предмет сих способностей. Они составляют как бы вход во внутреннюю нашу хранилищу, а потому в области знания имеют значительную цену и не только в области знания, но и во всей деятельности человека.

От первоначальной деятельности воображения и памяти, когда они только воспринимают предметы, осведомляются о них, дают знать о них душе, должно отличать деятельность последующую, которою приобретенное прежде употребляется в дело по нуждам души. Составленные воображением и хранящиеся в памяти образы употребляются или в том же виде, в каком они приобретены, или в виде измененном. Первую деятельность называют воспоминанием, или воображением воспроизводительным, вторую – фантазией. В той и другой действуют совместно воображение и память, только каждая своим особым образом.

В воспоминании воображение дает образ, а память свидетельствует, что это тот самый, какой познан прежде. Поэтому воспоминание воспроизводит только прежнее и приносит пред очи сознания, что сокрыто было во глубине памяти. Причина воспоминания суть большею частью связь подлежащих образов и предметов с прошедшими (иначе – ассоциация идей). Разные виды сей связи дали бытие разным законам воспоминания, каковы законы сосуществования и следования, сходства и противоположности, целого и частей, причины и действия, средства и цели, материи и формы. Другая, не менее значительная часть

воспоминаний происходит от движений воли и сердца. Потребность, или страсть, будучи возбуждена, невольно наводит мысль на предметы, коими может быть удовлетворена, как бы приковывает к ним внимание, равно как и наоборот – образ предмета страстного растревоживает страсть. Сия причина воспоминания значительнейшую роль играет в жизни, а первая – в знании.

Но есть еще сокровенные причины воспоминания: не знать, почему и как приходят образы прежних предметов и в покойном состоянии, и без всякой связи с наличными занятиями. Их должно производить или от духов злых, если образы худые, или от духов добрых – Ангела Хранителя, если они хороши; бывает это и от сочувствия душ.

Фантазия творит совершенно новые образы, хотя из прежнего материала и большею частию по готовым или известным уже образцам. В ней должно различать деятельность хорошую – дельную и движения беспорядочные – самовольные. В первой – она составляет образы для понятий рассудка, помогает при соображении, живо представляя мысль в каком-либо образе, воображает читаемое, и слышимое, и подобное... вообще – действует в интересах знания. Во второй – мечтает или предается самовольному движению, в коем строит разные истории небывалые в угодность своему сердцу, которым не правит почти сознание, а напротив, оно увлекает собою наше внимание и занимает всего человека. Царство мечтаний – сон, в коем падает сознание и самодеятельность и владеют образы, иногда под чьим-либо сторонним влиянием,

г) Состояние наблюдения.

Наблюдений два вида: одно – внешнее, другое – внутреннее.

Внешнее, или восприятие внешних вещей посредством чувств, изменяется образом жизни не столько в своем существе, сколько в употреблении; ибо чувства всегда остаются те же, только обращаются не к тем предметам, а вследствие сего получают отличие не столько в своем производстве, сколько в своем содержании. Это тотчас обнаруживается, коль скоро спросишь, кто что видал и кто что слышал, или куда кто охотнее обращает слух, очи и прочие чувства.

Так, в состоянии греховном чувства предаются не интересам познания и не совершенствованию души, но преимущественно в угодность страстям. В сем занятии они как управляются страстями, так и, обратно, сами питают их. Поэтому, например, очи называются исполненными «блудодения и непрестанного греха» (2Пет. 2:14). Сверх того, по такому направлению им ненужно внимательно рассматривать предметы, а только лишь мало-мало касаться их, отчего способность наблюдать больше и

больше заглушается и теряется. Между тем душа вся в чувствах беспрестанно: от сего образуется в ней склонность ко внешнему, или к жизни вовне. Каково употребление чувств, таково и содержание их: предметы преимущественно страстные – от этого иные священных предметов не умеют и представить.

Человек, к Богу обратившийся и живущий по-христиански, чувствам своим не дает воли, держит их строго в своей власти и обращает только туда, куда считает нужным, по примеру Иова, который «полагал завет очам» своим (Иов. 31:1). Далее, все они подчиняются у него нуждам и пользам духа, и им руководит если не познание, которое не всеобщее, то всегда благочестивое настроение. Поэтому он смотрит только на то, что может назидать, – на святые изображения и проч. Как новое свойство заметна в нем степенность чувств или внимательность в них: их дело – обстоятельно рассмотреть. Такая деятельность, с одной стороны, образует мало-помалу способность отчетливо наблюдать, которая через то стяжевает зоркость, или меткость; с другой – от власти души над чувствами, или от подчинения их душе, чувства не увлекают ее вовне и дают ей возможность пребывать в себе – внутри. Наконец на сем пути через чувства собираются истинные сокровища и для познаний, и для добродетельной жизни, приобретает такое стяжание, с которым безукоризненно можно явиться и пред Царя славы... Это то же, как если б кто набрал разных драгоценностей и представлял их взору других.

Внешнее наблюдение с первого раза представляется делом малозначительным в нравственной жизни, между тем оно здесь имеет великую важность.

Через него доставляется душе первая пища; и как пища на тело имеет существенное влияние изменением его соков и состава, так и наблюдение некоторым образом изменяет состав души и полагает основу характеру. В сем отношении его сравнивают с запахом, который проникает в сосуд, только что сделанный, но еще не высохший. Этот запах сохраняется в нем если не навсегда, то надолго-надолго. То же бывает и с душою: первые предметы чувств образуют, можно сказать, будущего человека.

Оно представляет душе первое поприще для упражнения сил и производит первый их сгиб и склонение. Отсюда образуется в ней не только навык, но и склонность обходиться с такими, а не другими предметами, ибо обыкновенно мы неохотно беремся за то, к чему не привыкли. В сем отношении употребление чувств то же, что первое направление древесного ствола по выходе его из-под земли.

Итак, употребление чувств не должно считать мало важным.

Внутреннее наблюдение есть замечание того, что происходит в душе, посредством сознания или внутреннего чувства. Это наблюдение есть источник самопознания и познания вообще души человеческой. Оно представляет больше различий в падшем и восставшем, нежели внешнее; ибо здесь сие различие касается не только употребления внутреннего чувства, но и самой его способности наблюдать. К такой мысли приводит то, что хотя душа сама к себе ближе всех, познаний, однако ж, о душе у нас очень мало, и те, какие есть, большей частью односторонни и лживы. Напротив, какое богатство самопознания у святых подвижников, исцеляемых или исцеленных от греховной болезни! Отсюда видно, что способность самонаблюдения у одних в самом худом состоянии, а у других – во всей высоте благосостояния. Что обыкновенно приводится в психологиях в оправдание скудости душезнания, то должно обратить в осуждение грешной души, или в обличение ее расстройства грехом, а не в оправдание малознания души человеческой.

Говорят, что непрерывно прибывающие сны впечатления увлекают душу ко вне и не позволяют ей обратиться на саму себя. Но если во власти человека состоит не поддаваться увлечению от внешних впечатлений, то непрерывному устремлению души во вне надобно искать другой причины, именно: это есть нуж да грешной души – бежать из себя, где смрад греха, ко вне, где чается или полагается благо. Склонность к чувственности и видимости – одна» из первых черт и действий повреждения. Следовательно, нечего и ожидать хорошего душезнания от того, в ком царствует грех. Его можно ожидать только от того, кто отказался от греха и врачует себя. В этом оно как бы естественно, ибо одно из первых благодатных действий есть возвращение внимания души внутрь себя, с отвлечением его от внешнего.

Говорят, что житейские заботы и дела службы поглощают все время: в суетах некогда подумать о душе и о том, что в ней. Причина не во внешних делах и нуждах, а во внутренней суетливости, которая гонит человека все вперед. Если б усмирить сию внутреннюю немощь – суетливость, то внешние дела еще много оставляли бы времени для занятия собою. Неуспешность не от недостатка времени, ибо на что особое время для смотрения за душою, когда это может и должно совершаться среди дел? Наблюдать должно душу действующую. Так, не во времени сила, а в необращении души на саму себя. А сие необращение происходит от расстройства души грехом. Где сие расстройство врачуется благодатию и вся деятельность человека обращается на единое – на потребу, там устанавливается вместе и спокойное течение дел, оставляющее душе

возможность быть в себе и зорко блюсти за своею деятельностью. Дела внешние и житейские занятия тогда не препятствуют познавать свою душу. Следовательно, оправдание себя сими делами должно обратить в осуждение себя.

Говорят, деятельность душевная такова, что ее почти наблюдать нельзя, именно: она мгновенна, быстра, летуча, многосложна. Нельзя установить на нее постоянного взора и, если установишь, нельзя разложить содержания наблюдаемого действия. Но в душе качествуют смятение, беспорядочность движений и волнение от невнимания, беспечности и предания себя произволу помыслов; а эти недобрые расположения происходят от греха или от потери над собою власти. Кто Божественною благодатию воцарен внутри себя, тот держит свое внутреннее в своей власти, а потому видит, куда что направляется. Ему свойственно трезвение или бдительность, по коим не ускользают от его внимания тайно приходящие возмущения. Сверх того, долгим упражнением в сем внутреннем делании он стяжевает зоркость ока. умственного, точно и определенно все в себе видящего.

Заклучим: есть истинные препятствия к самонаблюдению – внешность, забота, расхищение ума. Они не дело неизбежной необходимости, а происходят от греха. Следовательно, пока есть в ком грех, будут и сии препятствия и не будет хорошего душезнания. Человек в греховном состоянии не знает своей души и знать не может. Сии препятствия мало-помалу устраняются и потом совсем исчезают по мере искоренения греха, а вместе с тем растет и приходит к совершенству и самое познание души. Если теперь грех, а за ним и сии препятствия теряют свою силу только в людях богопреданных от действия сил благодатных, то очевидно, что душезнания истинного, прочного, полного должно искать только у тех, кои живут истинно по-христиански. Кто, не принадлежа к числу таких, хочет знать душу – обратись к святым отцам, особенно подвижникам, и черпай из сего источника обильно психологическую мудрость.

д) Состояние памяти и воображения.

Сии две способности принадлежат к числу рабочих сил, а потому обыкновенно бывают таковы, каков весь человек. Чем набита память и чем занято воображение у грешника? Предметами греховными, питающими только страсти. Это сейчас можно увидеть по разговору. Грешник и слова не скажет о духовном, потому что ничего такого не представляет его память, будто ничего такого он не слышал и не видал. Конечно, он и видел, и слышал, но оно не усвоено и не удержано, потому что к тому не лежит

душа. Вследствие такого отчуждения от духовных предметов умалывается и способность к воображению и памятованию их: от неупражнения и нехотения не умеют вообразить их и упомнить.

У человека, по-христиански живущего, по противоположности, все содержание памяти и воображения свято, чисто, Божественно. Они наполнены у него духовными предметами, к коим имеется особое расположение, а вместе приобретается и особое умение воображать и запоминать их. Наоборот, ему чуждо памятование и воображение предметов порочных: они противны ему и потому не принимаются душою. Как первым легко воображается и запоминается греховное и злое, так вторым – духовное и доброе.

е) Состояние воспоминания, или воспроизводительного воображения.

Состояние воспоминания соответствует состоянию памяти и воображения, ибо воспроизводится воспоминанием обыкновенно то, что воображено и помнится. Нельзя, однако ж, не указать резкой особенности между причинами или законами воспоминания, какие преимущественно действуют и бывают в силе у живущих по духу Христову и у преданных страстям и миру. У последних главнейшею причиною воспоминания бывают страстные возбуждения или движения привычных потребностей, потому что в этом жизнь их. Соответственно тому и из законов сочетания образов в них действуют преимущественно те, кои относятся более к внешней стороне вещей, нежели к внутренней; образы в их голове вяжутся более по внешним пространственно-временным отношениям, нежели по внутренним отношениям причинности, а далее наконец и тайные впечатления или влияния приходят более от духов злых, нежели добрых. Есть приставник от сатаны около грешника, который ходит за ним и омрачает его, набивая голову страстными образами. У первых все наоборот: тайные влияния нисходят к ним от Божественного, осеняющего их Духа и Ангела Хранителя, сопутствующего им всегда и во всем содействующего; из законов сочетания образов действуют преимущественно те, кои касаются внутренней связи причин, свойств, частей; страсти же и потребности если и возбуждаются, то подавляются на первых порах. Сверх того, между ними есть разность и по родам воспоминаний. Есть воспоминания невольные, сами собою приходящие, и есть воспоминания вольные, самодеятельностию духа вызываемые. У преданных страстям действуют почти исключительно воспоминания невольные, ибо по характеру своему они преданы внутреннему механизму движений. У живущих по духу Христову, напротив, преимущественно имеют место воспоминания произвольные, ибо они владеют собою и не

позволяют чему-либо являться пред сознание без своего веома; по крайней мере, у них о том есть ревность и устанавливается прямо к тому направленный подвиг внутренний: бдительность и трезвение...

ж) Состояние фантазии.

В ней, как видели, должно отличать две деятельности: дельную и самовольную. В отношении к первой можно сказать, что у людей, чуждых духа Христова, мало способности отвлеченные понятия и истины представлять в приличных образах; оттого у них они большей частью являются искаженными и уродливыми. Напротив, если где искать приличного отображения сих истин, то исключительно у христиан, исполненных духа Христова, который сообщает им особенное к тому умение или чутье, определяющее благоприличие сочетания образов.

Последняя является у тех и других в таком состоянии:

Главная, можно сказать, немощь фантазии у грешников есть склонность мечтать. Это не случайное нечто, а неизбежное, как бы сроднившееся с душою их, такое, что непрерывно и почти у всех. Свойства сей мечтательности, именно: удаление от действительного, развлечение, смятение, непостоянство мыслей – дают ясно разуместь ее причину. Когда человек сдвинулся со своего места истинного и попал в ложное, неистинное, то вслед за тем и мысли его устремились не к тому, что истинно, а к тому, что мнится быть таковым – к обманчивым призракам. Так как твердость и постоянство есть только в действительном, то уклонившиеся от него мысли неизбежно должны мястись, подобно вихрю или инею. Отсюда – фантазия греховная постоянно ветрена.

Сия ветренность и обличает, и в свою очередь сама производит состояние души очень опасное. К плодам ее, или к сопровождающим ее свойствам, можно отнести:

Внутреннее растление: в уме – уклонение от важных и трудных занятий и отвращение к ним, затем поверхностность или легкомыслие; в воле – распадение страсти. В мечтах я играет первую роль в удовлетворении какой-нибудь из своих страстей. Человек, пребывая на одном месте, мстит, бранится, ненавидит, завидует, гордится, ведет войну и проч... Так как сим увлекается вся душа, то мечта сквернит человека в себе самом. В чувстве – непрерывное поражение, ибо удары образов прямо падают на сердце и делают, что мечтающий – то же, что идущий среди терния. Но главное в сем отношении есть увлечение сердца. Не успеешь осмотреться, разобрать дела, а сердце уже сговорилось с предметом и требует дела. Если человек есть раб сердца, то преимущественно от ветренности фантазии, или владычества образов.

Но зло не ограничивается внутренним: оно переходит во вне и здесь осечивает все окружающее человека. Человек страстный все видит в радужном цвете, то есть вещи представляются им не в их истинном виде, не так, как они есть, а как приспособляются и соответствуют нашим чувствам и нашим страстям. Затем, обратно, ими и питаются страсти. Человек-мечтатель живет как в какой атмосфере страстной, составленной из внутренних образов и внешнего призрачного вида вещей.

Тогда, как это есть внутри и вне человека, то есть когда самовольная фантазия как в темницу какую заключает человека, в сем мраке всею силою начинает свирепствовать сатана. Когда фантазия предается самовольному движению, тогда приходит сатана в сердце и похищает у него Слово Божие или добро, как семя, посеянное при пути, и, напротив, засеменяет свое зло, как в притче враг человек посеял плевелы среди пшеницы. Опомнившись от мечтаний, человек находит, что настроен на известное зло, и понять не умеет, как и откуда.

В сем-то смятении, среди возмущающих образов и вражиих сил, как в чаду, зарождаются страстные планы на грех во вред себе и другим: разного рода происки, коварные подыски от зависти, лести и злобы, интриги, зловредные общины, а главное – все предприятия в удовлетворение главной своей страсти.

Но, кроме сего, от самоволия фантазии у человека, невнимательного к себе, рождаются еще и постоянные расположения, в коих мечтательность превращается в постоянный характер. Таковы: склонность жить в образах, склонность острить, шутить, празднословить, отвращение от умственного труда, страсть к чтению пустых книг, к играм, балам, театрам.

Фантазия больше всего подвергается повреждению от греха, или это повреждение в ней заметнее, нежели в других силах. Потому она и у начавшего работать Господу не вдруг исцеляется, а постепенно, хотя с самого начала он поставляет правилом или делает распоряжение, сколько можно устанавливать или поставлять в своих пределах сию силу.

Так в самом начале он входит внутрь себя, утишает тамошнее смятение, собирает свои мысли. Самособранность – неотъемлемое свойство обратившейся к Богу души, которым связывается своеволие фантазии.

В благоустроенном таким образом своем внутреннем он строит себе духовный храм, как бы небо, в коем и напрягается пребывать вниманием, в присутствии Бога, ангелов и святых.

Извнутри тот же порядок переходит и во вне, в помощь внутреннему. Здесь все вещи преобразуются в смысле, осечиваются или покрываются

духовным некоторым покровом, по коему нечаянные на них взгляды или намеренное смотрение не развлекает, не отклоняет от преднамеренного, а созидает и держит в нем. В дополнение к сему он окружается ангелами и молитвами святых, кои, как лучи, устремлены к нему, и живет таким образом в некоторой духовной, светоносной и Божественной атмосфере, которая и способствует ему к скорейшему образованию христианского характера.

Нельзя сказать, чтобы фантазия и у них не своевольничала. Но если это бывает, то не по их соизволению, а против воли. Сами же они начинают с первых дней борьбу с помыслами, многотрудную, разнообразную, непрерывную. Можно сказать, все внимание их обращается на помыслы и потом не сводится с них до самого конца. Отсюда, кто из подвизавшихся не знает коварства помыслов? И какое обширное можно встречать изображение их и способов побороть их у всякого писавшего подвижника? Впрочем, труд и время смиряют наконец воображение, и во внутреннем мире водворяются мир и тишина, свет, как от воссиявшего по рассеянии облаков солнца. Основание сему полагается в самом еще обращении, ибо оно вставляет человека в свой чин, на свое место; возвращает к действительному, вместе с чем и своеволие фантазии, или мечта, теряет свою основу. Далее, постоянно дельные занятия отнимают у нее пищу, и она истощается как засыхающее дерево.

з) Состояние сна.

Во сне проходит третья часть жизни. Быть не может, чтобы он не имел глубокого для нее значения. В естественном порядке им возобновляются силы и образуется существо человека душевно-телесное. Нельзя потому не быть и в отношении к нему большой разности в людях, живущих по духу Христову и противно ему. Хотя в нем и не участвует самодеятельность, но изменение благодатное касается и самого бытия, следовательно, и того, что вне области свободы.

Здесь дело не о сне тела, но о сновидениях. Сновидения суть самовольные движения воображения во сне тела с отсутствием самосознания и самодеятельности воли. В ходе сновидений различают три степени: бред – при дремании, собственно сновидение, или сонное мечтание, при совершенном сне тела, и сон сокровенный, непомнимый, при мертвом сне тела. В производстве их владычествует сердечная жизнь с образами. Когда власть души над собою теряется, тогда образы воображения, как из заклепов каких вырвавшись, наполняют всю область души. Здесь образы разных времен и места, настоящие и прошедшие, худые и добрые, смешиваются и сочетаются по законам, которых

познать нет возможности. Личность самого сновидца теряется: он вставляется в представляемые воображением драмы как лицо стороннее и подвергается странным превращениям: то радуется, то страждет, то повышается, то посрамляется и проч. Так как душа теряет самостоятельность во сне, то еще сильнейшему подвергается влиянию другого мира, нежели в яве, и добрая – влиянию доброго, худая – злого. В самой, однако ж, драме он считает себя лицом, соображающим, желающим, решающимся на добро или зло. Сие участие иногда простирается до того, что, проснувшись, сновидец скорбит или радуется, стыдится или одобряет себя за то, как поступал там. Между сими сновидениями различают три рода. Одни – беспорядочные, о которых пишет Сирах: «якоже емляйся за степь, или гоняй ветры, тако емляй веру сном» (Сир. 34:2). Другие – вразумительные, кои в человеке, начинающем приходить в сознание, влагаются Богом или Ангелом Хранителем. О них Иов говорит, что во время «сна и в ночных видениях» его, когда объемлет человека сон, когда он спит на постели, Бог «открывает ухо» его и, научив его, «запечатлевает» его для того, чтобы «отвести человека от дела худого, чтобы удалить от него гордость и чтобы удержать душу его от могилы» (Иов. 33:15–18). Третьи, наконец, бывают особенные сны – Божественные, пророческие. О них говорит Сам Бог: «аще будет в вас пророк..., в видении познаюся ему, и во сне возглаголю ему» (Чис. 12:6).

Сновидения бывают таковы, каково сердце. Их можно большей частью считать свидетелями о нравственном нашем состоянии, которое в бодрственном состоянии не всегда видится. У человека беспечного, преданного страстям, они всегда нечисты, страстны: душа там бывает игрищем греха. У человека, обратившегося и ревнующего об очищении сердца, они бывают то хороши, то худы, смотря по тому, что возьмет перевес, а иногда – каким заснет. Он же подвергается здесь частым нападениям бесов, которые иногда сильно соблазняют малоопытных, как замечает святой Лествичник. Заботливого человека это и заставляет, отходя ко сну, по наставлению Церкви, вопиять к Богу и Ангелу Хранителю, чтобы сон его сохранен был свободным от всякого диавола, мечтания и ему самому через сон еще более укрепиться в добре. По мере очищения сердца очищаются и сновидения, так что у святых и совершенных они бывают как бы продолжением их бодрственной деятельности. Не простирается ли она даже до сохранения самостоятельности и самоуправления?

Из сего рассмотрения познавательных способностей открывается, что человек, не идущий правым путем и не приемлющий восстановительных

сил, отделен от мира духовного, невидимого и не знает его как должно; мир видимый знает поверхностно и то, если занимается сим узнаванием; большей же частью только видит его и наблюдает. Преимуществует в нем воображение, среди деятельности коего он живет, как в тумане, в толпе призраков, причем подвергается частому близкому влиянию злых духов. У человека, живущего по духу Христову, все иначе: низшие способности, особенно воображение, укрощены и обращаются в орудные, не властвующие уже силы, как и должно; напротив, способности высшие действуют во всей силе. Разум его есть сокровище тайн Божиих, ибо непосредственно входит в общение с невидимым миром и непосредственно испытывает его своим духом. Вместе же с тем он приобретает способность прозревать в тайны творения и промысления до того, что, хотя многих еще недостает данных и хотя еще рассудок не сделал надлежащих подготовлений разбором видимого строя вещей или хода происшествий, это не препятствует ему разгадывать внутреннейшее вечное их значение. Рассудок хотя не всегда обогащается многими сведениями, но всегда возвращается к своему месту и, ревнуя об исполнении свойственных ему добродетелей, с продолжением времени приобретает здравомыслие, которое умеет дать всему суд в своем кругу, а нередко, не спеша, обсуждает основательно и сторонние вещи.

2) Состояние деятельных сил человека

Второй класс качествующих в нас сил есть совокупность сил деятельных. Они тоже являются на трех степенях – соответственно силам познавательным. Выше всех стоит совесть, которая передает сознанию волю Божию, – сила высшая, отрешенная. Затем следует воля, занимающаяся устройством нашего временного быта и временных наших отношений. Ниже всех стоит способность низших пожеланий.

а) Состояние совести.

Как разум назначен открывать человеку иной, духовный, совершеннейший мир и давать знать о его устройстве и свойствах, так совесть назначена к тому, чтобы образовать человека в гражданина того мира, куда впоследствии он должен переселиться. С сей целью она возвещает ему тамошние законы, обязывает выполнять их, судит его по ним, награждает или наказывает. Совесть называют практическим сознанием. В сем отношении можно сказать, что она есть сила духа, которая, сознавая закон и свободу, определяет взаимное отношение их. По занятиям, или действиям, в совести видят законодателя, свидетеля или судию и воздаятеля. Во всех сих сторонах ее видны большие в ней разности в добром христианине и в человеке-грешнике, отпадшем от Бога.

Уже по тому самому, что грешник отделился от Бога, должно ожидать, что совесть у него не может быть исправна; ибо если она есть, то голос Бога в душе (законодатель), то око Его (свидетель), то наместница Его правосудия (судия и воздаятель); при отпадении от Него все сии Божественные, так сказать, наития на нас через дух должны ослабеть и умалиться в числе и силе. Сверх того, совесть не действует одна, отдельно, а берет себе в посредники и орудия другие силы: рассудок, волю, силу чувствования. Если сии расстроены в путях своих, то и от совести нельзя ожидать правой деятельности.

Есть невольные, ненамеренные, так сказать, уклонения совести от путей правды, как бы заблуждения, и есть намеренные ее искажения, или порча совести, от противодействия ей в угодность порокам и страстям. Эти две стороны сейчас же представляются во всех трех действиях совести. Так –

Дело совести как законодателя – показывать законы, по коим должно действовать существу разумно-свободному, и склонять к тому волю его силою своего обязательства.

Как мало у совести силы побудить волю к исполнению своих предписаний, ясно даже сознаваемых, о том и говорить нечего. Это она еще может как-нибудь сделать, если не встречается с какою-нибудь страстию и склонностию, но коль скоро есть подобное столкновение, голос ее не слышится, и силою его одного человек не может преодолеть себя. Посему часто человек согрешает по бессилию совести, многие добродетели знает только по слуху, многими из них только соуслаждается, равно как и пороки иные не любит только на словах и до времени и случая.

Самое законодательство, кажется, дело и легчайшее, отправляется совестью неверно. Предписания совести сознаются в виде требований. Так как и другие потребности, естественные или привитые после, тоже выставляют свои требования, то неудивительно, что человек при смятении, царствующем в нем по падении, не может иногда разобрать, чему повиноваться. Так, относительно главного начала в нравственной деятельности или того, куда должно быть устремляемо все внимание и направлены все помышления, совесть большею частию совсем почти молчит; оттого человек должен бывает вопрошать: что сотворив, живот вечный наследую? – и когда к нему обращаются с подобным вопросом, приходит в смущение и вынужден бывает сознаваться в неведении, а если иногда и предлагает что в ответ, то предлагает начала превратные, составляемые превратным умом в заговоре со склонностями, как у

фарисеев, саддукеев, стоиков и др. Но когда неизвестно главное начало, то вслед за тем не только теряется нить взаимоотношения и соотношения частных законов, и одни возвышаются пред другими без разумных оснований, по случайным обстоятельствам, но и многое входит в закон, что не должно быть законом. Так, например, иной выше всего ставит гражданскую службу, другой – богослужение, тот – кабинетные занятия ученого. Касательно же частных случаев, когда то есть совесть сейчас же должна определить, как кому поступить в известном случае, еще больше неопределенности, недалекости и запутанности. Тут, большею частью, она или оставляет человека самому себе, отчего он нередко оставляет без внимания доброе, а делает худое по одному неведению зла; или колеблется между «да» и «нет», оставляет человека в нерешительном уверении, хорошо ли то, что он делает; или называет горькое сладким, а сладкое – горьким, и это даже у законодателей, занимавшихся тем, людей опытных в жизни. Вообще, совесть оставляет человека действовать наудачу, по влечению обстоятельств, без внутреннего уверения и одобрения. По всему видно, что сей законодатель отстранен от своей должности, лишен господства и до того ослабел, что не вступает за свои права; напротив, действующую представляется иная некая сила – засовесть.

Еще большему повреждению и искажению подвергается законодательствующая совесть, если встречается с эгоизмом и ему подчиняется. Здесь сначала ее законы перетолковываются, потом извращаются и наконец заменяются Совсем иными, самовольными и даже противными законам истинным. Мы охотно верим тому, что любим, и сильно желаем, чтобы истина была на стороне любимого. Поэтому, если случится услышать голос совести с заповедью, противною нашей склонности, то он имеет для нас меньше убеждения, нежели требования сердца. В подобных обстоятельствах тотчас рождается недоумение касательно истинного смысла заповеди, мы спрашиваем с сомнением: да так ли это должно понимать? таково ли требование закона? ко всем ли он идет? идет ли ко мне и моему положению? При этом раздумье дела большей частью только отстраняются, оставляются до другого времени под сомнением; но скоро затем представляются мысли в угоду сердцу, закон перетолковывается, и мы удаляем себя от исполнения его под разными предлогами. Так, под предлогом сохранения здоровья удаляются от поста и воздержания, а под предлогом поддержания благосостояния семейного и нужд отказываются от благотворения; в виде праведного возмездия берут рост; отстаивая честь, выходят на дуэль и проч. Все сие,

впрочем, пагубно вполонину, если заходить недалеко, касается частных случаев и притом у одного лица; но долговременная деятельность в одном роде, с перетолкованием смысла закона, доводит до того, что он совсем искажается и в совести, а на место его ставится превратное правило. Оттого считают скупость бережливостью, расточительность – щедростью, гнев – чувством благородного негодования, потворство – снисходительностью, жестокость – ревностью по правде, лесть – гибкостью характера, хитрость – благоразумием, гордость – чувством достоинства. Случись при этом кому-либо обращаться в таком кругу, где помянутые мнения приняты и содержатся как правила, определяющие внешнее поведение человека во всех его положениях, – что удивительного, если он сии правила примет за решительное законодательство совести и удовлетворение им станет считать и правым делом, и добродетелью, как, напротив, жизнь или поступки не по ним станут осуждать не языком только, но и чувством совести.

Совесть, как свидетель и судья, сознает, как обошелся человек с предписанным ею законом, и, подводя под него поступок со всеми обстоятельствами, и внутренними и внешними, определяет, прав ли человек или виноват. Суд суда совестного, как говорится, неподкупен. Это и бывает так, только не всегда. Можно ожидать неверности в суде совестном во всех тех случаях, где неверно законодательство совести, ибо тогда нет начала для суда. Сверх того, для верности суда надобно заметить поступок во всех частях, особенно внутренние, при нем бывшие расположения; у человека же грешника, при постоянном расхищении ума, многое очень может быть опущено из внимания. Потому у него совести не к чему прилагать суда. Наконец, не последнее дело при сем – ревность к правоте, чтобы неослабно преследовать все преступное, ибо без сего многое и из замеченного может быть пропущено мимо ушей; это и еще основание неверности суда совести у грешника, ибо он и грешник потому, что не имеет ревности к правде. Из сего следует, что совести следовало бы действовать так: ревнуя о правде, тщательно следить за делами человека, и маломало какая окажется неисправность, тотчас предавать его суду и судить, не лицемеря. Но таких действий нет в совести у человека-грешника. Как же можно ожидать верного суда от такой совести?

Уже из того видна его ненадежность, что по нему каждый человек самому себе представляется лучшим, нежели каков он есть на самом деле. Исключая решительные случаи и важные грехи, всякий готов говорить: что ж такое я сделал? Поэтому богобоязненные судьи о себе самих и говорят себе: от тайных моих очисти мя. Совесть в падшем состоянии – разбитое

зеркало. Как разбитое зеркало, и она теперь не так представляет дела наши и нас, как бы следовало. Такова совесть, как свидетель и судья, если к ней не примешивается страсть; в сем же случае весы ее еще больше склоняются на неправую сторону и суд искажается. Когда совесть сама по себе судит о частных случаях, то здесь суд ее еще бывает по временам не неверен; но, коль скоро надлежит судить свои страстные дела, суд совести всегда крив. Таков суд у честолюбца за честолюбие, у скупца за скупость и проч., тогда как в других делах та же совесть бывает недремлющей. Немалый признак искажения совести есть уклонение суда от себя на других. Совесть нам дана затем, чтобы судить нас самих; если она судит других, надобно сказать, что она не свое дело стала делать. На это осуждение других можно теперь смотреть как на указание того, каков бы должен быть суд наш над нами самими и как на обличение постоянной неверности сего последнего. Так, в осуждении других суд обыкновенно бывает скор, мгновенен, тогда как над самими собою он медлен, отсрочивается, а следует – наоборот. Суд о других бывает неумолимо строг, тогда как суд о себе всегда прикрывается снисходительностью, а следует – наоборот. Оканчивается же суд всегда почти – несмь, яко же прочий человецы... Как строго купец судит о делах правоведа, светский – о духовных и проч.! Тогда как на других беспрерывно идет из сердца осуждение, себя любим мы покрывать оправданием. Самооправдание – общий почти грех. Выставляют то слабость, то неведение, то обстоятельства, то соблазны, примеры, число участников и чем-чем не оправдывают себя! Если наконец не удастся это, упорно стоим за себя. Упорная несознательность – плод великого повреждения совести и вместе – сильного эгоизма. Человек внутри говорит наперекор себе: не виноват, пустое, ничего! – и при этом разные употребляются извороты преимущественно касательно судимого поступка, напрягаясь подвести его под случай, в коих подобные поступки бывают извинительны.

Совесть как мздовоздаятель. Коль скоро произнесен суд, и человек сознал в себе: виноват – начинается скорбь, туга, досада на себя, укоры, терзания или мучения совести. Такие чувства и суть воздаяния за грехи от совести, как, напротив, отрадные чувства совестного оправдания суть воздаяния за правду. Что это есть и как бывает сильно, показывают те преследования, каким подвергаются великие преступники от совести, когда она и внутри терзаниями, и во вне привидениями страшит их и наяву, и во сне. Но и опять, сколько несправедливости у нее и с сей стороны! Основание им одно: в неверности первых двух действий – законодательства и суда, ибо невиновного за что мучить; другое: в

состоянии сердца – сердце ожестелое равнодушно, как его ни вини. От этого сознание своей виновности большей частью остается в мысли, не тревожа сердца, и человек часто говорит: виноват, да что ж такое? – и остается холодным зрителем своих грехов, нередко немалых. Немалое при сем значение имеет обстоятельство времени и места. Так, недавнее преступление беспокоит еще довольно сильно, а по времени оно превращается в простое напоминание; место преступления также встревоживает сильно, а вдали от него мы покойны. Нередко нападает на совесть страшливость (скрупулезность), по которой, считая почти всякое дело грехом, она за все тревожит и ест человека. Состояние того, кто подвергается такому суду, мучительно и потому есть состояние болезненное, неестественное.

Но все это происходит само собою, без нашего злонамеренного участия. Где же привходит умысел, там мы или искажаем совестное воздаяние, или заставляем его молчать. Это производится разными способами усыпления совести. Усыпление сие приходит и само собою от учащения грехопадений, ибо известно, что второе падение меньше мучит, третье еще менее, и так все менее и менее, а наконец совесть совсем немеет: делай что хочешь. Из опасения, чтобы усыпленная совесть как-нибудь снова не пробудилась, прибегают к разным хитростям. Таковы – избрание себе снисходительного духовника, лживая исповедь, ложное успокоение себя разрешением, ограничение дальнейшего исправления одною внешностью, или одними внешними делами благочестия, и чрезмерная надежда на милосердие Господне; или, еще хуже, убеждение себя, что мучения совести суть суеверные страхи, из неопытного детства перешедшие; намеренное удаление себя от лиц и мест, даже от предметов размышления, могущих растревожить совесть; намеренное развлечение или предание себя суетным, одуряющим, сильным впечатлениям, и наконец, край всего – хвастовство своими грехами. Такими способами мало-помалу успевают совсем заглушить совесть, и она молчит до времени.

Итак, совесть в греховном состоянии по законодательству, по суду и воздаянию то сама собою неверна, то намеренно искажается ради страстей. От сего одни свободно предаются всему разливу страстей и греховной жизни, ибо, когда совесть улажена со страстями, кто вразумит? Другие живут в холодной беспечности ни худо, ни добро. У тех и других, очевидно, деятельность извращена, и она пробудет такую до пробуждения совести. Мерою развращения определяется, что бывает при сем с человеком. Ибо иные, хотя после сильного и томительного перелома,

возвращаются к жизни истинной; другие, напротив, с пробуждением совести предаются отчаянию и допивают горькую чашу беззаконий, чтобы потом испивать до дна и чашу гнева Божия.

У человека, к Богу обратившегося и восстановившего благодатное с Ним общение, совесть заблуждающаяся вразумляется, искаженная – исправляется во всех трех своих должностях. Первый луч благодати падает на совесть и своим Божественным огнем очищает ее, как золото в горниле. Когда же совершается обращение и восстанавливается общение с Богом, тогда возвращается совести и вся первоначальная сила. Тогда что будет препятствовать гласу Божию – закону совести – проходить до глубины души? Что помешает лучу из ока Божия – суду совести – пасть на дела и намерения человека и осветить их? Или почему бы душа не могла согреться теплотою предчувствуемого благоволения Божия или содрогаться страхом гнева Божия? Между Богом и совестью средостение разорено, силы орудные для совести восстановлены, следовательно, совесть обладает всеми способами для исправного действия.

Так она делается исправной в законодательстве. Сознание законов Божественных и возбуждает грешника от усыпления, но оно впоследствии не сокращается, а возвышается. Этому способствует сама благодать, которая, как «помазание, учит» всякаго, как должно поступать (1Ин. 2:27), и руководит его на всех путях жизни тайно и явно. Этому способствует жажда Слова Божия, от коего обратившийся грешник не отстает, а ищет или слышать, или читать его, впивает его, питается им и все черпаемое из него превращает во глубине сердца в правила и начала и тем освещает свою совесть. Этому способствует самая жизнь. Чувствуя себя определенным на хождение в воле Божией, он тщательно исследует волю Божию для себя и во всех до него касающихся случаях и всегда в отношении к греху говорит себе: како совершу глагол сей злый и согрешу пред Богом, а к добру: готово сердце мое, готово! Таким образом навькает он жизни законной в своем кругу и не имеет уже нужды справляться с книгою законов, но знает их прямо, подобно опытному правоведу. Что же касается до нападений со стороны развратной воли, то хотя они и чувствуются, но голос их подавляется тот же час; даже хотя бы он и еще слышен был, деятельность законная наперекор им не оставляется, ибо определено ходить в воле Божией без саможаления, со всякими пожертвованиями, среди всяких озлоблений, и внутренних и внешних.

Является она исправною в судопроизводстве. Бдительное и трезвенное око, уставленное на себя, замечает все оттенки дел внутренних и внешних. Когда в то же время с другой стороны стоит чистое зеркало совести – что

препятствует отражаться в сем зеркале делу в истинном его виде и потому суду совести быть истинным? Суждение есть приложение начала к частному случаю. Если то и другое есть, то оно не может не совершиться и, если то и другое верно, не может быть неверным. К совершенству сего действия совести далее способствует то, что считается величайшим грехом осудить другого, и, когда это случится нечаянно, очищается сильным раскаянием. Но когда суд весь обращен на себя, то здесь он совершается без укрывательства, без ложного снисхождения, со всюю подробностью и полнотою, касаясь не дел только и слов, но и намерений, и мыслей. В предостережение же от погрешностей в сем деле избирается сторонний судья (духовник или опытный старец, которому открывают все), который и решает дело и которого решение принимается как решение Божие. Здесь не встретится грубого самооправдания и несознательности, ибо жизнь почти вся проводится в самоосуждении и чувствах покаяния; дела свои не считаются совершенными и законченными и свое лицо – достойным милостей. Как плодотворны такие расположения! Они сначала приводят мир в душу, не возмущаемый никакими здешними неприятностями, ибо виновный чувствует себя достойным всяких казней; потом – и чистоту в жизнь, ибо чем больше осуждается дел или сторон в делах, тем они должны становиться совершеннее, если такой пересмотр совершается с целью достигать совершенства. Исправна она и в воздаянии. Окамененное нечувствие прогнано, когда Божия благодать разваряла все существо человека; есть и постоянная молитва об избавлении от него напоследок. Посему как в барометре легкое колебание в атмосфере отражается тотчас, так и в обратившемся или жало обвинения совестного тотчас оставляет рану болезненного сокрушения, или елей оправдания намащует душу помазанием мира и исполняет отрадным благоуханием радости. При сем заметить должно, что и мучения совести совсем иной имеют здесь оттенок, нежели какой имеют они у необращенного. Они отрадно-умиленны, не ожесточают, не отрывают, не сожигают. Может быть, это потому, что по обращении, при ревности к богоугождению, случаются только некоторые, нечаянные, ненамеренные грехи. Правда, не оставляются без внимания и прошедшие дела и, когда нужно, воспроизводятся деятельно, разъясняются со всеми обстоятельствами, со всеми последствиями и предаются внутреннему суду, как бы настал час смерти, суда Божия и окончательного приговора, и в разверстом таким образом сердце омывается слезами все содеянное вопреки воле Божией; но опять и это не подавляет их духа, безнадежностью. Бывает в крушении дух от сличения прошедшего с будущим, но оно всегда оканчивается отрадным

успокоением в Боге: грешник, но Твое создание, к Тебе обращаюсь, буди воля Твоя! И в этом горении совестном избавляют себя от огня будущего. Мир совести у святых не исключал такого крушения духа, а напротив, многие все время проводили в слезах, иные были сухи оттого, как говорили они, что помнили беспрестанно огонь геенский, который опалял их непрестанно (Макарий Вел.). Такое состояние совести, с одной стороны, приносило им трезвенность, освежающую и ободряющую, с другой – в отношении к Богу и всему характеру их жизни преисполняло их сладостным миром, неизъяснимой отрадой, всеобъемлющим богоблаженством. «Мир Божий, превосходящий всякий ум», осенял их (Флп. 4:7). В этом состоянии они получали непреодолимое воодушевление на дела богоугодные. Апостол Павел дороже всего почитал свидетельство своей совести и ради его шел на все скорби. То же чувствовали и другие (Иов. 27:6). Это – отрадная манна и укрепительная пища небесная, приносимая ангелами с неба. Это и есть радость о Дусе Святе, или сила, по коей можно, следуя апостолу, непрестанно радоваться.

Плоды такого состояния совести суть, прежде всего, дерзновение пред Богом, по которому несмущенно и несомненно обращаются к Богу, как невинные дети к отцу; потом – живая, сильная и скорая деятельность, ибо чистая совесть привлекает силу Божественную, которая, преисполняя собою всю душу, сообщает ей неутомимость, непрестанность труда, непреодолимость препятствиями, в чем, собственно, и состоит свобода духа, свойственная человеку; наконец и воля сливается с совестью и прекращается всякое внутри восстание: человек вступает в то состояние, когда ему закон не лежит, потому что он сам весь преисполняется законом.

б) Состояние воли.

Ниже совести в числе деятельных сил стоит воля, которой принадлежит устройство нашей земной временной жизни, – предприятия, планы, нравы, поступки, поведение – вообще все, чем выражает себя человек во вне изнутри. Ее можно назвать способностью стремлений и расположений. Главный предмет ее – благо. Виды ее действий – желание и отвращение: отвращаясь от зла, стремиться к добру – в этом вся жизнь. Желать зла и отвращаться от добра человек не может, а может только зло считать добром, а добро – недобром и по обольщению первого желать под видом добра, а последнего не желать, представляя его недобрым.

Неизбежность, или основание и источник стремлений и желаний, есть неполнота нашего существа. Чувство сей неполноты заставляет человека искать предметов для восполнения себя. В сем отношении человек есть

земля жаждущая или губка, число потребностей – число отверстий ее. Предмет, в котором чаёт человек найти удовлетворение своей нужде, считается благом, которое чем многообъятнее, тем выше. Очевидно, что верховным благом человека может быть только то, что вполне всесторонне его успокаивает. Такое благо есть один Бог. Если, далее, сила стремления определяется качеством ожидаемого блага, то стремление к Богу должно быть высшим и сильнейшим у нас стремлением. Этого же должно ожидать еще и вот почему: стремление есть отражение потребности, а потребность есть отражение устройства нашего существа. Так как человек создан по образу Божию, то его главною потребностью, а за нею стремлением должна быть жажда Бога и Божественных вещей. «Что ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли, ...Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век» (Пс. 72:25–26).

В человеке, в невинном состоянии, и была сия правота в сердце или воле, но через падение в нем должно было произойти и действительно произошло превращение. Куда направились его воля? Как видно из обстоятельств падения – к себе. Вместо Бога человек сам себя возлюбил бесконечную любовь, себя поставил исключительною целию, а все другое – средством.

Отсюда видно, что главное расположение, гнездящееся в самой глубине души у человека падшего и еще не восставшего, есть самолюбие, или эгоизм. Это расположение так естественно, всеобщее, сильно, неотразимо, что Аристотель (язычник) в своем нравоучении написал: «Даже и добрый человек все делает для себя, потому и должно любить себя». Вот почему заповедуется в самом начале доброй жизни во Христе Иисусе отвергаться себя, потом, во все продолжение хождения вслед Христа, «не себе угождать» (Рим. 15:1), "не своего искать» (Флп. 2:4). Когда Макарий Великий советует войти глубоко внутрь себя и убить на самом дне сердца гнездящегося змия, то понимает под сим змием самолюбие (Сл. 1, гл. 1).

Все порочные расположения или все нравственное зло истекает уже из самолюбия, как говорит Феодор, епископ Едесский (Добротолубие, т. 3, гл. 93). «Самолюбие есть мать неизобразимых зол. Кто побеждается им, тот входит в союз и со всеми прочими страстями». Нетрудно, впрочем, заметить, что между сими страстями есть начальнейшие и неточные, стоящие во главе других, сами оглавлены будучи самолюбием. Эти первые порождения самости суть гордость, или вообще жажда возвышения, корыстолюбие, или любостяжание, и плотоугодие, или полнее, жажда наслаждений и удовольствий всесторонних. Это подтверждает опыт и

простое наведение, что какую ни возьми страсть, всегда, восходя к источнику, придешь к какой-нибудь из показанных страстей начальных. Посему говорит св. Максим Исповедник (О любви сотня 2, гл. 59): «Блуди себе от матери злых – самолюбия. От сего бо рождаются три первых страстных помысла – чревобесие, сребролюбие и тщеславие, от которых потом разрождается и весь злых собор» (то же у Феодора Едесского, гл. 61, 62 и у Григория Синайского в Добротолюбии). Мир есть овеществленное самолюбие или есть совокупность его порождений в лицах и действиях; ибо св. Иоанн Богослов все, что в мире, делит на три класса: «похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую» (1Ин. 2:16), то есть что там все движется по действию сих трех страстей. Он есть поприще, где развивается во всей своей широте деятельность греховной воли.

Каждая из сих начальных страстей в свою очередь раскрывается множеством других, исполненных ее духом и характером. Они кладут свою печать как на всех силах человека, так и на всей его деятельности и тем осложняют его страстность и размножают страсти.

Похоть плоти есть ненасытимое желание удовольствий, или непрерывное искание предметов, могущих услаждать внутренние и внешние чувства души. Она заставляет поставлять единственной целью собственное наслаждение, или жить в свое удовольствие и к тому направлять все встречающееся и все предпринимаемое. Разнообразие частных склонностей, вытекающих из нее, зависит и от предметов удовольствия, и от органов, которыми оно вкушается. Так, из удовольствий вкуса рождаются сластолюбие, пьянство, многоядение; из половых страстей – распутство в разных видах; из органов движения – рассеянность или ленивость; из душевных чувств – порочная любовь и мечтательное сластолюбие через воображение и проч. Главнейшие же ее порождения суть чревонеистовство, блуд, лень, забавы и утехы.

Кто обладает этой страстью, того она заставляет везде действовать по своему качеству и на всем отпечатлевает свой дух.

Так, в отношении к религии, в богопознании, сластолюбцы, по свойственному им легкомыслию и по исключительному почти обращению ко вне, истин боговедения не принимают глубоко к сердцу, отчего истины сии не только как не имеющие корня остаются бесплодными, но и подвергаются сильным нападениям внутри от склонностей, обращенных к иному порядку, а сие последнее обстоятельство человека, преданного удовольствиям, или поставяет неминуемо в состояние равнодушия к истинам веры, или, еще хуже, повергает в сомнение о них. В богопочтении им нужно приятное священнодействие, и в храмах они ищут не славы и

чувствования Бога, а наслаждения слуха и зрения. В самом внутреннем богопочтении преимущественно ищут сладостных движений сердца и с напряжением вызывают их, отчего «во время напасти отпадают» (Лк. 8:13), когда за истину нужно бывает испытывать скорби внутренние ли то или внешние. Они «враги креста; ...им Бог чрево» (Флп. 3:18).

В отношении к себе. Слостолюбец весь занят удовольствиями и притом только настоящими, говоря в себе: «да ямы и пиемы, утре бо умрем» (Ис. 22:13, 56, 12; 1Кор. 15:32; Прем. 2:6) – о будущем он и не помышляет и оттого не радит о следствиях своей жизни, даже предначинающихся, даже тогда, как встречает внезапно болезни, бедность, беславие. Душа у него в презрении, одно тело «пространно питается» (Тит. 1:12; 1Тим. 5:6). От этого не найдешь в нем ни понятий точных и стоящих, ни твердых правил жизни. И по поступкам, и по мыслям он влается как прах ветром. Он чужд занятий солидных, постоянных, усиленных, долговременных, оттого и ничего не может представить от своего лица, чтобы могло его пережить.

И в отношении к другим он не лучше. Правда, лично обижать других он неохотно решается, потому что это может сопровождаться неприятностями. Но уже всякий, не сходный с ним в нраве, не готовый разделять с ним его дел, есть не только чужой ему, но и неприятель. При сем случись только нужда, он готов на всякие несправедливости: обман, несдержанность слова, ложные обещания, хитрые уловки. К дружбе есть в нем склонность, но обыкновенно друзья у него избираются не по истинному достоинству и бывают недолговременны. В обращении бывает желание показать вежливость, но тут же – колкости, остроты, насмешки, иногда и нахальство.

Мало доброго бывает от таких и в быту житейском, и в гражданском. Собственно, они ни повелевать, ни повиноваться, как следует, не способны. Слостолюбец – отец, муж, господин, начальник – хуже всего. Дети, жена, семейство, вверенные, гибнут. Всему причиною сроднившееся с ним нерадение и ложная кротость или поблажка, потому что взыскание часто сопровождается неприятностью. У низших во всех видах не бывает возмутительного противления, но всегда почти ропот, медленность, ленивость; вообще, они больше «слышатели», нежели творцы закона (Иак. 1:22).

Корысть есть ненасытимое желание иметь, или искание и стяжание вещей под видом пользы за тем только, чтобы сказать о них: мои. Предметов сей страсти множество: дом со всеми частями, поля, слуги, а главное – деньги, потому что ими можно все доставать. Иные, впрочем,

исключительно пристращаются к серебру и золоту. От этого сию страсть можно видеть преимущественно в двух видах: сребролюбии и любоимании, или стяжательности. Судя по употреблению, под влиянием тщеславия она является пышностью, от гордости и властолюбия – всемирной оборотливостью, стремящейся захватить всю торговлю в свои руки, а от безумия – скупостью. Бесперывно сопутствуют сей страсти. забота мучающая, зависть, страхи, печаль и скорби. Титул, приличный обладаемому ею человеку, – интересан; ибо он шага не сделает без того, чтобы ему это не принесло пользы, и все, чего ни коснется рука его, слово, мысль, – все несет ему свою дань. Потом, когда вещь поступила в его область, он говорит: моя навсегда... Эта исключительность владения, решительная, сердечная, как ограду какую обводит около его вещей и отрывает всех других.

В отношении к религии. Познать Бога ему некогда: поэтому он содержит веру так, как слышал и принял и как умеет вообразить душою, загроможденною вещами чувственными. Больше всего склонен он к суеверию, антропоморфизму, идолопоклонству. Сильная и исключительная любовь к вещам делает подозрительным его богопочитание внутреннее, ибо, как говорит Господь, «нельзя Богу работать и мамоне» (Мф. 6:24). Посему он прямо называется идолопоклонником (Еф. 5:5; Кол. 3:5; Мф. 19:22; Иов. 31:24; Пс. 118:36). Он будто и чтит Бога, но не сердцем, а чем-нибудь внешним и притом не иначе как в ожидании умножения прибытков или из страха потерять и желая сохранить то, что имеется. Потому он склонен ко внешнему богопочтению и любит в нем богатство и великолепие. Страсть к стяжанию, при недостатке прямых путей, приводит его иногда к магии и другим нелепостям (1Тим. 6:9).

В отношении к себе. У любостяжательного вид некоторых добродетелей бросается в глаза. Он будто бережлив, а между тем скуп; труд и неусыпность его только для корысти; воздержание от удовольствий и наслаждений затем только, чтобы не истратиться. У него, собственно, нет заботы ни о душе, ни о теле: он себя приносит в жертву вещам. Забота не дает ему времени насладиться стяжанием, и оттого нет мира в душе его. Случись несчастье, он готов пасть в отчаяние, легко теряет ум и делается сумасшедшим, а иногда налагает на себя руки.

В отношении к другим он бесчеловечен, завистлив, коварен, вероломен, сутяга; благодетельствовать даром не любит, разве только победить его тщеславие; дружбы короткой не знает. Нет неправды, на которую не решился бы корыстный, как показал на себе Иуда (Мф. 26:15).

От него – воровство, святотатство (Нав. 7:1; Деян. 5:1), убийства, предательства.

«Корыстолюбивый» – негожий член дома, общества и Церкви (Притч. 15:27, 29; 4Цар. 5; 1Тим. 3:3; Флп. 2:20–21; 1Пет. 5:2). Низшие из них обыкновенно покорны, рачительны и трудятся, чтобы как-нибудь запасти копейку, но они склонны обмануть господина или начальника, как-нибудь похитить себе и скрыть концы, и сейчас же оставляют их, коль скоро те в какой-нибудь беде. Высшие или начальствующие в каком-нибудь виде – ничего нет хуже по небрежению и беспечности о других. Ни до кого им нет нужды – ни до правды, ни до людей. Начальника такого не любят, ибо он все как-нибудь хочет оттянуть копейку; посему ему неверны и всячески ищут обхитрить его. В доме он худо содержит всех, как и себя, оставляет без внимания детей и семейство все. Так водворяются грубость и невежество.

Гордость есть ненасытимое желание возвышения, или усиленное искание предметов, через кои бы можно было стать выше всех других. Самолюбие здесь очевиднее всего. Оно тут как бы своим лицом, ибо тут вся забота о своем я. Первое порождение гордости – внутреннейшее – есть самомнение, по коему все другие считаются ниже нас; даже те, кои высоко превосходят нас, в сравнении с нами не слишком важны. Проторгаясь наружу, она ищет уже и предметов возвышающих и, судя по ним, сама изменяется. Останавливаясь на предметах ничтожных, например, на силе тела, красоте, одежде, родстве и другом чем, она есть тщеславие; обращаясь к степеням чести и славы, она есть властолюбие и честолюбие; услаждаясь молвою, говором и вниманием людей, она есть славолубие. Во всех, впрочем, этих видах, кроме, может быть, самомнения, гордость сопровождается еще своеволием, непокорливостью, самоуверенностью, самонадеянностью, притязательностью, презрением других, неблагодарностью, завистью, гневливостью до мести и злопамятства. Главнейшими, впрочем, ее отраслями можно почесть зависть с ненавистью и гнев со злопамятством.

В Слове Божиим гордые называются еще «высокомудрствующими» (Рим. 11:20, 12:16; 1Тим. 6:17; Ис. 14:13), напыщенными (1Тим. 6:4), высокосердыми (Втор. 8:14, 17:20; Иез. 28:2), презорливыми (Лк. 18: 9, 11; Гал. 5:26).

Возносящий себя над всеми в сердце своем – в отношении к религии, в богопознании – самый опасный человек. Он способен впасть в самую бездну нечестия. По склонности особиться от других он или сам изобретает, или легко принимает изобретенные мнения новые,

отличающиеся некою высотой и странностью. Нередко, чтобы показать свою отличность от простого народа, он отвергает самые очевидные истины, каковы: бытие Бога, бессмертие души и проч. Посему справедливо таковых считают изобретателями ересей (1Тим. 6:4–10). Вообще, свойственные ему спорливость и упорство во мнениях принятых очень неблагоприятны истине. В богопочтении внешнем он любит чопорность, блеск, искусственность; во внутреннем – напряженность, высоту, отвлеченность; в молитве – многоглаголивість свысока; в обнаружении благочестия – причудливость: все по-своему, не как другие; он может также принимать все виды богослужения для славы и тщеславия и обращать их в средства к удовлетворению своего властолюбия, как Иеровоам (3Цар. 12:28–29).

Воздержность, работность, бережливость, терпеливость, постоянство дают ему вид строгого исполнителя обязанностей в отношении к себе, но только вид; ибо все это добродетели средственные, а не существенные, и потому их цена зависит от духа, с каким предприимлются и содержатся. Справедливо, что он заботится более об образовании своей души, но для чего и в каком духе? Затем, чтобы блеснуть, или еще для того, чтобы поддержать славу науки или славу свою и своего звания и проч.; от этого занимается более тем, что славится в его время. Но он гневлив, задорен и не дает себе покоя: от сего скоро истощает силы свои и наживает болезни.

В отношении к другим он есть лицо самое несправедливое: все к себе относит, а другим ничего не приписывает; он охотник всегда повелевать и никогда повиноваться. Другие по мыслям его должны быть средствами для его целей, и действительно он так действует на них или насилием, когда уже силен, или хитростью, пока еще не силен. Он политикан, следовательно, препритворный; благодарности не жди от него, потому что он усваивает себе право принимать от других услуги как дань. При случае оскорбить, сделать насилие, оказать презрение, утратить он не прочь. Ему желательно, чтобы его более боялись, нежели любили. Дружба у него – до соответствия своим целям.

В быту житейском и гражданском все нестроение от таких. Низшие с сим характером не хотят повиноваться, не терпят лежащих на них уз долга, почему всегда готовы к возмущениям. Вышние самовольны, жестокосерды; немилостиво наказывают, неохотно прощают; хотят править словом и взглядом, а не убеждением (1Пет. 5:3). В обращении любят задавать тон, но к редким уважительны, а искренни – ни к кому. Посему они нетерпимы в обществе, ненавистны людям и Богу, Который им противится и нередко их унижает для вразумления (Мф. 23:12; 1Пет.

5:5; Иак. 4:6; Иов. 9:13, 40:6–7; Мф. 11:23). В семействе их нет мира, а брани и свары; дети грубеют; слуги своевольничают; жены то скорбят, то привыкают к упорству.

Вот ближайшие порождения самолюбия: похоть плоти, похоть очес и гордость житейская – с происходящими от них страстями. Есть, впрочем, по замечанию святых отцов, и между происходящими от них тоже начальнейшие, как бы необходимые и всегдашние их спутники. Таковыми признаются пять: гнев, блуд, печаль, леность, тщеславие. Происхождение их из первых очень просто. Так, сластолюбие является преимущественно в двух страстях, чревоугодии и блуде, и сопутствуется расслаблением и леностью; с сребролюбием всегда в связи печаль и зависть, с гордостью – гнев и тщеславие. Сии производные пять ставятся с первыми, по силе их многоплодности, в один разряд, так что начальнейших или неточных считается» прямо восемь или семь, ибо иные тщеславия не отделяют от гордости. Смотри о сем Феодора Едесского – главы 10 (Добротолюбие, т. 3); Евагрия о различных помыслах (Добротолюбие, т. 1, гл. 1:24); «Правосл. Испов.», ч. 3, вопрос 23 и далее. Смотри то же у Лествичника в главах о сих страстях. В сих статьях характеристика каждого порока определена с достаточной полнотою и производные от них страсти – с достаточной подробностью. Особенный путь к развитию страстей избран св. Григорием Синайским (Добротолюбие, т. 5, гл. 78, 79). Он разделяет их на душевные и телесные; душевные – опять по трем способностям: мыслящей, вожделетельной и раздражительной. Но нетрудно заметить, что он не отходит от общего разделения, а только решает вопрос: как самолюбие трехсоставное отражается в частях существа человеческого и в его способностях. Оттого страсти, производимые, например, от мысленной силы, одни имеют качества гордости, другие – любоимания, третьи – сластолюбия. По крайней мере, организация и развитие страстей этим путем возможно и может принести несомненную пользу в жизни. Тут можно видеть значение каждой страсти, а из их значения выводить научнообразно средства против них, хотя это будут те же самые, какие теперь предлагаются по опытам богомудрых отцов. Только само собою разумеется, что такое дело требует и близкого знакомства с писаниями святых отцов, и глубокого дознания человеческого существа. Но сим кто доволен? Петр Дамаскин (см. Славянское Добротолюбие, ч. 3), собрав из Божественных Писаний имена страстей числом 298, без всякого порядка, прибавляет: вот что нашел я в Писаниях, а расположить их по чину я не мог, даже и покуситься на то не решаюсь; ибо, по слову св. Лествичника, поищешь в злых ведениях, то есть разумного их понятия и объяснения, и не

обращаешь.

Что касается до сих страстей в их приложении к каждому человеку, то постигнуть невозможно, как разнообразно и иногда уродливо их сочетание в одном лице. У всякого человека, работающего греху, самость со своими тремя порождениями и с некоторыми из пяти страстей всегда есть, только у одного преимуществовует одна, у другого – другая. Вместе с ними качествует в нем и целое племя страстей по характеру и духу своей родоначальницы, которая разнообразится в людях по влиянию пола, возраста, состояния. Подробное указание возможных сочетаний было бы очень хорошим руководством к самопознанию, ибо человек должен знать и главную свою страсть, и все ее семейство в себе. В сем сочетании они иногда усиливают одна другую или одна другую ограничивают, отчего имеют место множество кажущихся добродетелей, которыми, обыкновенно, обольщают себя люди.

Как у него разнообразятся страсти, это всего лучше объясняет его история. Всякий рождается на свет поврежденным – с самостью, или семенем всех возможных страстей. Что у одного это семя развивается преимущественно одной стороной, у другого – другой, это, прежде всего, зависит от темперамента, принимаемого от родителей, далее – от воспитания, больше же всего – от подражания, которое питается предлежащими примерами, обычаями, обращением или сообществом. Как дерево молодое, человек среди сих обстоятельств невольно наклоняется на одну какую-либо сторону, а потом, вступив в путь жизни и действуя в том же направлении, утверждается в нем привычкою, которая становится второю, как говорят, природою. И стал, таким образом, человек окачествен овлaдевшeю им страстью, или закален в ней, и вся его натура проникнута ею.

Установившийся в таком направлении сидит, как в темнице в узах, и выпутаться оттуда уже никак не может сам собою. Страсти те, или худые настроения воли, сами из себя составляют непроницаемый покров, или крепкую ограду, не пропускающую к нему спасительного света Божия. И, во-первых, на каждую страсть есть круг предметов, ее удовлетворяющих, которые считает человек благом и обладание которыми поставляет последнюю целью. Как с благами, он сорастворяется с ними душою своею как бы химически, и живет в них; поэтому озреться на себя не может, пока не придет иное начало, не растворится с его сердцем и не отвлечет его от них. Во-вторых, привыкши обращаться в кругу одних предметов, человек по необходимости как бы нападает на некоторые мысли, поблажающие его страсти и сокрывающие ее от ока совести. Из таковых мыслей

составляются особые греховные начала, которые справедливо можно назвать предрассудками сердца или воли. Там самолюбие держит в голове человека постоянную мысль, что он лучше других, скрашивает свои недостатки и кажет человека себе самому всегда хорошим. Удовольственность уверяет, что наслаждения так нам естественны, что без них быть нельзя; потому – что отказывать себе в них, когда сама природа расположила к ним? А рассеянность и ветреность не позволяют вникнуть и разобрать, в чем сила. У сребролюбия сколько прав! Нельзя прожить – береги про черный день, дом – яма и проч., а между тем забота все гонит вперед и вперед. Гордость говорит: кому ж и занять те или другие должности? Если все станут отказываться, тогда что? – уж поставлен на такой дороге, что ж сделаешь?.. А тут лезут в глаза некоторые добрые на вид свойства, поддерживаемые тоже страстью. В показанном сорастворении сердца с видимыми благами и в развратных началах, оправдывающих страсть, хотя, видимо, они предрассудочного свойства, лежит самая твердая преграда к действию благодати на сердце грешника и обращению его. По влиянию сих причин ни один из обладаемых страстями не считает себя худым, не видит нужды в исправлении, не видит, что исправлять. На кого, однако ж, воздействует благодать, в том происходит существенное изменение в настроении воли. Сие изменение совершается, когда сокрушительным действием покаяния совершается самость и человек, через веру в Господа Иисуса Христа восходя к благонадежности спасения и решаясь работать Господу до положения живота, ради того в таинстве крещения или покаяния непостижимо воссоединяется через Господа Иисуса Христа с Богом и становится причастником Божественного естества. Как прежде, отпадши от Бога, он остановился на себе и ради себя прилепился к тленному, так теперь, по обращении, отвергнувшись себя и всего тварного, он сердцем прилепляется к Богу. Отсюда главные расположения воли у христианина суть самоотвержение и ревность о пребывании в сообщении с Богом, или любовь.

Самоотвержение есть отрицание самолюбия. Оно преследует все, на чем есть печать самости, ненавидит ее и отвращается от всех вещей, питающих ее; ставит ни во что все преимущества временные, телесные, внешние; изъежает из всех вещей сотворенных свое сердце. В последнем отношении оно стоит, собственно, не в неимении или оставлении вещей, а в изъятии из них сердца, или в таком состоянии, по коему все они считаются как бы чуждыми, сторонними, не занимающими души и не привязывающими к себе; потому оно однозначно с беспристрастием или бесстрастием, когда сердцу чуждо все, кроме Бога.

Будучи по природе своей отвержением самолюбия, оно и плоды приносит или рождает в нас расположения совершенно противоположные тем, какие производит самость, именно:

Вместо гордости у самоотверженного смирение – такое расположение, по коему он считает себя тварию самую ничтожнейшею, достойною всякого презрения и унижения; приписывая себе одни грехи, все доброе он относит к источнику всякого добра – Богу; он не усваивает себе никаких преимуществ пред другими, а всякого считает высшим себя. Это есть самоуничижение, соединенное с чувством своей бедности и слабости.

Вместо корыстности у него не только бескорыстие и нестяжательность, но и чувство странничества. Он ничего не называет своим, а все – Божиим, себя же только – приставником к имуществу Божию, отчего свободно общится им со всяким неимущим. Все, что есть у него, он считает только врученным ему на время – и дом, и земли, и села. В чувстве сердца он не имеет пребывающего здесь места, а взыскует града грядущего, почему все предпосылает в небесное свое отечество.

Вместо похотей и утех – самоумерщвление и самоозлобление. Нет скорби, какой бы он не считал себя достойным. Поэтому как живущий в грехе жалеет себя и обходится с собою, как с большим местом, так обратившийся к Богу гневается на себя и готов себя мучить, морить себя голодом, неспанием, трудом; рад, когда оскорбят или нанесут удары и ненасытим бывает в самоозлоблениях.

Любовь к Богу, или жажда пребывания в общении с Богом как верховным благом и успокоение в Нем, или сознание блаженства в Его общении, изливается в сердце обратившегося к Богу Духом Святым и к Богу устремляет все существо его. Сия любовь есть действительное вкушение богоблаженства, а не мысленное или воображаемое. Потому кто недоумевает, как можно отрешиться от всего, тому надобно сказать: отрешиться от всего тварного, чтобы соединиться с Творцом, значит переменить благо мнимое на истинное. Любовь есть необходимое дополнение самоотвержения или отрешения от всего. Вкусивший сладкого не хочет горького, и вкусивший Бога не захочет ничего, кроме Его. Следовательно, истинное самоотвержение современно богообщению.

Из сей любви, или жажды Божественного, по роду ее, развиваются или водружаются в сердце следующие постоянные расположения, составляющие положительное начало христианской деятельности: Хожание пред Богом. Он зрит Бога пред собою, пред лицом Его действует как бы по поручительству от Него. К Богу, вместе с сердцем, прикован и

вниманием своим, не сводит как бы с Него глаз. Посему и говорится, что живот его сокровен есть в Боге. Григорий Богослов говорит, что меньше дышать, нежели как вспоминать о Боге должно. Посему некоторые сию память и старались привязать к дыханию.

Ревность к богоугождению, или постоянное, усердное, искреннее исполнение всякой узнанной воли Божией, без укрывательства пред собою и без всякого послабления, хотя бы то стоило жизни. Она сопровождается заботливым узнаванием сей воли и скорым приступлением к ее исполнению сквозь все препятствия. Апостол Павел выражает это расположение словом гоню.

Печаль по Бозе, по коей, с одной стороны, он желает разрешиться, чтобы со Христом быть, чтобы скорее пришло для него царство Божие, с другой – сетует о неполноте славы Божией в себе и других, отчего проливает слезы в непрерывных почти чувствах покаяния. Таково свойство любящего, что ему хочется быть пред лицом любимого; оттого скорбно, если живуще в теле отходит от Господа. Отсюда само собою видно, что порядок жизни человека-христианина, или образ его деятельности, должен соответствовать сим двум коренным направлениям – самоотвержению и любви. Оно так и есть по изображению святых. Так у христианина всегдашнее имеется.

Самопротивление и самопринуждение, то есть он постоянно противится себе во зле и наклоняет себя на добро. Возникают худые движения – надобно их прекратить, нужно делать добро, а сердце не лежит, – надобно себя к тому склонить. В этом состоит непрерывная борьба человека с самим собою. Постоянным в ней упражнением он наконец образует в себе доброго, охотно действующего человека, погашает зло и преобразует деятельность сил на добро (Макарий Великий, о хранении сердца, гл. 12,13; о свободе ума, гл. 18).

Так как не вдруг истребляется зло, а пребывает еще в человеке обратившемся, то ему заповедуется или свойственна непрерывная бдительность, трезвение, чтобы не пропустить чего, по невниманию, пагубного и не пасть. Он есть страж над самим собою бодренький, такой, который пребывает в непрерывном ожидании нападения и тотчас мыслию прозорливою видит подступающего врага. Ему свойственно также и постоянное напряжение сил с изгнанием всякого послабления. Нельзя сказать: довольно напряжения – ибо иные, пять-шесть лет проведя покойно, возмущались и падали (Макарий Великий. О возв. ума, § 3). Посему истинный христианин всегда только начинает, думает еще, что не трудился, еще стоит в преддверии, не достиг. Мысль о послаблении себе

есть самая убийственная. Поэтому велят: определи себя на труды и подвиги до конца жизни.

Очевидно, что сии последние расположения: борьбу, трезвение и напряжение без послабления – как совмещающие в себе самоотвержение и любовь, можно назвать средоточными или первоначальными и потому неточными. Через них развиваются после и расположения, вытекающие из самоотвержения и расположения, происходящие из любви, а все в совокупности завершаются совершенным самоотвержением и совершенною любовью. Этим, можно сказать, характеризуется подвижничество, или ему указывается путь истинный и вместе – истинное значение в жизни христианской.

Все, доселе сказанное, касается направлений воли, кои составляют сторону ее материальную. Но как рассудок, кроме материальной, имеет еще и деятельность формальную, так есть своего рода формальная деятельность и у воли. Определим ее коротко.

Деятельность воли непосредственно утверждается на пожеланиях. Ее дело – неопределенные и, так сказать, не окачественные еще пожелания приводить в порядок, соглашать со своими целями, нуждами и существующим порядком, устанавливать поступки и начинания человеческие и начертывать целую систему правил для порядка общественной и домашней своей деятельности. Она то же в деятельности, что рассудок в познании.

В сей деятельности воли различают три части: выбор, решимость и самое дело. В выборе ищут, на чем остановиться; в решимости колебание желаний утверждается на едином, которое по открытии средств и приводится в исполнение на деле. Во всех сих моментах есть новые немалые разности у грешника с ищущим правды.

Выбор. Что и как избирается? Надобно знать, что роды предметов уже определены предварительно. Они указываются главным характером жизни. Как один к тому только и обращается, что питает самолюбие, то есть или к утехам, или к интересам, или к отличиям; так, напротив, у другого все намерения устремляются единственно и исключительно к богоугождению; только елика истинна и честна, аще пая добродетель и похвала, сия он помышляет. Можно сказать, что сумма дел во всех видах у первого вся страстного и самостного свойства, тогда как дела другого все проникнуты самоотверженным стремлением к Богу. Исключения очень редки и то, может быть, только по внешнему виду. Но здесь же основание различия и в форме избрания – ибо, тогда как один избирает между двумя предметами, из коих угоден тот и другой, избирает без напряжения и

спора с собою, другой, напротив, избирает не только одно добро из двух, но еще и наперекор восстающим страстным пожеланиям и помыслам; посему его выбор всегда есть плод борьбы и победы или сопровождается ими в большей или меньшей мере. Сверх того, первому часто бывает ненужно и избирать, ибо он действует по заведенному порядку, при коем нет нужды останавливаться, думать и рассуждать; у последнего не может быть заведенного порядка, а напротив, и дела обычные требуют всей внутренней деятельности, как бы они совершались в первый раз. Тот часто предается влечению желания и делает то, куда падет его воля сама собою. Этот зоркою мыслью всегда устремляется вперед и из предлежащего избирает только то, на чем видит отражение воли Божией. Тот, по самоуверенности и заносчивости, часто позволяет себе действовать наудачу, ожидая, что все, что будет сказано и сделано от его высокого лица, будет хорошо и достойно всеобщего одобрения. Этот ни на минуту не позволяет себе оплошности и со всем вниманием и добросовестностью рассматривает каждое даже малое обстоятельство и не иначе приступает к делу, как по ясном сознании на него воли Божией. Тот часто избирает потому только, что ему хочется, по своенравию и развращению своей воли, тогда как следовало бы во всем покоряться расчету и указаниям рассудка. Этот имеет постоянное направление, враждебное своей воле, почему и подавляет ее восстания при первых возникновениях. От этого как тот воспитывает своими выборами или безвыборностью своенравие в непокорность, так этот образует в себе разумное послушание и охотную покорность воле Божией.

Решимость – это внутренний акт воли, мгновенный, измеряемый непоколебимостью желания, а не длительностью или направлением; почему одинаков, можно сказать, к какому бы роду дел ни относился. Должно, однако ж, различать некоторые действия, предшествующие и сопутствующие ей. Известно, что после выбора, на переходе к решимости, происходит склонение сердца и воли к предмету. Но у одного это склонение часто предшествует уже выбору, всегда почти решает его, по крайней мере, только ждет его конца, чтобы исторгнуться из сердца, почему никогда не заключает трудности, не требует особенного напряжения и почти не составляет особенного акта. У другого расположение сердца к предмету не столь естественно, по крайней мере в первых опытах, не может быть мгновенно, есть дело не беструдное, иногда не недолгое, есть особый акт, требующий всего внимания и напряжения. Посему здесь часто делают, не успевши, склонить сердца, наперекор ему и с болезнью его. Эта покорность и гибкость сердца приобретается

продолжительными потовыми трудами.

У одного мера желания есть мера надежды. Ему кажется, что дело задуманное уже в руках. Движением крови возбуждаемая жизнедеятельность приводит ко мнению о достаточности сил своих к выполнению начинаний своих без сторонней помощи; поэтому здесь дела совершаются сколько с жадностью, столько же и с самоуверенностью. У другого не так. Без отуманивающего жара желания, при нехолодном намерении, по разумном избрании, с ожиданием препятствий и опасностей внутри и вне, степенно, без самонадеянности приступают к делу, напрягая все свои силы, но благоуспешности ожидая единственно от помощи и благословения Вышнего.

Доселе как будто все выгоды на стороне первого, но с сей точки, то есть с акта решимости, начинается поворот. Решимость есть акт мгновенный, внутренний, однако ж, имеет разные степени силы и твердости. Сия твердость не может быть определяема мерою предшествующего желания. Она есть плод всецелой твердости духа, а не кипучести одной силы – воли или сердца. Если у первого нет целостности духа, то решимость его не может доходить до той силы, на какой стоит она всегда у последнего. Можно сказать утвердительно, что у первого решимость всегда бывает колеблющеюся; у второго, напротив, она непоколебима; ибо ни от чего иного у первого, как вообще, так и в частности, есть робость, неустойчивость, особенно когда в исполнении требований или предприятий нужно бывает потревожить его чувствительнейшие стороны. Последний идет мужественно пред царей и владык на муки и смерть – отчего? От твердой решимости, ибо она у него есть сила непоколебимая. После сего кому должно приписать в высшей степени терпение в делах? Последнему. Первый сам слаб и дела свои вести покусается более чужими руками.

Дело – естественный плод выбора и решимости. Но до него еще избираются средства, и дело соображается с обыкновенным порядком жизни, где берется во внимание свое лицо и другие лица и вещи. В производстве сих занятий первый не раздумывается пользоваться и законным, и незаконным, второй только законным; тот прибегает и к хитростям, последний действует всегда открыто и искренно; у того внимание обращено более ко внешним отношениям, у сего – ко внутренним; у того политика, у сего духовная мудрость; тот отстаивает более себя, сей – славу Божию, святую веру и спасение вечное; у того в виду только дело, у сего и многоплодность его; у того средства только положительные, очевидные, у сего нередко таинственные, внушаемые

верою; тот страшлив, сомнителен, сей уповая ходит (Исаак Сир. О 3-х степенях разума) и проч.

Самое дело характеризуется предметом, целью и средствами, но и в его производстве могут таиться немалые различия. Так, у первого нужнейшими делами считаются дела, клонящиеся к удовлетворению страстей, у последнего – дела спасения; в отношении к сим последним делам тот недугует отлагательством, сей спешит к ним с неудержимым рвением; тот если попускает их, то только внешне, сей всегда влагает в них и сердце. Все поведение их от утра до вечера противоположно, если сличать его в одни и те же часы. У первого дела только на вид, у второго дела основательные и плодотворные. Следствия дел: у первого вместе с делом кончается всякая радость и веселие, у последнего она здесь или начинается, или возвышается; там сделанное дело вкореняет страсть или навык к подобным же делам, здесь оно укрепляет намерение, не связывая свободы; там часто за делом следует внешнее одобрение с внутренним стыдом, здесь – нередко неприятности во вне с одобрением внутренним; там следствия хорошие усваются себе, худые – другим, здесь худые приписывают себе, хорошие – другим; там за неуспешность рвут себе волосы, здесь все предают Богу, от Которого и ожидалось все.

Частыми делами в одном роде образуются наклонности, или постоянные расположения. Какие это у того и другого, уже было показано.

в) Состояние низших пожеланий.

Наконец и в низших пожеланиях у людей, Богу работающих и у преданных греху, немало различий. Есть у нас потребности. Их немного, и они вытекают из устройства существа нашего. Предметов на каждую потребность может быть много, как, например, на удовлетворение потребности питания сколько яств и разного рода питья? Коль скоро изведен предмет, он становится предметом и пожелания всякий раз, как возбудится потребность. Частое удовлетворение одного и того же желания образует склонность. Итак, пожелания стоят на переходе от потребностей к склонностям. Посему, хотя кажутся незначительными, имеют, однако ж, великую силу в жизни.

Их можно определить так: это склонения воли к тому или другому предмету под видом приятного, по представлению чувств и воображения. Здесь сейчас же видны и точки различия их у добрых и недобрых.

Как потому, что пожелания обращаются более к чувственно-приятному, которого седалище, как видели прежде, в теле, так и потому, что они возбуждаются чувствами, способность сия у одних погрязла в чувственность, сделалась плотскою, "животною" (2Пет. 2:12–13),

представляя самое очевидное свидетельство унижения и развращения человеческого. У других, которые вместо удовольственности питают жажду самоозлобления и самостеснения, сии пожелания в нужных случаях вставляются в самые необходимые пределы, в ненужных – подавляются, в позволительных, или, как говорят, в невинных удовольствиях если и послабляются иногда, как показал примером лука Антоний Великий, то тут же строго и блюдутся, и употребляются больше не в наслаждение, а в обман, так сказать, тела и чувственности. Вообще же, они здесь отвлекаются от чувственности и приучаются к предметам духовным в созидание духа, а не разорение. Это пожертвие плотского духовным доходит у некоторых до того, что вместо свойственной приятности от чувственного чувствуется отвращение и неприязнь к нему, даже, например, ко сну и к питанию. Посему, если и низшая воля обнаруживается в двух действиях: желании и отвращении – то они содержатся в обратном отношении у добрых и недобрых. Где желание одного, там отвращение другого, и где отвращение одного, там желание другого.

Другие отличия зависят от связи пожеланий с воображением. Образ предмета вызывает желание тем живейшее, чем живее он вообразится. По сему, так сказать, заговору пожеланий с воображением некоторые из свойств последнего естественно переходят на первые. А тут и разность. Так, у первого воображение непрерывно играет образами, и как последние у него бесчисленны, разнообразны, смятенны, изменчивы, то и пожелания у него бесконечно разнообразны, большей частью смятенны, как и мечта, и изменчивы до прихотливости и причудливости. Воображение у него движется само собою, по законам сцепления образов; и пожелания у него тянутся некоторой привычной чередой, механически, как бы без ведома, и сами собою одно другое вызывают, одно другое посекают. У него владычествует воображение, и он живет в нем или в его мире, как в стихийном каком составе, и высвободится из его обаяний не в силах. Раб он есть своих пожеланий. Они мнут его непрерывно и держат как в каких тенетах. От этого он переходит только от желания к наслаждению и от наслаждения снова к желаниям.

У другого, напротив, все это зло отсечено вместе с приведением в порядок воображения. Сначала с пожеланиями, как и с помыслами, учреждается борьба и ведется с трудом и скорбию, но не без успеха. Наконец и пожелания умиряются. Потому здесь не найдешь ни смятения их своенравного, ни владычества над свободою, ни механического движения. Они подчинены высшей власти и ею правятся. Можно даже

сказать, что и рождаются уже по указанию сей власти, а без того молчат или лежат в своих потаенных заклепах.

Вот еще одна черта различия. Пожелания стоят на переходе от потребностей к склонностям и условливают их образование. У первого это неизбежно. Но если склонность делает насилие потребности, заковывая ее в определенную форму, и ее искажает или дает ей неверное, неестественное направление, то и должно заключить, что у первого потребности и природа находятся в насильственном порабощении. Наоборот, у последнего с укрощением пожеланий пресекается переход к склонностям. Посему последние, естественно, должны слабеть и истощаться, а от сего потребность приходит в естественное состояние. Укрощением пожеланий природа высвобождается из теснящих ее уз и поставляется в свой чин.

Итак, коротко. Деятельные силы, или деятельная желательная сторона духа нашего, у тех, кои пребывают в отдалении от Бога и предаются греху, отклонилась от высшего, духовного мира, которого законы, открывающиеся в совести, то затемнены, то искажены, затем приняла разнообразные эгоистические расположения, или превратилась в страсти, и наконец предалась владычеству пожеланий смятенных, нестройных, призрачных. У человека, обратившегося к Богу, Божественная благодать врачует сие низвращение. Она печатлеет в совести Божественные законы, потом соответственно им изменяет и преобразует и расположения воли; пожелания же низшие умиротворяет или даже подавляет, но во всяком случае подчиняет и отдает на распоряжение самому человеку.

3) Состояние сил чувствующих, или сердца

Тогда как умом человек хочет все собрать в себя, а волею – себя выразить во вне, или извести наружу в делах богатство своего внутреннего стяжания, сердце пребывает в себе и вращается внутри, не исходя. Видно, что оно лежит глубже тех сил деятельных и составляет для них как бы подкладку или основу. Однако ж в сем положении оно не то же для них, что сцена для действующих на ней лиц, а само принимает живое участие в их движениях. Они отражаются своей деятельностью в сердце, и, обратно, сердце отражает себя в них. Посему оно справедливо почитается корнем существа человеческого, фокусом всех его сил духовных, душевных и животно-телесных. Имея такое значение в человеке, оно исключительное значение должно иметь и в отношении ко всему, что вне его, ибо человек состоит в связи со всем сущим. Сия связь не может инуды утверждаться, как в центре его существа, подобно тому как связь в часах утверждена на соотношении центров всех колес их. Если центр существа человеческого

есть сердце, то им он входит в связь со всем существующим. В этих двух отношениях и надобно определять разные состояния сердца, то есть как центра сил и как точки соприкосновения со всем сущим вне нас.

а) О сердце как о точке соприкосновения, или седалище симпатии.

С чем имеем живой союз, с тем быть вместе нам приятно, в кругу того мы как в своей стихии, иначе мы имеем к тому живое сочувствие. Если все, что вне человека и с чем он может иметь живой союз, есть Бог и Божественный порядок вещей, мир духовный и мир вещественный, то они и составляют как бы три области, в коих пребывать должно быть приятно человеку, с коими он должен иметь сочувствие. Каково же оно?

Услаждение Богом и сочувствие с миром Божественным у человека-грешника заглушено и извращено. Вот некоторые признаки того: Бог объемлет человека, носит его силою Своею, питает его щедротами благодати Своей, а он того не чувствует. Следовательно, его сердце для Божественного онемело, замерло, не принимает впечатлений от него; если же не принимает впечатлений и не вкушает его, то не может иметь и влечения к нему, как к неизведанному, не может обнаружить, что ему сладостно пребывать в нем, что оно ему сочувствует; ибо нельзя человеку сказать, что он находит приятность быть в том или другом месте, среди тех или других вещей и лиц, когда он не был там и не видал их. Что такое неведение или безгласность симпатии есть, это очевидно, ибо почти повсюду. Для грешников Божественное есть земля неведомая, и при вопросах они не могут сказать, хорошо ли там или худо, разве только предположительно иной скажет что без убеждения и силы; а скажет ли кто, как там хорошо, об этом и спрашивать нечего. Это первое.

Во-вторых, кто вкусит сладкого, тот не захочет горького. Что сладостнее Божественного? Потому не оно ли должно бы поглощать всего человека, заглушая собою все другие ощущения? Необходимым следствием живого союза с Богом должно бы быть бесстрашие ко всему другому. Сердце есть сосуд: если его весь наполнить Божественным, где место другому чему? Если теперь найдется сердце с сильными пристрастиями к чему не Божественному, то о нем надобно сказать, что оно потеряло сочувствие к сему миру, отделено от него. Сердце же грешника всегда пристрастно к чему-нибудь, потому что страстно. Оно, вообще, любит услаждаться чувственным, греховным; но в нем всегда есть один какой-нибудь предмет, в который оно входит все, в котором пребывает денно и ночью, который раскрашает многообразно в мечтах дневных и сновидениях ночных; есть, то есть, нечто, что заменяет Бога и как истукан стоит в глубине сердца, в самых сокровенных и потаенных его

изгибах, чтобы одним им любоваться. Всякий страстный есть, по существу дела, идолопоклонник.

Наконец, если Божественное неведомо, а напротив, сладостно другое, противоположное, то при встрече образов Божественного человек-грешник должен или быть к ним равнодушным, как к предметам сторонним, или ощущать беспокойство от присутствия их, чувствовать себя здесь как бы не в своем месте, отвращаться и бежать. Отчего грешнику не хочется участвовать в священнодействиях, быть в церкви, слышать пение, смотреть на святые изображения, слушать Слово Божие, читать духовные книги или молитвы? Оттого, что все это для него предметы неприятные, отвращающие от себя; они ему не по сердцу, не принимаются им, не питают его, а мучат. Сердце имеет свойство упругих тел. Как сии при натиске со вне отталкивают предметы, так и оно еще больше отвращает от себя Божественное и само отрывается от него при насильственном соприкосновении с ним. Как вода извергает палку вертикально погруженную в нее, так оно спешит освободиться от того, что входит в него со вне – из другого мира.

Человек же, к Богу обратившийся и принявший Божественную благодать, вместе с тем воспринимает и сродство свое с Божественным, как рожденный от Бога, в Боге и мире Божественном пребывает, будучи, как говорит Макарий Великий, восхищен в оный век. Вкусивши, сколько благ Господь, познал он и сладость, свойственную Божественным вещам. При самом первом обращении к Богу принимает он решительное намерение подавить и искоренить в себе всякое пристрастие и к тому обращает всю внутреннюю свою власть и всю силу, принятую от Бога. Сначала борьба, а потом и свет бесстрастия, или земное небо, как говорит св. Лествичник. Но это уже в последних степенях совершенства. Чтобы воспитать такое расположение, прямо по обращении он окружает себя предметами, отражающими Божественное, и назначает занятия, способные питать духовные чувства, каковы: молитва, богомыслие, богослужение, чтение Слова Божия и проч. Отделивши себя ими от всего земного и внутри силою духа подавляя земные чувства, он мало-помалу успевает отрешиться от всего и приучается вкушать Божественное и в нем предвкушать вечное блаженство. Это и должно иметь в виду при образовании сердца по духу христианской жизни – оживить сочувствие с Божественным, сделать, чтобы человеку было приятно обращаться в мире том, чтобы он был в нем как в своей стихии. Иначе оно причиняет страдание, а не блаженство. Грешнику и в раю мука нестерпимая.

Теперь о сочувствии с миром духовным, то есть с ангелами и людьми

(ибо тело что в человеке?). Что значит страх при появлении святых ангелов, страх сокрушительный, болезненный? Это больше, нежели то, если б они были чужды нам или были иной совсем природы. Где же сродство и сочувствие? И это еще у людей, как опыты показывают (в Ветх. Зав.), хотя воспитываемых в плотских началах, однако ж, по Божию устройению. Людям же грешным они, можно сказать, и не являются затем, что они не вынесут их присутствия. Другой, еще больший признак отчуждения есть неверие в бытие их. Если уже мысль о них не вмещается среди мыслей, то что сказать о сердце, которое еще глубже мыслей? Чему не верит кто, то неприязненно отвергает, то ему не по сердцу. Не должно ли потому в грешниках, по крайней мере некоторых, главных, положить враждование и неприязнь к ангельскому миру, а не только отсутствие сочувствия? И в отношении к людям то, что с первого взгляда всякий почти нам кажется чужим, что от него к нам и от нас к нему несет холодом и потом после на все время остается в нас равнодушие к нему, не означает ли потери симпатии? Редкие исключения из сего не противоречат общему выводу, а напротив, еще больше показывают извращение сочувствия. Бывает мгновенное сочувствие и сроднение с некоторыми лицами без предварительных сношений; но, кроме того что тут часто кроются великие ошибки даже на гибель человеку, оно всегда почти есть плод отражения подобного в подобном. Равнодушие не всеобщее, ибо к некоторым питается пристрастие; но и оно дышит неправдою и ведет всегда к неправде. Сверх того, что значат антипатия и ненависть, по которым одни без всякого повода, другие вследствие взаимных сношений не могут показаться друг другу на глаза; что иное значит это зверство, по коему находят удовольствие в погублении других, как не решительное извращение сочувствия к людям?

Отделившись, таким образом, от сродных себе братии, чем любитесь человек? Где проводит время с удовольствием? Среди чего пребывать ему сладостно? Он там только в своей стихии, где видит отражение своего лица, с радужным его осиянием в вещах ли или лицах, например среди произведений своего ума и деятельности, или среди суетных вещей, коими можно привлечь на себя взоры людей, или среди людей, при посредстве которых может питаться его самодовольство и проч. Видно, что от других он возвратился в себя и себе одному сочувствует.

В человеке, к Богу обратившемся, благодать врачует и сей недуг. В самоотвержении полагается семя ненависти ко всему тому, на чем есть след нашего я; а это не привлекает, а гонит самоотверженного от себя самого. Сначала это бывает не так легко и совершается долее, с насилием,

а потом обращается в естественное как бы чувство. Далее, мера погашения страстей есть мера сроднения его с человечеством и ангелами. Сначала напрягается он думать и чувствовать, что несть Иудей, ни Еллин, несть раб, ни свобод, ни мужеск пол, ни женск, а наконец доходит до того, что подобно Макарию Великому желал бы все человечество обнять единым объятием и считать родным последнего в свете человека. Что касается до его отношения к ангельскому миру, то он живет как бы в нем; бывает, что часто видит ангелов, питается от них, видит их при других, слышит их поющих, и все это с таким восхищением и радостью, что даже положено правилом отличать бесов, преобразившихся в ангела света, от истинных ангелов – по той радости и миру, который остается при сем на душе. Из этого видно, что сочувствие с духовным миром Божественною благодатию вполне восстанавливается в человеке, оставляющем грех и обращающемся к Богу.

Сочувствие с миром вещественным очень живо сознается всяким; особенно сильно оно бывает во время весны и лета как со всею природою, так и более с живою, органическою тварию. Но и здесь уже с первого раза не показывает ли, по крайней мере, его неправильного направления то, что оно одно между другими сильно, тогда как ему следовало бы быть слабее других. Опять, что значит порабощение живых тварей выгодам животной нашей экономии, когда они подвергаются терзаниям и мучениям без всякой жалости? Или это значит привязанность человека исключительно к одному месту и климату, тогда как он, по назначению, мог бы с радостью жить везде? Это – извращения сего сочувствия, а то, что он иногда никаких не имеет чувств в отношении к природе, свидетельствует о его онемении.

Неважно, если у людей, Богу угождающих, остаются подобные явления. Однако ж без труда везде почти, как видно на опыте, прекращаются с их стороны терзания животных и именно по сочувствию; у них видна, без боязни за жизнь, готовность пребывать во всяком месте на земле (Василий Великий), способность чувствовать покой при хладе и зное, тем больше – потребность жить и дышать природой не в угодность плоти (Антоний Великий), радоваться творениям Божиим, с веселием и восхищением ходить среди них. Все это очевиднейшие признаки возвращения или исцеления сочувствия к миру вещественному. При всем том, опять, эта особенность не такая, чтобы о ней можно было жалеть, если б ее и не было. Ибо главное в человеке – дух, а он может поглощать плоть со всеми ее благовидными движениями; к тому же и в самой природе теперь не все так, как бы следовало быть.

б) О сердце как центре сил существа человеческого.

В сердце отражаются своей деятельностью все силы существа человеческого на всех их степенях. Следовательно, в нем должны быть чувства духовные, душевные и животнo-чувственные, которые, впрочем, и по образу своего происхождения, и по своим свойствам так разнятся, что и самую способность чувствовать надобно полагать в трех видах,

в) Сердце как приют и вместилище духовных чувств.

Такие духовные чувства суть те изменения в сердце, кои происходят в нем от созерцания или воздействия на него предметов из духовного мира. Совокупность их можно назвать чувствованиями религиозными.

Так как душа грешная отделена от Бога и мира Божественного, то чувств религиозных в истинном их виде в ней быть не может. Их и нет почти. Это лучше всего видеть из сравнения состояния сих чувств в человеке-грешнике и истинном христианине. Так, неточное чувство зависимости от Бога у первого находится в разных степенях слабости до совершенного исчезновения или даже отвержения: отойди от нас; а у другого оно столько сильно, что он чувствует на себе руку Божию, чувствует, как Он держит его Своею силою. И вера есть чувство. Первый предположительно знает о бытии предметов веры, если не успел погрязнуть в неверие; другой верою живет и утверждает ее царство как свое бытие. И далее, разные, верою изливаемые в сердце чувства из ощущения благодати, правосудия, могущества, промышленности, как то: страх, благоговение, преданность в волю Божию, упование, любовь и другие – уже по тому самому не могут или совсем быть, или быть в силе у первого, что в нем недостает веры – их источника. Они у него суть только мысли и представления, а не ощущения. То же должно сказать о благодарении, славословии и даже молитве. А у второго все сии чувства составляют, можно сказать, естественную стихию, в коей он живет. Вся жизнь его слагается из перехода от одного из сих чувств к другому. Живущему в Боге свойственно быть полну чувствами, истекающими от действия Его на душу. Что сказать о чувствах, в продолжение самого изменения на лучшее происходящих в душе и составляющих естественный его состав и следствие, как то: о сознании своей виновности пред Богом, стыде пред Ним, раскаянии, жаре ревности к богоугождению, чувстве помилования во Христе Иисусе – Господе нашем и спасения ради Его? Это исключительное достояние людей, к Богу обратившихся и Богу работающих. Кто может ощущать сладость того, чего не принял, не вкушал?

Но как на очевиднейшую особенность должно указать на следующие

обстоятельства.

Нельзя сказать, чтобы у грешника не было никаких религиозных чувств; но главный их тон есть чувство отрезающего страха, чувство некоторым образом болезненное, беспокойное, вследствие коего не хотят или даже боятся вознести мысленные свои очи на небо к Богу и ходят, как под прикрытием непроницаемого некоторого свода, в темном богозабвении. В работающем Богу, напротив, главное чувство есть чувство сыновства Богу, чувство прилепляющее, сладостное, всего человека к Богу восхищающее и повергающее его в лоно Его беспредельно благое. О сем чувстве неоднократно и пространно внушают апостолы, ибо они были им преимущественно исполнены.

Затем вся жизнь первого проходит в некоторой безнадежной страшиливости или нерешительности в делах. Уповает он только на очевидное, то есть на прямые способы, какие доставляются наличными силами его и пособиями других лиц, вообще, не на Бога уповает, а на что-нибудь вне Бога. А это, кроме того что означает извращение его религиозности внутренней, его самого содержит среди томительных сомнений, страхований. Другой, напротив, уповая, ходит. Не отказывается и он от естественных средств, но их сила по нему зависит от Бога, и, если есть какой в них недостаток, он не задерживается тем в деятельности, несомненно, просит и получает. Близ Господь, Который сказал: «все, что попросите с ...верою, примите» (Мф. 21:22). Это свойство особенно раскрыто св. Исааком Сирианом в словах о трех степенях разума.

г) Сердце какместилище душевных чувств.

Чувства душевные суть те движения сердца, кои происходят в нем вследствие изменений, происходящих в душе от свойственной ей деятельности. Они разделяются на теоретические, практические и эстетические, поколику, то есть, происходят от воздействия рассудка и воли или суть следствия вращения сердца в себе самом, или в своей благодати.

Теоретические чувства рождаются из отношения сердца к познаваемым истинам. Здесь потребность знать рассудок возбуждается к деятельности, а потом, в конце своих трудов, плод их слагает в сердце. Первое есть любознательность, последнее – чувство истины в разных степенях. Сюда относятся разные степени убеждения и разные виды неубеждения, как то: несомненность, сомнение, вероятие, неверие, отвержение, недоумение и проч. Уже с первого раза видны различия в сем отношении, ибо кто томится неверием, или сомнением, или упорствует в отвержении истины? Человек, отпавший от Бога, Который есть истина.

Притом до познания ли истины ему, когда он обложен суетами? Такого, даже если он трудится над науками, можно подозревать, искренне ли его любознание? По любви ли к истине все у него делается, или *ex officio* и по каким-нибудь сторонним побуждениям? Как мало, сверх того, у него вкуса к истине, умения и желания наслаждаться ею – видно из свойственной ему лености, бегания умственного труда, владычества в нем воображения, легкомыслия. Особенно надобно обратить внимание на силу убеждения в истине. Убеждение есть следствие проникновения сердца истиною. Сердце, пребывающее во лжи, не пустит в себя истины. Итак, бывают ли у грешника несомненные убеждения в истине? Нет, по крайней мере, смотря на неоднократные опыты, как один и тот же легко перебегает от одних начал к другим, можно подозревать его в том. Притом где же плод убеждения, если оно есть? И опять, что значит, что у человека, отшатнувшегося с доброго пути, на коем был, тотчас выпадают из сердца очень многие убеждения, и он никак не может воспроизвести их в себе, пока не возвратится на прежний путь? Также недостаток ревности стоять за истину от чего другого, как не от слабости убеждения? Из таких фактов можно вообще вывести заключение, что у грешников или мало, или совсем нет несомненных убеждений.

Совсем другое у тех, кои от тьмы греха обратились к свету Божию. Жажда истины, можно сказать, первая у них жажда; у них Слово Божие непрестанно в устах и мысли. Сладость истины кто знает, как не они, когда живут в истине? Исчадий неверия и сомнения у них нет, а напротив, сила убеждения срастается с их бытием, отчего знаемое тотчас переходит в дело, и за истину они готовы отдать самую жизнь и отдают, когда нужно.

Приложим еще одно замечание. Чувство истины – способность сердцем, без пособий сторонних, узнавать истинный порядок вещей, истинные их свойства – свойственная природе человека способность удивительная у первого заглушена совершенно, у второго же оживает, усиливается и наконец является во всей своей силе. Так, по одному чутью узнают брата, врага, друга, сыновей, нужное лицо и то, как в каком случае поступить.

Чувства практические суть те движения сердца, кои состоят в существенной связи с деятельностью воли и то возбуждают ее, то сами последуют за нею. Их, можно сказать, два рода: чувства самости (эгоистические), приятные и неприятные, и разного вида расположения к людям, добрые и недобрые (чувства симпатические). Первого рода суть самодовольство или самопрезрение, самовозношение, самоуничижение, надменность, спесь и проч. Второго – равнодушие, из которого, с одной

стороны, уважение, соревнование, сорадование, соболезнование, сожаление, признательность, дружба и проч., с другой – зависть, злорадство, месть, ненависть, вражда, презрение, осуждение и проч. Впрочем, всякое вообще настроение духа постоянное оставляет след в душе глубокий, почему отзывается в сердце чувством одобрительным, если настроение хорошо; неодобрительным, если оно худо. Теперь с первого раза уже видно, каковы должны быть сии чувства у добрых христиан и у недобрых грешников. У первых должно положить все чувства добрые с самого начала их пути если не во всем совершенстве, то в семени. Трудом и подвигом они высвобождают добрые чувства из уз эгоизма, очищают и насаждают их в сердце. Апостол говорит им: «облекитесь... во утробы щедрот, благость, милосердие, ...кротость» (Кол. 3:12) – и проч. Одежда же духа есть осеняющее его чувство. Что касается до чувств эгоистических, то нельзя сказать, чтобы они не возникали, особенно сначала; но им не дается силы, устанавливается противодействие им, принимаются средства к изгнанию их, и действительно они изгоняются из души всякий раз, как возникают. Подвиги, труды, молитвы наконец подавляют их и на место их напечатлевают противоположные им чувства. Все дело состоит в том, чтобы внедрить в сердце добрые чувства, ибо что есть в сердце, то есть пред Богом.

У беспечного грешника нет такого разделения. Как он свою жизнь предал обыкновенному течению, то и чувства у него, и добрые, и злые, развиваются и укореняются в сердце вместе, без его ведома, и составляют смесь иногда очень странную. Они исторгаются из его сердца при случае сами собою, без чина и порядка. Как ревности о чистоте чувств сердечных у него нет, то он и не напрягается дать перевес чувствам добрым, а оставляет их самим себе и большею частью искажает пристрастиями и страстями. Судя по сему, нравственная цена их ничтожна. Напротив, чувства эгоистические у него глубоко лежат в сердце и там устрояют себе жилище постоянное. Можно сказать, нет минуты, в которую он не имел бы на душе или самодовольства, или, если нет ему пищи, досады на себя и проч. Это случайность, если они когда-либо заглушаются в сердце, что большей, впрочем, частью бывает от прилива естественных симпатических чувств к родным и приятелям.

Есть еще между практическими чувствами особенная способность, с одной стороны ощущать сладость добра очевидного, с другой – сердцем узнавать доброту сокровенную, без внешних пособий. То и другое, поколику означает совершенство духа, не может быть в грешном сердце в своей чистоте, а разве только в слабых оттенках или легких соуслаждениях

закону. У доброго христианина сия способность является во всей силе. Кто лучше его может осязать красоту добродетели? Доброту же и худобу поступков и сердец других он узнает нередко по непосредственному осязанию духовному.

Эстетические чувства суть те движения сердца, кои происходят в нем от действия на него особенного рода предметов, называемых изящными, или прекрасными. Здесь сердце наслаждается предметом потому только, что он сам по себе хорош, нравится и услаждает без особенных его отношений к личным нашим интересам. Сила, лежащая в основании сих чувствований, называется вкусом. Разнообразие чувств в нем зависит от свойства предметов, но определять их и различать одно от другого очень трудно; посему они и имена свои получают от предметов и суть чувства изящного, высокого и проч. Опять, есть свои оттенки в чувстве красоты картины, статуи и проч. Изящным, вообще, называют удачное и разительное выражение в чувственной форме чего-нибудь духовного, то есть мысли, чувства, добродетели, страсти. Очевидно, что внешнее здесь малозначительно, и главное – внутреннее, то, что выражается. По различию сего внутреннего содержания должно различать и вкусы. Их два вида: один – истинный, любящий надлежащее содержание изящного, другой – ложный и извращенный, любящий ненадлежащее его содержание. Теперь вопрос: какое надлежащее и какое ненадлежащее содержание изящного?

Что такое идея, или чувство изящного? Оно есть или воспоминание о потерянном рае, или предощущение будущего Небесного Царствия. Если изящные предметы строятся под руководством сего чувства, то вот и источник содержания для них! Изображай райское, святое, небесное. Эту землю плачевную преврати в преддверие неба твоим искусством. Если человека повсюду окружают предметы земные, ради коих он может забывать о небе – своем отечестве, то окружи его такими искусственными произведениями, которые напоминали бы ему о нем подобно тому, как иные, живя в чужой стране, окружают себя изображениями своего города, дома, родителей и проч. Мир, творение Божие, преисполнен отражениями Божественных свойств, но там они в такой широте и необъятности: собери их в малый объем и представь умному взору человека слабого в картине или музыке. Опять, что должен человек образовать в душе своей в жизни сей? Святые и небесные расположения. Дай же ему в помощь и внешний лик сих расположений, чтобы тем успешнее он мог внедрить их в себе. Из всего этого видно, что главным содержанием изящного должны быть предметы мира духовного. Само собою разумеется, что им должна

соответствовать и внешняя форма. Если теперь изображаются страсти и преимущественно плотские, изображаются в свойственном им бесстыдстве и приманчивых видах, или если изображаются и добрые предметы, но в формах недостойных их: в таком случае изящное извращается. Теперь легко судить об истинном и ложном вкусе: истинный вкус наслаждается предметами, выражающими мир духовный, нравственный, Божественный; извращенный вкус любит наслаждаться предметами, изображающими страсти или вообще оттененными страстью и питающими ее.

Как теперь должен быть извращен вкус у грешника, видно из настроения его души, которая в нем исполнена страстей и предана похотям. Он не найдет красоты в духовном. Не без удовольствия иногда смотрит он и на картины духовные, но только если они оттенены по его духу, равно и пение церковное готов слушать, но если оно имеет мотивы страстные. Ему везде скучно, где не встречает он предметов одного с ним духа. И, напротив, как цел вкус у живущего по духу Христову! Как в себе, так и во вне он не любит видеть и тени страстей, преследует их и гнушается ими. С другой стороны, как внутри напрягается он чувствовать свято, так и во вне любит смотреть только на предметы святые и, коль скоро встретит их, один почти умеет оценить все их достоинство и все совершенство.

Таким образом, грех извращает и предметы изящные, и самый вкус; напротив, христианство и изящное восстанавливает, и вкус врачует. Как в познании худое направление рассудка извращает разум, худое направление воли извращает совесть, так здесь худое направление вкуса извращает духовные чувства.

д) О низших, чувственно-животных чувствах.

К чувствам, стоящим на низшей степени, относятся скорые волнения или поражения сердца (*affectus*), погашающие самодеятельность рассудка и воли и сопровождающиеся особенными изменениями в теле. Большой частью сии волнения, происходя в низшей части, суть следствия нечаянного встревожения эгоистического животолюбия, при обстоятельствах ему благоприятных или неблагоприятных. Потому иногда их все относят к животнo-чувственной части человека. Их разделяют по разрушительным действиям на высшие силы человека. Так, одни погашают ясность сознания, как-то: удивление, изумление, увлечение внимания, испуг; другие подрывают волю, как-то: страх, гнев, ретивость; третьи наконец терзают самое сердце, которое то радуется и веселится, то скучает, скорбит, досадует и завидует, то надеется и отчаивается, то

стыдится и раскаивается или даже попусту мятется мнительностью. Можно судить по одним именам их, какие это злодеи для человека, тем больше такими их должно признать, судя по действиям. Они возвышаются на счет собственно человеческих свойств – сознания и самодеятельности, а следствием своим всегда почти имеют неестественное состояние тела. Это – болезненные потрясения всего человеческого существа. Уже это одно должно наводить на мысль, что им хорошее место только в человеке-грешнике. Болезни должно отнести туда, где есть источник болезней. И действительно, тогда как в грешнике высшие духовные чувства заглушены, а душевные извращены, низшие свирепствуют в нем во всей своей силе. Этому способствуют потеря власти над собою, предание себя общему влечению обстоятельств, неуправление ни внешним своим, ни внутренним, составляющие постоянное свойство грешного человека. Кроме того, расстроенное состояние рассудка и воли, без того слабых, подвергает их легко власти сих нечаянных поражений и волнений. Наконец, владычество буйного воображения, мятущего внимание, возмущающего желания, легко волнует и сердце. Грешник как бы неизбежно в непрестанных тревогах. Нет в нем силы, которая бы защитила его от их злого влияния. То страх, то радость, то тоска, то стыд, то огорчение, то зависть или другое что непрерывно мятут и уязвляют душу его. Жизнь грешника есть путь по колючим тернам, несмотря на внешнюю светлую обстановку. Напрасно придумывают некоторые механические средства против страстей или толкуют о середине безопасной. Нет спасения от них без исцеления всего духа человеческого, ибо они суть свидетельства и следствия расстройства нашего существа. Возврати целостность существу – и прекратятся злые страсти.

В христианстве истинном возвращается сия целостность действием благодати Божией, которая, пришедши, погашает и страсти. Христианин, идущий путем своим как следует, достигает наконец сладостного покоя и мира невозмущаемого, твердого, который не колеблется бурей страстей. Есть и здесь печаль, но не та; есть и радость, но иного рода; есть и гнев, и страх, и стыд, и другие движения, похожие по имени на страсти, но существо их совсем другое, другой их источник; они даже происходят от другой силы, ибо отражаются в сердце от духа, а не от животной части. Напрасно говорится так: не должно искоренять страсти, а должно только умерять их. Это то же, что говорить: не надо сердца поражать ядовитой стрелой насквозь, а только на поверхности. Нет, ревностный любитель нравственной чистоты с помощью Божией благодати борется с сими исчадиями зла, подавляет их и наконец совсем успевает погашать. Это

свидетельствуют правила подвизавшихся и изображение состояния совершенных, какое можно находить у святых. Так и должно, ибо в самоотвержении истинивается самость и полагается намерение истинить и животность. Следовательно, опоры страстей подрываются в самом начале. Как же после устоять самые страсти? Говорят: если так, то в душе останется холодная безжизненность, дикая пустыня. Так – в душе какого-нибудь стойка, но не христианина облагодатствованного. Таким можно сказать: заглуши только страсти христианским путем, а что там будет, сам узнаешь; но знай, что это не будет пустыня.

Таким образом, и в чувствующих силах истинный христианин и человек-грешник совершенно противоположны. У того высшие чувства во всей силе, чувства душевные служат продолжением их или приложением к быту действительному, низшие – погашаются. У последнего, напротив, последние – в силе, высшие – погашены, средние – извращены. То же, следовательно, во всех силах внутреннего нашего мира. Где у одного голова, там у другого ноги. Один весь в Боге и живет духом, с умерщвлением низшей части и подчинением себе средней; другой – вне Бога, в чувственно-животном мире, живет фантазией, мятется желанием, поражается страстями с погашением духа и низвращением душевной деятельности.

4) Отношение к телу

Резче всего, очевиднее и нагляднее отличие истинного христианина от человека, преданного греху, выражается в том, как поступают они с телом своим. Возьмите житие какого угодно святого и найдете, что начало его обращения к Богу или первые действия богоугождения означаются умучением, истомлением и истощанием плоти. Человек же, живущий во грехе, пространно питает и греет плоть свою и не может принять смелости отказать ей в чем-нибудь или ее чем-нибудь озлобить. Таков общий вид отношения к телу у того и другого. В полной картине оно таково.

Тело есть ближайшее орудие души и единственный способ обнаружения ее во вне в настоящем мире. Это первоначальное его назначение. Посему самым устройством оно совершенно приспособлено к силам души. При всем том, однако ж, тело все же есть нечто внешнее для души, нечто такое, что она должна отделять от себя и, почитая своим, не сливать с собою.

Когда человек пал, душа расслабела, потеряла власть над собою, ниспала в плоть и слилась с нею, слилась до того, что как бы и сознать себя стала не иначе как в плоти и через плоть. Когда произошло такое слияние сознания с плотью, неминуемым следствием сего было сознание

своими и всех потребностей тела, и всех инстинктуальных влечений, •возникающих в животной жизни, а вместе – забвение потребностей духа, ибо плоть и плотское осязаемое. Лишь только потребности тела сочтены своими, надлежало их удовлетворять с заботою, не заботясь о духе. Частое удовлетворение рождало склонность плотскую и погашало соответственное по противоположности совершенство духа. Так как инстинктуальных влечений у нас столько, сколько есть отправления в теле, а этих последних можно считать, главным образом, пять, именно: отправление органов чувств, движения, слова, питания и половых – то по сим последним можно расположить и самые склонности, образующиеся в душе от неразумного удовлетворения их требований. Так –

Органы чувств дают инстинкт, или потребность употребления их. Удовлетворение сей потребности рождает следующие склонности: жажду впечатлений, глазерство, услаждение чувств, рассеянность. Эти склонности, окрепши, уничтожают в духе внимание и самособранность.

Из органов движения развивается потребность движения, а из нее потом – склонность к независимой деятельности, желание внешней свободы, своеволие, разгульность. Ими отнимается свобода у духа.

У органов слова есть потребность, чтобы их приводили в движение, или раздражали. Отсюда болтливость, смехотворство, празднословие, шутки. Они налагают молчание на внутреннее слово духа – молитву.

Из инстинкта питания развиваются сластолюбие, нега, обжорство, лень, праздность. Это отнимает всякое движение духовной деятельности.

Вследствие недолжного удовлетворения половых отправления происходят: желание нравиться, щегольство, волокитство и самые страсти бесчестия. Они отнимают свойственные духу чистоту и бесстрашие.

Все это тотчас найдет и сознает в себе всякий беспристрастный наблюдатель за собою, тем больше – человек, обративший на себя взоры под действием Божией благодати. Он ясно видит и чувствует, что обложен, как узами, плотскими страстями и склонностями, которые не дают свободы его духу действовать соответственно своей природе, а приникая ближе, находит, что они от плоти и именно – от неразумного удовлетворения ее потребностей. Решившись исправиться во всем и, следовательно, возратить свойственную духу свободу, он и хотел бы ограничить сии потребности благоразумной мерою их удовлетворения, например, умеренной пищею, сном и проч.; но образовавшиеся склонности до того сроднились, или в такую чувствительную пришли связь с органами своими, что легкое движение сих органов приводит в

силу склонность и злодействует духу; например, от легкого движения чувств – расхищение мыслей и потеря самособранности, от употребления пищи вдоволь – холодность духа и вялость и проч. Посему с первого раза он полагает для себя законом – связать органы тела, чтобы не возбуждались ими образовавшиеся через них склонности и дух имел свободу восстанавливать свойственные себе совершенства. Так налагаются узы на органы чувств – через уединение, чтобы утвердить и сохранить внимание и самособранность, в коей сила духа;

на движение – через регулярный труд и послушание, чтобы восстановить в духе свободу;

на органы слова – молчанием, чтобы воскресить внутреннее слово, или возношение ума к Богу, в молитве;

на органы питания – постом, неспанием, долулеганием, чтобы сохранить живость в духе;

на органы половые – целомудрием и безбрачием, чтобы водворить в себе бесстрастие.

Вот основание, почему святые Божий, все без исключения, проходили жестокое житие! Без сего нельзя очистить духа, нельзя восстановить его и явить во всей свойственной ему силе. Это необходимый путь к его свободе. Только по мере истомления плоти он высвобождается из нее. Посему, кто льстит себя надеждою достигать совершенства в духе без сурового обхождения с телом, тот походит на того, кто бы хотел носить воду решетом, или ловить ветер руками, или писать слова на воде. Это – напрасный и неразумный труд, в коем стяжаемое в одну минуту расточается в другую. У святых Божиих тело действительно становилось орудием для высших целей. Они через трение тела оттирали онемелый дух. Замечательно в сем отношении, что они тело, или животную жизнь, считали как бы лицом сторонним, почему, отходя ко сну, говорили: поди, осел... это значит, что тело у них отделялось от их личности и сорастворение сознания с ним прекращалось.

Как очевидна теперь необходимость тесного, скорбного и крестного пути ко спасению! Мы встречаем ее на всех степенях своей жизни. Тело должно стеснить телесными подвигами: иначе бесполезны все труды. Следующую за ним внутри деятельность воображения, пожеланий и страстей – эту мятущуюся беспорядочную деятельность – должно подавить внутреннею напряженною бдительностью. Стоящую выше сего деятельность душевных сил должно исправить душевными трудами: чтением и рассуждением, добрыми делами и богослужением. Наконец, восстановить или воспитать дух надо богомыслием, молитвою,

приобщением таинств. Все это трудные, потовые занятия! Следовательно, неотъемлемый характер жизни истинно христианской есть трудничество, подвижничество, потовое и напряженное делание.

Этим заключается обозрение начал христианской жизни и деятельности. Теперь очевидно, что естественные начала нравственной жизни, обессиленные и ослабленные в падении, восстанавливаются Божественною благодатию в царстве Господа нашего Иисуса Христа. В сем благодатном действии человек разделяется на себя, или в человеке отделяется свет от тьмы. С продолжением времени тьма слабеет, свет возрастает и возвышается, а по мере своего усиления прогоняет тьму, коей область может сократиться в едва заметный объем. Человек приходит «к меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4:13).

«Сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочий языцы ходят в суете ума их, – помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество суще в них, за окаменение сердец их. Иже в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию в делание всякия нечистоты в лихоимании. Вы же не тако познаете Христа: Аще слышасте Его и о Нем научистесь, яко есть истина о Иисусе: отложить вам, по первому житию, ветхаго человека, тлеющего в похотех прелестных: обновлятися же духом ума вашего, и облещися в новаго человека, созданнаго по Богу в правде и преподобии истины» (Еф. 4:17–24).

Часть вторая. Истинно христианская жизнь в действии

IV. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина, как христианина

Истинно христианская жизнь в действии здесь изображается христианская жизнь, как ей следует быть, и указываются правила, коим следовать должен христианин, чтобы она действительно была такою. Правилами для жизни христианина служат заповеди Христа Господа, какие исполнять дает он обет и обязуется при крещении. Таких правил, или заповедей, два вида: одни определяют, как должен действовать христианин как христианин, в каком бы положении и в каких бы отношениях ни находился; а другие указывают, как христианин должен жить и действовать в разных положениях и отношениях, в каких приходится ему быть в продолжение настоящей жизни.

Эти последние суть не что иное, как приложение первых к внешнему быту христианина. Итак, эта вторая часть имеет два отдела.

Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина, как христианина

Издавна принято распределять такие правила по трем отношениям: к Богу, к ближним и к себе самому.

Первыми указывается, с какими мыслями, чувствами и расположениями должен христианин обращаться к Богу и как служить Ему.

Вторыми определяется образ взаимных внутренних и внешних отношений христиан с христианами как членов единого тела Церкви, долженствующих состоять в живом союзе.

Третьими изображается, как христианин должен действовать на самого себя, чтобы иметь возможность как следует держать себя в первых двух отношениях.

Эти три ряда заповедей и правил не разделены непреходимым средостением и при исполнении неотложно влияют одни на другие; ибо все христиане едино суть тело под главою Христом, через Коего оно состоит в союзе с Троицким Богом. Как в теле ни один член не действует с отособлением от других, но и к главе, и к прочим членам хранит должное отношение, так это должно быть и в живом теле христиан.

Указав это, мы, думается, не погрешим, если не станем распределять

правила и заповеди по сказанным рубрикам; а, положив в основу первую заповедь, будем потом излагать правила жизни, как одни положения будут вызываемы другими, последующие – предыдущими.

Начало всех заповедей: «Аз есмь Господь Бог твой; ...да не будут тебе бози инии, разве Мене», говорит Господь Бог (Исх. 20:2–3). Сею заповедью налагаются на нас две обязанности: знать Бога и почитать Его, или, что то же, предписываются вера и благочестие. Верую и благочестием обнимаются все обязательные для нас расположения и дела в отношении к Богу.

11. Вера – глава всего

1) Обязанности веры

Под словом вера здесь разумеется исповедание, или выраженный определенным образом в понятиях и словах образ богопознания и богопочтения.

а) Первая здесь обязанность есть иметь веру, или религию, то есть знать определенным образом Бога и образ Его почитания, или свое к Нему отношение, или еще содержать исповедание... Сия обязанность – первая непосредственно известная, не столько даже предписываемая, сколько сама себя выказывающая; ибо такова природа духа человеческого, что он, естественно, и требует Бога, и ищет Его, и поставляет себя к Нему в отношения, какие считает законными. Потому можно сказать, что она есть семя и зародыш всех обязанностей, как равно всей религиозно-нравственной жизни человека. Кто не имеет никакой веры, тот есть человек поганый. Нет у него образа там, где бы следовало быть ему во святилище духа; ибо религия есть святыня, освящающая всю природу нашу, равно как отсутствие ее искажает и низвращает ее. Св. Исаак Сирианин замечает в человеке три состояния: одно, естественное, в коем человек по природе духа своего знает Бога и Его боится. Из сего состояния он, по известным условиям, восходит в другое, вышестественное, или благодатное состояние. Третье состояние образуется из погружения человека в чувственность, или плоть, при чем погасает у него свет духа и попирается плотскими вожделениями. Человек нисходит на степень животных, «прилагается скотам несмысленным и уподобляется им» (Пс. 48:13). С таким человеком и жить нельзя. Ибо чем его остепенить, когда рассвирепеет? Потому сюда, собственно, должно отнести общеупотребительные выражения: Бога не знает, Бога не боится, чтобы означить, что с таким человеком дела иметь никакого нельзя.

б) Обязанность иметь веру еще не определение самой веры. Потому к сему должно еще прибавить, что человек обязан иметь не какую-нибудь веру, как бы всякую, без различия, а именно одну, определенную – единую истинную веру. Ибо если Бог един есть и неизменен, и человеческая природа одна есть, или единосвойственна, то и отношение между Богом и человеком истинное может быть только одно, а потому и выражение сего отношения, или исповедание истинное, есть едино. Сие-то единое и должно содержать человеку. Иначе что он будет содержать? Ложь, призраки, мечтания. А в этом какое достоинство? Это то же, что бедный и

ничего не имеющий, которому, однако ж, во сне мечтается, будто он обладает несчетными сокровищами. Ложная религия есть посмеяние над человеками. Ложно исповедающий то же, что сумасшедший, который бурлит, потому что ему видится то и то. Но беда этим не ограничивается. Тут кроется обман не простой, не такой то есть, какой разрешается смехом, а жалостный, терзающий, отчаянный; ибо в религии все чают найти окончательное свое успокоение и вечное свое облаженствование. В сей уверенности всякий крепко держит свою веру и дорожит ею. Но известно, что прикровенность лжи возможна только здесь; по смерти тотчас откроется, как прочно то, на чем кто основывал свою надежду... Какое же, ужасающее и раздирающее будет состояние того, кто увидит тогда, что он был обманут. Потому, пока есть время, пока еще мы на пути к решительной и неизменной вечности, –

в) Всякому должно испытать и несомненно увериться, истинна ли та вера, которой он держится, и если она окажется неистинной, отыскать, где та единая, истинная, которая истинно ведет к истинному Богу и дарует, несомненно, вечное спасение. Это так обязательно и понудительно, как похищать себя из огня... Господь «не освидетельствована Себе оставил» (Деян. 14:17), а равно и единой Своей истинной веры; но когда Он попустил, чтобы близ нее на сей земле существовали другие веры и как бы вступали с нею в соперничество, то тем самым на всех наложил обязательство не без смысла держаться веры Его, а по несокрушимым основаниям, ради которых с полным убеждением отвергается все прочее. Сим испытанием воздается честь вере и удерживается истинное достоинство человека, лица разумного, сознательного, совестного. Вера наша в нашу веру, то есть убеждение в истине православного христианского исповедания должна быть разумная. Посему Господь, чтобы расположить к вере в Себя и Свое учение, говорил: «испытайте Писания» (Ин. 5:39), убеждал к тому проповедью Иоанна Крестителя и Своими чудесами. Апостолы в проповеди тоже всех убеждали и только одним убеждением привлекали к вере, а не насилием. Самая твердость исповедания зависит от сего убеждения, а далее и вся жизнь в духе своей веры. На это указывают бесчисленные опыты, из коих видно, как сильно иные возбуждаются к сообразной с верою деятельности с минуты сознания ее истинности единственной, и, напротив, как многие спят в беспечности от того, что не привели в ясность сего сознания. Столько оснований к тому, чтобы испытать и увериться, какая вера есть вера истинная!

Как увериться и каким путем испытать! К сему два способа: один – внешний, научный, а другой – внутренний, путь веры. Первый

предлагается обыкновенно в систематическом изложении богословия. Он действителен и для ученых существенно необходим; но, очевидно, не всеобщ, ибо в основании своем содержит знания, не для всех доступные. При всем том надлежало бы сии научные доводы со всею широтою, и ясностию, и убедительностию изложить и отдать во всеобщее употребление с речательством за силу их непреложного авторитета, чтобы всякий способный разуместь уразумевал сим путем истину. Нельзя, впрочем, не видеть, что сей путь очень, очень долог и труден, и, что особенно замечательно, помещаясь в голове, оставляет сердце самому себе, своему своенравию и свободе. Путь веры искреннее, внутреннее, живее, многоплоднее и общедоступнее. Это молитва к единому истинному Богу о вразумлении. Есть Бог истинный. Он сказал волю Свою нам в наше спасение, с желанием, чтобы она была понята и выполнена. Теперь мудрованиями людскими она скрыта, или запутана до того, что тот или другой не имеет достаточно сил найти исход из сего лабиринта. Когда в чувстве сей кровной нужды с воплем, стенанием, болезнию сердечною обратится кто к Богу, истинному Отцу всех человеков, Богу, желающему, чтобы вера Его была действительною, – может ли быть, чтобы Он не дал такому решительного указания к убеждению в истине ее? Он вранов кричащих питает, по молитве посылает дождь в жажду плоти нашей... а человеку и еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, как прославлять Бога, будто Он не укажет источника для утоления сей жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушение Бога, хотя может быть превращена в него, когда кто неискренно, из одного любопытства, желал бы таких знаков. Примеры убеждения в вере сим путем почти повсюдны. Корнилий, сотник, испросил себе веру... Множество было таких, кои приходили к пустынным вопрошать о вере, а они вместо всех доводов заставляли их молиться, и Бог открывал им истину, например, святой великомученице Екатерине. В смутные времена ересей Бог воздвигал людей с отличною святостию, облакал их силою чудодейственною и ставил в виду всех, как свечи на свещнице, – да светят всем; как они были сосуды веры и силы Божией, то и служили для всех сомнящихся решительными указателями истины. Все ожидали или желали знать, как исповедует тот и тот святой муж, и держались его исповедания. Бывало, что влагали в руки нетленных людей хартии с изображением исповедания, молились исправить неправое и получали по молитве. Но что слишком и напрягаться сие доказывать? Господь сказал, что все можно получить у Бога, молясь Ему с верою, тем больше, молясь о вере, начале и источнике всего. Он Сам в Своей последней молитве что говорит ко Отцу

Своему? «Святи их во истину» (Ин. 17:17), это апостолов, а в лице их и всякого верующего. Даже то несомненно, что как истинная вера по самому происхождению своему есть чудодейственная, то сии чудодейственные свидетельства должны в ней и для ней пребывать непрерывно. Они и пребывают. Один говорил о себе: когда я смотрю на сии нетленные останки, источающие целебную Божественную силу, и помышляю, что дух, освятивший сие тело, исповедал именно ту веру, которую я содержу, то у меня исчезает всякое сомнение, которое иногда навевает враг истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать нам такой решительный и вместе такой доступный способ убеждения в истине святой веры. В самом деле так. Потому мощи современны христианству и в нем непрерывны и повсюдны... У нас в России они есть во всех пределах и в таком количестве! На западе они прекратились вместе с отделением его от востока и отпадением от истины, а о новых, образовавшихся от папства исповеданиях и говорить нечего. Так вот где успокоительная проповедь об истине веры!.. Но блаженнее из всех тот, кто вместе с Иеронимом Греческим может сказать: «Истинна вера, исповедуемая мною, ибо ею я сподобился приять Божественную некоторую силу, действующую во мне ощутительно. И язычники имеют писания, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговедение, и некоторые добрые дела, и праздники, и применение одежд, и молитвы, и всенощные бдения, и священников, и много другого; но сей сокровенной в сердце христианина благодати и действия Святого Духа никто в целом свете не получает, а получают верою только одни правильно крестившиеся в Отца, Сына и Святого Духа» («Христ. чт.», 1821). Так вот прямейший путь к открытию истинной веры, именно: вера же, молитва, непрерывность чудодейственности в Церкви и особенно внутренняя сила, доставляемая в вере.

Посмотри всяк вокруг себя и увидишь, что все искренно верующие веруют по сим основаниям, а не по научным... Почитай если хочешь, и научные основания веры в каком-либо Православном Богословии. Но сердечные сильнее и сподручнее.

2) Обязанности к вере

То, что сказано, надо назвать обязанностями веры, именно: иметь веру и притом веру единую, истинную, с несомненным убеждением, что она есть точно истинная. Коль скоро узнана вера истинная, тотчас начинается другой ряд обязанностей, именно: обязанности к вере, или к православно-христианскому исповеданию.

а) Первая и основная здесь обязанность есть всецелая покорность вере

истинной. Вера сия идет от Бога, есть Его царский указ к нам, подданным, открыта нам с желанием, чтобы мы приняли ее и спасались ею. Потому кто не покоряется ей, противится Богу, творит грех хулы на Духа Святого. «Жестоковъйнии, – укоряет святой Стефан иудеев, – вы присно Духу Святому противитесь» (Деян. 7:51). Апостолы были посланы на проповедь «в послушание веры во всех языцех» (Рим. 1:5) и всем говорили: вот вы были в заблуждении и ходили в нечестии; ныне Бог презирает сии времена неведения и через нас «повелевает ...всем всюду покаяться, ...веру подавая всем» (Деян. 17:30–31). Довольно уже жили в «богомерзких идолослужениях», пора покориться Богу и «воле Божией, прочее во плоти жити время» (1Пет. 4:2–3).

Послушание вере требует связать разум и обязать его на все беспрекословно соглашаться, что ни проповедует вера. Но разум-то более всего и противится сей покорности. Жестока выяз у неверующего от упорства разума. Не вижу, говорит, не понимаю: как могу согласиться? "Еллини, – говорит апостол Павел, – премудрости ищут, мы же проповедуем Христа распятого» (1Кор. 1:22–23). Так как «мир не разуме премудростию Бога, то теперь Бог спасает всех буйством проповеди» (1Кор. 1:21), хочет, чтобы все шли к своему назначению в примраке веры, чтобы исповедующий веру на всякий вопрос, почему он то и то исповедует, готовее был сказать: потому что так Бог повелел, нежели как любомудрствовать: потому и потому. К непокорливым справедливо можно отнесть угрозы Бога за отвержение премудрости: «понеже звах, и не послушасте, и простирах словеса, и не внимасте: ...убо и аз вашей гибели посмеюся» (Притч. 1:24–31). Преосвященный Тихон говорит: «То и есть вера – безмолвная покорность глаголющему Богу» (т. 7). Пытливость есть разорение веры. Кто с непокорливым и своенравным умом входит в область веры, тот тать есть и разбойник... Сними оружие ума своего, как делают воины при входе в церковь. И ангелы стоят пред престолом Божиим, закрываяще лица свои, а ты хочешь все зреть... Бог явил сокровеннейшую премудрость; благодарно и послушно прими, говоря: я молчаливый раб сей веры.

б) Когда такую покорностию положено прочное основание, надлежит назидать на нем все здание веры. Изречено решительное и молчаливое согласие на все, что содержит вера; теперь следует самым делом воспринять сие содержание, чтобы знать свою веру. Иначе что такое выйдет – иметь веру и не знать ее, не знать, во что веруешь! Это есть оскорбление и веры, и себя. Если вера истинна, почему не ревнуешь обогатиться истиною? Если в ней твое благо, зачем лишаешь себя его? Как

не стыдно оставаться в таком усыплении? И что скажешь вопрошаемому об уповании? Да при этом и вера не вера. Вера есть совокупность истин и здравых о всем понятий. Какая же вера у того, кто их не знает? Господь говорит: «се же есть живот вечный, да знают тебе единого ...Бога, и егоже послал еси Иисус Христа» (Ин. 17:3). «И несть иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает нам спастися», прибавляет апостол (Деян. 4:12). Из сего видно, что содержание веры не просто есть богатство благодати, а вместе и условие спасения. Не знающий его уже находится в опасности. Оно во всем своем составе и в частях есть врачевство; но больному надобно принять врачевство и уподобить его себе, чтобы сделаться причастным его врачевной силы. Так и все исповедуемое верою должно понять и принять, чтобы врачевать немощи духа. Афанасий Великий так говорит: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру, еяже аще кто целы и непорочны не соблюдет, кроме всякого недоумения, во веки погибнет (см. Символ Афан. Вел. в Псалтири).

Чтобы все сюда относящееся было яснее для вас, предлагается несколько вопросов с решениями.

Что значит познать свою веру! Значит – довести себя до состояния ясно, точно и определенно созерцать и высказывать те истины, которые содержит святая православная вера; быть способным «дать ответ» всякому, как учит апостол (1Пет. 3:15). «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. 11:1). Сделать надобно, чтобы сии невидимые вещи действительно получили в нас свойственный им облик, получили имя, были ведомы, как принесенная весть. Не то это значит, что должно разгадывать тайны: нет, тайны навсегда останутся тайнами, сколько бы ни напрягался кто раскрыть их. Но, хотя непонятно существо предмета и сокрыты основания, усвой и содержи его так, как учение о нем содержится – точными и определенными словами. Словом познавать означает не мудрование, а смиренное и беспрекословное принятие уроков святой веры.

Что надо узнавать! Все, что содержит святая вера. Когда говорится все, уничтожается различие и предметов, и способов познания, и источников учения. Все стороннее должно быть отнесено за пределы кругозора умственного и устранено из внимания; в мысли должен оставаться один образ исповедуемого, который и пусть наполняет ее во всем ее пространстве. Предметы веры размещаются в голове, как они размещены в исповедании, и созерцатель их прикасается вниманием к каждому из них, как наблюдатель богатого сада не пропустит ни одного

цветка, чтобы не осмотреть его. Никак не должно говорить, а тем более чувствовать; это маловажно, можно оставить или быть к тому равнодушным, так относительно возжения свечи, воскурения фимиама и проч. Все содержимое верою в целом своем составе есть врачевство для нашего растления. Кто не принимает чего, тот умаляет силу врачевства, а иногда совсем уничтожает ее. Если из рецепта, прописанного лекарем, отнять один какой состав и потом принимать по своему уму составленное лекарство, а не как сказано, то вместо пользы можно получить вред. В вере нашей составлена нам ограда или крепость, обезопасивающая и защищающая нас от врагов. Тут все нужно. Отвергни малое – сделаешь пролом в стене, и пойдут враги один за другим, разорят всю ограду и тебя погубят. «Блюдайте убо, како опасно ходите» (Еф. 5:15).

Всем ли это? Всем верующим, иначе зачем и вступать в ограду веры? Всем должно чувствовать себя обязанными узнавать во всей полноте свою веру и потом, на основании сего чувства, действительно узнавать. Вера не есть что-нибудь маловажное, как бы избыток сверх нужды, а есть кровная и существенная нужда, как дыхание, пища, сон и прочее подобное. Знание ее есть дело самонужнейшее, потому и ревность о нем должна быть самая первая. Кто иначе делает, тот морит дух голодом или лишает его нужнейших потребностей. Сначала обыкновенно знание бывает мало как семя, но потом должно давать простор его возрастианию и не оставлять семенем. Пусть возрастет в древо. Здесь то же происходит, что в рисовании, где сначала делают один очерк всей картины, а потом начинают разрисовывать часть за частию. Апостолы, когда проповедовали, то в первом оглашении делали как бы сей очерк, а далее, при вторичных посещениях или в посланиях доканчивали всю картину веры, или то совершал Божественный Дух. То же и теперь. У многих, конечно, есть один очерк веры; у других отненены, может быть, и некоторые лики и части. Но на этом останавливаться не должно. Надобно и им доканчивать сию картину. Вообще, никто не увольняется от обязательства узнавать все всевозможно, хотя на самом деле могут быть терпимы разные степени полноты сего знания. Потому и различают веру уясненную и неуясненную. Сия последняя говорит: все содержу, что содержит святая вера, хотя не все еще успела узнать, а первая: все содержу и знаю ясно. Силу спасать имеет и первая; но кто сознательно не доходит до последней, по нерадению, тот в опасности, ибо сей сон – признак смерти.

Как узнавать! Нет нужды для сего возноситься на небо или переплывать моря. Истинная вера не сокрыта, а явлена всем и многими очень исповедуется. Она не затеряна, так чтобы следовало всякому самому

отыскивать ее в источниках и приводить в ясность, а в яве пребывает и гласно исповедуется. Поди и спроси, как исповедуется. Читай Исповедание Православное и Катехизис; не умеешь, другого попроси; слушай проповеди, ибо на священнике лежит обязанность возобновлять толкование Катехизиса; спроси пастыря, внимай чтению Слова Божия и богослужению. У нас столько способов узнать свою веру, что дивиться надобно, как есть не знающие ее. Кажется, знание сие само, против воли, готово внедриться. Хорошо для облегчения или утверждения своего знания иметь сокращенное исповедание всего: извлечь из катехизисов, в кратких предложениях изобразить все и потом часто прочитывать. Это будет то же, что очищение воздуха в покоех или освежение себя прохладой утра или вечера. Есть и готовые такого рода сокращения: святого Геннадия, Патриарха Константинопольского, святого Димитрия Ростовского и Преосвященного Тихона Воронежского. Это знать – как полезно и возбуждительно! Потому что все подводит под один обзор, вводит как бы в великолепный храм и исполняет умиления и благоговения.

в) Когда найдена и познана истинная вера, вера, ведущая к Богу, бесконечно благому и убажжающему, и доставляющая нескончаемое блаженство, когда все сие ясно сознано и принято убеждением сердечным, тогда быть не может, чтобы христианин оставался равнодушным, чтобы сердце его не исполнилось соответственными тому чувствами, подобно тому, как нельзя оставаться равнодушным, когда вступают в обладание неисчислимыми сокровищами. Чувства, впрочем, сии сколько естественны, столько и обязательны. Не принимать только их должно, когда они есть, но и возбуждать с напряжением, когда нет, жалея и скорбя об окаменении своего сердца. Чувства сии освящены примерами Матери Божией, святых апостолов и всех святых. Они суть:

аа) Радостное и благодарное славословие. Так Матерь Божия воспела первую христианскую песнь: «величит душа моя Господа... яко... восприят Израиля... помянуты милости» (Лк. 1:46–54); Елисавета в радости взывает: «благословенна ты в женах!, и откуда мне сие...» (Лк. 1:42–43); Захария славословит: «благословен Господь Бог... яко посети... якоже глагола... помянути завет» (Лк. 1:68–80). Господь Сам исповедуется Богу Отцу ради веры апостолов: «исповедаются, Отче... яко... открыл еси та младенцем» (Мф. 11:25) – и в другом месте убажжает Петра: «блажен еси Симоне» (Мф. 16:17). Апостолы часто по изложении истин веры прилагают: благословен Бог, что «дал нам свет и разум, да познаем» Его и Единородного Сына Его (1Ин. 5:20).

бб) Чувство успокоения или безопасности. Мы погибаем: меч гнева

над нами, а под нами ад отверст, готовый пожрать. Кто уверует, того все эти беды минуют, не коснутся. Сознавший это должен чувствовать, что он как бы с холода, дождя, сырого и беспокойного ветра вступил в теплый покой, или, как утопавший, стал на берег, или, как окруженный и терзаемый зверьми, исхищен из среды их с уверенностью, что они уже не дотронутся до него. Это чувство у апостола Павла изображено под видом субботаства (Евр. 4). Беспокойный ум все роется в надежде найти что лучшее и ничего не находит; вера все дает: и всю мудрость, и все способы.

вв) Любовь как вообще ко всей вере, так и к каждому ее догмату, правилу и постановлению. Надо все принять сердцем, все согреть в нем, вкусить, усвоить, лелеять. Что свято, истинно, Божественно, спасительно, как того не любить? Давид святой поет, что ему и прах дома Божия любезен... Это урок нам с любовью лобызать всякую истину, содержащую святой верою. Это, собственно, и значит содержать веру. Вера в сердце, а не в голове; а когда в сердце, то согревает его и любит им, ибо иначе ему нельзя быть там. Истина, пока не вошла в сердце, есть то же, что пыль на полированной доске: повеет ветер и все снесет. Истина, принятая сердцем, что елей, прошедший в кости. Любящий истины веры ненавидит противоречащее им и лицо, и помысл, потому и безопасен от падения, и есть сам столп веры. Посему это святейший и глубочайший долг: люби веру и все правила ее.

г) Кто узнал и возлюбил единую истинную веру, тот не может не свидетельствовать своей к ней преданности. «От избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34).

Действия, в которых сие выражается, суть:

аа) Исповедание веры, то есть открытое, искреннее и неboaзненное делом и словом показание, что содержится сия именно святая и единая истинная вера. Такое исповедание может быть и бывает двух родов: одно – всеобщее и всегдашнее, другое – особенное, являемое во время гонений. Первое состоит в том, чтобы открыто, искренно и неboaзненно говорить, поступать и жить по правилам святой веры в том месте и в тех обстоятельствах, в которых кто поставлен, несмотря на то, что будут о нас говорить, как судить и как в отношении к нам будут поступать другие. Сего требует искренность убеждения. Если это истина, а то не истина, зачем я стану изменять одной в угоду другой? Или зачем мне стыдиться действовать по своим убеждениям? Стыд, смущение – знак маловерия и малоубеждения. Сего требует опасность уцербa для веры. Кто боится жить открыто по своей вере, тот приводит в подозрение самую веру. Всякий скажет: верно, слабость или нетвердость их веры связывает ему язык и

руки. Особенно не должно молчать там, где открыто унижается другими вера. Тут прямо надо высказать истину и остепенить дерзкого как богохульника. Ясная заповедь Спасителя о том, чтобы не стыдиться исповедать Его пред человеками, относится сюда (Лк. 9:26; Мф. 10:33). И чего бояться? Смеяться будут? Пусть. Это их неразумие. Апостолы радовались тому, что сподобились принять бесчестие за имя Христово. Надо им подражать. Притеснять станут? Еще полезнее. Тут можно сказать всякому: дерзай! Венец мученика сходит на главу твою. Притом людей ли бояться больше должно или Бога? Все такого рода укору в неискренности убеждения и в малодушии идут только к тем, кои, не являя своей веры по боязни, остаются сами в безразличии, так что не угадаешь, веруют они или нет. Что же сказать о тех, кои при случае принимают на себя вид неверующих, опасаясь изъявлением веры подать невыгодную будто о себе мысль? Это – человекоугодничество, играние святыею, пустое лицедейство. На что похоже из-за того, что другой неразумный подумает неразумно, надевать на себя личину неразумного?! Должно, впрочем, помнить, что когда поставляется такое исповедание в обязанность, то сим несколько не оправдывается исполнение правил веры только напоказ, а то: ходи в правилах своей веры по убеждению и любви, не скрываясь, но и не заботясь о том, что скажут другие. То есть пустое тщеславие, а это – истинная деятельность. И еще: когда видишь хульника, восстань и обличи его, нечестивца, загради уста ему, чтобы не попирал святыею. Особое исповедание веры, торжественнейшее, богоподобное, апостольское, есть исповедание в гонениях за веру вообще или за какой-либо догмат. Гонения бывали часто и возможны во всякое время. Примеры предшествовавших живописали нам и правила, как вести себя в сих случаях... Восстало гонение – молчи и пребывай в своем чине, предаваясь Господу всестроящему, молясь о силе и помощи. Чувствуешь слабость и страх, а между тем имеешь возможность укрыться, – укройся. Многие так делали. Целою церковью удалялись в леса и горы. И Господь сказал: «когда... гонят в одном городе, бегайте в другой» (Мф. 10:23). «Укройтесь мало елико елико, дондеже мимоидет гнев Господень», говорит пророк (Ис. 26:20). Взят силою и представлен на суд: не усрамясь, ниже убойся, яви силу любви к исповедуемому тобою Господу, стань за Него до крови и смерти. Но и без того, кто чувствует себя связанным нравственною силою, именно внутренним некоторым понуждением к исповедничеству, тот, благословясь, с совета пастыря, если можно, или и без того, возвысь голос исповедания. Сделай то же и тогда, как видишь, что те, коим следует исповедовать, слабеют, или когда бываешь в кругу тех, кои еще не

поставлены в сию честь, а уже готовы по слабости отречься от истины. Многие мученики так поступали и не только спасали веровавших, но и неверовавших делали верующими. Вообще, исповедничество открытое никак не может быть излишним, когда делается по любви, к Господу влекущей, со здравым рвением, а не буйным фанатизмом. Опасения и ограничения все в сторону... Иди небоязненно, говори исповедание: Господь тебе помощник. Всякий исповедник есть крепкий воин из воинства Христова. Слаб? Беги, когда есть возможность, а когда пойман, свидетельствуй не боясь. Никак себе не должно позволить хоть для вида только сделать то, что требуют в знак отречения, ибо это то же, что отречение. Таков дух исповедничества! Его должно и всегда возгревать в себе; чтобы неготовым не застало время невзгоды, надо постоянно быть готовым страдать и умереть за имя Христово и веру святую. Это есть духовное исповедничество или сокровенное мученичество, когда бывает христианин сердцем распят, хотя телом жив.

бб) Ревность о распространении веры, или приведении ее в известность. Кто убежден, что святая вера есть единая, истинная, тот не может молчать о ней, особенно в виду или пред лицом лжи и заблуждения. Кто любит ближнего своего, всякого человека искренно и желает ему истинного, прочного и вечного блага, тот может ли удержаться, чтобы не возвестить ему истинного пути ко спасению, открываемого святою верою? Кто любит Бога и ищет славы Его, может ли не ревновать, да познают Его и «Его же послал еси Иисус Христа» (Ин. 17:3), чтобы славить и чтить Его, как Сам Он желает и научает всех в истинной вере Своей. Так убеждение в истине, любовь к Богу и ближним требуют, чтобы всякий, знающий веру и имеющий слово, громогласно возглашал всем истинный путь спасения в святой вере. Ибо несомненно, что гибнут те, кои вне веры. И славословие Богу вне ее есть козлогласование, как же можно это видеть и терпеть? Тут нет нужды дожидаться власти и прав. Когда душа горит ревностию святою, трезвенною, любовною и умоляющею, возвышай голос.

Спрашивается, кто должен это делать?

Само собою разумеется, что преимущественно долг сей лежит на освященных лицах, как на то исключительно учиненных. Но и всякому другому как можно заградить уста, когда он возвещает истину, в коей убежден и которую возлюбил душевно? Позволить проповедовать всякое без разбора убеждение пагубно; но возглашать истину, всемирно известную, Богом открытую, точно и ясно определенную как неизменное правило для всех людей и во все времена, это и для действующего, и для других спасительно. И не только возглашать, но и деятельно заботиться

должно об успехах слова истины.

Кому проповедовать? И своим и чужим, Господь говорит: видишь брата согрешающего, поди, вразуми его. Послушает – «приобрел еси брата», нет – то же сделайте вдвоем, а далее уже «поведать надо Церкви» (Мф. 18:15, 17). Мало ли можно найти между братьями-христианами не ведающих веры и по неведению держащихся нелепостей? Знающий вразуми и просвети брата истиною. И это будет столь же плодоносно, сильно, ценно, как идти за море и обращать неверных. О присных в вере более должно пещись, по апостолу. И чужих, кои между нами, не должно оставлять и как бы презирать, но и их согрей любовью, предрасположи ко вниманию и сей в благоприятное время. Кто знает, не войдет ли и в его душу истина через слово твое? У Бога везде есть орудия к побеждению, хоть их никто ясно не знает.

Как это делать? И словом, и писанием. Видишь неправомыслящего и умеешь сказать истину – найди твоим благоразумием доступ к его слуху и вниманию и возвести ему сию истину. Живое слово требует, впрочем, труженика сколько терпеливого, столько же и премудрого, но оно решительнее; ибо прямо вступает на борьбу с душою и, если сильно, непременно пленяет ум в послушание Христово. Писание легче и оставляет в покое ту и другую сторону. В нем торжествует сама истина, лицо скрыто, и во вразумляющем больше предполагает оно свободы и зрелости убеждения. На стороне писания та еще выгода, что оно всюду имеет доступ и долговечно. Писание, высказывающее истину веры живо, убедительно, победоносно, есть истинное сокровище для Церкви и рода человеческого. Кто возможет составить такую книгу, тот может стать в ряду всемирных проповедников.

Истинную, впрочем, ревность о распространении веры должно отличать от буйной, неразумной, фанатической. Она должна иметь следующие признаки: твердое, основательное, разумное убеждение в истине святой веры с полнотою познания ее. Душа, соделавшаяся сосудом, вмещающим такую святыню, не может не разливать от себя благоухания. Как может она скрывать от других сокровище сие? Как удержит язык, от полноты сердца естественно приходящий в движение? Отсюда – кем обладает безотчетное пристрастие к вере, помрачающее ясность созерцания ее, кому желательно высказать не столько содержимое верою, сколько свои мудрования о ней – тот пусть удержится и пребудет спокойным в своих пределах, не трогаясь до святыни нечистыми руками. Апостол заповедал проповедовать «от чиста сердца, совести благия, веры нелицемерные», без которых некоторые попали на распутья (1Тим. 1:5).

Чувство покорности и рабства истине и Богу. «Не можем не говорить того, что видели и слышали», свидетельствуют апостолы (Деян. 4:20). Мы рабы, говорят они, поручники, работники Божий. Отсюда – кто ищет возвышения, отличия, преобладания и владычества над умами и душами других – в том нет истины. Истинный ревнитель веры Бога воцаряет, а ложный – себя.

Умоляющий тон любви и убеждения с самопожертвованием и унижением... «По Христе молим, – говорят апостолы, – примиритесь Богу» (2Кор. 5:20). Ты гибнешь, поди, я вынесу тебя на раменах в безопасную пристань. Смотри, вот истина, ясная как солнце. Отсюда лесь, обман какой-нибудь, приманки выгодами, угрозы невыгодами суть уклонения от правды в проповедании веры.

Мужество. У слабых или по разуму, или по силе слова и характера сия ревность может оставаться как бы молчащею. Она может пламенеть, возжигать сердце, но выражаться одною молитвою и ревнивым желанием, чтобы святая вера сколько можно более приходила въявь и возвышала славу Божию, приводя к блаженству людей. Такая готовность, как и готовность к исповедничеству, есть сколько святое, столько же и высокое, и плодоносное расположение. Когда все возможное сделано, Бог ценить будет силу ревности, а не одни плоды, которые в Его власти. По сему случаю должно припомнить, что истинные, призванные проповедники, назначаемые для особых целей, чрезвычайно воздвигаются Богом, Им ведутся к цели и под Его покровительством исполняют то, к чему призваны. Таков, например, был святитель Стефан Пермский. Другим приличнее смиренно пребывать в своем круге, греть и светить здесь своим удельным светом и теплотою.

д) Хранение веры – и своей сердечной, или своих убеждений, и исповедуемой веры. Любящий по естественному влечению хранит любимое как зеницу ока. То же и в отношении к вере. Хранить веру – значит прежде всего отклонять угрожающие ей опасности. Опасности сии бывают внутренние и внешние. К первым относятся возникающие по временам помыслы сомнения вообще ли в вере или в частности в каких-нибудь членах ее. Разны и степени сих помыслов: иные мгновенны, как набег мысли или беглая тень от легкого облака, другие касаются сердца и его уязвляют, как стрелую; иные опять касаются таких предметов, коих твердость мы знаем, а иные чего-нибудь неведомого. Такие помыслы и сердце само может ковать, но, вернее, они от врага истины и отца лжи. Как бы ни было, их не должно оставлять без внимания, а тотчас прогонять их, доводя сердце до воспламенения ненавистью против них; ибо ненависть

сия есть истинное духовное изbleвание яда, поставляющее вне опасности. Снисхождение к ним и невнимание опасно. Что же касается до того рода сомнений, которые касаются слабой стороны, то, кроме негодования, спешить должно противопоставить им истинные доводы или восполнить в познании то, чего недоставало. Вторая внутренняя опасность – от страстей. В злохудожной душе не может содержаться истина. Этот сосуд худой, все готовый испустить, что ни положи в него. Страсти суть отступления от истины и притом живые; потом всякий страстный уже на пути лжи стоит, приняв от страстей уроки лжи противной истине. От порочной жизни очень удобный переход к безверию, холодности и отвержению веры. Потому должно хранить душу и сердце свое в чистоте. Это есть несокрушимое безопаснейшее хранилище веры. Опасности веры внешние суть чтение книг, содержащих развратные правила или проповедующих ложь и безверие, особенно таких, кои писаны увлекательным языком поэзии и наполнены тонкими и хитрыми софизмами, которых разрешить не вдруг может и крепкая голова. Опасности этой избежит всякий, кто ничего не читает худого или, вообще, читает только по указанию опытных людей. Сообщество с людьми, напитанными легкомыслием и презорством к истине, и также с еретиками и иноверцами хитрыми и изворотливыми. «Глят обычаи благи беседы злы» (1Кор. 15:33). "Удаляться должно от... ходящего не по Преданию» (2Фес. 3:6; Рим. 16:17), чтобы «не истлел разум... от простоты» (2Кор. 11:3), чтобы не «прельститься ложною философию» (Кол. 2:8). Ко всем таковым, разумеется, не должно терять любви, сожаления, искреннего желания и содействия к их вразумлению; но никак не должно склоняться до приятства и дружества с ними. Такое расположение связывает и язык, и мысль и как бы невольно предает в руки врагу. Потому в отношении к таким заботься о вразумлении, молись; но удаляйся тотчас, как увидишь свою опасность. Если чувствуешь, впрочем, крепость, борись, с Божиею помощью.

С таким, впрочем, отрицательным хранением веры должно иметь в союзе и положительное. Кто хранит дерево, тот не только отдаляет от него вредное, но и снабжает нужным для укрепления и полноты питательных соков. И веру тоже должно питать в себе. Вот что для сего нужно: слушай Слово Божие, проповеди и поучения, а если имеешь возможность, и уроки; читай Слово Божие, святых отцов, богословов; ищи и вопрошай, беседуй и общись с верующими, богатыми в вере; размышляй об основаниях веры, особенно о делах и судьбе ее, о ее Божественных обетованиях и их исполнении; молись и вопий к Богу: помози моему неверию; живи по вере

и делами прикрепляй к существу своему то, что содержишь в мысли, чтобы колебать в тебе веру значило то же, что тревожить жизнь; часто приобщайся достойно Святых Тайн и будешь содержать самый источник истины в сердце своем.

Храня таким образом в себе веру, не должно оставаться равнодушным и к судьбе исповедуемой религии. Здесь постоянно молись, желай и содействуй ее благосостоянию, целости и безопасности; видишь угрожающую опасность от лжи, заблуждения и ложной философии, возвести кому должно; борись и противодействуй сам, сколько можешь; жалея, скорби и сокрушайся, что так есть, и молись Господу, Царю истины, да воцарит истину и проженет налегающий мрак. Когда же все употреблено с твоей стороны, предай себя и святую веру в руки всеправящего Господа, Который смертью Своею положил основание торжеству Своей веры и не оставит ее на решительный произвол людей. А если оставит, то оставит людей, но не веру, и людей оставит только за одно упорство и нераскаянное противление.

Так разумевая, разумевай всяк добрые и недобрые расположения и действия относительно святой православной веры нашей. Первые насаждай, вторые, если есть, искоренишь постарайся. Худые ныне времена. Береги мысль и сердце. И от близких может быть беда. Внимай убо.

3) Грехи против веры

Надобно показать и отступления от правды относительно веры, чтобы всякий мог видеть яму и не пасть в нее. Будем идти рядом с исчисленными обязанностями и означать возможные уклонения от них.

Против первой обязанности – иметь веру – грешат не имеющие веры, не знающие Бога и своего к Нему отношения – безбожники. Не место здесь показывать существование безбожников; говорим только, что если они есть, то грешат, и грехом самым великим, которому и равного нет. Различать, впрочем, можно и должно безбожников теоретических, кои и по образу мыслей своих допускают небытие Бога, и практических, кои живут, не думая о Боге, или так живут, как бы не было Бога. К первым можно отнести фаталистов, кои говорят: «самослучайно рождены есмы» – как у Премудрого (Прем. 2:2). Все, что ни есть и бывает, есть и бывает так. Грехом сим искушаются и мысленно грешат все те, кои, раздумавшись о начале и судьбе мира, о запутанном ходе происшествий рода человеческого и своих, в сердце своем помышляют: неужели есть Бог? Не так ли все сие? Сюда же относятся пантеисты, для коих эта вселенная есть Бог, но не имеющий лица, связанный законом необходимости, неотдельное существо. Они родственны фаталистам. Особый вид их –

эволюционисты, по коим мир есть развитый Бог. Это грех грубейший, хотя к нему принадлежат очень утонченные умствователи, как Фихтэ, Гегель и др. Практические безбожники повсюднее. У них один характер – жизнь в богозабвении, в волях сердца, без сознания над собою какой-либо высшей власти, без чувства неизбежной необходимости отвечать за жизнь. О них говорит пророк: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог». А что эта речь от них – прилагается: «растлеша и омрзишася в начинаниях» своих (Пс. 13:1). Предавшись чувственности и страстям, они подавили лучшую часть своего существа и нить, связующую их с небом, прервали. Они уже, по апостолу, «не приемлют яже Духа Божия» (1Кор. 2:14; о них же: Еф. 2; Рим. 1). Их можно встречать в большом количестве во всякое время и во всяком месте, и что особенно жалко – иногда не совсем развратных, а живущих в естественных чувствах сердца. Впрочем, в сей смрад, хотя на время, погружаются и ведущие Бога, но дни, месяцы, а иногда и годы проводящие в суете ума, как бы без Бога (Еф. 2).

Против второго долга – иметь единую истинную веру – грешат индифферентисты, кои содержат и проповедуют, что все одно: какую ни имей веру, только имей. Всякая пригожа и приведет к своему назначению – христианская ли это или не христианская. Как груба погрешность здесь, видно из того, что говорено в подтверждение необходимости иметь единую истинную веру. Тут еще приложить должно, что после того, как Сам Бог научил людей приближаться к Нему, Сам приходил, воплотился, страдал и умер, ниспослал Духа и столько чудес делал для утверждения веры, подвиг небо и землю – после всего сего говорить, что все равно, сию ли веру держать или другую, означает не только безумие крайнее, в коем истину ставят наравне с ложью, но и нечестие, в коем наводится некоторый укор на человеколюбивого Бога, будто излишне расточал милости, и в коем, лжа, творят Бога истины, будто не единая та вера, которую Он объявляет единою. Индифферентизм есть, сверх того, язва рода человеческого. Если одна только вера ведет ко спасению, так что все иноверия не спасают, а влекут за собою пагубу, то кто удерживает в них, не губит ли всех, кого удерживает? Когда свирепствует мор и искусный врач изобретет единственное врачевство, то всякий уверяющий: ничего, и то-то лекарство хорошо – губит всех, кои его послушают. Таков индифферентизм. Он расслабляет и убивает дух. Содержащий его почти то же, что безбожник, ибо явно, что для него вера есть стороннее дело, что он держит ее по обычаю, в подражание другим, или, еще хуже, будто какое-либо средство политическое. Все сии укоры падают и на того, кто говорит: все равно, лишь бы была христианская вера, а то какая-нибудь. Откуда эта

мысль?! Апостолы с такою ревностью заботились о единомыслии, так деятельно старались восстановить его, когда оно как-нибудь нарушалось, так строго вооружались против разномыслящих, что определили им отлучение; а ныне вошло в обычай говорить: все равно, лишь бы христианская, хоть бы то была и ересь. Как же Господь говорил: «аще Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь» (Мф. 18:17)? И потом как же Церковь во все свое продолжение так сильно ратовала и вооружалась против всех разномыслящих? Будто все сие так? И что Господь оправдывал знамениями и чудесами единую истинную веру и доселе оправдывает, будто и это все так?

Близко подходит к индифферентизму, или есть его вид, тот развратный образ мыслей, по коему проповедуют, будто религия не что иное есть, как средство в руках правительства. И те, кои так думают о правительстве, и само правительство, которое так поступает, крайне нечестивы и безбожны... Ну, если пригоже для правительства магометанство, или жидовство, или другое какое нечестие, будто его вводить и ему благоприятствовать должно? Цель общества – вести человека к цели; цель человека – в Боге, к Богу же идти можно только так, как Он указывает во святой вере. Следовательно, духом общества должна быть единая истинная вера. Что за правительство, которое, мало чем успокаивая своих подданных во временном, за это губит их на целую вечность! Говорят: смущение будет в народе! Кто же позволяет насилие? Яви истину, чтобы всякий увидел ее. И кто к тому способнее, как не правители? Потому они безответны пред Богом, если не хранят и не вселяют в народе истинной веры. Против третьего – испытай, где истина – грешат неиспытывающие, погруженные в сон беспечности; нерадящие, кои тем только отличаются от индифферентистов, что никакой мысли не имеют при своей беспечности или совсем и не думают о вере и суть потому веропрезиратели; сомневающиеся, кои вообще остановились на нерешенном вопросе: есть ли Бог и нужно ли Ему поклонение? – или подозревают, истинна ли святая вера православная, и, однако ж, остаются равнодушными, не ищут разрешения недоумений и в таком нерешительном, колеблющемся состоянии продолжают жить по принятому порядку. Это как бы повисшие на воздухе, истощающие и мучающие дух свой. Сила их преступления и в равнодушии к истине, к Богу и своему спасению, и особенно в том неестественном положении духа, что держат его в известном порядке против убеждения, идут против совести и убивают в себе жизнь. Остановившиеся на лжи, все заблуждающиеся в вере: язычники, магометане, иудеи, особенно натуралисты, те, кои

думают, что для познания Бога и своего спасения достаточно естественных сил человека, своего ума и самодеятельности. Это заблуждение иначе называется рационализмом. Он есть самая очевидная глупость и безумие. Видеть и свои ошибки, и ошибки других мыслителей, знать из истории, сколько заблуждений и пороков наводнили землю от разумного человека, и еще верить в свой разум! К тому же в соседстве рационалист видит откровенную Богом веру, чудодейственно утвержденную, представившую и представляющую опыты спасенных, и остается при своем упорстве! Непонятно. Не без основания потому некоторые подозревают, есть ли основательно убежденные в твердости своего рационализма рационалисты? Большая часть, без твердого, ясного убеждения, с мутным сознанием верности своих мыслей, заносчиво проповедует не знать что, чтобы только заставить говорить о себе: вот всеобъемлющий гений!

Против того, что узнанной святой православной вере должно покориться смиренно, молча, всецело, грешат тоже рационалисты, только библейские, кои признают Откровение, но принимают из него только то, что сообразно с их образом мыслей. Это гордые умы, возносящиеся на ум Божий, не покоряющиеся Ему, не хотящие послушать веры, потому суть то же, что неверы. Ибо неверие, собственно, и есть непризнание истинным того, что святая вера признает истинным. По своему духу это разбойники в ограде Божией, прилазящие отинуде, кои, вошедши туда, вместо смиренного пребывания, своевольно рвут, разбрасывают и искажают все Божии сокровища. Все еретики, паписты, протестанты всех родов и другие – естественный плод неверия и своемыслия, или своенравия ума в деле веры. Вера вселенская есть правило ведения и жизни, обязательное для всех. Кто мудрствует не так, как она, в каком-нибудь члене, зная, что сей род мудрствования не одобряется ею и противен ей, и потом далее не покоряется никаким убеждениям, а упорно стоит в своем мудровании, тот есть хульник Духа Святого, Духа истины. Он раздирает целость веры и в этом тем преступнее, чем яснее сознает порядок верования, чем больше чувствует колебаний в совести и сердце против своих мыслей, чем больше за себя, а не за истину стоит в своем упорстве ради земных и самостных каких-либо целей. Отступники, те, кои или из страха преследования, или по надеждам земным, или по человекоугодничеству, иногда по легковерию и внутренней причудливости оставляют истинную веру и переходят к заблуждающимся. Из них не извиняются и те, кои воображают, что делают сие по убеждению в истине. Истина явна. Если страсть не омрачит ума, истина не может быть не замечена. Следовательно, отступление и в таких невозможно иначе как по страсти и греху... Что отступники – народ

погибший, учит апостол: «волею согрешающим... по приятии разума истины, о гресех не обретается жертва, а страшное... чаяние суда, и огня ревность» (Евр. 10:26–27). Сему суду, очевидно, не подлежат те, кои от иноверия переходят к истинной вере. Их хвалить и за них благодарить Господа должно, что приводит братии наших из тьмы в чудный Свой свет.

Наконец, против всех остальных обязанностей стоит холодность к вере, окостенение духа от погружения в плоть, от снедающей заботы, непомерной гордости и самости себя только знающей. В сем состоянии духа не знают ни тех отрадных чувств, кои приносит вера, каковы: покой, радость, благодарение и славословие – ни тех дел, кои естественно вытекают из любви к вере, как то: исповедание ее, расширение и радение о ней – дел и очень ценных здесь, и приносящих блаженство вечное на небе.

Все указанные уклонения кому не приходилось встречать лицом к лицу? Да ведает теперь всяк, где им место. Если кто потрудится хорошо утвердить в мысли все показанные расположения и дела в отношении к вере и притом так, как они вытекают одно из другого, то получит значительную крепость в уме и сердце, от которой, как от стены, будет отлетать всякое нападение на веру – внутреннее и внешнее.

12. Благочестие – жизнь в духе веры

Вступивший в область истинной веры успокаивается в ней, чувствует, что он как в безопасном пристанище. Но сей покой только со вне, внутри же его ожидает усиленная деятельность и труд в духе сей принятой, узнанной и возлюбленной им веры. Это значит, что принявший веру самым принятием обязывается сообразовать свою внешнюю и внутреннюю жизнь с ее учением, или образовать себя по ней и вселить в себя ее дух. Область веры дышит и преисполнена жизнью и деятельностью; вступивший в нее и, однако ж, не живущий по ней то же, что лишняя часть в машине или своенравник, нарушающий порядок светлого, торжественного шествия. Тот не верует, кто не живет по вере. «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Когда утопающий не берется за руку, которую простирают к нему с обещанием вытащить, верно, не верит обещанию. Мало того, такой издевается над верою. Что, если б надел кто священническую одежду и начал в ней кривляться и безумствовать всенародно? Не насмешник ли он? То же и в отношении к вере. Потому в Слове Божиим предполагаются великие угрозы ведущему и не творящему. «Бога исповедают ведети, а дела отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дело благое неискусны» (Тит. 1:16). Таким образом, принявший веру непременно должен осуществить ее в своей деятельности, образовать себя по ней, представлять ее как бы всю в своем лице на деле. Постоянное, искреннее, полное и всестороннее хождение в духе единой истинной и святой веры есть истинное благочестие.

Само собою разумеется, что соответственно разнообразию состава веры и деятельность благочестивая должна являться в разных видах. На сем основании есть и разные обязанности благочестия. Можно и все вообще обязанности подводить под сию одну, или выводить из нее одной, ибо все они требуются христианскою верою и вытекают из духа ее. Посему, между прочим, и у апостола (Тит. 2:12) выводится из благочестия жизнь благочестивая, праведная, целомудренная, то есть, вообще, деятельность христианская, законная и святая.

Что значит христианская благочестивая жизнь? Жизнь в единении с Богом в Господе Иисусе Христе во Святой Церкви, или по домостроительству спасения нашего. Что это так, смотрите, как было дело. Господь пришел на землю, пострадал, умер, воскрес, вознесся на небо, ниспослал Духа Божественного на святых Своих учеников и апостолов, кои силою Его и воздвигли на земле обетованную Церковь, назданную на

основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, – Церковь, дом веры и спасения, тело Господу, ковчег спасающихся от потопления в нечестии, грехе и злобе сатанинской. Но что есть Церковь по духу своему? Святительство свято, приносите жертвы благоприятны Богу Иисус Христом. Церковь есть лицо богослужащее, жречествующее, святительствоющее непрерывно, разумно, духовно, и это – Богу Иисус Христом. Всякий вступающий в нее должен стать с нею единым духом, быть тем в малом, чем она в большом виде, подобно как и в теле, говорят, каждый и малый член имеет все тело, то есть, все его элементы. Иначе: всякий верующий обязуется быть приносящим Богу жертвы благоприятны Иисус Христом, а это то же, что жить в общении с Богом через Господа Иисуса Христа, по домостроительству спасения. Отсюда очевидно, что жизнь христианская, благочестная деятельно выражается в восхождении к Богу через Иисуса Христа, в пребывании в Нем чрез Него и притом не иначе как в доме, устроенном для нашего спасения, или Церкви. Соответственно сему и обязанности благочестия имеют три класса, из коих 1) первым определяются чувства и расположения, вытекающие из воссоединения с Богом в Иисусе Христе, 2) вторым – чувства и расположения, вытекающие из пребывания в общении с Богом, 3) третьим – чувства и расположения, вытекающие из общения с домом спасения, Церковью.

1) Чувства и расположения на пути воссоединения с Богом

Начнем с тех чувств и расположений, кои встречает человек на пути к Богу, когда воссоединяется с Ним в Господе Иисусе Христе. Так как возвращение к Богу есть дело свободы, а не принуждения и притом совершается в духе, а не в чем-либо вещественном, то оно есть дело не такое, которое, окончивши, можно бы было отложить к числу решенных, а дело, в каждое мгновение повторяемое и возобновляемое. Потому, хотя уже вступил христианин в общение с Богом, никак не увольняется и не освобождается он от тех актов, коими сие совершилось, а всегда должен питать и возобновлять их. Следовательно, все они и обращаются ему в непрерывный долг и обязанность.

Путь восхождения к Богу, или воссоединения с Ним, объяснен в другом месте (см. о норме христ. жизни). Теперь остается только выяснить вытекающие из того обязанности.

Семя всех сих обязанностей есть вера в Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя нашего, сочетавающая нас с Ним сердечно. Но иное должно происходить в нас еще до рождения сей веры, а иное – по рождении ее. «Никто же приидет ко Отцу, токмо Мною», говорит Господь

(Ин. 14:6). Надо прежде прийти к Иисусу Христу, чтобы от Него взойти к Богу. Следовательно, есть обязательные для нас чувства и расположения, одни – на пути сочетания с Господом Иисусом Христом, а другие – на пути восхождения от Иисуса Христа к Богу Триипостасному.

а) Чувства и расположения на пути сочетания с Господом Спасителем.

Сердечное сочетание с Господом совершается верою. Начало веры полагается в познании своей бедности и познании богатства Иисус – Христова. Вера переносит богатство Христово на свою бедность и ради того сочетавает сердце с Господом. Для того, чтобы поддерживать в силе сию веру и возгревать более и более сочетание сердца с Господом, всякий христианин обязуется к следующим чувствам и действиям:

аа) Он обязан знать и в чувстве сердца носить свою бедность и свое окаянство. Знанием сим начинается и потом постоянно поддерживается вера. Это то же, что елей для огня в лампаде, который слабеет по мере истощения елея. Кто не знает, что дом охвачен огнем, не побежит из него; так и кто не знает своего окаянства, не позаботится о спасении. Это есть первая истина о себе; всякая другая имеет уже примесь лжи и тем более, чем более питает самодовольство. Предметы сего знания сами собою определяются историей человека. Сотворен он по образу Божию, для славы Божией и непрестанного блаженства взамен отпавших и отверженных духов, основавших в себе и из себя ад. Но завистию диаволу преступил он заповедь, подвергся осуждению и клятве, расстроил свою душу и тело, подчинился прельстителю и, бедствуя на земле, состоит в опасности по смерти быть в том же аду, который населен духами, отступниками и их князем – сатаною. Итак, христианин должен содержать в мысли, что он был в состоянии падения, состоял под клятвою Божиею, был безответен пред Ним и растлен сам в себе, подлежал власти, насилию и злобе сатаны, был неминуемым оброчником и смерти, и ада. Все сие и ясно знать, и содержать во внимании должно христианину даже после того уже, как он избавлен от всех сих бед. Ибо сам по себе он действительно таков всегда. Если теперь он стоит вне сего губительного порядка, то потому, что держится благодатию, хотя, как над бездною пламени, в каждое мгновение готов будучи отпасть и пасть снова на прежнее. Совокупностью таких мыслей, воспринимаемых сердцем, образуется и поддерживается чувство опасности своего положения, своего бессилия и беспомощности, аще не Господь. Это обязывает христианина далее пребывать в крайнем самоуничижении, смирении и оставлении себя ниже всякой твари, даже бездушной, не только одушевленной; заставляет

бесперывно взывать: Господи, спаси мя, погибаю. И такие чувства не раз или не два надо воспроизвести, а иметь их постоянно в себе утвержденными и укорененными, как бы претворившимися в естество. Теряющий их выходит в мгновение из строя спасающихся, ибо все спасающиеся так думают и так чувствуют. Потому долг всякого всячески возгревать их в себе. Делать сие может всякий как умеет. Но лучшая и действительнейшая наука им есть самая жизнь христианская. Это самое сильное и постоянное средство, так что, можно сказать, вся жизнь христианина истинного есть не что иное, как непрерывное восхождение на высоту сознания своей бедности и чувства самоуничижения. Чем больше кто растет в добродетели, тем больше сознает, чувствует, что он ничто. А из сего какое истекает обилие добродетелей! Тут смирение, самоукорение, неосуждение других, безгневие, непрекословие, невозмущаемый покой. Но за то от Бога непрестанное притечение тайных духовных утешений и обилие благодати, а от других христиан любовь и живое соединение. Кто же не имеет сего, у того и с тем бывает все противное.

бб) Обязан знать и возрастать в познании неисследимого богатства Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего в мир грешников спасти. Одно познание своего окаянства и бессилия, с безответностию и страхом за жизнь и судьбу вечную, безотрадно. Оно приносит только скорбь и тоску, которые, если не растворяются другими утешительными чувствами, расслабляют, а не оживляют, и, что недалеко, оно может ввергнуть в отчаяние неисходное. Кто на этом одном останавливается, тот останавливается как бы на половине дела и, следовательно, не делает ничего. И истины нет здесь: ибо на самом деле не беден только есть человек и погибающ, но есть и обогащаем, и спасаем – есть такое устройство от Господа и Бога нашего, по которому над человеком гибнущим простерто Божественное осенение благодати. Потому познавать сие есть непременно долг всякого христианина и, поелику все сие сосредоточивается в Господе Иисусе Христе, познавать Его. Предметы сего познания тоже определяются самим устройением благодатных действий. Милосердый Бог обетовал погибающему послать Спасителем Сына Своего, Который по исполнении времен действительно пришел, воплотился, страдал, крестною смертию принес жертву за грехи всего мира, воскрес и всех воскресил, разрушил ад и связал сатану, вознесся, воссел одесную Бога Отца, где и ходатайствует за нас, и властвует над всем, как Царь приявший власть на небеси и на земли. Так должно знать и познать, что Господь Иисус Христос есть жертва за нас, живот наш, Царь наш, истинный силу дьявола, смерти и ада. Отсюда, далее, памятовать и

содержать в мысли, что было такое дивное и изумляющее дело Божие, были потрясены небо и земля; благоговейно размышлять и углубляться во все совершение спасения, особенно в страшные страсти и последовавшую затем славу Господа: что это, как, для чего, какая в этом сила? Чаще приводить сие на мысль, особенно в среду, пяток и воскресенье, радоваться и утешаться тем, что есть так. Такими занятиями само собою будет расти познание Господа; но ревностный присоединит к нему частое прочитывание Евангелий и пророчеств, паче же всего молитву о благодатном введении в тайны спасения. «Кто уразуме ум Господень?» – вопрошает апостол и как бы в ответ на то прибавляет: «мы же ум Христов имамы» (Рим. 11:34; 1Кор. 2:16). Истинное познание Господа совершается в тайне духа и, можно сказать, не столько понимается, сколько чувствуется так, что на то нет ни слов, ни изображений. Только оно беспредельно сладостно, как уверяет апостол, который все счел ни во что «за превосходящее разумение Христа Господа» (Флп. 3:8), который всех побуждает восходить к такому разумению и о всех молился, чтобы открыта была им «глубина, широта и высота» премудрости, явленной в устройении нашего спасения (Еф. 3:18).

вв) И таким образом возгревать в себе веру в Господа Спасителя. Ибо когда в одном и том же духе встретятся и познание своего окаянства и бедности, и познание Господа Спасителя, то, естественно, они сочетаются между собою и растворяются, как вода с сухою землею или как две сродные стихии. Чувство безответности восходит к Господу пожершемуся, чувство расслабления и растления приемлет Господа – живот наш; страх смерти, ада и диавола исцеляется познанием Господа, Царя нашего и победителя их. Каждое чувство скорбное находит себе соответственное врачевство в Господе. Из сего-то сочетания и рождается, как дочь их небесная, истинная вера в Господа Спасителя, которая потому и есть не одно познание Господа, не одно познание своего ничтожества, а то и другое совместно, и не одно подле другого, а одно в другом. Как в химическом сродстве один элемент входит в другой, так и они сорастворяются взаимно. Безответный прибегает к Распятому, как жертве, и приемлет оправдание; растленный – к Господу-Животу и оживляется; плененный – к Господу-Царю и Победителю и освобождается. Вера есть внутреннейшее благодатное в нас действие, коим на наше ничтожество и бедность переносится полнота Христова и усваивается нам. Это есть акт всемогущий, творческий, ибо им совершается новая тварь в нас, наш дух сочетается со Христом и рождается из того в нас новый, потаенный человек. Из сего видно, что в составе истинной веры

сокрываются следующие, более чувствуемые, нежели выражаемые, слитно объединенные, а не разделенные расположения: я – погибающий погиб бы навеки, но Господь Иисус Христос, отнявший все зло, лежащее на роде человеческом, восприял меня, и Им я спасаюсь. Вера зрит Господа единственным источником своего облаженствования, исчезает в Нем сердцем, объемлет Его любовно, живет Им одним и для Него одного; ибо чувствует, что если бы не Он, то все бы погибло. Так содержать и чувствовать есть постоянный долг христианина. Понятно теперь, почему для поддержания и возгревания в нас такой веры считаются необходимыми, с одной стороны, возрастающее познание своего окаянства и бедности, а с другой – познание Спасителя и дел Его. Ими греется дух веры, ими же рожденный и из них составленный. Но как капля воды составляется из частей кислорода и водорода переходом сквозь них искры электрической, так и вера в первый раз рождается таинственным некоторым прикосновением Господа, к сердцу, подготовленному к вере через познание себя и Господа, как это Он дает разуметь словами: «толку, ...вниду и ...вечеряю» (Апок. 3:20). Познанием себя и Господа отверзается сердце; затем входит Господь Сам и вечеряет, то есть насыщает душу Своими благами, вследствие чего и изрекается в глубине духа человеческого, как Фомаю по осязании Господа: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20:28). Это первый голос веры и верный ее символ.

Но как первоначально родилась вера таинственным прикосновением Господа к сердцу, так и поддерживаться она может и должна сим же прикосновением, которого верующие сподобляются в приобщении Святых Тайн и в пламенной молитве, которая в истинном смысле и силе есть не что иное, как непрерывное повторение первоначального возношения к Господу и первого Его присещения. Из нее, как из горнила, каждый раз христианин выходит обновленным. Вот почему в наставлениях святых отцов, всех вообще, заповедуется непрерывно вращать в устах молитву к Господу: Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя... – вращать так же часто, как часто дыхание, к которому некоторые и приноровляли ее. Отсюда, по противоположности, гаснет вера от забвения своей бедности, от ослабления познания Спасителя и прекращения молитвы Иисусовой.

Так совершается и поддерживается сочетание сердца с Господом Спасителем верою. Отсюда начинается ряд других чувств, коими дух от Христа Спасителя восходит к беспредельному Богу и сочетается с Ним. В заключение предлагается всякому прочесть следующее место из Апокалипсиса, в котором все сказанное пред сим совмещено и изрекается

от лица Самого Бога: «Зоне глаголеши, яко богат есм, и обогатихся, и ничтоже требую, и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купити от Мене злато разжжено огнем, да обогатишия: и одеяние бело, да облечешися: и да не явится срамота наготы твоя: и коллурием памажи очи твои, да видиши. Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся. Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною. Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и аз победих, и седох со Отцем Моим на престоле Его. Имеяй ухо, да слышит, что Дух глаголет Церквам» (Апок. 3:17–22).

б) Чувства и расположения на пути восхождения от Господа Спасителя к Богу Триипостасному.

Когда образуется вера и сердце сочетается с Господом, тотчас рождаются из сего другие чувства и расположения, как лучи от солнца, по которым, как по ступеням лестницы, утвержденной на камени – Христе, восходит христианин на небо к Богу и поклоняется Ему у подножия престола Его. Чувства сии и расположения суть следующие:

аа) Упование спасения в неразрывной связи с самоотвержением. Упование спасения так существенно в жизни по Христе, что есть как бы самое лучшее определение и выражение веры в Него. В нем чувствует себя христианин, что он вне опасности, за пределами всего зла, лежавшего на нем, что вступил в область спасающихся, спасается Господом. Кто из утопающих ухватился за вервь, брошенную к нему, влечется на корабль, возводится на него, стал на нем, тот не может не питать отрадного чувства избавления или минования опасностей. Таков же дух и христианина уверовавшего! Как сродно вере сие упование спасения, видно из слов апостола Петра, который почитает его отличительным признаком веры: «Благословен Бог... породей нас во упование живо», взывает он (1Пет. 1:3). У апостола Павла сие упование именуется «котвою души, твердою и благонадежною» (Евр. 6:19). Сим упованием отрицается или изгоняется из души главным образом отчаяние и безнадежность, но и, кроме их, всякое сомнение, неведение спасения своего и неубеждение в нем. Потому как упование спасения есть обязанность, так нечаяние его во всех видах есть грех. Самоотвержение, или жизнь в нем, есть не одно повержение себя под ноги, поправление и уничтожение, но более: оно есть самоозлобление, или такая деятельность, которою непрерывно озлобляется и поражается или тело, или душа и которая совмещает все дела наперекор самоугодию, своей воле и желаниям сердца. У святых отцов это выражается в двух правилах: не иметь своей воли и не давать покоя телу – как два способа

самоозлобления. Из них составляется все подвижничество, которое то же, что жизнь в самоотвержении. О сем говорит апостол: «иже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми» (Гал. 5:24), и Господь: «иже хочет по Мне ити, да отвержется себе» (Мф. 16:24). Не так очевидна связь строгой самоозлобительной подвижнической жизни с упованием спасения; но она есть, и так жива, что мера самоозлобления есть мера и упования спасения. Как тяжесть воздуха поднимает ртуть в барометре, так и тягота самоотвержения возвышает упование спасения. Основание сего можно видеть в спасении нас страданиями Господа: ими совершенно спасение, и каждый человек спастись может не иначе как усвоением их себе. Как же их усвоить? Своими страданиями. Наши страдания суть точка соприкосновения к страданиям Христовым, или место привития их. Оттого апостолы говорят о некотором «сообщении страстей Господа через сообразность со смертью Его» (Флп. 3:10) и хвалят тех, кои успели «приобщиться Христовым страстям» (1Пет. 4:13). От такого же сообщения естественным следствием должно быть возрастание упования спасения. Ибо если страданиями переходит на нас сила страданий Христовых, совершивших наше спасение, то вместе с тем не может не вселяться в душу и сознание спасения от их силы, что и есть существо упования. Но как бы это ни было, только жизнь самоотверженная, строго-подвижническая, самоозлобительная есть единственное условие упования спасения. Посему, кто покоит себя, тот погашает упование и, следовательно, заглушает самое зачатие, или первый исход упования спасения. Потому врагам креста Христова «кончина-погибель» (Флп. 3:19).

бб) Мир с Богом в неразрывной связи с непрерывным покаянием. «Оправдившись верою, мир имамы к Богу Господем нашим Иисус Христом», говорит апостол (Рим. 5:1). В другом месте говорится, что «Бог мир во Христе примирил Себе... и дал апостолам слово примирения», которые и молят всех: «примиритесь Богу» (2Кор. 5:19–20). Мир сей свидетельствуется ощущением благоволения Божия, созерцанием в духе светлого лица Божия, сознанием отъятия и изменения гнева Его на милость, веселовоззрением на небо. Прежде был будто меч над главою, и обратиться к Богу, и подумать о Нем было страшно; а теперь со святым дерзновением входят во внутреннейшее за завесу. Сподобившись сего мира, надо заботиться и о том, чтобы пребывать в нем. Но пребывать в мире с Богом нельзя без непрерывного покаяния. Условие к миру с Богом апостол Иоанн поставляет такое: «аще сердце наше не зазрит нам» (1Ин. 3:21). Если нет ничего на совести, можно иметь дерзновение и доступ к

Богу в чувстве мира; а если есть, то мир нарушается. Бывает что на совести – от сознания греха. Но по тому же апостолу мы никогда не бываем без греха, и это так решительно, что тот уже лжец, кто иначе думает и чувствует (1Ин. 1:8). Следовательно, нет минуты, когда бы кто не имел чего на совести – вольного или невольного, а потому нет минуты, когда бы не возмущался его мир с Богом. Отсюда следует, что все необходимо очищать свою совесть, чтобы быть в мире с Богом. Очищается же совесть покаянием. Следовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяние смывает всякую скверну с души и делает ее чистой. «Аще исповедуем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наши и очистит нас от всякия неправды» (1Ин. 1:9). Покаяние сие состоит не в словах только: прости, Господи; помилуй, Господи; но при нем неизбежны все действия, условливающие отпущение грехов, то есть сознание определенной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна или другого чего-нибудь; сознание своей в том виновности и безответственности без самооправдания; молитва об оставлении ради Господа до умирения духа. Что касается до великих грехов, то те тотчас должно исповедать духовному отцу и принять разрешение, ибо в тех не успокоишь духа одним повседневым покаянием. Таким образом, обязанность непрерывного покаяния есть то же, что обязанность содержать совесть в чистоте и безукоризненности: У святых отцов сколько на это правил! Сколько употреблено забот, чтобы и себя к тому настроить, и других научить! Так и должно: иначе нет мира с Богом. Против сего грешат все несознательные, себя во всем оправдывающие и пред Богом, и пред людьми.

вв) Чувство любви Отчей от Бога, или сыновства Богу, в неразрывной связи с усиленною деятельностью ради Его. В Господе Иисусе Христе истинно верующие, отрожденные водою и Духом, стали сынами Богу Отцу благодатными ради живого союза с Господом и воображения Его в себе. Такой неизреченный дар, существенный в царстве Христовом, обращает к нам Бога, как отца к детям, отеческою любовью. А это не может не отзываться и в самом сердце и не оставлять там сознания или чувства отеческой любви Божией и своего сыновства Богу. Сколько потому сии чувства существенны в христианском союзе с Богом, столько же и обязательны для христиан. Христиане обязаны иметь их и питать, напрягаться возбудить и хранить навсегда, С каким напряжением апостол Павел старался воскресить сии чувства, когда видел, что они были заглушены! Так он говорит: «Елицы Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии. Не приясте бо духа работы паки в боязнь, но... духа

сыноположения, о немже вопием: Авва Отче. Самый Дух спослушествует духу нашему, яко есмы чада Божия» (Рим. 8:14–16). «Вси бо вы сынове Божий есте верою о Христе Иисусе: елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» (Гал. 3:26–27). Господь пришел, учит он, «да всыновление восприемем» (Гал. 4:5). «Видите, какову любовь дал нам Отец, да чада Божия наречемся и будем» (1Ин. 3:1), взывает св. Иоанн Богослов. Не называться только, но и «быть чадами дал нам область» Господь (Ин. 1:12). Что теперь состоит в существенной связи с сим восприятием христиан в род Божий, в родство Божественное, вполне объясняется характером сына. Не одно то главное в сыне, что он действует не как раб, а с некоторою свободою, как посвященный в тайны отца; но и то, что все, относящееся к отцу и дому, он глубоко принимает к сердцу, как бы оно непосредственно касалось его одного, чувствует, что он, состоя в союзе с отцом и домом, союзе живом, – когда действует, действует от лица их и ради их, как бы благосостояние их, и честь, и слава лежали на нем одном. Такого точно характера и настроения должен быть и всякий христианин в благодатном христианском царстве, сем доме Божиим. Чувствуя, что он есть Божий – искренний, ближний, он должен и действовать не иначе как от лица Бога, по распоряжениям и намерениям Божиим ради чести и славы дома Его во вне, ради благосостояния внутри; должен стоять за Господа Бога и за дом Его до крови ради своего Ему сродства благодатного. Христианин есть как бы посланник и ходатай от Бога, ходатайствующий и действующий по Его делам. Таково исходное начало всей деятельности христианина! Оттого у него должна быть неудержимая ревность о благе-Церкви и христиан, ревность съедающая, болезненно отзывающаяся в сердце. Как сыновство Богу возбуждает такую деятельность от Бога и ради Его, так, наоборот, деятельность такого рода возгревает, возвышает и поддерживает чувство сыновства, так что одно в необходимой связи с другою. Они взаимно отражаются друг в друге. Потому, наоборот, деятельность иного рода, или недеятельность, погашает чувство сыновства, или лишает сыновства. Это очевидно тоже из обыкновенного примера: сын, нерадящий об отце и доме, что за сын? И опять: кто потерял сыновние чувства, как будет действовать по-сыновнему?

Таковы обязательные для нас чувства и расположения, непосредственно вытекающие из воссоединения с Богом во Иисусе Христе, и те, кои приводят нас к Господу Иисусу, сочетавают с Ним и держат в сем сочетании, и те, кои от Господа возводят к Богу. Их, вообще, можно назвать обязанностями к Богу по условиям спасения, или

обязанности относительно веры и из веры в Господа и Спасителя. Но здесь тотчас начинается другой ряд обязательных для нас чувств и расположений к Богу собственно, или к Божеству. Молитвенно возгревать в себе их все да поможет всем Господь, Пречистая Владычица и все святые Божий.

2) Чувства и расположения христианина, пребывающего в Боге

В домостроительстве спасения Богу угодно было принимать на Себя иные к нам отношения, вследствие коих и наши обязанности к Богу соответственный тому получали характер. Но когда, таким образом, мы восстанавливаемся в первый чин, то вместе с тем открывается во всем величии беспредельный лик Божества и тот же час воскресают и с силою предстоят сознанию обязательные для нас чувства и расположения к Богу, поколику Он есть Бог. В предыдущих рассуждениях указанный ряд обязанностей вводит в сии тайники Божества, научает нас им и вместе делает способными действовать соответственно им. Созерцание Божества невыносимо для нашей падшей природы, если б возводить ее к Нему прямо, без посредства тех расположений. Потому те можно назвать руководительными и воспитательными правилами, а эти сокровеннейшие, высочайшие и тончайшие чувства к Богу, поколику Он Бог, суть плод их.

Сии последние должны, конечно, прежде всего сообразоваться с бесконечными свойствами и действиями Божиими. Но, с другой стороны, так как к ним восходим мы через чувства и расположения первого рода, выражающие наше воссоединение с Богом, то они должны состоять и с ними в близком соответствии. Теперь, так как мы созерцаем Бога а) бесконечным в Своих совершенствах, б) Творцом и Промыслителем и наконец в) Совершителем всего, – и соответственно тому имеем три класса обязательных в отношении к Нему чувств и расположений. Они состоят в прямом соотношении с указанными пред сим чувствами мира с Богом, упования спасения и сыновства Богу.

а) Чувства и расположения к Богу, вытекающие из сознания или созерцания Его бесконечных совершенств.

аа) Бог бесконечный непостижим в Своем бытии, в Своих совершенствах и действиях: изумляйся! – то есть восставляй себя и держи в таком состоянии, в коем при живом сознании сокровеннейшей непостижимости Великого Бога прекращается всякое движение духа и водворяется в нем глубокое некое молчание, как бы замирание жизни. Когда трезвая мысль минет все твари, перенесется за пределы мира и погрузится в созерцание Бога; тогда находит, что как несомненно то, что Он есть, так несомненно и то, что Он не есть что-либо из знае-мого в

тварях: ни сила, ни свет, ни жизнь, ни ум, ни слово, ни мысль и вообще ничто из представляемого умом нашим; и потом, когда обведет одним взором все сии отрицания, то вводится мгновенно в Божественный некоторый мрак, в коем не может зреть ничего, кроме необъятной, преисполненной существенностей беспредельности, поражающей глубоко и налагающей молчание на слово и мысль. Это состояние возвышеннейшее, до коего только может доходить земная тварь. Человек тогда восхищается до состояния серафимов. Это то же, как если бы кто входил в тронную величайшего из царей: первый взор на царя – и все поражает его до онемения. В такое состояние человек может восходить и из сознания вообще непостижимости Божественного существа и каждого Его свойства, ибо и каждое Его свойство так же непостижимо и изумительно, как Он Сам. Апостол Павел взывает: «о глубина богатства премудрости и разума Божия ...кто разуме ум Господень!..» (Рим. 11:33–37; 1Кор. 2:16). «Удивися разум твой от Мене, утвердися, не возмогу к нему», сознается пророк (Пс. 138:6). Это о разуме. Но также непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его творение, и всякое дело Его промышленности. Дивны дела Твои, Господи! Восходить к сему изумлению может всякий сам через отрешенное и покойное углубление; могут помочь в сем деле и изображения сего свойства у святых отцов, как например, у Дионисия Ареопагита – о таинственном богословии, у святого Иоанна Златоустого – слова о непостижимом и др. Но чтобы воспитать к тому способность, легче начать с созерцания дел, восходить до созерцания совершенств, а наконец востечь и на самый верх, к сознанию непостижимости существа Божественного. Как кто возможет, только должно сие делать, ибо здесь совершается в духе самое истинное и приличнейшее поклонение твари Творцу и Господу. Само собою разумеется, что чувство сие имеет разные степени; но каждому свое, и каждый пусть совершает дело сие по силам своим. Моисей восходит на самый верх горы и скрывается в облаке, другие стоят на полугоре, а третьи – у подножия. Это образ трех состояний людей, восходящих к постижению и сознанию непостижимости беспредельного Бога. Значит, никто не должен отказываться неумением или незнанием дела сего.

бб) Бог бесконечно велик: падай в унижении, проникайся благоговейным страхом и трепетом, созерцая величие Божие. Первое у вошедшего в тронную, как замечено, есть молчаливое изумление, в коем нет ни одного представления раздельного. Вошедший не успел еще осмотреться или различить себя и царя с его величием. Затем первая мысль после того, как он придет в себя, это – величие царя и своя малость.

То же в отношении к Богу. Когда мысль погрузится в Беспредельного и выйдет из себя, то исчезает в глубоком изумлении. Но лишь только обратится в себя, то, принося с собою сознание беспредельного и в сей же акт, как бы налагая его на свое ничтожество, поражается, как ударом каким, сею несоизмеримостью и падает в благоговейном трепете в прах пред созерцаемым величием Бога, при сознании своего ничтожества. Но должно знать, что сей страх не имеет муки. Им поражаться сладостно, как и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновение духа нашего к Богу, из Коего он, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговейного страха велика: он проходит до разделения души и духа, членов же и мозгов, как бы истнивает и истончивает духовным действием своим и душу, и тело. Чувствующий его падает ниц, готов бы пройти в утробу земли, сквозь все твари, в бездну, туда, где нет ничего, от сознания своего ничтожества и величия Божия. Но при всем том ему приятно пребывать в сем состоянии: оно разливает отрадную прохладу в существе его, может быть, от того, что есть истинное стояние твари в отношении к Творцу, или оттого, что здесь совершается истинное, а не мысленное проникновение ее существа силою и действием Божества. Оттого плодом благоговейного страха всегда бывает отрезвление, освежение, очищение духа. Как молния, проходя пространства воздушные, пожигает там всякую нечистоту и примесь и делает воздух чистым, так и огонь Божества при благоговейном страхе поедает нечистоту духа и очищает его, как золото в горниле. Потому все, проходившие степени совершенства, существенным условием к тому, а вместе могущественнейшим средством признают сей благоговейный страх. И во всем пространстве Слова Божия он поставляется и обязанностью существенной, и вместе отличительным свойством людей истинно благочестивых. "Бойтесь Бога вси святии Его» (Пс. 33:10). «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2:11). Надобно, однако ж, различать страх начальный от сего страха совершенных. Тот мучит и наносит ужас и трепет от ожидания казни за грех. И этот существенно необходим в первоначальном пробуждении грешника, но как переходный акт не может быть обращен в обязанность и даже по существу дела не может быть навсегда удержан в душе, хотя иногда находит и после и считается действительнейшим средством для обуздания ярых страстей. Истинный страх, свойственный совершенным, умиляет. Он рождается по вкушении любви и пребывает в неразрывном союзе с нею, то освежая, то согревая дух наш. Он должен быть поставлен целию. К нему взойти и его укоренить навсегда в духе есть обязанность, ибо в нем только и есть истина стояния твари пред лицом Творца. Способ

возбуждения и воспитания его в себе определяется его составом. Напрягись сознать свое ничтожество и величие Бога в одно время в углубленном и отрешеннейшем состоянии духа. Делай это чаще, особенно утром, вечером, в полночь... Когда сие действие превратится в обычай, в духе вкоренится действие страха Божия, или непрерывный страх. Напротив, рассеянность, самомнение, богозабвение суть враги страха Божия. От них он погасает как огонь от воды и свеча от дуновения ветра.

вв) Бог всесовершен: восхваляй и славословь Его. Вошедший в тронную, продолжим сравнение, после страха опять обращается к тому, что навело его, и где прежде ничего не видал, теперь начинает различать одно за другим: и лицо, и корону, и порфиру, и трон, и все украшение его – и, находя все это совершенным, не может удержаться от чувств, а иногда и знаков одобрения. И вот он в состоянии воздавания разумной славы царю. То же бывает и в отношении к Богу. Когда возникший от страха и самоуничтожения дух возвращается во внутренний покой свой и смиренно предается святому богомыслию, тогда открываются его внутреннему оку и в своей мере постигаются совершенства Божий, кои, различаясь во взаимном союзе и соприкосновении, рождают и впечатлевают в уме одну мысль, или один лик всесовершенства Божия. Это есть возвышеннейшее и изящнейшее, что только может породить конечный и тварный ум. Потому, когда сия мысль, или созерцание, посетит внутреннюю храмину нашего духа и исполнит его светом и величием своим, тогда кто изъяснит радость его и восхищение? Все кости его, то есть все малейшие движущиеся части его существа, начинают во внутреннем неудержимом некотором выигрании восклицать: коль славен Господь и Бог наш! Восхитительная радость духа, созерцающего в себе всесовершенство Бога, есть уже славословие, совершающееся внутри, или состояние славословия, в коем дух из себя и в себе возносит Богу жертву хвалы. Славословие Богу, выражаемое словом, есть плод ее, всегда, впрочем, низший, или не соответствующий не только Богу, но и тому, что ощущается в духе. Ни единое слово довольно будет к пению чудес Твоих, должен заключить и заключает всякий, составляющий Богу хвалебные песни. Богохваление в духе есть отраднейшее состояние и восхищения, и радости, и веселия духовного, но все сие о едином Боге и о том, что Он есть таков, хвалимый и превозносимый. Сию хвалу возбудить может и всякое совершенство Божие, и всякое Его дело, даже к нам относящееся, но в самом действии хвалы все другое устраняется, видится един Бог и совершенство Его действий. Это жертва бескорыстнейшая. Можно сказать, что в сем – жизнь

нашего духа истинная, или истинное причащение жизни Божественной. Как в страхе Бог проникает нас и как бы разжигает огнем Божества, так в сем богохвалении наш дух проникает или восприимается в Бога и приобщается Его всеблаженства. Восходить в сие состояние или желать и искать быть возводиму в него сколько естественно духу и многоплодно для него, столько же и обязательно, ибо сим воздается должное Господу и Богу нашему. Потому в Слове Божиим во многих местах предписывается хвалить Господа и даются образцы сего хваления. Подобно им, и все святые, восходившие в сие состояние, изображали совершенства Божий в слове и оставили нам свои хвалебные песни. Прочитывать сии песни с углублением и напряжением необходимо. Это начало или часть исполнения обязанности богохваления. Не иначе как через них восходит человек и к духовному богохвалению мысленному. Они суть воспитатели его, которых не должно, однако ж, оставлять и после уже того, как образуется свое внутреннее. Чтобы восходить наверх, надобно иметь лестницу. Но и кто взошел однажды, не отбрасывает ее, потому что она и после будет нужна. Обыкновенно начинать должно славословие преданными нам песнями всякий раз, а там умолкни, когда начнет славословить дух. Самое производство славословия или останавливается на всем всесовершенстве, или на одном каком совершенстве, или переходит от одного к другому. Но это не есть холодное созерцание свойств Божиих, а живое ощущение их, с радостью и восхищением того ради, что таковы они в нашем Боге. Поставлять себя в сие состояние сколько можно чаще – спасительно. Нельзя лучше отрешить духа от всякой примеси земной и от всего чувственного как так; ибо в сем действии он удостоивается вкусить сладость, с которою сравниться ничто не может.

гг) Бог везде есть, все видит и все исполняет: ходи пред Богом. Когда царь осматривается вокруг себя с высоты престола своего, то всякий из присутствующих держит себя так осторожно, как бы царь на него одного смотрел, так, как бы тут были один только он и царь, забывая все прочее. Царь нравственного мира, Бог, не только все видит, но и все исполняет существом Своим – есть везде весь и видит не внешнее только, но и внутреннейшее и притом полнее и совершеннее, нежели как видит себя тот, кого Он видит. Всякая разумная тварь обязана как помнить сие вездеприсутствие и всеведение Божие, так и располагать дела свои, и внутренние и внешние, с чувством его, стоя как бы пред очами Бога, под Его взором, до того чтобы все другое выходило из мысли и внимания, а был только он, действующий, и Бог, видящий его и дело его; или, что то

же, – ходить пред Богом, ибо настроение духа действовать как пред очами Божиими есть хождение пред Богом. Оно обязательно для всех, потому что есть. Помни или не помни ты, но Бог все видит, и дела твои все открыты Ему, или совершаются пред лицом Его. Так зачем скрывать истину и превращать ее в ложь? Что к сей мысли должно прилагать и богоприличное расположение дел, сего требует почитание Бога. Когда сын пред лицом отца или подданный пред лицом царя действуют, забывая о достоинстве их, то тем оскорбляют их. Потому любящие Бога и боящиеся Его "предзрят Его пред собою выну» (Пс. 15:8), то есть обращают это себе в характер и, что ни делают, сознают, что око Божие обращено на них. В помощь при сем, или для воспитания сего чувства, употребляют разные средства: иные зрят Бога одесную себя, как святой Давид; иные око Божие, утвержденное над собою, созерцают; иные мысленно простирают свет Божий вокруг себя, как бы некоторую духовную атмосферу, в которой, как в скинии, укрываются и витают духом неисходно, или пребывают как в безопасном пристанище. Все сие, впрочем, средства. Бог же не имеет вида или образа, потому истину любящие всеми мерами стараются возводить себя в состояние зреть Господа пред собою без образа, мыслию простою, чистою. Это верх совершенства в хождении пред Богом. Плоды сего хождения бесчисленны; но, главное, от него естественно переходит в жизнь нашу чистота и непорочность слов, мыслей, желаний, дел. «Благоугождай предо Мною и будь непорочен», говорит Бог Аврааму (Быт. 17:1). Св. Давид зрел Господа пред собою, «да не подвижется», то есть чтобы не допустить какого неправого движения (Пс. 15:8). Тут не нужно и прибавлять: когда зришь Бога, бегай неправды, ибо само зрение отвратит от нее... Потому, можно сказать, заповедь о хождении пред Богом есть то же, что и заповедь о богоугождении. Другой плод от сего есть некоторая теплота духа. Зрение Бога не может быть холодным, если оно есть истинное. По мере усовершенания в лицезрении Божиим возрастает и теплота. После же они сливаются, и как лицезрение, так и теплота превращаются в единое непрерывное действие духа. Такое настроение духа есть самое лучшее приготовление к будущему всеблаженному лицезрению Бога. Кто утвердился в нем, тот стоит уже в преддверии рая, созрел для него. Всякий же, кто не умеет зреть Бога или, помысливши о Нем, отвращается от Него, чувствуя, что это неприятно и страшно и ко многому обязывает, пусть позаботится о себе; ибо от сего можно заключить и о будущем. Обыкновенный против сего грех есть богозабвение, или непамятование Бога; в развратных – намеренное себя развлечение, чтобы ум не видал лица Божия, не тревожил их сна и не

разгонял мрака греховного.

Изумление, благоговейный страх, радостное богохваление и хождение пред Богом объемлют собою по преимуществу жизнь в Боге. Это потому, что во всех их и человек сам, и всякая тварь исчезают из мысли, а созерцается один Бог. Здесь представлено, что сии расположения рождают себя взаимно, или вырождаются одно из другого, как и вообще все в духе. У иных, может быть, возбуждение и развитие их совершается не тем путем, как здесь представлено, но обратно. Хождение пред Богом легчайшее и удобнейшее начинается первое и служит исходною точкою для других. Ходящий пред Богом посвящается в ведение совершенств Божиих и всего всесовершенства и навькает богохвалению. Вошедший до сего еще глубже входит в Божество и стяжевает благоговейный страх. Кто же после сего возносится за все, различаемое в Боге, тот вкушает изумление. Это предел, за который уже и заходить нельзя. Кто прошел все сии степени, тот находится в блаженнейшем состоянии и прежде оногo века живет в нем, переходя от изумления к благоговению, а от сего – к богохвалению, ходя, или духовно движась, как в доме каком, в Божественном лицезрении, исполненном света и чистоты пренебесной. Вот и жизнь в Боге!

Единственное и неизбежное условие в такой жизни есть отрешение от себя и от всего тварного, или бесстрастие. Дух выйти должен из мира сего – в мир премирный, и с собою не вносить туда ничего тленного. «Како вшел еси семо, не имый одеяния брачна» (Мф. 22:12), скажут тому, кто вшел бы туда, если б сие было возможно, с каким-нибудь пристрастием, как бы в изорванном рубище. Но то несомненно, что при каком бы то ни было пристрастии не бывает восхождения к Богу. Бывает, правда, лесь в духе, когда ему чудится, что он живет в Боге. Но как привязанная птица и полетит, и опять падает на землю, хотя привязана за малейший член; как запорошивший глаз и открывает его, но ничего не видит им; так и имеющий пристрастие думает, будто углубился в Бога, но тем только себя обманывает. В сем состоянии бывают ложные видения, обольщения фантазии, а вместе – и обаяния сатаны, который любит и умеет пользоваться всякою нашею слабостию. Многие от сего изумились и навсегда погибли. Однако ж это не должно служить укором истине или останавливать усердие и желание ищущих. Следует только не забывать мудрых правил, оставленных богомудрыми отцами, то есть, устремляясь к Богу, не забывать и отрешения от всего и строже начать с последнего или преимущественно обратиться на него; потому что первое некоторым образом естественно духу, который по отрешении от держащих его уз

чувственности не имеет куда войти, кроме области Божественной. В степенях сего отрешения различают сначала болезненное отторгание сердца от вещей чувственных через гнев, потом безвкусие к ним, а далее созерцание их из Бога, не отводящее от Бога. Для отрешения от всего, а равно и для жизни в Боге, всего лучше избрать желающим, способным, призванным особый род жизни – монашеский, или отшельнический. При сем удобнее то и другое является во всей своей чистоте и зрелости. И в порядке обыкновенной жизни сие невозможно, но сопряжено с большими трудностями и препятствиями. Лучше бывает, когда кто, утвердившись жить в Боге в удалении от мира, исходит или вызывается потом в общую жизнь на делание. В том жизнь по Богу имеет особое действие, тот есть представитель Бога для людей, разносящий Его благословение на все... Но опять, и к отшельничеству восходят по определенным правилам, отеческим образом, с долгим и опасным себя испытанием.

Вот куда восходят через Господа Иисуса Христа, чего наконец сподобляются и каким образом! Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа «да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша, ...да возможете разумети со всеми святыми, что широта, и долготы, и глубина, и высота... да исполнится во всяко исполнение Божие» (Еф. 3:16–19)!

б) Чувства и расположения к Богу – из созерцания Его творчества и промысления.

Стоять на такой высоте исчезновения в Боге постоянно – многотрудно, при условиях нашей настоящей жизни. Внимание неизбежно совлекается оттуда в порядок временных отношений жизни. Но, благодарение Господу, оно может и при этом не отторгаться от Бога. Мы и здесь на каждом шагу встречаем Его, хотя не непосредственно, а, так сказать, в отражениях. Отсюда особый ряд обязательных для нас чувств и расположений в отношении к Богу, вытекающий из созерцания Его отношения к миру и особенно к человеку.

Бога, бесконечного по бытию и совершенствам, мы созерцаем не Творцом только и Промыслителем, но и Совершителем мира.

Бог есть Всеблагий, Всемогущий, Всеправедный и Премудрый Творец и Промыслитель всего мира, в особенности рода человеческого и тебя. Следственно,

аа) Ты весь Его; покорствуй же Ему как Владыке жизни, в чувстве всесторонней зависимости от Него. Начало жизни и сил и их хранение – от Бога. Он дал, Он и содержит: «о Нем бо живем, движемся и есмы» (Деян. 17:28). Должно же знать и чувствовать, что мы в Его деснице. Она держит

нас над бездною ничтожества, в которое сами по себе мы поминутно готовы обратиться. Потому со страхом и заботливостью мы должны держаться и сами сей десницы, не отрывать ее от себя и себя не отторгать от нее, а, обращаясь то к ней, то к тому, над чем висим, молитвенно лобзать ее, напрягаясь довести себя до ощущения самого Ее как бы прикосновения к нам. Мы уже знаем, как важно сие чувство в нравственной жизни. Оно служит самую глубокою и твердою точкою опоры для свободы в склонении ее на решимость ходить в воле Божией, или пребывать в законе. А потом и во всякое другое время оно есть возобновитель или освежитель сей решимости, как, напротив, ослабление его есть мера нравственного расслабления. Кто видит пред собою царя, тот по мановению его готов и в огонь и в воду. Точно так же и кто ощущает на себе руку Владыки своей жизни, неудержимо порывается к исполнению того, что сознает исшедшим из уст Его. Чувство зависимости своей от Бога естественно нашему духу. Оно и есть в нем, только погружением в чувственность, заботами и развлечениями так зарыто, что не выникает из-под их тяжести, как слабый огонь, заваленный пеплом. Потому нужно только отнять сии препятствия, чтобы дать силу тому чувству. Уединись от развлечений внешних в удаленный покой или овладей ночью, а от расхищений ума войди во внутреннюю храмину; отршись от забот о всем, что теснит чувством нужды, изпраздни многое, чтобы было одно; если к тому и другому присоединить и обузданы плоти делом и мыслию, то быть не может, чтобы не ожило при сем родное духу нашему чувство зависимости от Владыки нашей жизни. Но это отрицательные и будто приготавливаемые средства. Начни уяснять себе истины о происхождении всего от Бога, о своем явлении на свет; размысли, как жизнь возникает и сокращается совсем не по нашим расчетам, а по иным некоторым правилам и проч... Вообще, все надобно употребить, чтобы возбудить от усыпления и потом постоянно держать в силе и живости сие чувство зависимости от Бога. Оно стоит того, ибо само всепобедительно. С ним только творятся нравственные чудеса. И себя и других нравственно править можно только через Него.

бб) Все твое от Него. Способности и свойства души и тела, обстоятельства жизни, состояние и звание, место рождения, воспитание, служба, средства содержания, болезни и здоровье, скорби и радости, возвышение и понижение, возрождение, спасение, царство обетованное, вообще все, что только есть в нас и касается нас, есть от Бога и касается нас по Его воле. Он есть единственный всего распорядитель, никто не может расстроить Его намерений и ничто не может втесниться в Его

планы против Его воли. И это как вообще касательно всего человеческого рода, так и в частности касательно меня, тебя и всякого отдельно.

Сознавая сие – Благодарите Бога о всем. «О всем благодарите, – учит апостол, – Сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе» Господе нашем (1Сол. 5:18). Когда говорит о всем, исключает всякое различие радостного и нерадостного. Значит, за скорби во всех видах столько же должно благодарить, сколько и за радости; столько за малое, сколько и за большое, за прошедшее и настоящее, за постоянное и изменяющееся. Благодарение есть радостное чувство величия милости Божией к нам недостойным. Когда сие радостное чувство не подавляется и скорбями, или когда и скорби принимаются как благо, то отсюда рождающееся доброе состояние есть благодущие. Постоянное благодущие при продолжающихся скорбных обстоятельствах есть христианское терпение. Последний предел богоугодных расположений в отношении к своей участи, устрояемой Богом, за которым начинается уже не просто благодарность, а еще высшее чувство, это есть довольство своим состоянием и всем своим.

Все сии изменения чувств и расположение в отношении к Промыслу, нас устрояющему, сколько естественны в здоровом духе, столько же имеют нужду и в поддержании, потому что непрерывно подлежат опасности нападения со стороны суетливого и самолюбивого эгоизма. Поддержание их совершается посредством размышления или уяснения себе некоторых истин, сознание коих сильно и родит показанные чувства... Все они естественно вытекают из свойства самых расположений. Так –

1) Благодарение есть чувство милости Божией незаслуженной. Итак, развивай в мыслях обилие милостей Божиих, явленных в творении, промышленности и особенно в искуплении, доведи до сознания, что ты милостями сими всесторонне объят: что ни движение, то милость; что меньше дышишь, нежели получаешь милостей; что миг больше, нежели расстояние милости от милости – или что ты стоишь в них неисходно. Когда потом приведешь на мысль, что все это незаслуженно, что не только малой какой недостойн ты милости, но что, напротив, не милости, а постоянных казней стоишь одних; тогда дух не может остаться бесчувственным, не согреться теплотою любви Божией и не отозваться благодарностию. Вообще, мера сих двух сознаний есть, мера благодарности, ее повышения и понижения, как, наоборот, неблагодарность исполняет сердце там, где или не знают благ, или считают себя их достойными, выставляют свои права на них. Неблагодарный Богу есть большой эгоист и вместе – невежда слепой.

2) Благодущие есть радостное или благодарное приятие скорбей и бед

всякого рода. Главное в производстве сего чувства – это, кроме ясного видения, как скорби и беды исходят от руки Господней, есть еще ясновидение тех благ, которые из них истекают, и притом благ существенных и истекающих не как-нибудь случайно из скорбей, а не иначе и возможных как под условием их. Как, например, очищение страстей, утверждение смирения, оставление грехов, крепость характера, приобщение Христовым страстям и проч. Когда это хорошо будет сознано, тогда не могут не возникнуть в душе сначала ростки желания, а далее жажда скорбей и бед. В подкрепление к сим возникающим чувствам должно приложить еще ясное сознание того, что мы стоим не только таких, но и несравненно больших бед, что и жизнь следовало бы отнять, а не только какое-нибудь благо. И то убеждение уже значительно умалит болезнь сердца, что мы заслужили несравненно больше, а посылается нам меньше; когда же еще увидим и благо от скорбей, то примем их с распростертыми объятиями. А это и есть благодушие.

3) Терпение есть продолжающееся благодушие. Терпеть – значит не только несть скорби; ибо, когда они нашли, куда от них убежишь? Но, собственно, несть с радостью и веселием духа, почему оно и есть непрестающее благодушие. Оттого поддерживать его в себе должно тем же, чем и благодушие, обращая в том и другом случае особенное внимание на продолжительность скорби, доводя сердце до убеждения, что чем продолжительнее скорбь, тем лучше, что нам следует страдать не только время, но и вечность. Ибо терпение тем особенно и истощается, что терпящий не видит исхода. Когда отнимешь таким образом возможность расслабления духа от невидения конца скорбям, то не будет уже и того, что колеблет благодушие. Кто не поспешит устроиться так внутренне, тот скоро теряет терпение, затем падает в ропот и даже отчаяние.

4) Довольство есть неподвижность сердца на скорбь или невидение и нечувствие лишений... У довольного сколько ни отнимай, ему все довольно еще, и как мало ему ни дай, он все доволен. Это как бы внешняя ограда для всех чувств и расположений в отношении к промыслительному о нас попечению Бога. Оно имеет непосредственное отношение к подающей руке при том же чувстве незаслужения блага и заслужения всякого наказания. Бедный принимает все и всяким подаванием доволен. Это образ довольного...

Здесь указаны стороны, к каким должно прикреплять свое размышление при возгревании чувств благодарения во всех видах его; неточным же началом для самых мыслей во всех сих случаях должны служить Божественные свойства: Всемогущество, Благодать, Премудрость и

Правосудие. Размышление о каждом из сих свойств способно дать обилие радости и утешения. Впрочем, как не всякий сам крепок умом, то хорошо иметь и знать изложение утешений на разные скорбные случаи и изливание благодарений, составленные мужами опытными в сем деле. И радости и скорби так повсюдны! Повсюдно должно бы быть и благодарение, и умение благодушествовать и терпеть, если б не окаменение сердца. Кто принимает все очищенным сердцем, у того только и бывают во всей силе сии чувства. Ищи их у таковых! Сколько их у святого Златоуста, у святого Димитрия, Ростовского Чудотворца, у святителя Тихона Воронежского! Иные составляли целые книги в утешение несчастным и скорбящим.

вв) Все, что будет с тобою, от Бога будет. Он ведет все к определенному концу; ведет и разумные твари, но только под условием покорности их Его воле. Что Бог приведет к самому лучшему, это несомненно; остается только тебе явить совершенную покорность Ему, Всераспорядителю, отказаться от своей воли, своих замыслов и способов. Отсюда вытекают разные расположения относительно своего будущего, обязательные для всякого верующего в Божественное мироправление. Таковы:

1) Преданность в волю Божию. Преданный Богу не так говорит: что будет, то будет, решаясь на неверное, ничего не обещающее (в чем видится искушение Бога); но ясно сознает сообразность средств с целями или прозревает некоторым образом порядок своей жизни при всей неутомимой, трезвенной, зрелой и разумной деятельности, не присвоив себе знания всего, чем кончатся его жизнь и дела, к чему приведут они – к благу или злу для него самого и для других; а, желая только одного блага и славы Божией, молитвенно отдает Богу и себя, и свои силы, и свои дела, чтобы Он по мудрому, и благому, и праведному Своему совету благоустроил их, как хочет, иное отсекая, иное прибавляя, иное изменяя в ходе и направлении. Преданность в волю Божию не есть недеятельность. Она совмещает и усиленную деятельность, только без пристрастия к ней, без настойчивости, чтобы именно было по моей воле. Не есть она и пренебрежение своих дел, но радуется о них, только не ради их и себя. Преданный Богу во всем говорит: воля Господня да будет, по уверенности, что она будет ко благу. Ибо один Бог знает все и один Он может отвратить злое, если восхощет.

2) Следствием сего, самым близким и естественным, бывает успокоение в Боге. Сие успокоение не есть разлив блажности с разлением, какие бывают во плоти от полного удовлетворения ее нужд, но есть покой духа, истекающий из совершенной уверенности в том, что

Бог, Коему он предал труды свои и дела, все благоустроит наилучшим образом к истинному и вечному благу. Это есть отсечение злой и съедающей душу и тело многозаботливости, которая не дает покоя человеку, коль скоро он берет свою участь на свое попечение, мятет его то сомнениями, то страхом и опасениями. Успокоенный в Боге не мятется так, ибо отсекает сию злую страсть тем, что не сам собою правит своею участию, а предал себя Богу.

3) В дополнение к сим чувствам, касательно своего будущего, приходит надежда. Она есть дочь двух первых. Преданный Богу уверен, что Бог дополнит недостающее; успокоенный в Нем верует, что так это и будет. Отсюда рождается несомненное ожидание помощи Божией во всем, что Он сочтет нужным для благоустроения нашего, для явления Своей славы и для блага человеческого. А это и есть надежда. Надеющийся говорит: «Бог не оставит и только один Бог. Силы мои изменят, другие люди изменят, князи изменят, один Бог не изменит». Надежда есть отрадное чувство, исцеляющее болезненность беспомощности и бессилия, почему и возгорается сим последним чувством при уверенности в благообщительности и благоподательности Божией. Она не дерзостна, не самовольна, но ожидает несомненно и действительно получает не только те блага, о коих уже Бог всем навсегда сказал, что они нужны и всякому подадутся, но все вообще, в чем чувствует кровную нужду. Надежда возрастает до такой высоты, что как бы имеет уже то, чего ожидает; но и здесь опять в волю Божию полагает время, место и способ, то есть с терпением ждет. Самою крепкою для нее опорой служит обетование Господа, что все, что ни попросят верующие с верою, получают (Мф. 21:22; Мк. 11:24).

4) Оттого под надеждою зреет прошение или моление, то есть такое возношение ума и сердца к Богу, в коем, изъявляя кровные свои нужды Богу Всеблагому и Всемогущему, молят Его ниспослать благопотребную помощь с несомненною верою, что и получают, если Богу то благоугодно. В молении есть и надежда, но не все моление – надежда. Надежда завершает или стоит наверху, как бы осеняет моление; моление стоит внизу и восходит под сению ее на небо. Надежда преимущественно обращена к Богу, моление низводит благость Божию к себе и кровным своим нуждам. Потому первое условие благоуспешности прошения есть искреннее сознание крайней нужды или скорбное и болезненное чувство крайности, растворяемое надеждою. Молящийся должен довести себя до воззвания: «Господи! Нигде мне нет покрова и помощи. Ты один помощник!» Потом стоять в сих чувствах крайности и взывать, пока не получит ради

неотступности и беспомощности, ибо Бог беспредельно милосерд. Он как бы не может зреть болезнующих, только бы беспомощные сами являли Ему лицо свое или приходили пред Него. В молении есть и преданность, и успокоение, и надежда, но, что главное, это болезненное чувство нужды... Такое чувство есть сосуд, благоустроенный к приятию милости. Господь ждет, пока оно родится, и Сам разное помогает ему родиться, чтобы выполнилось главное условие к получению помощи. При сем различие предметов мало значит. Благодатного просвещения испрашивают так же, как и насущного хлеба, и Бог дает.

Так, обращаясь в будущее, благочестивый христианин просит, надеясь, и успокаивается в Боге, предаваясь Ему всецело.

в) Чувства и расположения – из созерцания Бога Совершителя всяческих.

Бог есть Всемогущий, Благий и Праведный Совершитель всяческих, чего ради чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. Изменится лицо неба и земли, и примут суд все живущие по неложному обетованию Господа. Тогда начнется жизнь в истинном ее виде – вечная и неизменная. Нынешнее же бытие мира и тварей есть только начальное, приготовительное. Господь, все устрояющий, все ведет к предназначенному концу. Когда же все исполнится, тогда Он произведет самым делом то, к чему все ведет: откроет славное Свое вечное Царство. Когда сие будет, не знаем; но знаем несомненно, что будет кончина мира, страшный суд, блаженство одним и мука другим. Итак...

аа) Ожидай второго пришествия Господня, то есть не только верь, что оно будет, но и будь готов встретить его на всякий день и час. Будь, по слову Господа, подобен рабам, ждущим Господа, но не знающим, когда придет Он. А потому и приготовляй всё, что считается необходимым к сретению Его, подобно мудрым девам, чтобы после не жалеть о неосмотрительности, и, желая того, молись: «да приидет Царствие Твое!»

бб) Не знаем, придет ли Господь в пределах нашей жизни, от сего часа до смерти, или, может быть, смерть наша упредит Его пришествие. Потому, не смея отстранять или отдалять явления Господня далее настоящей минуты, в которую думаем о сем, должны одинаково иметь в виду и смерть, быть к ней готовыми и приготовляться к тому событию, когда не Господь к нам придет, а мы будем позваны пред Него воздать все по достоянию. Ожидание сие, впрочем, не противно ожиданию Господа, а в существе своем одно и то же, или есть как бы некоторый вид его. И оно должно быть так же непрестанно, так же несомненно, так же бодренно. Сию или следующую минуту придет смерть и покончит все наше.

вв) Безвестен час, но не безызвестно, что будет. Помни же то, что будет, непрестанно: смерть, суд, рай, ад. Ибо случись только одна смерть, за нею тотчас последует и все остальное и притом с такую резкою решительностью, что уже и на всю вечность будет так, как будет положено тут. Может быть, все сие будет сейчас, в мгновение ока. Напиши же в мысли твоей сие и созерцай каждое мгновение, ибо созерцаешь или не созерцаешь, оно уже будет так.

гг) Если так нечаянно все может измениться, и может настать такой вид бытия, в коем ничто из подлежащего не получит участка; если там истина нашей жизни, а здесь только начало, приготовление, то не запасайся многим: будь как странник... Это обязывает жить на земле как на чужой стороне. Не то сие значит, чтобы ничего не иметь, ничего не приобретать, а то, чтобы сколько бы чего ни приобрел, сколько бы чего ни пришло: чести, славы, богатства – не прилагать к тому сердца, а держать его в будущем своем отечестве... Все здешнее пусть будет как чужое, как не родное. Не отвергай того, не презирай, но и принимай как чужое, как тяготу некоторую, боля сердцем, что живешь не на своей родине, и искренно желая и молясь скорее прейти в свое вечное жилище. Так, обращаясь к последнему концу всего, благочестивый христианин ждет Господа, готовится к смерти, помнит последнее и живет на земле как странник.

Вот весь порядок благочестивого настроения духа в христианстве:

Христианин восходит к Богу:

Познанием своего окаянства и познанием Господа приходя к вере в Него, из сей веры приемлет упование спасения и дает самоотвержение, приемлет мир с Богом и дает покаяние, приемлет чувство отчей любви и дает ревность действовать по воле Его, во славу Его.

Живет в Боге:

Восшедши таким образом к Богу и утвердившись в общении с Ним, ходит пред лицом Его в богоугождении и горении духа, хвалебно радуется о Нем, Боге Всесовершеннейшем, благоговейно падает пред Его беспредельным величеством и в изумлении погружается в Его непостижимой беспредельности.

И пребывает в Божественном порядке:

Пребывая же таким образом в Боге, благоговейно чтит и Божественный порядок бытия и жизни. Чувствуя, что он весь есть Божий, покорствуется Богу в сознании полной зависимости от Него; сознавая, что все его есть Божие, он благодарит за то, благодушествует, терпит, довольствуется; веруя, что все будущее от Бога же, он предается Богу,

успокояется в Нем и, надеясь, молится; уверенный, что будет конец всему, он ожидает его, готовится к смерти, помнит последнее и содержит себя странником на земле.

Так резко обозначаются три отдела чувств и расположений, выражающих благочестивое настроение духа и составляющих христианские обязанности к Богу. Очевидно, что цель всего – жизнь в Боге, восхождение же к Богу и пребывание в порядке Его суть средства, как бы два столпа, на коих утверждается та жизнь. Не так, однако ж, должно понимать сие соотношение, будто здесь есть иное нужное, а иное ненужное. Нет, тут все существенно необходимо в целом устройстве, и отъятие чего-нибудь есть ущерб для целого. Здесь так все связано, что малое расстройство расстроивает все. Как наше тело, отними у него соки, умрет и, отними нервы, тоже умрет, так и здесь все нужно. Ничего потому не пренебрегая, молиться должно усердно: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей».

г) Молитва – вместилище и поприще жизни в вере и благочестии.

аа) Значение молитвы.

Как в отношении к вере есть особые действия, в которых она выражается, так есть свои действия, служащие выражением и благочестия. Всеобъемлющее из таких действий есть молитва. Она есть вместилище или поприще всей духовной жизни, или самая духовная жизнь в движении и действии. Ибо что есть молитва? Есть возношение ума и сердца нашего к Богу. Но сие возношение имеет место во всех показанных пред сим благочестивых чувствах и расположениях, обязательных для христианина. Ибо и покаяние, и вера, и мир с Богом, и благоговение, и терпение, и чаяние второго пришествия, и вообще всякое из тех действий необходимое имеет отношение к Богу, возносит к Нему и рождается из сего возношения. Посему, как скоро приходит в движение какое-либо благочестивое чувство, движется и молитва, и, наоборот, пребывание в молитве есть пребывание в каком-либо из сих чувств, а переход от одного чувства к другому, как бы волнение благочестивых чувств, есть возгревание молитвы. Можно сказать, что молиться – значит приводить в движение благочестивые чувства и расположения, каждое отдельно, или все совместно, или одно за другим, или, что то же, возбуждать, оживлять и возгревать жизнь и дух благочестия. Кто не молится, у того нет благочестия, и у кого нет благочестия, тому как молиться?

Если теперь благочестие есть жизнь нашего духа, то понятно, почему только умеющего молиться должно назвать имеющим дух. Кто-то определяет молитву дыханием духа. Она и есть дыхание духа... Как в

дыхании расширяются легкие и тем привлекают животворные стихии воздуха, так и в молитве разверзаются глубины нашего сердца и дух возносится к Богу, чтобы приобщением к Нему воспринять соответственный дар. И как там кислород, принятый в дыхании через кровь, расходуется потом по всему телу и оживляет его, так и здесь принятое от Бога входит во внутреннее наше и оживотворяет там все...

бб) Следствия благие.

Отсюда сами собою вытекают следующие благие следствия молитвы. Она есть оживотворение духа, некоторое как бы его обожение. Кто бывает в мироварнице, напитокывается миром; кто же возносится к Богу, исполняется Божеством... Божественное же в нас втечение, будучи само по себе просто и единично, разлагается в нас по трем силам нашего духа как бы на три потока: одним влияет на разум и просвещает его, другим – на волю и дает ей крепость, или освящение и обновление сил, третьим – на сердце и возвышает жизнь, или огонь благодатной жизни. Видно, таким образом, что молитва есть все для нас, и понятно, отчего усердные молитвенники скоро востекают наверх духовного совершенства, являют начатки и плоды духа, одухотворяются.

вв) Условия.

Теперь сами себя выказывают условия движения истинной молитвы. Если она есть возвышенная жизнь и деятельность духа, а эта последняя развивается на счет других, получивших в нас участок жизни, то молитва невозможна без умерщвления плоти и погубления души, или вообще без самоотвержения, так же, как невозможно без них и истинное благочестие. Молитва, при чувственности и душевности, то же, что курение смрадного изгребия... Вот почему у святых отшельников находим и молитву в совершеннейшем виде! Потому что в них сильно было самоотвержение. И то и другое в совокупности скоро делало их духоносцами и большею частью только их одних. Обыкновенный порядок жизни как-то не совсем благоприятен совершенству в молитве. Ибо тогда как в ней надобно отрешаться от всего и как бы не существовать для внешнего, тут все вызывает вон и низвергает дух с высоты, на которую лишь только востечет он со всеми усилиями.

гг) Воспитание чрез молитвословие.

Судя по такому происхождению и значению молитвы, ей должно быть непрестанною, ибо непрестанно должно иметь дух благочестия и притом не мертвый, а живой. Потому предписывается: «непрестанно молитесь» (1Сол. 5:17), «всякою молитвою и молением молитесь на всяко время духом» (Еф. 6:18). Но до такой непрестанной молитвы, или приятия

действия молитвенного, доходят не вдруг, а перемежающимися, совершающимися в известные времена молитвованиями, кои суть и необходимые средства к стяжанию непрестанной молитвы, и условия к ее сохранению во всю жизнь.

Производство сих молитвований требует и особенного порядка внешнего, и особенного настроения внутреннего.

Так, для него, необходимо особое место, если можно уединенное и к тому определенное, пред святою иконою с возжением свечи или лампы и без того; необходимо особое время, утром и вечером или в другие часы, применительно к часам церковных служб; необходимо особое положение тела, стамое или коленопреклонное, с благочинием и напряжением.

Приступающий к сему молитвованию прежде всего должен возвратить ум свой из рассеяния и собраться в себя отрясть все заботы или, сколько можно, утишить их и поставить себя в живейшее сознание присутствия Бога вездесущего, всеведущего и всевидящего. Это есть как бы создание внутренней молитвенной "клетки", в которую удалиться повелел Господь (Мф. 6:6), то же, что временно поставляемая скиния.

Устроившись так, совершай самое молитвословие: тихо, благоговейно, разумно читай избранные и установленные молитвы, перемеживая их поклонами с крестным знамением, поясными, или земными, или коленопреклонением, всемерно напрягаясь внедрять в сердце читаемое и возбуждать в нем соответственные чувства. Когда согреется сердце или возбудится какое чувство, остановись и не продолжай читать, пока не напитаться. Ослабеет это чувство, опять начинай и опять останавливайся, когда возродится чувство. В этом и все производство молитвословия...

дд) Степени.

Иным кажется, что такой образ молитвы имеет в себе много вещественного, стихийного; «телесное же обучение в мале есть полезно», учит апостол (1Тим. 4:8). А иные совсем хотят отнять у молитвы все внешнее, оставаясь при одном внутреннем. Это заблуждение древнее. Оно в самом начале было замечено и отвергнуто святыми отцами. Плоду предшествует цвет, цветку – лист, листу – почка и оживление ветвей. В вещественном необходима постепенность, необходима она и в духовном. Внутренняя молитва есть плод: надобно много трудиться, пока он зародится. Можно назначить три степени молитвы. На первой она бывает преимущественно внешняя: чтения, поклоны, бдения и проч... С сего начинают, и иные довольно долго трудятся над собою, пока появятся начатки молитвы, или легкие движения молитвенного духа... Молитва как

высший дар ниспосылается как бы по капле малой-малой, чтобы научить человека дорого ценить ее. На второй степени в ней телесное с духовным являются в равной силе. Здесь каждое слово молитвы сопровождается соответственным чувством, или внутренними молитвенными движениями, внутренне подвижными, изъясняются и изъясняются своим словом... Это повсюднейшая молитва, общая всем почти. Она обыкновенна в том, в ком жив дух благочестия. На третьей степени в молитве преобладает внутреннее, или духовное, когда и без слов, и без поклонов, и даже без размышления, и без всякого образа, при некотором молчании или безмолвии, во глубине духа совершается действие молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временем, ни местом, ни другим чем внешним и может никогда не прекращаться. Почему и называется действием молитвы, то есть чем-то пребывающим неизменно. Вот, собственно, внутренняя молитва. Но чтобы дойти до сей последней степени, необходимо пройти первые и, следовательно, поднять все труды телесного делания для молитвы, как то: посты, поклоны, чтения молитв, бдение, коленопреклонение. Кто пройдет это – вступит на вторую степень, когда, как говорит Макарий Великий, лишь поклонись, и дух уже согревается в молитве. Как тому, кто не знает алфавита, нельзя начинать складов, потому что это будет бесполезною тратою времени, так и здесь: кто не умеет плавать по мелкой реке, как того пускать в глубокое море? Но и тогда, как кто взойдет до последней степени молитвы, внешнее моление не прекращается, а также участвует во внутреннем. Та только разница, что в первом случае внешнее предшествует внутреннему, а здесь внутреннее – внешнему. Как же можно браться за одно внутреннее, когда еще не научились трудом и опытом от внешнего восходить к внутреннему!

Видно теперь, где во всей полноте, силе и красоте является жизнь в Боге? На высших степенях молитвы. Так велика сила молитвы и так высоко ее значение!.. Молитва есть все: вера, благочестие, спасение. Следовательно, о ней столь можно говорить, что и конца не будет. Желательно, чтобы книгу кто составил в руководство к молитве из святых отцов. Это было бы то же, что руководство ко спасению. Кто умеет молиться, тот уже спасается.

3) Общение с Богом через общение со Святою Церковью

Теперь надо возвратиться немного назад и припомнить, как началось у нас разъяснение чувств и расположений, составляющих благочестивое настроение христианского духа. Дух благочестия христианского состоит в общении с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа во Святой Его Церкви, или по домостроительству спасения. Указано уже, какие чувства и

расположения должен иметь дух наш на пути сочетания со Спасителем, какие – на пути восхождения от Спасителя к Богу и какими исполняться, пребывая в Боге. Что теперь должен чувствовать он и к каким расположениям он обязан, сочетаясь с Господом Иисусом Христом и пребывая в Боге при посредстве Святой Божией Церкви?

Господь наш Иисус Христос, совершив наше спасение в Себе Самом, благоволил учредить на земле Святую Церковь для приложения и усвоения сего спасения ко всем. Церковь Святая есть единственный на земле дом спасения. Кто вне ее, тот погибает. Господь говорит: «буди тебе яко язычник и мытарь» тот, кто отделился непокорностью от Церкви (Мф. 18:17). Все, кои не вошли в ковчег, погибли во время потопа, и все, кои не войдут в Церковь, погибнут. Живой союз с Церковью есть единственное условие спасения. Пребывать в сем союзе – существенная обязанность верующего.

Живой союз с Церковью есть там, где все, что есть в Церкви, признают и ощущают так близким к себе, как бы собственную свою часть. Так как Церковь есть сосуд благодатных средств ко спасению и вместе – вместительница спасенных и спасаемых, то и присваивать, и живо воспринимать к себе должно то благодатные средства спасения, то христиан спасающихся. Потому и обязательных для нас чувств, расположений и дел по домостроительству спасения нашего два рода.

а) Чувства и расположения из отношения к Церкви как вместительнице благодатных средств ко спасению.

Церковь есть дом спасения, потому что все существенные наши духовные нужды удовлетворяются только в ней. Так, нам нужно просвещение познанием истины: она есть просветительница; нужны нам силы для укрепления слабых сил наших: она – подательница благодати; нужна нам защита от опасностей и врагов: она нам ходатаица и покров.

Сими тремя отношениями Церкви к нам определяется и то, что лежит на нас в отношении к ней.

аа) Из отношения к лицам, прилагающим благодатные средства к спасающимся Но во главе всех отношений должно еще поставить одно, не для всех, может быть, очевидное отношение к лицам, чрез кои спасающая нас Церковь действует на нас средствами спасения. Знаем, что и просвещение, и сила, и защита от Бога подаются нам во Святой Церкви. Спрашивается, как? Не непосредственно. Как мы телесно духовны, то во Святой Церкви есть соответственные тому, существенно необходимые для сообщения нам ее спасительных средств учреждения; такие учреждения, без которых не ниспосылаются с неба и не приемлются на земле небесные

дары. Но чтобы сии учреждения благодетельно действовали на нас, надо чтобы они были прилагаемы к нам, или исполняемы над нами. А чтобы сие последнее было совершаемо, надо чтобы в Церкви были лица, особенно на то определенные.

1) Богоучрежденность сих лиц

Так естественно приходим к тому заключению, что в Церкви, совмещающей в себе благодатные средства спасения, должны быть известные лица, кои бы, действуя по ее разуму, сими средствами доставляли от ее лица другим нужное ко спасению. Они и есть. Это пастыри, составляющие священноначальное епископство и подначальное священство, которое есть разложение или расширение епископства. Господь сказал святым апостолам: «завещаю вам, якоже завеща мне Отец Мой, царство» (Лк. 22:29), то есть передаю вам строить его (1Кор. 4:1; 1Пет. 4:10) и блюсти (Кол. 4:17; 1Пет. 5:2). Апостолы тогда совмещали в себе все. Потом они, поставляя других на свое место, им завещавали блюсти царство в тех, кои приступили к нему. Так Господь «дал есть овы убо Апостолы... овы же пастыри и учителя к совершению святых в созидание тела Христова» (Еф. 4:11–12). Святые делаются святыми через пастырей. Не то это значит, чтобы им принадлежала самоличная сила, или в них было неточное начало сил; но то, что они стоят на середине, на переходе от земли к небу и то людей возводят к Богу, то Бога к людям преклоняют. Что делал Иоанн Креститель? Людей переводил к Господу. То же теперь делают пастыри по воле Господа (см. Поел. Патриархов, чл. 10). Епископство – корень пастырства. Оно благодать от Бога изливает через священство на весь мир, паче же на верующих. Так, никто не приходит к Богу и от Него не получает милостей иначе как через освященные лица посредством известных учреждений, содержимых Церковию. Потому в домостроительстве спасения первое, с чем мы встречаемся, есть отношение к пастырям. Вот в нескольких словах все, что лежит на каждом христианине в сем отношении.

2) Обязательные к ним чувства и расположения

Надлежит нам: хранить убеждение в высоком значении пастырства и веровать в то; быть в сердечном, мирном, любовном общении с ним и подчинять себя ему; прибегать через него к Богу, или действительно пользоваться пастырством; молиться, чтобы Бог хранил сии посредства благодати и всячески приспособлял их деятельность во спасение наше.

Сим не вводится многоглавие, но так устроено для того, чтобы единая Глава – Христос через множайшие посредства, епископов и священников множайших облагодатствовал.

бб) По делу пользования благодатными средствами Святой Церкви

Вступивший в Церковь через пастырство делается причастным всех ее восстановительных благодатных сил и соответственно тому приемлет обязательство питать в себе известные чувства и расположения как член Церкви. Именно:

1) к Церкви-просветительнице. Церковь просвещает посредством проповеди Слова Божия. И Слово Божие, писаное и неписаное, и проповедание его постоянно пребывают в Церкви. Итак, надлежит нам содержать в мысли и помнить, что есть у нас книга книг, содержащая единую беспримесную истину, то есть Святая Библия – неоцененный дар Божий; благоговейно почитать ее, любить и благодарить за нее Господа; поучаться в ней день и ночь и образовать по ней жизнь свою; для сего, приступая к слушанию и чтению ее, приступать благоговейно, очистив ум от помышлений суетных; читая, внимать и уразумевать, прилагать к тому сердце, полагать намерение исполнить и, возблагодарив Бога, что напитал, помолиться о силах осуществить узнанное. И к Слову Божию неписаному, то есть всему преданному и установленному, надлежит обращать тоже преданное сердце; веровать сокрытым здесь вещаниям Духа Божия; благочестно покорствоваться; узнавать и сообразовываться с тем в чувствах и делах. Проповедь Слова Божия постоянно слышится в Церкви; надобно благодарить за ее бытие, пользоваться всяким случаем услышать, стараться понять и усвоить слышанное, ибо здесь Сам Господь сеет семена. Кроме устной, есть письменная проповедь в творениях святых отцов. Отверзтым сердцем и умом надо приникать к сим источникам и пить из них небесную премудрость. Но не должно брезговать собраниями поучений и наставительными книгами, и не святым отцам принадлежащими.

Вообще же, к просвещению ума познанием истины, сообщаемому Святою Церковью, надлежит питать следующие расположения: веровать и содержать сердцем, что одна Церковь есть столп и утверждение истины; что ее просвещение есть единое истинное просвещение Божественное; всякое же другое, внешнее, несравненно ниже его и, коль скоро несогласно с ним или противно ему, есть ложь и заблуждение, или мудрость бесовская; потому здесь преимущественно искать просвещения не самочинно, но через учительство, Богом установленное, и под его руководством, хотя не без собственного труда; а после него и по духу его принимать и просвещение светское, но только нужное и под тем условием, если оно согласно с несомненною истинною, ибо все прейдет, останется одна истина. Признавая все сие сердцем, нельзя не жалеть и не

сокрушаться, когда оскудевают проповедь истины и ее проповедники. Это казнь, «глад... Слова Божия» (Ам. 8:11–12). Скорбеть должно также и о том, если распространяется нерадение и презрение к Слову Божию и верующим внушаются учения, противные ему, ибо это знак омрачения и расширения владычества тьмы и князя лжи (см. свт. Тихона, т. 4).

2) К Церкви-освятительнице, или подательнице благодати и воспитательнице ее.

Нужные нам Божественные силы к животу и благочестию исходят семью Божественными таинствами, вверенными Святой Церкви. Итак...

Надлежит нам, держа в мысли, что есть у нас неистощимые сосуды благодати, радоваться и благодарить Господа за великий и неизреченный дар сей; надлежит благоговеть пред ними как пред величайшею святынею и явлениями Бога и силы Его и чаще приобщаться тех, коих должно, веруя несомненно в спасительную, сокрытую в них силу. В частности, в отношении к каждому таинству наш долг – приступать к ним как должно и хранить с опасением принятую через них благодать; хранить новую жизнь, полученную в крещении, помня обеты, кои даны, завет, в какой вступили, блага, на кои получили право в сем таинстве; блюсти, возгревать и употреблять во благо Церкви принятый в миропомазании дар благодати; спешить врачевать всякий грех свой в таинстве покаяния, исповедуясь искренно, терпеливо неся эпитимию по правилам; часто, и по крайней мере четыре раза в год (см. Прав. Исп.), приобщаться Святых Тайн с должным приготовлением и очищением совести и хранить покой Господа, принятого в сем таинстве; к таинству брака готовиться постом и молитвою и по приятии его хранить союз дружеский разумно и духовно как дар благодати; когда подвергаешься болезни, не забывать совершать над собою таинство елеосвящения с верою и упованием, не ограничиваясь одними лекарствами, ибо вера не посрамляет.

Вообще, в разных нуждах духовных знать надо и содержать в мысли, что сила приходит только от Бога, через таинства. Ни свое благоразумие, ни советы других – ничто не поможет, когда не получена сила Божия. Туда, следовательно, надо обращать все внимание, и сердце, и надежду, зная, что все другие средства имеют только условное значение, а эти – решительное. Потом, принявши силу, никто пусть не думает самовольно действовать ею. Надо подчиниться руководителю, от Бога определенному священнику, а иногда и восприемнику, и по его руководству возделывать дар, возгревать и употреблять. Чем выше дар, тем опаснее должно обходиться с ним; а это лучше всего с совета того, при посредстве коего он получен. Руководитель в употреблении сил или развитии нашей воли

существенно необходим. Все средства педагогики ниже, малосильнее и ненадежнее сего. Вот почему так скоро являются крепкими мужами те, кои благодушно проходят послушание! Кто хочет довольствоваться одними своими думами, тот стоит в опасности злоупотребить даром или даже совсем потерять его.

Кроме сего, никак не должно опускать предлагаемых Церковью средств к развитию и укреплению благодатных сил. Первое место после таинств занимает пост с говением. Их значение то, чтобы через воздержание давать возможность Духу благодати сильнее воздействовать на нас, чтобы дать нам время искреннее приобщаться таинств, чтобы возочищать и обновлять ревность в духе. Это самое благодетельное учреждение!

Далее следуют празднества, упразднения от всего Господа ради и, следовательно, в пользу духа благодати. Но и, вообще, все чинопоследования церковные назначены к освящению и возгреванию духа благодати и утверждению благочестия. Следовательно, все их должно содержать, усвоить, причастным быть им, чтобы освятиться, хранить освящение и воспитать соответственный дух жизни. Вот где Божественный воспитательный дом!

3) к Церкви-защитнице и ходатаице. Отовсюду нас окружают опасности. Грешим непрестанно и гнев Божий привлекаем на себя и на других; а тут многообразные враги вокруг, видимые и невидимые, внутренние и внешние. Церковь стоит, как добрый страж на страже или как воин храбрый во всеоружии со щитом сильных, и охраняет чад своих. Одна она совмещает самых сильных и действенных ходатаев и помощников. На небе Сам Господь ходатайствует о нас, сидя одесную Бога Отца, собор ангелов и святых молится за нас, особенно же осеняют каждого из нас покров Пресвятой Владычицы Богородицы, Ангел Хранитель и соименный святой. И на земле есть у нее особые пункты притечения скорой небесной помощи – при святых мощах угодников Божиих и чудотворных иконах. Но все сие суть только способы ее охранительные. Самое же охранение, или собственный ее охранительный щит, состоит в непрестанной ее молитве о нас. Почему она и называется домом молитвы и во всем своем устроении по преимуществу носит характер молитвенный.

Церковь имеет одно общее для всех молитвенное устроение и частные молитвования, приспособленные к особенным нашим нуждам. Чтобы в том и другом случае сила молитвенного ходатайства Церкви перешла на нас, надобно нам участвовать в них или поставлять себя в определенные к

ним отношения, обязательные для нас как для членов Церкви.

Общее для всех молитвенноходатайственное устройство Церкви таково.

Обыкновенно Церковь созывает чад своих на молитву в храм Божий в известные времена и здесь, священнодействуя, низводит на них охранительную силу. Отсюда лежит долг на верующих совокупляться на молитву, или собираться для общественного богослужения. Общая молитва имеет великую силу по обетованию Господа, быть там особенно, «где два или три собраны во имя» Его и исполнять всякое прошение, о котором « совещаются двое на земле» (Мф. 18:19–20). Молитва одного сильна на столько, на сколько силен он один, и то если он не отчуждается от общей молитвы; а если нарочито отчуждается от нее, то его одинокая молитва совсем ничтожна. В молитве же общей молитва каждого столько сильна, сколько сильны вместе все молящиеся. История представляет поразительные опыты силы общей молитвы во все времена. Целая Церковь всегда испрашивала помощь у Господа, прогоняла язвы, поражала врагов, низводила дождь или заключала небо, когда предстояла Богу с епископом, всем клиром и народом. Посему апостол и обязывает «не оставлять собрания», не чуждаться его (Евр. 10:25) из опасения лишиться помощи, которую подает взаимное подкрепление. Но этим не исключается обязанность и сила частной молитвы.

Вне храма, в доме, семейство есть союз молящихся. И каждого Церковь хочет соделать молитвенником и сильным в молитве. Затем положила правила для частной, уединенной молитвы.

Лежит долг собираться в храмы. Храм есть место освященное, в коем Бог являет особенное Свое присутствие, место, по глубокой мысли расположенное и вообще, и в частях. Так должно веровать и радоваться о сих жилищах Божиих; понять внутренний смысл их; пребывать в них, как пред Богом, с благоговейным страхом и извне оказывать им должное почтение; хранить их и всячески содействовать их благолепию и украшению; вещи священные и вся утварь да будут неприкосновенны, благочестно чтимы и употребляемы нами: свечи, одежды, сосуды, иконы, особенно Крест и Евангелие. Большой же пред всеми чести да сподобляются святые мощи, если они есть, и чудотворные иконы ради силы Божией, обитающей в них, всем явленной и постоянно являемой.

Но и дом на время молитвы становится храмом молитвенным. Здесь иконы, а инде лампада, свечи, Крест, Евангелие. Кроме того, есть часовни с иконами и крестами среди жилищ, и в поле нередко становятся кресты. Видно стремление всякое место сделать молитвенным, чтобы научить нас

всюду молиться – дома, в поле, на пути.

Лежит долг собираться в определенное время, то есть в известные дни и часы дня. Для общей молитвы назначаются дни воскресные и праздничные. Надо знать их и чувствовать как общие церковные праздники по их степени, так частные – своего храма и частнейшие – своего Ангела, Праздник не праздность, а празднование, то есть отрадное ликование духа ради сознания великих милостей Божиих. Потому, оставив вещественные труды и всякую заботу, в чувстве льготы от них и свободы, как бы в предвкушение свободы будущего века, проводить должно время сие в богохвалении, богомыслии и благотворении, вообще – исключительно во спасение, и это с начала праздника по конец, с вечера до вечера. Нельзя лучше воспитать чаяние будущего века. В Церкви Божией и дни недели имеют свой смысл. Помнить должно и уважать значение каждого из них и соответственно тому устроить свои мысли и вести себя, особенно в среду и пяток, по соединенным с ними воспоминаниям. То же надо сказать и о часах дня. Не должно пренебрегать их значением, а надо знать и держать себя по смыслу их. Как много может сие способствовать образованию духа молитвенного и скоро научить благоговейному хождению пред Господом! Ибо здесь надобно припомнить то суд, то страдания Господа, то благодать Духа Святого, то блага творения. Часы дня по воспоминаниям суть хождение в многоцветном и благоуханном саду духовном. Тут – можешь? положи поклон; нет? помысли... Особенно сего не должно забывать, когда та или другая молитва или действие совершается в церкви, как возвещает о сем звон колокола. Посему видно, что по заботе о нас Церкви все время жизни распределено на молитву. У святого Иоанна Златоустого есть молитвенные воззвания на каждый час дня и ночи. Так прикрыты и осенены мы молитвами по заповеди Церкви!

Есть долг собираться на определенные, установленные священнодействия, каковы: вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, часы, обедня. Каждое из них имеет свой смысл, коим проникнуто, и каждое есть единое целое, цельное молитвование. Потому, участвуя, должно знать, какое священнодействие совершается; участвовать в нем духовно, потому что оно для нас; для того глубоко внимать и входить в дух его и преисполняться им; присутствовать на нем с начала до конца, упредить благословение священника и переждать отпуст. Из Церкви молитвословие переходит с христианином в дом его, и здесь, кроме совершения молитв вечерних и утренних, пред столом и после стола, при всяком деле и случае должно с молитвою и крестным знамением возноситься к Богу. Так, по наставлению Церкви каждое действие

христианина должно быть ограждено молитвованием, или он непрестанно должен пребывать под молитвенным осенением.

Вот общее очертание молитвенного устройства Церкви и вот вытекающие отсюда обязанности! Но мы имеем еще особые разного рода нужды. Церковь готова удовлетворять все их, чтобы защитить и упокоить нас, и имеет чем. Наш долг во всяком случае прибегать к ее ходатайству. Есть молитвенные чинопоследования, которые, быв совершены по уставу освященными лицами в Церкви или вне ее, являют полную над ними благотворную силу по вере, с какою приемлются.

Главнейшее ходатайствование Церкви состоит в принесении бескровной жертвы за грехи всего христианского мира. Жертва сия непрерывно жрется в Церкви. Как Господь на небе одесную Бога ходатайствует о нас, так она – здесь. Крест как бы не сходит с лица земли со времени первого его водружения.

Грешим мы и прогневаем непрерывно Бога. Меч над главами... Стоит в Церкви непрерывная жертва тела и крови Христовой, всех очищать сильная. Итак, спешите участвовать в приношении сей бескровной жертвы да очиститесь... то есть бывайте на литургии сколько можно чаще, подавайте на проскомидию, если можете, и потом, во время совершения ее, духом сокрушенным и слезным молением привейтесь к возносимой жертве. Когда не бываете в Церкви, то в тот час, как услышите звон к достойному, молитесь о принятии жертвы и ради себя... Это сильнейшая защита Церкви, которой ничто заменить не может... Сия же жертва есть и жертва благодарения – Евхаристия. Как есть обязанность благодарить, так должно счесть обязанностью и участие в принесении сей жертвы.

Но кроме сего главнейшего ходатайства в жертве бескровной, во всех других потребностях и нуждах должно прибегать к Церкви. У нее на всякую нашу нужду есть молитвенное ходатайство.

Есть у нас потребности и нужды душевные и телесные, есть беды и скорби частные и общие; во всем этом прибегать должно к защите Церкви (см. о сем в Требнике).

Есть потребности и нужды душевные: надобно учиться? благословись; учение не принимается? прими молитву; тягота, скорбь и тоска томят сердце? прибегни к положенному пению; враждуешь на кого, но себя одолеть не одолеешь – проси помолиться; мерзит что либо? освяти то и успокой душу.

Есть потребности и нужды телесные: нужен сон, но сон бежит? прибегни к Церкви; спишь хорошо, но сатана издевается над сонным? прогони его силою церковной молитвы; нужен дом? и основание его, и его

самого освяти; нужен колодезь? освяти; нужен сад и овощи? освяти; нужна соль? освяти; нужен огонь? освяти; хлеб нужен? и семя, и всход, и гумно освяти; плоды ли новые или новую пищу вкушать начинаешь, освяти. И вообще, все, что только касается человека, что входит внутрь, должно быть освящено. Сына нет, некому быть наследником, некому поддержать старости? прими его от Церкви через всыновление; в путь отправляешься? поди, Церковь помолится о благопоспешении пути твоего.

Есть беды частные: немощь какая в теле? врачуйся у Церкви; насилуется кто от бесов? употреби заклинания церковные; дом стужается от них? изгони их ее же молитвами; нива, или сад, или огород вредится от гадов? прибегни к тому же оружию.

Есть беды общие: бездождие и безветрие, мор, злорастворение воздуха, трус, глад, буря, громы и молнии, нашествие врагов или другая какая беда – от всего сего ищи защиты через молитвы церковные.

Нужно ли, наконец, иметь дома средства церковные свои на случай крайности – и в сем нет отказа... Прибери и, освятив, внеси в дом как бы дар Церкви – Крест Господень, освященную икону, святую воду, особенно крещенскую, разные предметы от святых мощей и чудотворных икон и проч.

Так со всех сторон обложен человек ограждением и защитой Церкви. Лишь только выходит он на свет, сретается молитвою Церкви и, когда отходит, ее же молитвою сопровождается за пределы гроба.

Кто всех этих молитвенных, ходатайственных и защитительных действий Церкви не чуждается, не считает лишними и ненужными, зная по опыту силу их, тот добро творит.

Для христиан все они обязательны потому уже, что находятся в Церкви. Христианин должен облечься церковностью, чтобы быть членом Церкви. Что за воин без воинского одеяния и без науки воинской? Церковь есть дом Господень. Нельзя же думать, чтобы в нее вошло что и утвердилось противное Богу, Им не благословенное, Ему неугодное? Всякому, кто отрицается от исполнения показанных заповедей и внушений Церкви, не должно ли сказать: друже, како вшел еси семо? Притом сила всего того, чем ходатайствует Церковь, дознана многими опытами. По сим опытам и самые учреждения, и чинопоследования составились. Чуждающийся их походит на того, кому предлагают простые испытанные средства против какой-нибудь заразы, а он по суемудрию презирает то и погибает. Чуждаться церковности очень худо. Велик на нас навет врага. Но преимущественно он действует на нас через вещество и через плоть нашу: есть некоторое сродство у него с грубою материей, по

замечанию святого Иоанна Дамаскина. Может быть, скрываясь в нее, он чувствует некоторую отраду, почему так и льнет к ней. Оттого, например, бесы вопиют ко Господу: не посылай нас в бездну, а в свиней. Если так, то и в воде, и в воздухе, и во всем он может приражаться к нам и злодействовать нам. Господь и повелел учредить в Церкви Своей то, чем можно бы было очищать и освящать все, чтобы отовсюду гнать нечистого и не попустить ему прикасаться к верующим. Вот кто лишает себя сих средств, тот и стал, как сад разгороженный, по которому рыщут звери и все в нем губят. Господь говорит о семени добра в душе, что входит диавол и крадет его. Так обгородить себя должно всякому. Ничего так не боится окаянный, как чего-нибудь церковного. Ведь мы воинствуем, а не почиваем. «Несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным. Сего ради примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, и обувше нозе в уготование благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный» (Еф. 6:12–17).

В заключение кратким словом еще очерчивается здесь все доселе сказанное. Вступившему в Церковь вот что заповедуется: просвещаясь, освящаясь, ограждаясь ею под руководством мужей, освященных в ней на то Богом, пребывай в молитвенном настроении духа, или в непрестанной молитве, и через нее возбуждай и насаждай в душе обязательные для тебя чувства и расположения и те, коими через Господа Иисуса Христа восходим в общение к Богу, и те, кои вытекают из порядка Божественного миродержавствования; а далее, через те и другие, потщись, востещи до жизни в Боге сокровеннейшей, возвышающейся до безмолвного погружения в Бога. Да поможет всякому Господь так устроиться!

б) Чувства и расположения из отношения к Церкви как вместилищу спасенных и спасаемых.

Церковь есть и хранилище благодатных средств спасения, и дом спасающихся и спасенных. Вступивший в живой с нею союз и воспринимает на себя все ее устройство, и вместе вступает в глубокое общение со всеми членами ее. «Несте странны и пришельцы, говорит апостол, но сожителе Святым и приснии Богу: наздани бывше на основании Апостол и Пророк, сушу краеугольну Самому Иисусу Христу: о Немже всяко создание составляемо растет в Церковь Святую о Господе» (Еф. 2:19–21). Сие общение так же тесно, как и общение членов в теле, ибо

«едино тело есмы о Христе» (Рим. 12:4–5). Так как члены Святой Церкви делятся на две степени, одни уже перешли из сей жизни, упокоены в Царствии Небесном и составляют Церковь торжествующую, другие еще пребывают на земле, стремятся только достигнуть того состояния в борьбе и составляют Церковь воинствующую; то и общение у христиан одно с членами Церкви, торжествующими на небе, а другое с членами Церкви, на земле пребывающими и воинствующими.

аа) Из отношения к отшедшим

1) прославленным

Что есть общение у земных с небесными, о сем учит апостол: «приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному: и тмам Ангелов, Торжеству, и Церкви первородных на небесех написанных, и Судии всех Богу: и духом праведник совершенных, и к ходатаю Завета нового Иисусу» (Евр. 12: 22–24). Когда такой есть тесный союз, то должны быть и обязательные отношения. Но так как состояние небожителей совсем другое, нежели земных, то иным образом нам должно держать себя в отношении к ним, нежели к тем, с коими живем здесь.

Понятие об их состоянии и о способе нашего с ними сношения определяет обязательные для нас в отношении к ним действия и притом как общие ко всем, так и частные к разным чинам их.

Так как они уже совершились, взошли в блаженнейшую меру возраста исполнения Христова, достигли высшего предназначенного обожения, предстали пред Бога и пребывают пред лицом Его, как дети в дому, с дерзновением простирая к Нему слово молитвы, прешли от немощи, стали сильны, по благодати Господней, в их действии на тварь видимую и невидимую, то мы должны:

воздавать им чествование не Божеское, но выше человеческого, и не как Богу, но как полнейшим сосудам Божества, Богом возвеличенным и прославленным;

прибегать к их ходатайству, как к молитвенникам о нас неусыпным и сильным у Бога, по Его человеколюбию и неизреченной благости, и с верою и надеждою просить их помощи и защиты, как сильных по благодати Божией.

Так как, далее, они не отделились, а пребывают вместе с нами членами единой Церкви и составляют притом образец и как бы мету, к коей всякий должен устремляться, то отсюда опять следует, что мы должны:

познавать их богоподобные свойства и труды, ими подъятые, и всеми силами стараться подражать им в чувствах и делах, почитая их жизнь

верным руководительным светом;

приходить с ними, сколько возможно, в теснейшее духовное единение, сослаждаясь их славой и сочувствуя их трудам и добродетелям.

Во исполнение всего такого должно:

вспоминать их в их дни и праздновать положенные им празднества;

читать их иконы, молиться пред ними и лобызать любовно, возжигать свечи и служить молебны;

прочитывать их жития или тропари и кондаки;

беседовать о них и о делах их с должным уважением и любовью.

И, в частности, каждому лику святых лежащие на нас обязательные действия те же, с некоею тению изменения и отличия соответственно их чину. Потому здесь сама мысль о чине научит, как относиться к ним, только объясни себе значение чина. В сей небесной иерархии выше всех честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим – Владычица Богородица. За Нею чины бесплотных: девять по их порядку; затем святые Божий: пророки и больший из пророков – Предтеча, апостолы и верховные из них – Петр и Павел, святители, из них великие – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, святой Николай и российские: Петр, Алексей, Иона, Филипп; мученики, исповедники, преподобные, бессребренники, Христа ради юродивые. Ближайшие из них к каждому христианину суть Владычица Богородица, общая всех христиан Матерь и Заступница, Ангел Хранитель, святой соименный, святой храма или страны, тот, коего мощи есть или коим явлено особое заступление. Сии особые отношения выражены в молитвах, обращаемых к ним. По образу их надо поминать их в каждой молитве, совершается ли молитва по чину, или только внутренние возносятся к Богу возвания: Пресвятая Владычице Богородице, спаси нас! Ангеле Божий, Хранителю мой святыи, моли Бога о мне; затем исповедовать Матерь Господа Приснодевою, Богородицею и воздавать Ей чествование высшее всех ангелов и архангелов, яко существенно участвовавшей в устроении воплощенного домостроительства; должно Ангелу Хранителю внимать и приучаться понимать его внушения; святому соименному соревновать в его именно добродетелях, знать жизнь его и праздновать день его благочестно; к святому же храма прибегать с особою верою, ибо все крещаемые в том храме становятся под его попечение; к святому страны ходить в храм, к мощам, к иконе.

Всю же небесную Церковь должно поминать в главных молитвах по чину их, как в молитве церковной: Спаси, Боже, люди Твоя... Или:

Владыко многомилостиве... и в других.

Главная цель сих соотношений есть воспитать в себе стремление и жажду вступить в сообщество торжествующих на небе. Все предназначены к тому, и надобно приготавливать себя: чаще обращаться туда мыслию и сердцем, напрягаясь, сколько можно, постигнуть и предвкусить сладость их пребывания там, чтобы наконец сказать: когда-то я разрешусь! Чаще беседовать с ними в молитве и размышлении, чтобы, явившись туда, не быть чуждым им, а вступить как бы в родное общество.

2) К отшедшим и пребывающим в надежде жизни вечной

Кроме, впрочем, сих прославленных, совершенных, явленных нашими ходатаями и защитниками, есть еще класс людей, отшедших от нас в вере и уповании, коих участь, однако ж, нам с определеною решительностью неизвестна. И они не отделяются от нас и пребывают в том же доме Церкви, а потому и наши обязанности к ним не прекращаются со смертью их, хотя уже они не могут быть те же, какие были прежде. Так, надобно всякого вообще умершего брата во Христе способствовать похоронить, если есть нужда, и отдать ему последний долг; за всякого приносить молитвы, жертвы и милостыни; или совсем не говорить о них, или говорить одно хорошее, но никак не злословить и не осуждать; исполнять их последнюю добрую волю; с благодарностью вспоминать об их добре и стараться подражать их назидательным обычаям и поддерживать их. А касательно родных, кроме всего сего, надо еще не скорбеть, подобно не имущим упования, хотя и нельзя быть равнодушным; совершать о них поминовения поименно всегда, особенно в 3-й, 9-й, 40-й дни, в год, в дни поминовений церковных и во всякой молитве. Умершим одна отрада – молитва усердная, уповательная, сильная. Милостыня тоже много может; но главное – бескровная жертва.

бб) Чувства и расположения к братьям о Христе, живущим с нами на земле и составляющим тело Церкви земной

Другого рода обязательные отношения связывают нас с теми христианами, с коими живем на земле.

Сии отношения вытекают из понятия о христианах как едином теле Церкви (Еф. 4:16; 1Кор. 12:12, 27) и бывают двух родов: одни – ко всему телу Церкви, другие же – к каждому члену ее, поелику он член.

1) Ко всему телу Церкви

Первые указываются отличительными свойствами живого тела. Отличительные свойства живого организованного тела суть гармония, или стройное согласие всех частей, в одном целом, живое соединение, или сочувствие и сострастие, и распределение трудов между всеми частями в

пользу одного целого, минуя себя. Соответственно сим трем свойствам живого тела есть и у христиан в отношении к целому телу Церкви обязательные чувства и расположения, кои сознательно воспитывать в себе неминуемо должно всякому. Именно:

1а) Быть в согласии, или подобонастроении, по духу со всею Церковью. Члены в теле «согласны оттого, что все проникаются одною жизнью. И каждый христианин должен напоиться одним и тем духом, коим преисполнена вся Церковь. Коль скоро нет сего, он не от Церкви есть: «от нас изыдоша, но не быша от нас», говорится о подобных (1Ин. 2:19). Хотя вещественного отрешения видимого не будет, но оно само совершится внутри над душою, и не мечтательно, а истинно. Сие единство духа выражается в единстве начал умственных и нравственных, или в единомыслии и единоволлии.

Единомыслие с такою убедительностию предписывается святыми апостолами почти непрестанно! Апостол Петр, после других обязанностей, заключает: «конец же, вси единомудренни будите» (1Пет. 3:8). Апостол Павел завещает: «тожде друг ко другу мудрствовать» (Рим. 12:16), и то Бога молить: «да даст всем тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе: да единомушно едиными усты славят Бога» (Рим. 15:5–6), то самих христиан умоляет: «молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа да тожде глаголете вси, да не будут в вас распри, да будете же утверждени в томже разумении и в тойже мысли» (1Кор. 1:10). «Исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единомушни, единомудренни» (Флп. 2:2). Это обязывает христианина не быть равнодушным к тому образу мыслей, какой он питает, и не думать, что все равно, как бы ни понимал он иные вещи, он должен всячески заботиться сколько можно искреннее и внутреннее объединиться в разуме и мысли со всеми – потому не только не ставить себе в честь особенность и индивидуальность воззрения, но скорбеть о том, что оно есть, особенно если успело так укорениться, что требует борьбы. С сей точки зрения все философствования и самостоятельные взгляды в области откровенных истин суть преступления. Отцы наши не так поступали. О всяком предмете у них первое было позаботиться узнать, как судили отцы... И это повсемременная практика в Церкви – быть в единомыслии со всеми.

Единоволлие, или жизнь по воле Божией, иначе чистота... Это обязывает христианина к тому, чтобы быть чистым, как все, и нечистотою своею не осквернять святого тела Церкви... И в Ветхом Завете неоднократно было заповедано: «измите злое от вас самих» (Втор. 17:7), потому что оно нейдет в общем, чистом составе всех, весь его опорочивает

и подвергает опасности, как это и бывало, что за грех одного страдали все. Равно апостол Павел укоряет коринфян, зачем терпят они нечистого, ибо как «квас квасит все смешение», так и он нечистойю сделал всю их Церковь (1Кор. 5:6). Так, нечистота есть посягательство на благо всей Церкви, посему требование чистоты есть великой важности. Но, с другой стороны, нечистота в сосуде, наполненном водою, или всплывает наверх, или оседает на низ, то есть находится вне тела воды. Так и всякий нечистый, собственно, есть вне тела Церкви, отделен ли он форменно или нет. Итак, член ты Церкви? Будь же чист, зная, что если не чист, то уже и не член.

1б) Члены живого тела состоят в живом союзе, по коему происходящее во всем теле отражается в каждом члене, и, наоборот, состояние каждого члена отражается в целом составе. Это свойство иначе есть сострастие. Соответствующую ему обязанность тоже прилично назвать сочувствием, или сострастием, по коему живо должно ощущать, что происходит со всеми и во всех братьях наших, или в христианском мире. Апостол Павел так великим его поставляет и в такой степени предписывает, чтобы, когда «страждет один член», страдали все и, когда радуется один, радовались бы и все (1Кор. 12:26), чему сам показал пример, уверяя: «кто изнемогает, и не изнемогаю» (2Кор. 11:29). Значит, состояние христианского мира не должно быть чуждо каждого христианина, холодно, без участия им знакомо и представляемо, но должно быть живо им ощущаемо. Сей союз всех сердечный в Слове Божиим выражается единодушием... У всех, говорится о первых христианах, была «душа едина и сердце едино...» (Деян. 4:32), или, как заповедует апостол Павел, все христиане да живут, «тщасяся блюсти единение духа в союзе мира» (Еф. 4:3). По сей обязанности христианин сердцем своим расширяется по всему пространству христиан и живет с ними не как чужой, а как свой, подобно члену семейства, который, где бы ни был по месту, сердцем всегда находится при своих... Отсутствие такого чувства явно обличает потерю союза, отрезание от тела; и если в каком-либо месте все, именующиеся христианами, дойдут до взаимного отчуждения, то явно, что они перестали быть членами живого тела Церкви, суть ветви отломившиеся.

1в) Между членами живого тела распределены труды для целого так, что каждый член принадлежит целому, а не себе, не для себя работает, а для всех. Подобно сему и всякий христианин должен так действовать, чтобы сия деятельность была жертва целому, должен себя забыть, а иметь в уме одно благое общее, чувствовать себя и сознавать не начальным лицом, а орудием в составе целого тела Церкви. Итак, пусть всякий

сознает, чем может и должен он действовать во благо всех, и пусть действует так с сознанием долга, то есть, по апостолу, имеющий дарование служить – "служи", учить – "учи", утешать – "утешай", подавать – "подавай" (Рим. 12: 7, 8). Вообще, всякому сообщено дарование «Духа на пользу» (1Кор. 12:7), которыми и должны все взаимно «служить между собою» (1Пет. 4:10). Это всем действиям христианина сообщает характер отрешенности, где личные выгоды совсем исчезают из внимания, а в виду имеется одно духовное благо христиан, каково бы оно ни было. Если бы все действователи имели такое настроение, как скоро возвысилось бы и умственное, и нравственное совершенство христиан! Тут благословение Божие – отсюда совершенство или зрелость всякого дела, в которое не позволит войти ничему, что может быть бесполезно. Сколько зла от забвения сего простого правила! Так, и душу и тело приноси в жертву благу христиан всех – на всех простирай заботливые виды.

1г) В сих трех расположениях выражается существо и дух христианской любви. Кто имеет сию любовь, тот, приведши себя в единомыслие и единоволлие со всеми, а далее, растворившись и как бы разлившись по всем своим чувствам и сердцем, всего себя, все силы тела и духа приносит в жертву благу целого тела Церкви, ему себя посвящает с самозабвением и самопожертвованием. Тут труженики истины, молитвенники, блюстители благосостояния. Не всем, конечно, можно выполнить сие требование делом; но всем можно и должно выполнять его в чувстве, в желании, в молитве, как и молимся о благосостоянии Божиих Церквей и о соединении всех. Такое настроение всей деятельности христианина сообщает некоторую независимость и свободу, не связывающуюся тесными пределами состояния своего лица или близких лиц, нередко даже и обстоятельств времени. Любовь дает ему возможность стать выше всего, чтобы оттуда созерцать, куда идет все, как и чем отвратить зло, защитить и возрастить добро. Ей свойственна материнская заботливость, предусматривающая, предостерегающая. Посему часто в деятельности ее можно, по неразумению, видеть нечто непонятное и как будто обличающее недалекость, но последствия всегда ее оправдывают. И справедливо сию любовь должно назвать духоносною и потому, что она, несомненно, носит Духа, и потому, что сама носится Духом. Прочитав житие такого действователя, невольно воскликнешь: вот что значит истинная христианская любовь! Всем понятно сие чувство. Помолимся, да Бог любви паче и паче возгревает его в сердце нашем!

2) К каждому лицу, состоящему с нами в видимой связи Итак, истинно христианская любовь, отрешаясь от всех ограничений,

простирается на весь христианский мир. Так же широко стремится она распространить и влияние дел своих, в чем нередко с помощью Божиею и успеваает, но преимущественно осуществляется она, или прилагается к делу, в своем тесном кругу, пред теми и на тех, с коими обитает. То общее, глубочайшее, самое коренное настроение любящего сердца воодушевляет и дает отличительный характер христианской деятельности, или частному действию лица, христианина, в своем месте, времени и обстоятельствах. Пусть при ответе на вопрос: как действовать христианину в отношении к каждому предстоящему лицу – определятся разные обязанности к ближним; но они все будут не что иное, как выражение духа любви, единого в разных применениях.

Спрашивается: в каком расположении должно держать себя и как действовать в отношении к христианину, который пред нами? Отвечается: расположись так, как требует дух любви христианской, и действуй так, как требует предстоящее лицо соответственно опять тому же духу любви.

Таким образом, есть у нас обязательные к христианам расположения, есть и обязательные к ним действия.

2а) Какие расположения должно питать нам взаимно друг к другу?

1. Нет различия: «все одно о Христе Иисусе» (Гал. 3:28), говорит апостол, как живые члены одного тела, как родные члены одного семейства. Принимай же всякого с чувством родства, как родного, как брата. Братская любовь – вот истинное расположение, господствующее между христианами! Встретив брата по крови, мы все забываем и чувствуем главным образом одно то, что он брат. Такое настроение должно быть у нас и в отношении ко всякому христианину. «Братолюбием друг к другу любезными» быть, заповедует нам апостол (Рим. 12:10). Из сего чувства должна истекать вся деятельность христианина в отношении к другим и все другие к ним расположения, обязательные для него. Но само оно частнее выражается в следующих свойствах:

В благорасположении, или ощущении удовольствия от присутствия, обращения и общения с другим. Если брат, то кровь должна говорить. Сим чувством указывается сердечный союз. Он же есть верный и самый тонкий свидетель и признак любви истинной, полной, зрелой. Кому неприятно быть с кем, в тех и любви нет: они разъединены. Равнодушие есть уже недоброе состояние, и в христианине ему не должно быть. Оно первый шаг замирания любви и уклонения сердца от истины в отношении к другим. Извиняться может равнодушие, даже и неприятность от встречи с другим, если они невольны – и то только при деятельном и усиленном напряжении на возбуждение расположения к нему. Так как сердце не вдруг

настраивается как должно, то чего усиленно ищет человек, то вменяется ему ради искания, хотя еще не снискано. В таком случае это будет как бы физическое несовершенство, а не нравственное.

В благожелании. Кому приятен другой, тот желает ему всего хорошего. Благожелание – естественный плод расположенности. Оно изъясняется участием во всем, касающемся другого, сочувствием тому, принятием к сердцу, причтением того в свое состояние, разузнаванием, что где нужно, хорошо ли там или худо, с соответствующей тому радостью или болёзнованием и порывами на помощь и содействие. Благожелание обнимает все движения доброго сердца для других. Оно отрадно даже и при скорби, дает покой, расширяет сердце и очищает его от эгоистических страстей, как огонь очищает металл. Ему противоположно недоброжелательство – плод равнодушия и холодности. Здесь бывает или отсутствие благожелания, или желание противоположного, то есть зложелание. С ними в содружестве неразрывном – злорадство и зависть, два мучителя, терзающие бедное сердце человека, потерявшего любовь.

В благопопечении. Истинное благожелание услаждается благом другого и порывается на помощь и содействие нуждающемуся, почему рождает из себя деятельное и заботливое попечение о благе другого. Это так неизбежно, что пресекается только невозможностью содействовать. Во всяком же другом случае отсутствие его обличает слабость благожелания и отсутствие любви! «Не любим словом..., но делом и истиною» (1Ин. 3:18). «Друг друга тяготы носите» (Гал. 6:2), заповедуют апостолы. При сем должно помнить, что попечение делом может происходить не из доброго сердца; равно и то, что и доброе благожелание может быть плодом неразборчивого симпатического природного расположения. Все дело в том, как относится к сим сторонам распоряжающийся ими ум, или лицо внутреннее. Содействуй и без расположения с тою целию, чтобы оно пришло; и благожеланиям не поддавайся без разбора, чтобы из доброго не выросло зло, ибо сердце слепо. Вообще, надо так настроиться, чтобы содействие исходило не из угождения себе, не из угождения другим, а из одной – внутренней, истинное благо зрящей и к нему все направляющей любви. Прочное, твердое и трезвенное благопопечение сим способом и образуется. Тогда христианин и желает только того, о чем должно попечись, и печется о том, чего пожелать другому должно. И это есть здоровое состояние любви к ближним, без которого и до которого благожелание с благопопечением могут идти врозь, одно другому мешая и даже противореча. Однако ж всеначалом его служит действительное попечение под управлением высшего начала деятельного, а не одно

благожелание, которое может быть и бесплодно, и неправо. К отличительным свойствам благопопечения принадлежит неотсрочное, скорое, всеусильное вспомоществование, какое сочтено нужным по соображению с целию. Оно не мятется в суете, а идет ровно, степенно, но и не недугует отлаганием и отсрочками. У него закон: пользуйся всяким случаем, ибо он уже не повторится; сокровиществуй и богатись. Ему противоположно и бесплодное желание, переходящее в пустую мысль о возможностях помочь; но главным образом то, что рождается из недоброжелательства, то есть не только непопечение и несодействие, но даже противодействие, или препятствия успехам, и прямое злодеяние. То и другое – плод эгоистических страстей, всегда притом раздражаемых и усиливаемых взаимными неприятностями.

Сими тремя: благорасположением, благожеланием и благопопечением – определяется истинное свойство братской любви. Когда нет какого из сих движений сердца и притом не только вообще, но ко всякому, в частности, нет и любви прямой, или она не созрела, а находится еще только в зародыше, растет. Рост ее и необходим, по существу дела. Сердце, в состоянии падшего, не право чувствует. Должно обновить в нем дух правый. Главное, оно пристрастно, любит своих только и им покровительствует... Здесь нет зла, но оно может быть, если его оставить так. Христианину должно всех христиан ввести в свое родство и со всеми жить как с родными, должно довести себя до того, чтобы всех обнимать равною любовью – различать же только деятельность или содействие и то не по чувству, а по бескорыстной и отрешенной мере здравого рассуждения.

2. Апостол Павел образ деятельности на других выражает так: «братолюбием друг ко другу любезны: честию друг друга больша творяще» (Рим. 12:10), то есть братская любовь к другим не может не быть соединена с уважением к ним. Это же расположение прямо рождается и из чувства родственности. У кого есть сие последнее, у того есть и уважение. Из родных мы с уважением смотрим даже на дитя, еще не пришедшее в самосознание. В христианстве же, сем духовном родстве, оно еще естественнее для того, кто глубоко сознает значение христианина. Христианин – храм Духа Святого, жилище Отчее и Сыновнее. Следовательно, он сосуд Божества. Прими же его, как принесшего к тебе Бога в себе, с благословениями, подобно древнему ковчегу, и притом всякого, велик ли он или мал, беден или богат, умен или нет. В чувстве христианского уважения все внешнее должно быть устранено как не принадлежащее самому христианину чужое и пришлое, а должно иметься

в виду одно достоинство лица. Внешнее по необходимости разнообразно, а уважение должно быть больше или меньше одинаково ко всем. Источник его – внутреннее значение христианина, с коим может не сообразоваться внешнее. Почти того, кого почтил Бог. Свойство или тон уважения определил апостол Павел словами: честию больше себе творяще. Всякого другого в чувстве сердца должно ставить выше себя, себя – ниже его и не знаками то показывать только, но чувствовать внутри. Знаки могут быть иные, как, например, у начальствующих, а уважение – одно. Нет труднее сей добродетели, ибо она стоит прямо против самости. Особенно она трудна для имеющего отличия и в отношении к тому, кто себя унижает чем-нибудь. Но закон не отменяется ради трудности исполнения. Трудно? – употреби усилие. Главное в сем деле – устранение из внимания внешнего состояния христианина и восприятие им одного внутреннего его значения. Последнее, поелику высоко, будучи живо создано, родит уважение. Противное уважению чувство есть презорство. По противоположности оно всех ставит ниже себя и, еще более, ставит ни во что. Оно плод гордости, самомнения, забвения себя и брата своего.

3. Уважающий другого священным почитает все, принадлежащее ему, и во всем воздает ему должное. Расположение воздавать всякому должное из уважения и любви есть справедливость. Где есть уважение, там и справедливость, и наоборот... Ибо само уважение есть первая справедливость, из которой истекает и которою поддерживается уже и вся область правды. Правда обыкновенно считается самою внешнею оградою нравственной жизни в том смысле, что кто зашел за ее пределы, тот разоряет основы царства нравственного, от того нечего более ожидать. Но то не истинно, будто правда может ограничиваться одною только отрицательною стороною, то есть только не делать того, что нарушает право другого, или делать только то, что может быть вытребовано законным порядком. Это не христианская правда, а мирская, внешняя, судебная. Христианская же обнимает и положительную сторону, делает все, что должно, для другого не по внешнему страху, а по внутреннему расположению. Правда холодная, законная только и внешняя – нехристианская... Сия последняя идет от совести с участием сердца... Однако ж она отлична от любви, хотя одушевляется ею. Противно ей попрание прав другого, несправедливость есть плод презрения брата своего. Когда лицо вменено ни во что, как уважать права? Таким образом, всякого христианина встретить как брата родного, забывши все внешнее, будь с ним и при нем с приятностию, согрей сердце к нему благожеланиями, обыми его благопопечением, сколько есть средств и сил,

сохраняя при сем полное уважение к лицу его, которое он стал носить во Христе Иисусе, и напрягаясь явить в отношении к нему всю правду и избежать всякой неправды. Все сии чувства одновременно должны возникать и в отношении к каждому христианину. Должно заботиться, чтобы они все были в силе и не отставали друг от друга, чтобы в духе христианина была стройность. Но очевидно, что последние, как бы внешние, пределы, видимые для всех, здесь суть содействие и справедливость. Другие чувства сокрыты внутри и зреют под прикрытием их, как плоды под листьями, и то предшествуют им, то последуют за ними, так, однако ж, что если нет их, то нет истины и в сих последних. Это хорошо отшлифованный сосуд, назначенный для хранения благовонных масел, но пустой. Так, преимущественно должно иметь полноту любви в сердце, чтобы в нем ближний не тесно вмещался, но чтобы к нему расширялось сердце, подобно Павлову.

2б) Какие требуются действия? Когда есть истинные расположения, будут и действия, ибо несократима, неудобозакрываема сила расположений. Однако ж дела сии исходят не без осмотрительности и условий, но как вообще всякое действие определяется предметом, так и они изменяются соответственно свойствам лица, к которому обращены. Предстоящее нам в христианине лицо есть человек, состоящий из души и тела, с известною мерою благосостояния внешнего. Каждая из сих сторон брата нашего вызывает у нашей любви своего только рода действия, которые и обращаются нам в обязанность. Отсюда само собою видно, что обязательные для нас к братьям нашим, христианам, действия бывают трех родов: одни относятся к их душе, другие – к телу, третьи – к их благосостоянию внешнему.

1) В отношении к душе

Главное здесь есть а) спасение души или вообще лица братнего, ибо когда нет спасения – все другое ничтожно. Никакое благо несравнимо с сим благом вечным. Потому все и притом постоянное внимание должно быть обращено на спасение души брата нашего. Итак,

Молись усердно как вообще о спасении всех, так и в частности о спасении тех, коих более знаешь и кои, по твоему разумению, особенную имеют нужду; молись, желая и братьям определенного дара разума, или ревности, или молитвы и проч. и себе испрашивая силы и умения действовать во спасение их или, лучше, самого себя предавая в орудия Божественные на дело сие; особенно же молитвенно испрашивай несоблазнительного действия пред другими и молитвою же очищай себя от бывших ненамеренных и нечаянных случаев, кои могут быть

соблазнительями. Не искушайся помыслом и речами других, будто молитва такая ни во что; ибо кроме того, что освятивший себя ею всегда способнее, настроеннее к спасительному на других действию, есть тайное общение душ, по коему одна, непонятно как, может осеменить другую или предрасполагать ее к осеменению через себя или через других. Пример – мать Августина, мученика. Если все взаимно будем обращать молитвенно дух свой на других, то к каждому придет столько согревающих лучей, сколько есть лиц. Следовательно, все были бы согреты мерою теплоты, равною всему христианству. Тогда никакая сила не могла бы одолеть ни одного христианина. Само собою разумеется, что для сего каждый должен быть разверт верою к приятию молитвенной помощи, а без того и сила Божия ничего не произведет в нем. Но когда говорится о христианстве, говорится о верующих. Вот почему сами апостолы просили молитв, ибо взаимная молитва есть сила во спасение.

Представляй в себе живой образец веры и благочестия. Когда исходишь вне и являешься в кругу христиан, пусть всякий видит в тебе живое христианство, видит, что ты и понимаешь его, и чтешь, и осуществляешь. Это то же, что созидать брата всем: и словом, и взором, и движениями, и делами, и ничем из сего не расстроивать его и не соблазнять. В примере и доброе, и худое очень сильно действует, почему сколько одно обязательно, столько другое осудительно. Если б никто не являл своего нечестия во вне, не нужно бы было много наставлений, ибо большей частью мы не знаем не то, что должно делать, а то, как что сделать. Но то и беда в настоящем порядке вещей, что зло выдается наружу, а добро скрывается, отчего на все случаи, какие нам встречаются, мы видим много примеров незаконных, а законных почти не видим. Как дело сильнее мысли и слова, то всякое наше учение – неучение. Заключение бы надлежало всех развратников в невидимые места или самих их обязать как можно прятаться. Вот случай, когда должно счесть похвальным намеренное держание себя во вне несоответственно внутренним чувствам, – именно, чтобы не увлечь на грех и не растлить другого. Развратника, действующего открыто и словом и делом, должно считать душегубцем. Он походит на слепого, который смертоносным оружием машет без разбора во все стороны...

Но сего мало – должно и желать, и заботливо порываться на содействие, и содействовать самым делом спасению других, ибо что пользы говорить только: грейтесь, а не давать нужного? Кто истинно любит, тот все сделает для любимого. Любовь не смотрит на неудобства и не видит их. Но если и есть они, готова живот свой положить за други

своя; всем, даже и жизнью, пожертвовать за спасение их. Холодность в сем обличает холодность и о своем спасении, и о Божией славе, также неубеждение в вере, и самолюбие, и решительную беспечность. Потому внимательно должно следить за всеми случаями в отношении к братьям нашим и изыскивать между ними, не найдется ли какой, коему мы по своим силам можем нечто вложить в душу, спасительно содействующее ему во спасение. Дела, к коим сие относится, суть: усыпленного пробудить, готового пойти неправо вразумить, слабого укрепить. Способом выполнения может быть и слово и дело. Только надо помнить, что нельзя идти в область другого духа самовольно. Всякий замкнут в себе. Поэтому должно или предрасполагать его, или ожидать предрасположения. Во всяком случае, лучше пособлять действовать другому самому, а не властно определять его, ибо он есть живой и свободный дух. Тут, например, в простой беседе изображают доброе и злое, одно – с похвалою, другое – с осуждением; изображают в других так; однако ж, чтобы тот, к кому говорится, не догадался, что говорится на его счет, но вместе получил и достаточное вразумление. Любовь изобретательна. Но и опытность нужна, ибо можно иначе более вредить, нежели способствовать спасению.

б) В частности, в заботе о душе другого должно созидать его ум и волю.

В первом – поселять твердые, ясные и здравые о всем понятия и начала, начиная с веры, а по ее руководству простираясь и в область всех других познаний, развивая их применительно к ней и, где можно, из нее, так чтобы вся сумма познания представляла нечто целое, неразрозненное. Делают великое зло те, кои позволяют себе всякое хитросплетение своего ума разглашать без разбора в той уверенности, что оно не из области веры, хотя явно представляет мысли и стороны несогласные с нею. Что не от веры, что не есть вывод из нее, что не покрывается ею, не может стоять в области ее благоприлично, все то есть ложь презренная, которую надобно попирать и искоренять. Отсюда все теории во всех науках, особенно в физике и истории, строго должны быть испытываемы и по испытании уже предлагаемы христианскому миру. Все же, вообще, опробованное и найденное здравым: познание ли какое теоретическое или открытие в области искусств, в общежитии и проч. – должно быть всем обнародуемо; ибо зачем Бог и дал его, как не для того, чтобы все получили от него пользу. У Господа все люди – одно семейство. Что Он дает одному, то дает для всех. Скупость умственная должна быть во столько преступнее денежной, во сколько дух дороже вещества. Распространяя положительные

истины, должно обращать внимание и на неистины, на понятия ложные или заблуждения и предрассудки. Они сами собою будут редеть по мере расширения света истины, но можно и прямо действовать на них. Тот, впрочем, благодетельнее, кто вооружается против предрассудков сердца, нежели тот, кто идет против умственных, особенно если сии последние не только не извращают сердца, но еще, хотя косвенно, созидают. Предрассудки сердца – это те, коими держится человек в грехе, или кои составляют греховное ослепление. Говорят, например: природа требует – в оправдание похоти; или: живой живое гадает – в оправдание многозаботливости и проч. Кто такие предрассудки открывает, указывает и от них отводит, тот делает для другого вечное благо. В отношении ко второй. Бедная воля наша! Ей нужны правила, коих часто не знает; нужны побуждения, кои часто выпадают из мысли; нужно руководство, ибо часто не знает, как начать дело. И так вразуми, укрепи, укажи. Мы все взаимно соединены, чтобы взаимно учить друг друга. Посему жизнь и называется, между прочим, наукою. Какое зло – равнодушие к образу жизни другого! Многие ограничиваются только внутренним неодобрением, или пересудами и осуждением в углу. Иные делают еще хуже: показывают знаками одобрение недобрых дел другого, хотя притворное, и тем делают его смелее и дерзостнее во зле и, следовательно, несчастнее, или для него опаснее. Нет! Заметив что в другом особенно для него опасное, всячески поспеши остепенить его и образумить, как можешь. Сам действуй прямо: найди людей, могущих на него действовать, подстерегай случай, войди в ближайшие сношения и предрасположи к себе и проч. Но уж ни под каким видом не подавай знака соуслаждения, или согласия на те дела, ни словом, ни делом... Если бы все окружающие неисправного показали ему знаки неблаговоления, то, кажется, он сейчас бы должен был образумиться, ибо куда бы ему деваться тогда? Один из лучших способов вразумления – это есть наведение другого самого на разум: пусть сам найдет, ты только так устрой дело, чтобы нашел.

2) В отношении к телу

Тело – орган жизни нашей земной и вместе условие образования нас в граждан будущего мира. В такой существенной состоит оно связи с душою, что хорошее или дурное его состояние отзывается и в душе и то располагает ее к добру, по крайней мере, не препятствует и послушно служит ей в том, то увлекает ко злу. Потому и сия часть требует особого попечения. Пособи же брату твоему и в сем деле и облегчи ему труд доброго устройства тела – верного слуги его и вместе всегда готового врага. Сия обязанность требует: а) всячески способствовать благосостоянию,

целости и здоровью тела братнего и делом, если нужно, а более словом; то есть доставить ему способ к содержанию, подать совет о полезном, указать вредное и самому предотвратить его; всячески способствовать целям тела, чтобы оно было приспособленным орудием души, а не препятствием ей. Всякий питает и греет плоть свою, но иной слишком много, а иной слишком мало. Вразумить неразумного труженика, а особенно остепенить пьяницу, развратника, обжору, сластолюбца – великое благо. Ибо, как из ада, извлекается тогда душа из тиранства плоти у последних, но и у первого она увидит свет, как Иоанафан, вкусив меда. В сем отношении худо поступает тот, кто при советах в угодность телу забывает о душе. Посему надобно быть осторожным в советах питать и покоить тело, а больше обращать их на беспокойство его; б) опасности жизни предотвращать всеми возможными способами, тем больше самому с братом не поступать так, как можно навредить его на расстройство здоровья или опасность жизни. Это чаще всего бывает от излишнего напряжения сил души и тела: там – возбуждением страстей, тем хуже, мгновенных: гнева, испуга, радости, печали; здесь – требованием или принуждением к трудам, неуместными советами, не зная дела, возбуждением драк, кулачных боев, игр, могущих быть опасными, и проч.; но в) главное, ни делом, ни содействием, ни согласием, ни явно, ни тайно не посягать на жизнь другого. Убийца восстает против Бога, определяющего меру жизни, губит себя и состояние убиенного делает сомнительным, ибо один Бог знает правый суд. Мы должны зреть здесь. Кто не вовремя прекращает жизнь, предпосылает в оный век незрелого.

Много об этом нечего распространяться, ибо дела такого рода сами собою наводят ужас и отвращают от себя. Вонми всяк прописанному и более тому, что относится до спасения душ братии наших и делай, что можешь, словом и писанием или распространением добрых писаний.

3) В отношении к благосостоянию и счастью. Забота о душе и теле ближнего есть забота о совершенствах его лица. Но он еще по воле Божией обладает известною мерою счастья или благосостояния на земле. Обращаясь к сему последнему, мы получаем особые, соответственно ему, обязанности.

а) Душевному

Счастьем привыкли называть нечто внешнее, именно: благоприятное нам течение обстоятельств. Но оно не во вне, а в нас, в состоянии духа отрадном, радостном, благорастворенном, которое редко соображается со внешним, а спеется по своим законам независимо. Потому сюда и должно быть обращено преимущественное внимание. Здесь главное: никаким

образом не должно возмущать внутренний покой брата, а напротив, всячески содействовать его укреплению и возвышению. Поступающий иначе то же, что грабитель, вошедший в чужой огород и истребляющий там всю зелень и цветы без разбора. Бог дал брату покой, ты его крадешь. Только одно беспокойство позволительно, именно: беспокойство грешника и притом как грешника через пробуждение его от усыпления; сего потряси во всех основаниях, сокруши кости его, пусть скорбит до отчаяния и не находит покоя день и ночь. Пример сему показал апостол Павел, повергший в скорбь согрешивших коринфян, ибо, говорит, «печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделоваает» (2Кор. 7:10). Увидишь кого смятенным от чего бы то ни было, поиди утешать печального, приложи пластырь на раны сердца его, излей отраду словом и делом. Тут уже одно участие облегчает, тем больше – меньше успокоить. Помнить только надобно, что главное успокоение – в Боге. Туда и должно возвестить печального и в Господе обвеселить его, довести его до того, чтобы он рад был тому самому, о чем скорбит. Кто это сделает, тот осчастливит человека на всю жизнь, на все случаи и в один раз сделает все. Хорошо для немощного и внешнее ободрение, но оно – половина дела и должно быть употребляемо только как средство. Иначе оно будет не в плане Промышления, ибо всякою скорбию Бог зовет к Себе. Если ты будешь отвлекать, а не приводить к Богу, то будешь действовать не по вере.

б) Внешнему

Внешнее счастье составляют доброе имя, достаток и благоприятный ход дел. Потеря или недостаток чего-нибудь из сих лишает нас покоя. Человек чувствует себя несчастливым. аа) Доброе имя дает человеку вес в его кругу, служит основанием доверия к нему и располагает; следовательно, оно прилагает путь к беспрепятственному действию, как наоборот, потеря его связывает руки и ноги. Потому любящий брата всеми способами пусть блюдет доброе его имя, а для того предварительно пусть освятит сие имя в сердце своем или, что то же, пусть исполняет обязанность уважения, чувством своим всегда поставляя другого выше себя. Такое расположение само научит, как блюсти честь ближнего и от себя, и от других. Оно свяжет и развяжет язык. Когда есть такое чувство, оно уже и делает свое; стоит только его хранить, или отклонять все, чем оно может быть ослаблено, именно: никак не позволять себе уничивать брата ради естественных каких недостатков души и тела или ради внешнего несветлого состояния. Это хула на Бога и несправедливость к брату. Но и при виде нравственных недостатков надо обращать все неудовольствие на грех и зачинщика его, дьявола; в брате же видеть

благородство природы и благодати умяемое и сокровища Божий расхищаемые, видеть его свободного – в узах, здорового – снедаемым болезнью и пожалеть о нем, сокрушаться ради его пред Господом, а не унижать.

Лучше всего менее обращаться наблюдательным оком к поступкам другого, а более себе внимать. Худо поступает тот, кто, по лукавству ока своего, во всяком поступке другого видит одно худое. Это подозрительность, мнительность, внутренняя клевета. Тем больше не должно по сему случаю тотчас произносить решительный о другом суд, что-де он такой и такой. Тут уже осуждение, оскорбляющее Бога и гнев Его привлекающее. Случится услышать худое о другом, заткни уши, оклеветавшего тай искреннего своего изгони или сам от него беги.

Принимать все речи и слухи без разбора есть великая неосторожность: тотчас осквернится своя душа и омрачится в ней лицо братнее. Когда, таким образом, соблюдется имя другого, как святыня, неприкосновенным в своем сердце, тогда не будет стоять большого труда блюсти его и во вне. Тогда будет правилом: о брате или не говорить, или говорить одно хорошее, о худом же всячески молчать, не намекая на него ни в шутку, ни даже будто из сожаления. Услышавши же, что имя брата страждет, всячески заботиться должно восстановить его – защитить, оправдать, согнать сей мрак наносный; но уже ни под каким видом не похвалить пустых пересудов, шуток, колкостей, острот, тем более злословия и клеветы и еще более клеветы публичной. Священие доброго имени ближнего в себе и других требует немало труда. Осуждение внутреннее и внешние пересуды суть первые порождения гордости, по свойству своему унижающей всякого брата. Потому они постоянно вертятся – одни в мысли, другие на языке. Блюстись от сего и бороться с сим должно постоянно. Нет греха обыкновеннее осуждения, но и нет опаснее. Одному надлежало несколько лет поститься и молиться за одно краткое осуждение мысленное, и это – по особенному Божию определению. Потому святые Божий решительно говорят: кто не осуждает, тот спасен. Иные и без подвигов одним этим спасались. Напротив, в одном осуждении пагуба, ибо оно предполагает и забвение Бога, и лживость, и коварство бесовское. Каких зол избегаешь, неосуждающий!

бб) Достаток составляют имущество, пожитки, то, чем удовлетворяются неизбежные наши естественные потребности, пища, одежда, кров и вообще дом, или совокупность вещей, кои называются житейскими. Заботу о том получил человек вместе с животом и потому заботится, что животолюбив, и, когда заботится, полагает на то живот

свой. Все стязеваются в поте лица, тратую сил и крови. Зато довольство успокаивает дух, разливает отраду в сердце, дает свободу жизни. При достатке как в безопасной ограде. Итак, если любишь брата, пусть будет для тебя неприкосновенною святынею всякая его собственность, все то, о чем он может сказать: мое. Для него это есть и дар Божий, и цена его крови: не прикасайся. Если найдешь не свою вещь, сыщи владельца и возврати ему; не найдешь – отдай бедному или в храм Божий, ибо это имущество Божие. Иные, теряя, говорят Господу: пусть будет то частью бедных. Так надобно быть исполнителями воли братней и вместе Того, Кто слышал ее. Тем больше не должно делать ущерба достоянию брата каким бы то ни было образом: или кражею, или судом неправедным, или обманом при продаже, мене и других случаях – а напротив, всячески должно содействовать возвышению его достатка советом и деятельной помощью. Радостно смотреть на довольного: веселие на челе его. Грустен вид того, кого тяготят недостатки: он как убитый, поникли глава его и очи. В Слове Божиим самые строгие положены суды за обиды сего рода, особенно наносимые тем, у коих и мало взять – значит взять почти все, как у сирот, вдов, наемников. Потому сего рода преступники и судятся Богом как убийцы (Сир. 34:21–22).

вв) Благоприятный ход дел. Человек делателен. У всякого есть свои дела, или занятия и труды, к коим приставил его Бог рождением и среди коих он коротает век свой. Вместе с добрым именем и частью достатка они составляют участь человека, потому не оставляются им без внимания, но учреждаются так, чтобы текли хорошо, чтобы малый труд вознаграждался добрым успехом, чтобы не было больших помех и не истощались силы без плода, чтобы не было ненужных и досадных остановок, вообще, чтобы все шло у него как в хорошо настроенной машине. У кого это есть, тот с радостью исходит на дела свои и с радостью возвращается к себе и наслаждается миром и безопасностью, не чая зла. В состав течения дел входят и труды, и сношения с другими, даже обыкновенный порядок всех житейских занятий с их временами и местами, где, как видно, все то завивается, то развивается. В отношении к нему есть долг всячески благоприятствовать ему, не полагать преград, восстанавливать расстроенный, а не только самому не расстроивать его. Расстройство дел другого есть великое злодейство, возмущающее тело и душу и того, чьи дела, и тех, кои около него. От этого такой уподобляется на общем языке исконному врагу. Благоприятствующий другому есть благодетель, отрада души. Это посланник Божий, Его наместник, разливающий отраду вокруг себя и, как солнце, всех согревающий. Очи

всех – на него. И всякому должно поставить для себя целию осчастливливать. Благоприятствовать другому можно советом, действием и помощью, или доставлением ему сил, коих у него недостает. Доставь нуждающемуся, что ему нужно. Советность, услужливость и заимодавство, или ссуды, составляют общежительность – добродетель самую нужную и вместе любезную. Никто не может иметь всего, что нужно, всегда в надлежащей мере: один изобилует одним, другой другим. Посему и нужна взаимная общительность, как бы перелив из сосуда в сосуд, чтобы составилось одно питье, называемое счастьем. Отсюда – будь готов сделать для другого все, что можешь. Кто готов сам, для того и другие готовы, и Бог – способник ему. Заметив, где нужна помощь, не жди просьбы, сам послужи, сколько можешь и чем можешь. Человек услужливый – правая рука для всякого в своем кругу. Просят займы – дай, что можешь, не разоряя себя, ничесоже чающе, а если имеешь довольно веры и крепости духа, не различая ни того, кто просит, ни того, что он просит... Ты Божий распорядитель. Все такие дела составляют поприще для упражнения добродетели бескорыстия и податливости.

Если и так должно всячески содействовать брату, то тем более когда он желает вступить с нами в некоторые условия, по которым, желая получить от нас известные вещи, и сам хочет делать соответственное тому для нас. Отсюда имеют начало разного рода сделки. Основую их служит обещание. Сие обещание должно быть искренне; знай, что обещаешь, и, чего не можешь исполнить, не обещай, потому что обещанию надо быть верным: давши слово, держись. Здесь стяжевается доверие и раскрывается добродетель честности.

Степени счастья у нас определяются словами: богат и знатен, доволен, беден, нищ. Вообще, братья наши по всем предметам благосостояния или выше нас, или равны нам. Сии степени или постоянны, как бы неизменны, однажды утверждены навсегда и составляют определенное состояние брата, или непостоянны, но, подобно приливам и отливам, то возвышаются, то понижаются, завися от счастливых или несчастливых случаев.

В первом случае, относительно высшего тебя, то есть богатого и знатного: радуйся о нем и благодари Господа, что не лишает таких людей; почти его приличною честью за то, что он есть видимый сосуд милостей Божиих, но не льсти, когда он унижает себя делами, а или молчи и уклоняйся, или говори при случае правду, только без строптивости, как бы умоляя; когда призывает, не отказывайся потрудиться для него, потому что он должен иметь обширнейший круг действия, к чему нужны способы

– и будь ты ему сила. Благо, происшедшее оттуда, причтется и тебе. Относительно низшего: не презирай его, но почитай почтением братским, по заповеди; будь всегда к нему благосклонен и согревай его сею благосклонностью, чтобы он чувствовал, что находится, как под крылом каким, под твоим вниманием; помогай ему всячески и способствуй возвысить его благосостояние по всем частям. Здесь особенный класс составляют неимущие – бедные. Всякий, имеющий достаток, должен быть для таких нога, рука, око, подобно Иову... ибо ко всякому из них говорится: «тебе оставлен есть нищий: сиру ты буди помощник» (Пс. 9:35). Итак, алчущего напитай, жаждущего напои, нагого одень, темничного посети, больному послужи, странного упокой, мертвого похорони, будь милосерд, подавай милостыню щедро. Богу и Господу уподобляются наиболее милостынею, грехи очищающею. Господь до того нисходит к милостынедавцам, что Сам приемлет данное ими, а это бесконечно высоко...

Во втором случае. Счастье не стоит, но непрестанно то повышается, то понижается. Потому около себя видим то радующихся от счастья, то скорбящих от несчастья, какого бы то ни было. В сем отношении закон – радоваться с радующимися и скорбеть со скорбящими. Такое сочувствие естественно сердцу человеческому, но прившедшие через падение страсти искажают его, от чего вместо радости о счастье другого бывает скорбь о нем, или зависть; вместо печали о несчастье бывает радость о том, или злорадство. Эти бесовские расположения являются в разных оттенках, коих и описать нельзя. Чувства сорадования и соболезнования и выражать должно, то есть надобно изъявить одному радость, а другому соболезнование – с утешением и готовностью содействовать.

Не думай никто, что все это внешняя работа! Нет, не внешняя только, но и внутренняя вместе. Она исходит или должна исходить из искренне любящего сердца, то есть из доброго внутреннего расположения, и, обращаясь к внешней стороне другого, греет его внутреннее. Веяние братской любви оживительно, как весенняя теплота.

2в) Поприще обнаружения сих расположений и действий – взаимнообращение. Таковы обязательные для христианина к братьям своим расположения и дела. Все они для своего осуществления требуют непосредственного сношения с другими, без коего, как в семени, остаются неразвитыми, неявленными. Потому взаимнообращение есть обязанность, хотя дополнительная, однако ж, по обширности приложения всеобъемлющая. Оно то же в обязанностях к ближним, что молитва в отношении к обязанностям к Богу. Итак, –

1. Всякий христианин обязан ко взаимнообращению. Охотно входи в сношения с другими, равно и сам себя держи так, чтобы всякий без робости, с открытым сердцем мог приступить к тебе. Противно сему поступает чуж дающийся всех. Отчужденность есть уродливость сердца. Но она не то, что благословенное затворничество, или отшельничество. Отшельник, отделившись от других телом, пребывает с ними духом, а этот отчужденник от всех отделен духом, хотя живет среди них. Отчужденный холодеет, беднеет, замирает духом. Напротив, общающийся со всеми раскрывается, богатеет, полнеет, образуется, так что только одно беспрестанное обращение с Богом и ангелами выше сего. Оно же есть и училище самопознания. Сам по себе отдельно человек легко становится самомнительным, а когда посмотрит на других – научается смирению...

2. Обязанность взаимнообращения проста, но всеобъемлюща... Она дает способ осуществить все другие обязанности к ближним, а потому раскрывает множество добродетелей, кои, хотя суть не что иное, как приложение общих, изъясненных уже расположений наших к братьям, однако ж, получают здесь и особые названия, и особые свойства... Так, здесь –

а) Должно иметь искреннее радушие, то есть от сердца принимать всякого, чувствовать себя довольным, истинно осчастливленным посещением другого или встречею с ним, радоваться тому от души. Нехорошо делает, кто при сем скучает или досадует.

б) Любезность, то есть надо сделать, чтобы другому с нами было хорошо, чтобы он находил у нас приятность, оживал, хорошо настраивался и никогда не отходил невеселым. Для сего нужны сговорчивость, приветливость, ласка и простота при приличии. Противный сему человек есть тяжелый... И сам тяготится, и других тяготит.

в) Скромность. Надо скрывать свои преимущества и, напротив, возвышать над собою другого. Противное сему – педантство, спесь, чванство.

г) Кроткое миролюбие. Ни сам не оскорбляйся, ни другого не оскорбляй, а умей содержать сердце свое всегда в союзе с другими. Миролюбие и само мирится с другими, и других мирит, как миротворение, или даже не замечает оскорблений, как кротость. Противны сему оскорбительность, вспыльчивость, гневливость, взыскательность, непримиримость.

д) Уступчивая тихость. Встречаются ум с умом, воля с волею. Когда всякий хочет поставить на своем, рождаются спор и разногласие. Тихонравный не то чтобы не любил истины, но, открывши ее, скромно

уклоняется от упорной настойчивости там, где не совсем любят истину, ради ненарушения мира, в ожидании благоприятнейшего ко вразумлению случая. Противны сему вздорность, неуступчивость, спорливость, бранчивость.

е) Истинолюбие. Откровенно и истинно выставляй вещи так, как они есть и как убежден. Лукавая ложь, обман, хитросплетение – дела чисто бесовские.

ж) Благоразумное слово. Цель взаимнообращения не одно удовольствие, а, главным образом, взаимное созидание во благо. Надобно потому не допускать, чтобы слово гнило исходило из уст наших, надобно уметь говорить и уметь молчать. Противно сему праздное пустословие, одни только шутки да остроты.

з) Хранение тайн. При взаимных встречах непрерывная происходит мена мыслей и сведений. Для сохранения мира, что узно от одного, не переводи к другому без нужды, особенно когда это может быть вредным. Так себя держи, будто не слышал ничего. Кому же сказано, что вверяется ему тайна с условием молчать, тот, передавая ее кому-либо, не только неблагоразумен, но есть и бессовестный предатель.

3. Вот добрые качества, нужные при взаимнообращении! Способ взаимнообращения главный есть взаимное посещение. Его должно учредить и поддерживать по любви, по нужде, ради отрадного отдохновения. С кем и когда вести сие, укажут обстоятельства; только при сем всячески должно соблюдать все добродетели взаимнообращения, иначе оно – зло... Особенный вид взаимнообщения, открытый и широкий, составляют собрания и вечера. Они полезны, ибо приводят в движение замедляющееся от неупотребления развитие любви и потому возвышают и скрепляют внутренний союз всех. Тут происходит то же, что в Вольтовом столбе. Только само собою разумеется, что учреждать их надо не в угодность плоти и врагу, а в пользу духа и спасения. Образцы ему – древние вечера любви. Выше этих житейских пиров пиры Христовы, или обеды для бедных. Сам Господь предписал для них правила (Лк. 14:12–14). Они становятся ныне малоупотребительными за иссякновением любви, хотя еще держатся по местам. Больше всего они являются ныне в виде странноприимства, которое есть великая добродетель, богатая обетованиями, ибо и стакан воды, поданный в нужде, небесплоден, тем больше полное упокоение.

4. Взаимнообращение имеет целью осуществление и вместе образование любви истинно христианской. В истинном своем виде оно и производит сие, в ложном же вместо объединения разъединяет, вместо

любви поселяет вражду. Это там, где вместо добродетелей действуют страсти. Таким образом, из взаимнообращения мы получаем добродетелей, друзей и врагов.

К друзьям и добродетелям мы бываем сердечно привязаны. Сему ненужно учить и обязывать. Надобно только предостеречь, чтобы эта привязанность не делалась исключительною, не исключала других и не отчуждала от них.

Мы должны быть признательными к ним. Благодарность – любезное и привлекательное свойство... Кто к людям благодарен, тот благодарит и Бога. Благодарность – знак духа смиренного и Богу преданного... Она тоже есть самородное почти чувство. Должно только не останавливать его на одних людях, а через них всегда возводить к Богу, ибо от Него все. Кроме особенных благодеяний, живя с другими, мы непрестанно получаем одолжения. За всякое одолжение должно быть признательным.

Друга и добродетеля, какого имеешь, храни и береги как зеницу ока, и своими оплошностями не доведи себя до потери его, ибо старь лучше новых. Разрыв здесь сколько скорбен, столько и опасен и для жизни, и для нравственности; ибо такие, по разрыве, редко сходятся. Конечно, если перемена не с нашей стороны, что делать!

Должно порываться воздать добродетелю, чем можно: услужливостию, исполнением желания, предложением трудов и пр.

Как друзья – лица дорогие, то должно быть очень осторожным в избрании их.

Что делать нам с врагами? Христианин не должен быть врагом сам никому и, сколько есть сил, «со всеми быть в мире» (Рим. 12:18; Евр. 12:14). Если каким-нибудь образом нажит враждующий, не лишай его любви, а всячески старайся помириться с ним со всеми уступками; тем больше будь готов на мир, когда он предлагается. Пусть он и не мирится, ты будь ему брат и делай все, что делаешь любимому, и даже более: благотвори ему особенно, помня, что любовь ко врагам есть самая верная проба любви христианской. Мстить же ни под каким видом не должно. Это дело сатанинское.

Этим оканчивается обзор того, как должно держать себя христианину как члену тела Христова в союзе со всеми составляющими сие тело, на небе ли они или на земле. Помнить только постоянно должно, что забота о сем союзе должна быть не ради его, а ради главной цели христианской деятельности – богообщения в Господе Иисусе Христе; потому что и сама Святая Церковь и как дом спасения, и как общество спасаемых существует ради сего единого и потоплику истинною является, поколику осуществляет

сие единое. Как в живом теле все члены, состоя в живом союзе между собою, пребывают соединенными и с головою – и даже потому живут союзно, что соединены с головою; так в теле Христовом все христиане прочно соединены между собою бывают только тогда, когда преискренне соединены с Господом. О сем молился и Господь: «да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17:21). Христианская любовь есть прямая дочь христианского благочестия и другого происхождения не имеет. Напрасно льстят себя надеждою спасения основывающие его на одной любви благотворительности. Не дела одни спасают, а дух, приводящий в движение все дела... Дух же христианский приходит от Бога через Господа Иисуса Христа во Святой Церкви. Все, что теперь видится в христианстве, так сцеплено между собою, как звенья одной цепи.

в) Как должен христианин самого себя держать и образовывать, чтобы быть в живом союзе с Церковию, а через нее с Богом.

Из понятия о союзе христиан между собою живом, подобном тому, какой есть между членами тела, можно придти к мысли, что тому, кто вступил в сей союз, не о чем более уже заботиться. Ибо как в теле каждый член, действуя для других, сам создается силою всего тела (образовательною), так и христианин, действуя всецело для тела Церкви, сам может держаться и образовываться целым телом. Но, с другой стороны, как сей союз свободен, то есть основан на свободе и свободою поддерживается, то и после того уже, как христианин вступил в состав тела Церкви, он держится там не против воли, как бы по какой необходимости, а не иначе как сам держа себя. Отсюда естественно спросить: как же христианин должен держать себя в составе тела Церкви, чтобы не отпасть от союза с нею? Надобно также взять во внимание, что всякий христианин образует сам себя, хотя с существенно необходимою помощью Божественной благодати, получаемой во Святой Церкви. Спрашивается: как же должен образовывать себя христианин, чтобы иметь право и быть в состоянии стоять в живом союзе с такими и такими членами? Ответы на сии вопросы и определяют образ того, как христианин должен обходиться с самим собою. Определить сей образ тем более необходимо, что так близка к нам и так сильна у каждого из нас главная немощь – самость, которая все силится втянуть в себя или же обратить в орудия для своих видов. Чем труднее удержать в должных пределах истинную любовь к себе, тем необходимее руководство для нее, или указание ей нужных правил. Главный тон христианской деятельности в отношении к себе есть самоотвержение, но если для того, чтобы быть с

плодом, оно должно быть с умом, а не без разбора, то следует указать, в каких частях и как самость влечет к себе и как тогда христианин должен отвергаться себя, чтобы устоять в истине! Вот смысл обязательного для христианина образа действия в отношении к самому себе! Им определяется, как среди подвигов самоотвержения должен он держать себя и образовывать, чтобы быть истинным членом Церкви, не по имени, а по духу, и состоять всегда в истинном, живом с нею союзе, а через нее с Богом.

Видно отсюда, что две есть точки, к коим должен обращаться взор христианина: это дух веры и Церкви и сам он, во всем своем составе и состоянии. Оттуда он заимствует дух действия на себя и как бы идеал; здесь видит, что именно должен он делать с собою и из себя, основываясь на тех началах. Следовательно, определению в сем отношении подлежит, как должен понимать и чувствовать себя христианин по условиям союза своего с Церковью под главою Христом и что должен он делать с тою или другою частью своего существа, или со своим состоянием вследствие сего союза.

аа) Чувства и расположения христианина по условиям вступления в союз с Церковью Все относящееся к первому пункту обращается около мысли о вступлении христианина в союз с Церковью как обществом верующих и спасающихся. Разные вопросы, естественно при сем представляющиеся, наводят на соответственные чувства и расположения, с какими христианину свойственно быть обращену к самому себе. Именно, вступил уж в Церковь: откуда же? как? для чего?

а) Откуда вступил? Из бездны пагубы. Находился в руках сатаны, был продан под грех, подлежал оброку смерти и ада. Теперь все это миновалось. Помни же, откуда ты изшел, чаще обращай мыслию в ту тьму бездны, чтобы не воротиться туда опять делом; изливайся в благодарении Избавителю Богу, взывая к Нему: Слава Тебе Богу, Спасителю моему! – чтобы не сократилась рука спасающая и ты опять не ниспал туда же, сходя мыслию в то состояние и сознавая, как великое навлек на себя зло человек и сколь великую цену извлек он у Бога за избавление, плачь и сетуй, что так случилось, то есть плачь о падении. Так сокрушительная память о бездне падения, с плачем о нем и умиленным благодарением Богу Избавителю, суть обязательные для христианина расположения, когда он обратится назад, к тому, чем был. Они обязательны, потому что предмет их был, касается живой истории человека, и следы его остаются до сих пор и в нас, и вне нас. Христианин не прямо является пред Бога, но являет себя как из мертвых живым, как

узник пред Царя. Таким же и пусть себя всегда сознает и чувствует. Польза из сего велика: тут наука смирению и возбуждению бодреного внимания. Церковь руководит к сему, назначив особый день для воспоминания и плача о падении, и дает слово для сего. Многие святые отцы надолго предавались сему плачу и оставили нам сей плач в песнях. Характер сего плача есть скорбь, тоска и досада, что так есть и – по нашей вине. Он есть плод любви к Богу и к себе, или к своей природе; жаль, как себя обедствовал человек и к чему понудил Бога.

б) Как вступил! Через завет в крещении. Бог избавляет человека от всех зол ради обета его всегда работать Ему единому во Христе Иисусе, с попиранием сатаны и всех дел его. Итак...

1) Помни обеты, данные тобою в крещении; не человекам дал, но Богу, приявшему их от тебя и ради их ущедрившему уже и обещающему еще более ущедрить.

2) Храни верность им: в час нарушения верности все данное отнимается и обещанное изглаждается.

3) Благоговейно чти преимущества, данные тебе здесь, не унижай имени и силы христианства отступлением от условий.

4) Пребывай в сем чине до смерти. Все правды не помянутся в час отпадения. Конец венчает. Только постоянно верный и неизменный до смерти венчается. Буди верен до смерти и дастся тебе венец живота.

5) Воинствуй под знаменем Христа. Сознвая себя воином, будь как на страже, готовый поражать врагов. Бди, бодрствуй, будь в напряжении.

Итак, помня обеты крещения и дорого ценя принятые в нем преимущества, будь им верен до смерти, воинствуя под знаменем Христовым. Нарушение обета и у людей бесчестно, тем больше – пред Богом... Но здесь бывает крайняя беда. Ибо нарушивший повергается в ту же беду, из которой, может быть, и не найдет избавителя.

в) Для чего вступил? Ради спасения, его только ища и, несомненно, надеясь получить здесь. Таков смысл проповеди Христова Евангелия!... Ты погибающий. Иди сюда! Вот дом спасения! Верующий исповедует сие и говорит: я, погибающий, приступаю ради спасения не надеясь его получить нигде как здесь. Общество верующих есть дом спасающихся, но еще не спасенных. Сила спасения имеет открыться в будущем веке. Теперь же оно только стяжается, и сила его действует сокровенно, невидимо. Значит, вступают не за тем, чтобы пожинать только плоды, но еще чтобы с надеждою сеять. На фронтоне церкви надпись: ищи, стремись, помогайся. Обязательство к этому принимает христианин в самом вступлении в Церковь или затем и вступает в нее... Спрашивается: почему так? Вот

ответ: силы приняты, надобно теперь провести их по всему нашему существу, как проводится по всему телу через кровь кислород, в воздухе вдохнутый в легкие. Еще: зло глубоко, надобно отторгнуть его, высвободить из него естественные силы и растворить с ними принятые благодатные силы. Как это делать! Развивая естественные и благодатные силы, освящая последними первые и проводя их сквозь них или давая им их проникнуть. Стремление, свойственное христианам, есть внутренняя переработка их самих. Чего искать! Почести вышнего звания, преобразования от славы в славу, от силы в силу; достижения меры возраста исполнения Христова, иначе, искать высших степеней совершенства в Христе Иисусе, это себе поставить целью. Так как образец совершенства для христиан есть Иисус Христос и мера сего совершенства есть совершеннейшее Ему уподобление, то обязанность стремиться к совершенству есть то же, что обязанность подражать Господу Иисусу Христу, вообразить Его в себе, отпечатлеть Его совершенства на себе. Так как, далее, образец совершенства беспределен, мы же предельны, несмотря на обязанность подражать Ему, то мы никогда не можем и не должны говорить, что уже достигли того, чего ищем, а должны, «задняя забывая, в предняя же простирался, все со усердием тещи и тещи» (Флп. 3:13). Крайне опасно почувствовать, что уже достигли. Следствием сего неминуемым бывает застой сил и жизни. Итак, ищущий спасения, раскрывая благодатные и естественные силы, стремись к совершенству, отображению в себе Христа Господа, никогда не говоря: довольно, а всегда простираясь к высшему или всегда только начиная. Вот коренные чувства и расположения, с какими свойственно христианину обращаться к себе самому. Никто не дивись, что на первом месте здесь не поставлено уважение к своей природе. Сия достойная уважения природа искажена нашим падением. Поэтому сетовать о сем должно и воздыхать вместе со всею воздыхающею о том тварию. Понятно всякому и то, почему вместо верности началам гуманности ставится обязательной верность обетам крещения и вместо прогресса, стремящегося в неопредельную даль, – стремление к почести вышнего звания о Христе Иисусе. То язык моралиста-язычника, неведомый в Церкви Христовой. Живя в мире, следует различать языки и не всякое звонкое слово принимать за истину. Много лжи и лести ходит по миру. Внимай всяк Слову Божию. Оно одно есть верный светильник в темноте жития сего.

аа) Как вследствие того должен он держать себя?

1) Главный закон:

царение над собою с самопожрением Богу. Главное внимание при сем

должно обратить на то, что сделалось с христианином, когда он стал христианин? Называется он новою тварию, снова рожденным; что произвело в нем сие новое рождение? Для определения сего должно обратиться к первоначальному значению человека и последующему состоянию его. В самом начале Бог, даруя человеку свободу, отдал его самому же себе: да творит что изберет душа его; но между тем в свойстве свободы и в существе духа человеческого заключил тайный указ предать себя свободно Богу, чтобы пользоваться истинною свободою. Это не исполнено, ибо не понято или перетолковано. Человек не покорился Богу и впал в рабство греху и диаволу и служит им как невольник. В сем состоянии он неподобен производить дела, достойные человека и Бога. Надобно восстановить его свободу, воцарить его над собою и дать ему силу покорять под ноги свои тирана своего – диавола. Это и производится действием нового, даруемого христианину свыше, рождения. Человек тут воцаряется над собою и приемлет смелость и силу попирать диавола. Но опять, чтобы не повторился тот же случай горький, сей царь, царствуя над собою, себя должен покорить единому Богу, должен исполнить первоначальное условие предания свободы Богу, или свободно себя всего приносить в жертву Богу. Апостол заповедует тем, кои приступили к Господу, как «камени живому», и самим соизидаться «в храм духовен, святительство свято, приносить жертвы... благоприятны Богови Иисус Христом» (1Пет. 2:5). Итак, вот первый закон христианину! Будучи воцарен над собою и облагодатствован, владычествуй над всем, что у тебя, но себя всего приноси в жертву Богу в Иисусе Христе. Сия жертва не смерть, а истинная жизнь. Как выносящий цвет на солнце согревает и оживляет его, так к Богу возносящий себя и все свое христианин Богу приобщается, Им исполняется и оживляется. Так в сем саможрениии истинная жизнь и истинное совершенство христианина во всех частях, или во всем, что он жрет Богу. Возобладай над своим внутренним и внешним и, как свое, предай Богу.

Сие самообладание и саможертвование христианина простирается на всего его и на все его. Как ничто ни в нем, ни вне его не должно быть такое, чтобы миновало его власть, было вне ее и тем меньше против нее, так равно и в области свободы не должно быть ничего не пожренного и не преданного Богу, такого, что окончательно было бы присвоено себе и за собою утверждено. Христианин – непрестанный жертвователъ и полная жертва Богу.

2) Стороны самопожрениия Так как в каждом видимо различаются две стороны: лицо его собственное и его состояние – то сих двух сторон

должны касаться и обязательные для христианина жертвы.

Лицо человека состоит из тела и души. Отсюда и жертвы душевные и телесные. «Прославите Бога в телесех ваших, и в душах ваших, яже суть Божия» (1Кор. 6:20). Возобладай над душою и вознеси ее Богу; возобладай над телом и пожри его Тому же Богу (Рим. 12:1).

2а) Жертвы душевные

Что касается до души, то вот закон: погуби душу свою и спасешь ее, не погубишь – погубишь; так заповедал Спаситель. Это погубление уже совершается в деле нового рождения; ибо где целое, там и часть. Однако ж и всякий раз, как склоняется христианин к душе, должен он иметь во внимании, что ее надо губить и в целом, и в частях. Это есть истолкование самоотвержения. Повергни себя под ноги и попирай без жалости. Кто не имеет и не хранит сего расположения, тот никак не совладеет собою. Он может измучиться в трудах, но плода не увидит. Не погубивший души все добро свое губит и весь труд свой делает тщетным. Это главное. Теперь по частям.

Надлежит все в себе заклать и вознести к Богу в жертву для освящения, или восприятия истинной жизни. Итак...

1. Пожри Богу ум, чтобы умудриться. «Буй да бывает, кто хочет быть премудрым», говорит апостол (1Кор. 3:18). Богу преданный ум преисполняется от Него истинною мудростию. Итак, отними у своего ума своеумие, возобладай им и предай его Богу. Отсюда для христианина обязательно не иметь своего ума или, как говорят святые подвижники, не составлять своего разума. Эта обязанность исполняется, когда христианин, признавая что истинным, признает не потому, что находит таким по своему соображению, но потому что так написано и предано Богом; когда, принимая заповедь и догмат, не допытывается почему! – не спрашивает в недоумении: не так ли? – и не предлагает суемудренно: не лучше ли так? – а детски верит припадаемому и упокаивается в нем.

Когда, таким образом, ум покорен и сделан беспрекословным приемником, следует его наполнять преданными нам святыми истинами. Это – обязанность иметь ум Христов, или стяжевать истинную мудрость, от Бога нисходящую и все обнимающую. Что есть все сущее, откуда оно, какова участь всего, что человек, чем был, что стал, что ожидает его, какой путь к вечному блаженству? – вообще весь состав веры должен вместиться в уме, сораствориться с ним и содержаться им сознательно. Видно, что христианин по назначению своему есть истинный философ, свьше научаемый.

Так как, далее, мудрость христианская не праздна, а деятельна,

деятельность же требует умения действовать, то с нею всегда стоит в связи премудрость, ведение, как строить дела свои и как соображать средства с целями, иначе христианское благоразумие, к которому обязывает Спаситель, когда говорит: «будьте мудры, яко змея» (Мф. 10:16), и апостол: «в премудрости ходите ко внешним» (Кол. 4:5). У святых отцов она называется или благорассмотрением, или просто рассуждением, и на его руки отдается вообще правление всеми делами человека: и внутренними, и внешними. Это и дар совета, и приобретение через внимание и труд. Впрочем, и не имея высокой силы благоразумия в себе, можно быть благоразумным, если, не веря себе, будешь всегда искать советов у людей, известных своею мудростью. Когда предписывается благоразумие, то не заповедуется непременно быть мужем советным, но то, чтобы дела наши были с советом, хотя бы то не собственным нашим.

Спрашивается, как должен держать себя христианин в отношении к внешней мудрости, или к научному образованию? Из предметов сей мудрости избирай нужнейшее по твоему состоянию, то особенно, к чему чувствуешь себя привязанным, равно как и то, в чем преимущественно належит нужда братьям твоим, христианам. А в образе исследования старайся начала каждой изучаемой тобою науки освятить светом небесной мудрости или даже внести их туда из сей области; других же начал, неприязненных ей, не только не должно принимать, но надо гнать их и преследовать. Вообще, нисколько не противно расширять круг своих познаний о вещах по наблюдениям и соображениям ума... Должно только, чтобы это делалось, когда уже обладает мудрость истинная. Ибо сия, как вечная, небесная и Божественная, должна быть начальственной, а та, как гожая только на время, должна быть подчиненною. По сей же причине никогда ни словом, ни мыслию не должно придавать последней некоторого безусловного значения, не ставить ее вверху, а представлять пресмыкающеюся долу, как и есть, и не позволять гордиться ни ей, ни самому ради ее. Еще одно замечание о мере способностей. Мера способностей – от Бога. Потому прими ее с благодарностью и довольством, но никак не терзайся, если она не слишком высока. Нужное и существенное всякий способен знать. Особенности научные познания не для всех. На то рождаются особые люди, которым они поручаются Богом и с которых взывается их благосостояние и доброта. Впрочем, нередко Сам Бог уступает вере и исканию любящих Его и разверзает благословением то, что закрыл в рождении. Отсюда – трудись, ибо и трудом возвышаются силы, а главное, ищи и молись. Кто веровал и постыдился? Но при том все же предавайся Богу, ибо Он лучше знает, что для нас спасительно. Если же

окажется, что слабость познания и сил зависит от нас, от нашего нерадения и разврата, то надобно сокрушиться о том, а по сокрушении позаботиться всевозможно восстановить расстроенное.

2. Пожри Богу волю, чтобы освятиться и иметь силу. Когда отказывается человек от своей воли, то приходит Господь и приносит ей святость и силу, то есть святые правила и начала деятельности и силу ходить в них и хранить их. Итак, христианину свойственно не иметь своей воли. Что ни делаешь, делай не потому, что хочется, а потому, что должно, что на то есть и того требует воля Божия, каким бы образом сия воля ни приходила. В Слове Божиим нет ни малой снисходительности к ходящим в своих волях, и святые отцы заповедают не только не делать по своему хотению, но, напротив, всегда поступать наперекор ему.

Посему он должен напитать свою волю правилами и началами Божией воли, должен не только знать, что есть воля Божия, но напечатлеть ее на воле своей, чтобы воля Божия была силою возбуждающею и двигающею волю человеческую. Это изнутри. Со вне же опять надо, применительно к духу внутреннему, всесторонне оградить себя правилами, хотя условными поначалу, но безусловными по значению и избранию.

В дополнение же к сему надобно еще сделать, чтобы воля наша была подвижна и скоро на исполнение воли Божией, постоянна в сем и степенна, сильна и непоколебима. Как это стяжевается трудом, то обязанность сия есть то же, что обязанность к подвижничеству, так слабо сознаваемая и то очень немногими.

3. Пожри Богу свое сердце, чтобы облаженствоваться. Сердце не может не быть обладаемо чем-нибудь. Но оно страждет несытостью и тоскою, когда обладает тварями. Надобно исторгнуть его из сих уз пристрастия и отдать Богу. Мера сего жертвования есть мера блаженства. Обязанность сия прямо заповедуется в словах: «сыне, дажд ми сердце» (Притч. 23:26), и сокрытно – в предписаниях «радоваться безпрестанно» (Флп. 4:10; 1Фес. 5:16), "мир иметь" (2Кор. 13:11; Евр. 12:14). Отсюда христианину свойственно не иметь своего сердца для себя, или не поблажать своим чувствам и влечениям, не тем услаждаться, что нам нравится, а тем, что Бог объявил благом, радостным, блаженным. Это то же, что отрешать сердце от всего. Где не соблюдается сие, там качествует своенравие сердечных чувств, тиранское, подобное своенравию ума и воли.

Затем надобно воспитать сочувствие со всем святым и Божественным через действительное напечатление в сердце святых чувств религиозных...

Все сие в совокупности составит девственную чистоту сердца, источающую непрерывный покой и сладостную теплоту, которые хранить в себе то как дар Божий, то как добрый плод трудов есть великая, хотя не нетрудная, обязанность христианина.

Этим же прямо определяется и правило относительно чувств, отвне навеваемых, даже невиннейших, возбуждаемых предметами эстетическими. Услаждение последними может быть позволительно только в таком случае, если их содержание взято из мира Божия или если они бывают представителями того мира и в такой форме, в какой может быть то терпимо истинным духом благочестия.

4. Тоже и низшие способности все должно сначала подчинить, или предать в услужение высшим, а через них вознести к Богу в жертву и освятить в Нем. Сюда принадлежат воображение с памятью и страсти с пожеланиями. Когда человек пал и потерял власть над собою, то в нем самом своеволие более всего отразилось в низших силах, так что он, пока не выйдет из состояния падения, есть раб воображения со страстями и пожеланиями. Хотя, воцаряясь в себе через самопожрение Богу, он освобождается от их тиранства, но, как еще дикие, они и после того требуют обуздания, потому что часто возмущаются и восстают. Отсюда обязанности: бдеть над собою, особенно над воображением и движениями страстей; побеждать и покорять низшую часть свою, или бороться с нею; направлять ее к своим целям во благо внутренней жизни, то есть иное в ней совсем заглушать, а иному если и позволять действовать, то заставлять действовать только по своему усмотрению.

Сие дело преобразования низшей части трудно и продолжительно, но неизбежно. Апостол Павел заповедует продолжать его до самоумерщвления. "Умертвите, – говорит, – уды ваша, сущия на земле" (Кол. 3:5). Здесь разумеется тело и ближайшие к телу низшие способности, кои все обращены к земле и земному. Уничтожить их, конечно, нельзя, но можно и должно уничтожить в них своеволие, недобрые предметы, порочные направления. Когда в них бывает смятение, надо осадить его; когда уклонение от действительного к пустому и мечтательному – привязать их к действительному. Пусть они действуют по указанию высших сил. Нужно, например, содействие уму? Дай образ, вспомни. Таким образом, они будут мертвы для мертвых дел и всегда будут пробуждаться по манию духа. Надо, например, гневаться на грех? – разгневайся.

Так как суетливость сих сил возбуждается больше всего суетою внешнею, то единственное средство против нее, а следовательно, и важная

обязанность – не развлекаться, не быть рассеянными, уединяться, приучаться к степенности. Рассеянность есть и путь к погашению духа, и решительный того признак. Кроме внешнего развлечения, врачуемого уединением и степенностию, другие исходища и вместе раздражители внутреннего смятения суть внешние чувства и язык. Отсюда обязанности хранить чувства и обуздывать язык. Чувства могут вносить в душу нечистоту, язык может истощать добро душевное и скрадывать. Должно, впрочем, помнить, что под языком кроется словоохотливость, под чувствами – жажда впечатлений и эффектов, под развлечениями – рассеянность. Поэтому обузданием одного внешнего не должно ограничиваться, а проходить до склонностей и их искоренять.

2б) Жертвы телесные

Теперь о том, как христианин должен обходиться со своим телом. Тело – сосуд души и духа, орган сношения со всем внешним, орудие к выполнению земного назначения и средство воспитания себя для вечности; потому оно достойно всего внимания, попечения и блюдения. Но, имея такое значение, тело само собою не может править, а все должно быть отдано во власть духа. Отсюда главное свойство действия на тело есть владычественное им распоряжение как самонужнейшим органом. Кто подчиняется телу, тот и тело и душу губит. О теле должно заботиться, но отрешенно, бесстрастно, не простирая попечения о нем до "похотей" (Рим. 13:14). Не имея самостоятельности в нашем лице и цели в себе, оно и развиваться само собою не может и не должно. Воспитание его и приспособление к цели принадлежит человеку самому. Отсюда –

1. Должно хранить жизнь тела, целость его и здоровье средствами законными дотолѣ, пока не потребуеться что-либо из сего в жертву для последних и высших целей христианина. Долговечность хотя состоит в руках Божиих, однако ж, по воле Божией, не минует и рук человека. Разузнать и выполнять придуманные к тому здравою медициною средства по возможности должно. Мы живем для собрания плодов на вечность; дорожить же должно жизнью, ибо она – условие. Не изживай жизни попусту. В срок жизни делай каждую минуту и не трать времени напрасно. Дана нам мера сил для делания. Сию меру сил должно соблюсти и возрастить, распределив ее на весь срок жизни. Чрезмерная трата сил и меньше принесет плодов, и плоды те мало бывают прочны. Жизнь и силы истощаются нездоровьем. Совершенно здорового нет никого; всякий как-нибудь болен, только не чувствует сего; по крайней мере, всякий на всякую минуту готов болеть до бессилия. Следует блюсти здоровье, предотвращать случаи к болезни и, когда есть уже болезнь, врачевать ее

благодатными и естественными средствами. При всем том предел жизни не в нашем ведении; потому, все употребляя со своей стороны, должно решительно предавать себя в волю Божию и поминутно ожидать Его определения или воззвания из сего жития, а следовательно, поминутно готовиться к тому.

2. Должно воспитать свое тело и сделать его приспособленным орудием к выполнению земного своего назначения. Вообще, сделать надо, чтобы оно было живо, крепко, легко. Тело недеятельное, слабое, тяжелое – что за орудие? Потому, сколько есть в руках человеческих средств, должно отвращать сии недостатки и хранить в нем показанные совершенства. Само собою разумеется, что сие не должно быть доставляемо на счет нравственности и чистоты сердца. На сей предмет назначаются гимнастические упражнения. Тот воспитатель злой, который ради крепости и живости тела убивает душу. Напротив, коль скоро кому от обладания сими совершенствами тела может прийти вред душевный или кто достать их не может без сего вреда, тому лучше не иметь их. Ибо что за средство, которое удаляет от цели? В частности же, приспособить должно свое тело к своему званию и состоянию, или приобрести умение действовать им в своем роде. Где глаз нужен, глаз воспитай, где рука – руку, где нога – ногу и проч.

3. Постоянным же предметом внимания при хранении и образовании тела должно быть держание его, или правление им, по духу и требованию христианского совершенства. Сюда принадлежат: а) Непрестанное его напряжение, или держание в таком положении, в каком держат себя стоящие на страже. Расслабление и разлечение тела ослабляют нравственную силу человека и приближают к падению, б) Непрестанное его беспокойство. Бегать надо успокоения телесного, в каком бы то ни было роде. Это касается пищи и питья, сна и отдыха, раздражения кожного, температуры и проч. Здесь не только сластолюбие, обжорство, сонливость, нега и проч. суть пороки и грехи, но и всякое дело, в коем успокоение тела поставляется целью, или, как говорят, понежиться, прохладиться, полежать и проч.; ибо все то означает расслабленный дух и в свою очередь производит расслабление. Такое влияние имеет каждое отдельно такое дело тем больше, если кто постоянно держит тело свое в послабе, в жалении и неге. Может быть позволительно послабление, но очень редкое, бдительное к нравственным целям. Правда, что всякое удовлетворение потребности тела доставляет ему покой; но при сем всегда есть возможность отвлекаться от него внутренне, что и должно делать. Пусть тело получает свое и отдыхает, только ты не упокоивайся в нем, а смотри

на него как на отдыхающее рабочее животное.

4. Есть наконец такое дело, в котором совмещаются обязанности тела и души и нарушение которого есть нарушение тех и других. Это целомудрие. Источник жизненности тела – нервы, в них же основы и крепости мускулов. Для каждого тела назначен свой запас сих нервов и вместе нервной материи. Соблюдение ее в своей мере есть условие здоровья и свежести тела. Кто истощает ее, тот себя убивает или приближает к смерти. Хранится она целомудрием, истощается нецеломудрием. Нецеломудрие расслабляет и подвергает тлению даже живое тело, ибо отнимает живительное начало. Нецеломудренный тем преступен, что в нем страждет личность человеческая. И это как в душевном, так и в телесном нецеломудрии. В последнем человек ниспадает и омрачается до животного, бесстыдного, теряет чувство человечества. В первом, то есть в страстной любви к одному лицу, выходит из себя и живет в другом, что иногда простирается до восприятия и лица его, или до сознания себя им. Любовь страстная есть болезнь души, ее истощающая и съедающая. Дела же нецеломудрия, к коим ведет она, истощают тело... В совокупности же они составляют великую язву рода человеческого. Целомудрие требует очень многого. Оно хранит глаз, слух, осязание, а главное, трезвость внутренних чувств до равнодушия и чуждости ко всему. Нецеломудренный тотчас липнет и отдает душу; и глаз, и слух у него на свободе. В основе такого рода жизни лежит характер влюбчивости, мучительный и убийственный. Эта беда угрожает преимущественно юношам, но небезопасны от нее и мужи со старцами.

Так действуя относительно своего тела и души, христианин воистину будет прославлять Бога в душе и теле и все творить во славу Божию. Как строен в себе тот, кто обходится с собою, как того требует дух жизни во Христе Иисусе! Господь буди всем в этом помощник!

2в) Жертвы из того, что вне его, хотя его есть

И все, что вне христианина, но чем он обладает, должен он принести в жертву Богу. Как принимает он все от руки Господней, так Ему же должен и вознести то, или посвятить. Здесь

1. Первое, что встречает он, отступая от своего лица, суть предметы потребностей тела, или все житейское: кров, пища, одежда, вообще: пожитки, содержание, имущество. Первая к ним во внешнем быте христианина и обязанность. Она состоит в том, чтобы стяжать, хранить и употреблять все как должно. У святого Дорофея это названо совестностью в отношении к вещам. Всячески это обязательно. Кому ж и заботиться о нас, как не нам же самим? Труд ради сего есть смирительное и

вразумительное средство, назначенное первоначально, тотчас по падении. Только должно при сем употреблять честные и Богом определенные средства, из коих главное состоит в труде и заботливом действовании, преимущественно по своему званию; употребляя же свои труды и хлопоты, ожидать всего от единого Бога, потому молиться о благословении и успехи принимать как от руки Божией. Нет обязанности каждому искать богатства; но если обладает кто средствами подручными, как бы Богом указанными, видит особое благословение, и богатство течет; то, не прилагая к нему сердца, должно принимать его, умножать и хранить, а употреблять все во славу Божию и пользу братии» сознавая себя и чувствуя приставником в доме Божиим. Если же или средств нет, или они не приносят достаточного дохода, посему чувствуется скудость, терпи благодушно, в уверенности, что все устрояющий Бог лучше нас видит, что лучше для нас. То же должен чувствовать и терпящий потерю. Тот незаконно поступает с житейскими благами, кто пристращается к ним, мучит себя многозаботливостью в приобретении, скупостию в хранении, расточительностию в употреблении. Величайший в сем отношении подвиг есть произвольная нищета.

2. Выходя из своего дома и являясь в сообщество других, – это как бы другой шаг от своего лица – христианин на челе своем должен иметь начертанными честь, вес, доверие к себе, или иметь имя. Без сего он сделать ничего не может, или ожидать в чем-либо успеха. Имя каждому принадлежит по природе, и каждый имеет его, однако ж, тем не менее есть и обязанности к нему. Христианин должен в сем отношении действовать честно, добросовестно, по вере своей и своему долгу, не заботясь о том, что будут говорить или думать о нем другие, и нисколько не смущаясь их судом. Истинная честь есть праведная и добродетельная жизнь. Когда же кто воздает ему за то честь и изъявляет ее словом или знаком, он может принимать то, всегда, однако ж, содержа в уме своем, что это преходящая внешняя прикраса, ценная только, когда есть внутренняя красота. Честь влечет за собою должности. По доверию, неразлучному с именем, могут обязать к принятию должности и с преимуществами ей принадлежащими. Должно принять то, ибо Бог призывает; но принимать не как повышение, а как иго служения братии, и приступать не к самовозношению, а к трудам – да будешь раб всем и слуга. Коль же скоро заметишь, что служение сие выше сил твоих или оно влечет расстройство твоего внутреннего, всегда смиренно можно отказаться, не своевольничая, не в угоду лени, а с совета и рассмотрения строгого. Притом чем кто выше, тем больше должен смиряться и, всегда всю честь и достоинства принимая от Бога,

Ему посвящать и предавать то. Что касается до случаев оскорбления чести, то можно без гнева и раздора выяснить свою правоту, можно требовать и законного восстановления имени, без обиды другим и без нарушения мира и любви; но лучше терпеть, предавая Господу себя, свою участь и тех, кои оскорбляют.

Против сего погрешают те, кои поставляют целью или мнение людское, каковы тщеславные и славлюбивые, или чести и достоинства, каковы честлюбивые и властлюбивые. Величайший в сем отношении подвиг есть святое юродство.

3. Чтобы все сие удобнее могло быть выполняемо, надлежит позаботиться о благоприятном течении своих дел, или об устройении своей внешней жизни. Пристрой себя сам, если не пристроен родителями. Не шатайся праздно. Возьми дело, к какому видишь себя способным. Тому, кто себя пристроил, работать должно неумолимо в своем круге, не боясь болезни от труда и беспокойств, не останавливаясь безуспешностию, не страшась препятствий. Но всему глава – порядок. Должно человеку внести регулярность во всю свою жизнь, в свои занятия и отношения. Это строй жизни, или ход дел, где всему положены мера и вес. Мера в пище и питие, мера в одежде, в украшении дома, в труде и отдохновении, в знакомствах и сношениях. Против сего погрешают ленивые, праздные, беспорядочные, пьяницы, щеголи, пышные, гуляки.

Этим оканчиваются заповеди и правила, обязательные для христианина как христианина. Имелось в виду одною мыслию проникнуть все обязательные для нас дела, чувства и расположения и везде воцарить Господа и Спасителя нашего, чтобы Он не отходил от ока ума нашего и от чувств сердца, что бы мы ни делали. Если подобное нечто напечатлется в душе читающего по прочтении всего, возблагодарим Господа. Всячески работать должно Господу, и сия работа всему научит лучше всяких теорий. Благослови, Господи!

V. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина по тем положениям и отношениям, в каких приходится ему бывать в настоящей жизни

Есть круг обязанностей, лежащих на христианине не потому, что он христианин, но потому, что притом находится еще в том или другом состоянии, в тех или других отношениях. Это обязанности относительные. Они называются также взаимными, потому что касаются человека, состоящего в каких-либо законных связях с другими, лежат на нем взаимно с другими лицами и, требуя от него известного рода действия, в то же время взаимного соответствия требуют и от других. Сюда относятся обязанности христианина, рассматриваемого в семействе, в Церкви, в обществе. Можно видеть, что они состоят в соответствии с обязанностями доселе исчисленными и составляют как бы поприща для упражнения и осуществления их.

13. Обязанности семейственные

Семейство есть общество, которое под одним главою, согласным отправлением разных дел устрояет свое благосостояние внешнее для внутреннего. Обыкновенно его составляют родители и дети, иногда с другими родными, и слуги. В сем отношении есть общие всего семейства обязанности и есть взаимные обязанности разных членов семейства.

1) Общие обязанности всего семейства

а) Глава.

Глава семейства, кто бы ни был ею, должен воспрять на себя полную и всестороннюю заботу о всем доме, по всем частям, и иметь неусыпное попечение о нем, сознавая себя ответным лицом и пред Богом, и пред людьми за его добро и худо; ибо в своем лице он представляет его все: за него получает стыд и одобрение, болит и веселится. Сия забота, по частям, должна быть обращена а) на благоразумное, прочное и полное хозяйство, чтобы все во всем могли иметь посильное довольство, жизнь неболезненную, безбедную. В этом житейская мудрость – честная, Богом благословенная... В сем отношении он распорядитель и правитель дел. На нем лежит когда что начать, что кому сделать, с кем в какие вступить сделки и проч. р) При внимании к ходу вещественных дел и духовные дела тоже на нем. Главное здесь – вера и благочестие. Семейство – церковь. Он глава сей церкви. Пусть же блюдет чистоту ее. Способ и часы домашнего молитвования на нем: определи их и поддерживай. Способы просвещения семейства в вере на нем; религиозная жизнь каждого на нем: вразуми, укрепи, остепени, у) Устрояя все одною рукою внутри, другою должен он действовать вне, одним глазом смотреть внутрь, другим – вне. Семейство за ним. В общество является он, и общество за все семейство берется прямо с него. Потому все необходимые сношения и общественные дела – на нем. Он – знай, он – и приводи в дело, что нужно. 5) Наконец, на нем лежит обязанность хранить семейные обычаи, общие и свои частные, и в последнем случае особенно дух и нравы предков держать в семействе и память о них передавать из рода в род. Каждое семейство имеет свой характер; пусть он остается и держится, в союзе, однако ж, с духом благочестия. Из их разнородностей составится стройное при разнообразии и полное тело – село, город, государство.

б) Все семейство.

Под главою и все семейство – все члены его. Они прежде всего должны ос) иметь у себя главу, не оставаться без нее, никак не позволять,

чтобы их было две или больше того. Сего требует простое благоразумие и благо их же самих иначе невозможное, р) Потом, когда есть глава, ей во всем повиноваться, не вносить своих распоряжений, своевольно не начинать ничего и не опускать приказанного, у) Между собою жить в крепком мире и согласии, в союзе сердечном: разрозненность сил расслабляет и останавливает успех. 8) Из сего мира и взаимная помощь, и взаимносодействие: ты тому помоги, а тот тебе, е) Наконец, выходя во вне, не должно выносить сора. Внешние пусть и знают только внешнее. Что бывает внутри, то должно быть священною для всего дома тайною. Надо и словом и делом защищать честь своего дома: сам не срами его делом худым, не говори худого; защити, когда слышишь что; Богом же благословенная честь дома – это благонравная, чистая и благочестная жизнь всех членов его, всем ведомая и всех с уважением и доверием обращающая к ним.

2) Взаимные обязанности разных членов семейства

Супруги

а) Общие обязанности.

От супружества – счастье временное и даже спасение вечное. Потому к нему приступать должно не с легкомыслием, но со страхом и осторожностью. Добрым супружеством благословляет Бог. Потому будь благочестив, предан Богу, на Коего уповая, молись, чтобы Сам Он послал другую половину, угодную Ему и спасительную тебе. Ища супружеского союза, не предполагай дурных целей, или страстное блажничество, или корысть, или тщеславие; но ту одну, какую Бог определил, взаимную помощь во временной жизни ради вечной, во славу Божию и благо других. Когда нашел, прими, как дар Божий, с благодарностью к Богу, сколько с любовью, столько же и с почтением к сему дару.

Когда выбор кончен, должно произойти сочетанию, таинственному от Бога слиянию духовно-телесному. Естественный союз, по любви, есть союз дикий, мрачный. Здесь он очищается, освящается, отрезвляется по молитве Церкви Божественною благодатию. Трудно самому одному устоять в союзе крепком и спасительном. Нити естества рвутся. Благодать непреодолима. Самонадеянность опасна везде, тем более здесь... Потому смиренно, с постом и молитвою, приступи к таинству.

Сочетанные стали одна плоть, тем больше одна душа. На этом понятии основываются общие их обязанности, именно: крепкая любовь, нестрастная, но чистая и трезвая, свидетельствуемая внутри взаимною привязанностию и живым участием, равно как скорым и подвижным сочувствием, а вне, взаимно, содействием, по коему глаз и рука одного там

же, где и другого. Отсюда истекают мир непресекаемый и согласие нерушимое, предотвращающее неудовольствия и скоро устранившее происшедшие нечаянно; доверие, по коему, несомненно, один во всем может положиться на другого, быть покойным на счет его во всем: тайн ли то касается или поручений. Венец же всего верность супружеская, то есть хранение первого условия союза – и душою и телом принадлежать только друг другу. Муж не свой, а женин, и жена не своя, а мужнина. Верность утверждает доверие; неверность, хотя только предполагаемая, рождает подозрительную ревность, прогоняющую покой и согласие и разрушающую семейное счастье. Не ревновать – святой долг, но вместе и подвиг, или искус супружеской мудрости и любви. Ибо тут всегда вмешивается самость, которая и требует исключительности, и боится за нее. Она здесь очень смешна и сама вооружается против себя.

б) Обязанности мужа.

Что касается до частных обязанностей каждого супружеского лица, то они вытекают из понятия о значении каждого из них. Муж – глава жене. Отсюда муж должен иметь и являть свое владычество над женою, не унижать себя, не продавать главенства по малодушию или страсти, ибо это срам для мужей. Только сия власть должна быть не деспотическая, а любовная. Имей жену подругою и сильною любовию заставляй ее быть себе покорною. Во всех делах должен считать ее первую, вернейшею и искреннейшею советницею, первую поверенною тайн. Должен смотреть за нею, заботиться о ее умственном и нравственном совершенстве, снисходительно и терпеливо отребляя недоброе и насаждая доброе, неисправимое же в теле или нраве сносить благодушно и благочестно. Но уж никак не позволять себе развратить ее своим небрежением и вольностию. Муж – убийца, если смиренная, кроткая и благочестивая жена становится у него рассеянною, своенравною, Бога не боящеюся... Блюдение, однако ж, нравственности не препятствует удовлетворять ее желанию держать себя прилично и иметь общение со внешними, хотя не без соизволения его.

в) Обязанности жены.

Жена же со своей стороны должна во всем слушаться мужа, всячески нрав свой склонять к его нраву и быть ему всецело преданною, чтобы ни делом, ни мыслию даже не загадывать ничего без его воли. Потому верно исполнять все его распоряжения, советы, повеления, и в мысль не попуская того, чтобы когда-нибудь поставить на своем, вообще ни в чем не желать и не являть главенства. В случае несогласия быть уступчивою и терпеливо сносить все, что покажется не по нраву; иначе не сохранишь мира дорогого. Однако ж это не отнимает у нее обязанности заботиться о

добронравии супруга. Своею мудростию и влиянием она может изменить его нрав, если он неисправен; по крайней мере, она не должна оставлять его в небрежении, но, сколько есть ума и сил, действовать на него и исхищать как из огня. Для сего саму себя украшать преимущественно добродетелями, другие же украшения иметь как нечто стороннее, средственное, от чего легко отказаться, особенно когда сего потребует необходимость поправить дела. Наконец, помнить, что на ее доле блюдение домашних дел, хотя исполнительное только... Ее долг – делать положенное; видя какую нестройность, сказать и восстановить, или восполнить.

Родители и дети

а) Обязанности родителей.

Супруги имеют быть родителями. Дети – одна из целей супружества и вместе обильный источник семейных радостей. Потому супруги должны чаять детей как великого дара Божия и молиться о сем благословении. Бездетные супруги действительно суть нечто обиженное, хотя иногда это бывает и по особенным намерениям Божиим. Молясь же, они должны и себя готовить к тому, чтобы быть добрыми родителями добрых чад; для сего хранить целомудрие супружеское, то есть трезвенную отчужденность от сладострастия; хранить здоровье, ибо оно неминуемое есть наследство детей: больное дитя что за радость? Хранить благочестие, ибо как бы ни происходили души, а они в живой зависимости от сердца родительского, и характер родителей иногда очень резко отпечатлевается на детях. Любимое чадо, когда Бог его дает, надобно будет воспитать, а для того иметь достаток; пусть же заботятся о нем заранее не на настоящее только, но и на будущее.

Когда Бог дарует чадо, радуйтесь и благодарите, яко человек родился в мир. Бог повторил первое благословение и через вас: примите же дитя как от руки Божией. Но потому же и поспешите освятить его таинствами, ибо здесь вы посвятите его на служение Богу истинному, Коему и сами вы, и все ваше должны принадлежать. В дитяти смешение духовно-телесных сил, готовых принять всякое направление: положите на нем печать Божественного Духа как основу и семя вечной жизни. Отовсюду теснится сатана со своим злом: оградите дитя оградю Божественною, непроницаемою для темной силы. Освященное в таинствах дитя блюдите потом как святыню: не оскорбляйте Духа благодати и Ангела Хранителя, окружающего колыбель, своим неверием, невоздержанием, немиролюбием.

Начинается воспитание – дело родителей главнейшее, многотрудное и

многоплодное, от коего благо семейства, Церкви и отечества. Тут-то и покажите истинную любовь. Родители, можно сказать, не вы: дитя родилось неведомо для вас как. Воспитать же его – ваше дело. В сем деле на все надо обращать внимание: и на то, что есть дитя, и на то, чем быть ему. Нужно воспитать тело его, доведши его до того, чтобы оно было и крепко, и живо, и легко. Мало предоставлять все природе; должно и самим действовать по плану с целью, пользуясь опытами других и пособиями здоровой педагогики. Но еще больше должно позаботиться о воспитании духа. Благовоспитанный духом и без крепкого тела спасется. Себе же оставленный будет страдать от тела крепкого. В сем отношении должно образовать ум, нрав и благочестие. Ум, если можешь, сам развивай, а если нет – отдай в училище или имей учителя. Нужнее при сем здравомыслие, коему и без наук учатся, нежели научность. Но всякого долг – научить Символу, заповедям молитве, или дать познать христианскую веру. Нрав ничем так не образуется, как собственным добрым примером и удалением от худых примеров сторонних. Предотвращай: сердце невинное под действием благодати окрепнет и добрые его расположения обратятся в нрав. Тем нужнее свое благочестие для укрепления благочестия дитяти... Ибо оно относится к невидимому. Здесь дела благочестия домашние совершают все по благодати Божией. Пусть дитя участвует в молитве утренней и вечерней; пусть будет, сколько можно чаще, в Церкви; сколько можно чаще, причащается по вере вашей; всегда пусть слышит ваши благочестивые беседы. При этом нет нужды обращаться к нему: оно само будет слушать и соображать. Родителям надо со своей стороны все употребить, чтобы дитя, когда придет в сознание, сильнее всего сознавало, что оно – христианин. Но опять, главное, собственно, дух благочестия, проникающий и прикасающийся душе дитяти. Вера, молитва, страх Божий выше всякого приобретения. Их прежде всего внедрите. Выучившегося читать надо остерегать от беспутного чтения. Жажда чтения неразборчива. Надо выбрать и дать что читать. Развивающееся дитя покажет, к чему оно гоже. Потому должно полагать основы будущему его прочному, нешаткому, необязненному действию на принятом поприще, приготовить к званию, чтобы оно умело в нем действовать, и телом и душою было сроднено с ним и могло жить в нем, как в своей стихии. Если при сем нужно будет усугубить попечение – усугуби; если нужно прибавить предметов обучения – прибавь. То неодобрительно, если все предоставляют течению обстоятельств. Правда, Господь все строит, но Он же нам дает разуметь волю Свою в наших способностях, склонностях и характере. Сему указанию внимать и на основании его действовать есть

долг. Должно руководить дитя навязать приличию в слове, одежде, положении стана, держании себя пред другими. В молодых летах это тем уместнее, что там действует переимчивость, преимущественно внешняя, и что, утвердившись там, может так остаться на всю жизнь. Приличие – вещь будто незначительная, однако ж, много беспокоит и смущает ненавыкшего ему. Надо предотвратить от сего дитя. Но опять, надо ставить сие дело в тени, как придаток, не возвышать и даже не говорить как это нужно, а учить просто, как учили ходить. Где рассыпаются похвалы сему, там приличие выдается из-за других, важнейших, вещей и заслоняет их. А это худо. Притом здесь разумеется благопристойность простая, скромная, почтительная, а не модная, вертлявая, изысканная. Учить искусствам – прекрасное дело, именно: пению, рисованию, музыке и другим; то же к мастерствам женским и мужеским. Они доставляют приятный отдых духу и благонастроение. Но надобно, чтобы не забывалось главное: созидание духа для вечности. Этим должно определиться направление искусственности, или внутреннее ее содержание.

Надо, впрочем, помнить, что в воспитании не столько важен материал, сколько силы, или способность и умение доставать его. Что должно вынести из воспитания в сем отношении – это трудолюбие – тяготение к труду и ненависть к праздности; любовь к порядку – регулярность, чтобы все делать вовремя, к месту, не забегая и не отставая; добросовестная исправность – расположение, не жалея себя, не щадя сил, выполнять по совести все, что требуется. Это счастливейшее настроение, какое обезопасивает на всю жизнь и внешнее счастье, и внутреннее благочестие. Но все же не должно забывать, что такие настроения составляют только внешнюю доброту, внутренняя же состоит в духе благочестия христианского.

Наконец, воспитанное дитя должно пристроить: дочь отдать прилично замуж, сыну достать место или вставить в порядок жизни, к какому он готовлен. В сем деле главное то, чтобы они сами могли потом безбедно жить и успешно трудиться. При выборе второй половины можно иметь в виду расположение, но не должно уважать капризов, рождающихся от соблазна блеском и видимостью, а надо делать, что разумно видится прочным и полезным. Худо делают, когда оставляют детей влечению сердца в сем важном деле. Впрочем, и по пристройке детей не надо забывать их, но надзирать, направлять, руководить, вразумлять. И право, и долг родителей не отстают от них по смерти. Ныне иначе на это смотрят. Но не все то законно, что ныне вводится.

Руководитель в воспитании детей – любовь. Она все предвидит и на

все изобретет способы. Но должно, чтобы сия любовь была истинная, трезвенная, разумом управляемая, а не пристрастная и поблажливая. Последняя слишком много жалеет, извиняет и снисходит. Благоразумная снисходительность должна быть; но поелику она граничит с поблажкою, то строго должно смотреть за нею. Лучше несколько передать на строгость, нежели на поблажку, ибо она день ото дня больше и больше оставляет неискорененного зла и дает расти опасности, а та отсекает однажды навсегда или, по крайней мере, надолго. Вот почему иногда существенная надлежит нужда иметь воспитателем чужого. Где любовь уклоняется от истины, там часто, или почти всегда, через пристрастие впадет она в несправедливость к детям – одних любит, а других нет, или отец любит одних, а мать – других. Это неравенство и у любимого, и у нелюбимого отнимает уважение к родителям и между самими детьми с таких ранних лет поселяет некоторую неприязнь, которая при обстоятельствах может превратиться в посмертную вражду. Что ж это за воспитание? Не должно, наконец, забывать смиренного и вместе самого действительного средства исправления – телесного наказания. Душа образуется через тело. Бывает зло, коего нельзя изгнать из души без уязвления тела. Отчего раны и большим полезны, тем паче – малым. «Любяй сына своего, участит ему раны», говорит премудрый Сирах (Сир. 30:1). Но само собою разумеется, что к такому средству надо прибегать в случае нужды.

б) Обязанности детей.

Так много приемлют дети от родителей! От них временная жизнь; от них же основание, начало, способы и жизни вечной. Отсюда и дети не естественно только, но и совестно должны быть обращены к родителям с особенными чувствами и расположениями, сознавать себя к ним обязанными и возгревать их в себе. Главное чувство, которому большею частию не учатся, есть любовь с почитанием и покорностью. Должно только делать сии чувства разумными и вместе прочными до того, чтобы не испарились в целую жизнь. Воля родителей что воля Божия, лицо их – лицо Божие. Кто не чтит их, не покоряется им, отделился от них сердцем, тот извратил свою природу, отпал и от Бога. Потому всячески храни в сердце честными лики родителей твоих, ни хульною мыслию, ни словом не наводи на их лицо тени и не смущай сердца своего. Пусть есть поводы к тому – не внимай им. Лучше все потерпеть, нежели отделиться сердцем от родителей, ибо им Бог дал силу Свою. Чествуя родителей в сердце, будешь всячески остерегаться оскорбить их словами и поступками. Кто нечаянно их оскорбил, зашел далеко; кто же сделал это сознательно и в недобрых

движениях сердца, тот зашел еще далее. Оскорбление родителей очень опасно. Близ него предание сатане, по тайной некоторой связи. Затмивший чествование родителей в сердце сам только отделился от них, а оскорбивший их может отделить от себя и родителей. Но коль скоро сие случится, отрезанный поступает под видимое владычество другого отца, отца лжи и всякого зла. Если это не со всяким оскорбителем случится, то тут Божие снисхождение и покров. Во всяком случае опасно оскорбление, не только бесчестно и неразумно. Потому-то всегда должно спешить восстановить здесь мир и любовь, нарушенные через оскорбление, чем бы то ни было. Остерегаясь от оскорблений личных, надо удерживаться от оскорблений лица родительского и пред другими – словами поносными, или злословием и хулою. Кто уже и вон понес неуважение, тот стоит на краю зла. Чтящий родителей будет всячески заботиться и поведением своим радовать их и пред другими святить их, величать и всячески защищать от неправд и осуждений. Больше всего дети должны дорожить родительским благословением, потому всячески стараться получить его, а для того заботиться и о том, чтобы сердце родительское было отверзто к ним, а не закрыто. Благословение родителей похоже на всемогущее слово Божие. Как то размножает, так и сие. Напротив, неблагословение и клятва сокращают и как бы иссушают. На ком нет его, тому ни в чем и счастья нет, все из рук вон. Пропадает и свой ум, и другие отчуждаются. Наконец, сладкий и спасительный долг – упокоение родителей престарелых. Тут питается пространно благодарная любовь; сим же привлекается и вся сила благословения родительского, и все блаженство благоволения Божия. Не имея родителей, вместо их можно покоить чужого старца, ибо вообще лицо старчее – Богосветлое лицо.

Родные

Родители кают родных и, поставляя их во взаимоотношения по их чину, дают бытие разным новым обязанностям семейным. Здесь первое непосредственное место занимают братья и сестры, зачавшиеся в одной утробе, одним молоком питавшиеся, возросшие под одним кровом, одним попечением и любовью. Чувствам родства не учат, они сами есть. Такова и братняя с сестринскою любовь... В чем она, выяснить нельзя. Она не то что любовь к родителям или друзьям и благодетелям... Ее только чувствовать можно, а не выражать, отличая одним словом: братняя, сестринская. Это глава обязанностей! Из нее сам собою рождается мир крепкий и согласие – неиссякаемый источник взаимных радостей, обвеселения родителей и всего семейства. Самое великое несчастье, когда братья и сестры не в ладу. Начинают особиться, всякий тянет себе, оттого прекращается порядок,

взаимосодействие и успех. Сила дома слабеет и наконец совсем рушится. Есть братья старшие; их дело – беречь и настраивать младших, младших же долг – уважать старших и их слушаться. Это естественно.

И между другими родными родственная любовь естественна и вместе обязательна; только она принимает разные виды и оттенки, смотря по чину родства. Так, между праотцами и внуками должны быть – у тех желательное радение, а у сих уважение, близкое к благоговению, благодарность и желание доставлять всякое утешение; между дядями и племянниками – от тех совет и пример, а от сих уважение и внимание. У сирот и вдов в отношении к другим – некоторое уповательное более, нежели желательное, близкое к требованию расположение, у других же к ним при уважении – сердоболие, сострадание, утешение, особенно бегание оскорблений.

Другие, случайные лица, принимаемые в семейство

Нередко надлежит нужда трудное дело воспитания детей по разным частям родителям разделять с другими. Отсюда новые в семействе отношения, новые и обязанности между родителями, теми лицами, кои принимаются, и детьми. На родителях лежит выбор всех осмотрительный, внимательный, чтобы с благонадежностью и доверием можно было поверить им сокровище свое: принятых надо блюсти и назирать, чтобы и сами в себе, и в своем деле они были исправны; первое – начало последнего; если того нет, ни к чему и сие. Но при сем и самим уважать их, и быть к ним справедливыми и внимательными, и детям внушать такое уважение. Особенно на родителях лежит иметь план, чертеж воспитания, и самим деятельно приводить его в исполнение или по нему направлять исполнителей: иначе нельзя, когда дело разделено между многими... Вред от несоблюдения сего неизбежен; но что он не всегда виден, это потому, что он оседает в душе, а не видится во вне. Затем по разным частям воспитания идут разные лица.

Дело отдоения поручается иногда кормилицам. Само собою разумеется, что лучше, благочестнее и собственно родительски поступают те матери, кои кормят сами. Тут единство соков, или животных элементов, для тела и единство духа при живой любви решают успех и благонадежность воспитания. Нет сомнения, что та мать не без греха, которая не делает сего по моде, лености и неге. Но есть крайние нужды извиняющие, когда вместо пользы может быть вред для себя и дитяти. При вверении отдоения сторонним ошибаются те, кои смотрят только на телесную или животную часть кормилицы. Она нужна, но при ней должны быть добрый нрав и сердце... Дивно, как нрав переливается с молоком. Но,

кроме того, он непосредственно перейти может от одного общения непрестанного. Кормилицам должно помнить сие; потому, принимаясь за дело свое, хранить благочестие и чистоту и исполнять его с молитвою и любовью, подобною родительской.

Отдоенное дитя поступает на руки няни. Здесь еще больше осторожности, ибо больше и опасности. Труд няньки продолжительнее, и дитя тут уже начинает понимать. Можно сказать, здесь особенно прочная полагается основа будущему нраву, который, сомнительно, испаряется ли когда. Это, конечно, хорошо, если нрав добр; а сколько зла, если худ! Здесь, кроме доброты, необходимо еще и умение обращаться с малыши. Сколько у них состояний! Сколько желаний, причуд! Все это надо видеть и знать, как склонить в добро, как поступить в том или другом случае, воспользоваться тем и другим. Нрав няньки читается в глазах, в поведении и обхождении и перенимается. Из обращения няни может выйти своенравное, упорное или изнеженное дитя, а иногда и с пороками, например, воровства, пересмешек, сварливости и проч. Так и няне надобно со страхом и опасением становиться нянею, и родителям брать ее должно с такою же осмотрительностью, а взявши, блюсти, руководить, убеждать, умолять.

К дитяти отроку приставляется учитель, один или не один. Здесь выступает на череду преимущественно душа. Ее начинают организовывать. Нет нужды и напоминать, что ей должно доставлять настоящие элементы, то есть что-нибудь духовное, а не язык только, и элементы прочные, проникнутые истиной, добром, благочестием, и притом полные, имеющие пройти по всем частям ее, а не к одной только. Нужно это, чтобы душа не сохла от скудости, не сделалась больной от порчи и уродом от неполноты. Кроме же элементов, надобно иметь еще умение привить их как должно. Душа не мертвое влагалище, а живой приемник. Можно набить ее, хоть бы даже и добром, но то, что не усвоено, не есть ее. Отсюда видно, каков должен быть учитель. Он должен иметь, кроме богатства внутреннего, еще и опытность. Такого можно назвать учителем способным. Приступая же к делу учительства, он должен в основу своих расположений учительских положить искреннюю, даже отеческую любовь к детям. Ибо хотя в некоторой только части он берется заменять родителей, но дух должен быть одинаков и в части, как и в целом. У сей отеческой любви, с одной стороны, стоит всеизобретательная неусыпность, горящая ревностью не лишит ничего, а все доставить; с другой же – благоразумие, остепеняющее и руководящее неусыпность. Его дело предрасполагать, подмечать начатки, блюсти тонкую постепенность.

Это в развитии добра. Только при сем оно будет живо прививаться. Что до худого, его должно отсекалть без жалости, но и не без снисхождения и осторожности. Характер, звание, лета, привычка здесь очень много значат. Всегда же при нем – степенная важность, не высящаяся, но и не унижающая себя, привлекающая, но не поблажающая. Главное же в наставнике – благочестие, искреннее, неподдельное, и при нем – Православие... У неправославного дух не тот, сим духом и он весь пропитан, и все его знание. Он успеет передать его, хотя бы учил только языку.

Ко всем сим наместникам родителей дети должны иметь любовь – иначе ничто не привьется; уважение – иначе привитое будет чужим, в презрении, как нарост, который скоро сбросят, и беда, если это касается религии; благодарность – святой плод чувства блага от воспитания; во всякое время покорность и терпеливое сношение их строгостей и старание предотвратить их.

Господа и слуги

Нередко нужна бывает сторонняя помощь, а иным – служба. Принимается в дом по условиям чужое лицо для деятельного, трудового участия в делах дома; образуется новый союз служащих и принимающих услугу, а отсюда и новые обязанности – господ и слуг.

Господа, прежде всего, содержать должны верное понятие о себе и слугах. И слуги одной с ними природы, дети одного Отца небесного, сподобившиеся той же благодати, имеющие то же упование и то же наследие на небесах. И господа имеют над собою Господа, Который возьмет с них отчет о преставлении и Который Один и возвышает, и понижает, и в сем не смотрит на лица. Господа и слуги суть состояния временные, случайные, преходящие; вечное в тех и других то, что каждый есть во Христе Иисусе и вследствие чего иногда, по слову Господа, "последний бывают первый..." (Мф. 19:30). Выходя из такого понятия, господину христианину не свойственно ни презирать слуг, ни гордиться над ними, тем меньше помыкать ими, как вещью; а напротив, всячески восставить в сердце своем главные христианские расположения и к ним, то есть иметь их, как братья о Христе, и соответственно тому не лишать и уважения, и расположения, и справедливости, и внимания. Такие расположения не помешают правам, и права не должны погашать их. Ибо те – внешние, а сии – внутренние; те – в деле, а сии – в сердце. Ничто в мире не может дать христианину права уволить себя от христианских расположений к христианину, кто бы он ни был. Отсюда в главном деле слуги и господина – служении и повелении, или приказах – надо все

расположить так, чтобы ни господин, повелевая, не был преобладали, ни слуга, исполняя, не превращался в страдательное орудие. А для сего лучше ввести его в порядок дел и сделать как бы господином в своем ему круге: пусть действует как бы от своего лица. Слуга должен сознавать свою зависимость и быть готовым к беспрекословной и молчаливой покорности, но братство должно заставлять и господина сделать его развязанным действователем. Разумное служение лучше механического. Принят в дом: пусть же будет он у тебя как родной домочадец. Слуга служит и готов служить по долгу, но если ты признаешь его братом, то не должен принимать его трудов как должную повинность, но как услугу братскую, за которую обязан благодарностию. И есть долг чувствовать и изъявлять сию благодарность самым делом. Всего лучше сию благодарность засвидетельствовать взаимным служением ему, или усердным о слуге попечением. Доставь покой и довольство его телу, сохрани здоровье его и целость. Увечить, истощать, небрежь о слуге – бесчеловечно. Но это все временно, как временно вещественное служение слуги. Есть вечное дело за слугою, которому временная служба не должна мешать. Это ревность о спасении души... В сем отношении господин может быть спасителем слуги. Вразуми и растолкуй, в чем дело, наставь и настрой, доставь способы исполнять дела благочестия, особенно в праздники, и, вообще, деятельно блюди его поведение: доброе не расстраивай, худое исправляй. Таковы дела любви! Правда же требует, чтобы не требовать от них ничего, к чему они не обязаны, и воздавать все, к чему сам обязан. Чем очевиднее сей долг и чем он удобоисполнимее, тем преступнее его нарушение. Оно раздирает душу, исторгает ропот и жалобу, которая в Слове Божиим стоит вместе со стоном сирот и вдовиц. Не меньше справедливостью требуется и снисхождение, или терпеливое сношение их слабостей и недостатков, терпимых, разумеется. Несправедливый в сем отношении – презритель, укоритель, недовольный – грешит против Бога, раздающего дары и знающего, как их раздавать. Нрав – другое дело; а что не от произвола, пред тем должно терпеливо молчать, помня Бога, все видящего и все испытующего. Наконец в обращении должно быть чуждым гордости, властолюбия, жестокости, но кротку, тиху, приветливу, как и вообще. Самые выговоры смягчать надо голосом убеждения и сердолобия, давая их от лица правды, а не от своей воли; вообще, все должно делать, чтобы слуга, сколько можно, приближен был в отношениях к нему господина к своим семьянам, родным; не доходил до чувства отчуждения, ибо это больно, и еще в доме христианском.

Как господин, так и слуга прежде всего должен уяснить и твердо

содержать верное понятие о себе и о своем состоянии. Одному одно, а другому другое состояние Господь дает. Он же вместе заповедует всякому верным пребывать своему званию. Отсюда – с благодушием, покорностью и любовью, без всякого неблаговоления и недовольства слуга должен принимать и сносить свое состояние; потому быть тщательным в исполнении тех добродетелей, кои лежат на нем как на слуге. Первое – почитание господ. При всем их снисхождении и любви ты держи себя в своем чине, и на сколько те приближаются, на столько ты отступай почтительным отдалением. Что по милости, то всегда можно потерять и потерять тотчас, как забудешься, ибо это забвение и побуждает большею частью господ не являть особой благосклонности. Второе – совершенное повиновение и покорность. Не имей власти над собою, пусть там рука, и нога, и глаз, куда велят их обратить. Пусть тебя вводят сами господа в порядок службы, не мудри, а вникни и будь верным исполнителем. Далее – верность. Оправдывай доверие и возвышай его; сделай, чтобы на тебя во всем можно было положиться. Наконец – искренность. Не пред очами только работай, а по совести, как пред Богом. Так, исполняя волю господ, будешь служить Богу. Это добродетели слуги как слуги. Но он принят в дом, почему должен своим образом исполнять и домохозяйственные добродетели: радеть о пользе дома, блюсти и защищать его честь, не выносить, что в нем бывает. Наконец, сознавая, что если милости оказываются ему, то оказываются по любви и могут не оказываться, принимать их с благодарною и преданною любовью. Если же будут неудовольствия от нрава господ, сносить терпеливо, сколько можно, а тем больше сносить неудобства от недостатков. Раздели участь с теми, кои выше тебя.

Но, вообще, состояние господ и слуг не должно изгонять из мысли того христианского преимущества, что все мы свободны только во Христе, что нет свободы без истинно христианской благодатной жизни, что тот уже и раб, кто в страсти, и тот свободен, кто ходит в заповедях Господних непорочно.

14. Обязанности церковные

Господь предал устройство царства Своего, то есть Церкви, апостолам, чтобы учили, крестили, научали блюсти, апостолы – епископам, епископы разделяют дело свое апостольское со священниками. Всех их дело – созидать дом Божий учением, таинствами, священнодействиями, руководством, или, что то же, пасти церковь. Отсюда всегда в церкви пастыри, или без пастырей нет и церкви, ибо через них царство Божие передается из века в век. Призванные ими, внявшие гласу, составляют паству, питаемую на пажитях Божественного Слова, Святых Таинств и священнодействий. Таким образом, в составе церкви есть паства, есть и пастыри. Каждый христианин ближайшее должен иметь отношение к своему пастырю, и обратно, пастырь – к каждому пасомому. А отсюда и взаимные их обязанности.

1) Обязанности пастырей

Дело пастыря есть дело апостольское, и дух пастыря должен быть апостольский. Это – ревность о спасении душ, ревность живая: не сознаваемая только как обязанность, но и порывающаяся, или снедающая; деятельная: не внутри только ощущаемая, но употребляющая и подлежащие средства не в слове только, но и в деле; разумная: сознательно, а не во мраке идущая к намеренному, или разумно видящая соотношение средств с целями; терпеливая, или ожидающая терпеливо, как земледелец плода, и не утомляющаяся от трудов в ожидании, или терпящая неудобства и противности; но главное – благочестивая, не о себе, а о славе Божией и спасении душ все старание прилагающая. Исходя с таким духом, он должен являть лицо свое украшенным всеми добродетелями, как представитель Царства Христова духовного и как образец для паствы, особенно же теми добродетелями, кои всегда должны сопровождать истинную ревность и имеют непрестанное почти упражнение в его трудах. Это – попечительность отеческая, внимательная и болезненная, степенность, чистота, трезвость, осмотрительность, благодушие, мужество, сострадание, снисходительность, бескорыстие. В самом действовании по-пастырски ему должно быть для паствы проводником всех сокровищ Церкви, быть тем, чем есть Церковь, ибо пастырям завещано Царство. Следовательно, их дело учить – настоять благовременно и безвременно, и не учить только, но и руководить в жизни по учению; а для сего строго блюсти, назирать все пути всякого пасомого и соответственно действовать на них: освящать таинствами и приучать к

служению Богу в духе и истине посредством священнодействий, и ограждать их молитвою, и своею, и церковного, от всех наветов. Для того же, чтобы благоуспешно и с пользою совершать все сии дела, он должен знать и все более и более познавать таинства веры и жизни христианской и учиться вводить в них души, и это во всю жизнь и со всею неутомимостию; узнавать всевозможно свойства и всей вообще паствы, и каждого пасомого и приучаться применять свое действие к ним на созидание; паче же всего всемерно привязать к себе паству, чтобы смотрели на его лицо с уважением и любовью. Сей сердечный союз – условие всякого успеха и везде, тем больше в делах духовных.

2) Обязанности пасомых

Соответственно такому духу и такому попечению пастырей и пасомые должны быть не неподвижными в деле спасения, но, предавая себя образованию пастырей, как готовый материал, и сами должны всемерно порываться на сие дело, содействовать им в сем и облегчать труды их. Отсюда пастырей, ревнующих об их спасении, принять должны, как посланников Божиих, как Самого Бога, через них приближающегося; пастырей, являющих добродетели пастырские и общехристианские, избрать в образец своей жизни и стараться подражать им. Если на пастырях раздаяние сокровищ Церкви, пусть обращаются со всеми нуждами духовными прямо к ним, а не куда-либо в другое место; и именно каждый пусть спешит к своему единому пастырю и при сем, когда он учит, внимать, когда руководит, покорствовать, также просить освящения таинствами и ограждения своего церковного молитвою. Пастырю нужно знать пасомых: пусть открываются ему искренно, без опасений и подозрения; нужно иметь вес: пусть позаботятся не отнять у души своей уважения к нему, снисходя и изглаждая из мысли все несовершенства и недостатки и всемерно стараясь словом и делом защищать его честь от клеветы, хулы и осуждения. За то же, что пастырь почти все время проводит в приобретении способов действовать на них духовно, должны со своей стороны служить ему вещественно, доставляя способы жизни и продовольствия.

3) Обязанности клира

Около пастыря всегда есть лица второстепенные, помощные, составляющие клир. Они занимают как бы средину между пастырем и пасомыми, потому и к сим должны иметь отношение и соответственные обязанности. Их долг – покорствовать пастырю и во всем повиноваться и не только не противодействовать и не мешать его распоряжениям и деятельности, но всячески содействовать ему верным исполнением

поручений, а иногда предостережением и даже скромным советом; тщательно и благоговейно исполнять лежащие на них должности и во время служения являть всем, что совершают дело Божие, высшее и первое в числе других дел; между собою жить в мире и согласии, соединяясь в одной цели, а для того поспешно, со всяким пожертвованием, восстанавливать свой союз и примиряться в случае размолвок; являть во всем образец благонравия и благочестия, быть вседоступными для народа и готовыми на удовлетворение всякой их нужды с участием, быть общительными со всеми и всех приближать к себе, чтобы на всех действовать.

4) Обязанности монашествующих

Особый чин в Церкви составляют монашествующие. В первые времена они не отделялись от народа, хотя вели особую среди его жизнь. Но потом они отделились и составили свой священный союз по благочестию, союз, под руководством совершеннейшего, подвижающихся о спасении в братском единении. Главное их значение – в малом виде представить лицо Церкви Христовой в ее совершеннейшем состоянии. Совершенство в христианском житии есть главное дело всякого из монашествующих. Но поелику все они между собою и со своим руководителем вступили в особые отношения, то отсюда имеются и разные обязанности у них. Судя по сему

а) Главное дело монахов есть молитва неусыпная, непрестающая, о Церкви, отечестве, живых и мертвых. Они – жертва Богу от общества, которое, предавая их Богу, из них составляет себе ограду. Применительно к сему в монастырях преимущественно должно процветать священнослужение благообразное, чинное, полнейшее, продолжительнейшее. Церковь является здесь во всей красоте своего облачения.

б) Имея первую целью совершенство в христианской жизни, они дают обеты. Тем строже должны исполнять сии обеты они, что стремятся к богоугождению, к делам которого принадлежит и исполнение обетов. По существу сих обетов каждый должен чувствовать в себе, что у него нет ничего своего, должен иметь себя бедным, ничего не стяжевать, а все, что есть и имеется, относить ко всем; должен спешить взойти к бесстрастию, ревнуя об ангельском житии; для того удручать тело свое постом, бдением, трудом и держать себя так, чтобы не только тело не чувствовало страстных движений, но и душа была свободна от помыслов и страстных, и суетных; не должен иметь своей воли, но всецело и душу и тело предать в распоряжение настоятелю и, несмотря ни на какие кажущиеся

несообразности, делать только то, что повелит; главное же, действуя телесно, должен действовать и духовно, ибо в духе цель телесного.

в) Составляя из себя, под руководством одного, братский союз и как бы одно тело, они составляют как бы частную Церковь, а потому имеют на себе и прежде изложенные обязанности церковные. Здесь настоятель – пастырь; братие – пасомые. Дело настоятеля – неусыпное попечение о спасении и совершеннейшем житии братии; хранение в ненарушимости древлеположенного чина как общего монашеского, так и частного, в своем монастыре, равно как и обычаев, принятых от отцов; его же дело пещись о благосостоянии и благолепии храма и всего монастыря, промышлять а содержании братии монашеском. Дело братий – покорствовать во всем своему настоятелю и отцу; точно и тщательно исполнять служение и послушание свое, потому что тем строится и стоит целое; между же собою пребывать всегда в братском союзе, мире, любви, смиренном взаимнопредпочтении, в общении духовном, во взаимном содействии, вразумлении и укреплении; не соблазнять и не соблазняться, не обижать и не обижаться.

Так как монашествующие, вышедши сами из мира?телесно, не оставляют его духом, непрестанные воссылая молитвы о благосостоянии обществ, то и мир не должен забывать их и не только не препятствовать образованию монастырей, но всячески желать того и содействовать сначала уступкою самых лиц и мест, а потом доставлением нужнейшего; да и всегда иметь монастыри в чести и благочестном внимании, благодарить за них Бога и молить о безопасности подвижающихся, и внешней и внутренней, ибо много им труда, и сильны и скоры для них соблазны.

15. Обязанности гражданские общественные

Господь благоустраивает на земле государства и дает им главу в царе, чтобы они, под управлением единого, согласным действованием всех созидали свое благоденствие временное для благоуспешнейшего достижения вечного спасения. Христианин, делаясь членом Церкви, не престаёт быть и членом общества и не должен. Он должен только, принявши христианство, освятить им свое служение обществу. Отсюда есть на христианах и общественные обязанности, все, как и во всяком государстве, подчиненные только христианству и проникнутые духом его. Судя по сему, –

а) Дело государя, Богом поставленного и являющего лицо Промысла Божия о людях, – сознать сие великое значение свое и выполнять его со страхом, вниманием к своему внутреннему, в непрестанном благоговении, чтобы принимать от Бога, через сердце, Его промыслительные распоряжения; любить народ, как свое тело или как отец свое семейство; для этого сердобольно заботиться о нем во всем его объеме, во всех нуждах и со всех сторон, блюсти его вес и безопасность внешнюю и устроить внутри; изобретать способы к довольству, уравнению прав и порядку; распространять просвещение по всем классам народа – и просвещение истинное; блюсти чистоту нравов и искоренять пороки; хранить национальный дух, характер, обычаи, постановления; главное же, насаждать веру истинную и заботиться о благоденствии и цвете Церкви по чувству благоговения или любви к Богу, Его возвеличившему, по любви к народу, по самым условиям благоденствия, кои суть благословение Божие, чистота сердца и воли, верность престолу и клятве; а для того иметь в великом внимании религиозный дух и не только не попускать расстроиваться ему какими-нибудь учреждениями, а напротив, все учреждения освящать сим духом, чтобы таким образом жизнь в обществе сливалась с жизнью религиозною и обе шли об руку, как Моисей и Аарон. Вообще, все так должно устроить, чтобы выше всего стояла вера и Церковь, и крест Христов все покрывал.

б) Общество – тело под главою, – государем. Каждый член его должен иметь отношение и к лицу государя – главы, и к целому обществу – телу.

аа) Обязанности к лицу государя императора: с благоговением, принимать его как Богом поставленного, как помазанника освященного; являть ему молчаливую покорность во всем как изрекающему волю Божию; прилепляться к нему благодарною любовью и

быть всегда готову жертвовать даже жизнью за его безопасность, покой и счастье; чтить его в себе чувством, пред другими – словом, удерживаясь от неуместных, тем более дерзких суждений о нем и делах его, денно и нощно воссылать о нем усердные молитвы, ибо и он день и ночь не имеет покоя, заботясь о нас; повеления его и учреждения чтить, принимать, исполнять без размышления, с терпением.

бб) Обязанности к телу государства, с коим всякий соединен пожизненно, коего благоденствие и неблагоденствие отзываются во всех членах, с коим каждый через рождение вступает в условия, суть достоительно любить, дорожить им и быть ему преданным по чувству благодарности и благочестию; не только не замышлять и не делать ничего ему во вред или унижение, но, напротив, всем, чем кто может, содействовать его благоденствию, заботиться о нем, иметь его во внимании и то сорадоваться ему, то печалиться о противном; злое же всячески предотвращать и все узнанное открывать, всем возвещая подозреваемую и прозреваемую опасность; знать и хранить законы его, охотно им повинуюсь и усердно неся все повинности, не уклоняясь от существующих постановлений; блюсти характер своего народа, чтить его, возвышаться до него, защищать его и все добрые отечественные обычаи беспрекословно хранить, а недобрые, тем более нехристианские, стараться искоренять; ненавидеть, презирать все чужое, но принимать его только под условием крайней нужды и совершенного согласия со своим духом; не пристращаться неразумно к своему, но никогда не быть к нему холодным, оставлять же его не иначе как когда указано будет, что оно чуждо духа нашего и есть сам собою вкравшийся недостаток, как нарост.

вв) Общество есть тело. Дело жизни в теле разделено между многими членами и поддерживается взаимодействием их стройным, верным, непрерывным. И дело жизни общественной разделено между многими, и только согласным и верным действием ее частей может созидаться общее благоденствие. Отсюда частные обязанности общественные.

Первое место по царю занимают правительственные лица и учреждения. Это руки, и ноги, и очи царя. Ими он везде бывает, все видит, все делает. Для того ими осечено, как бы сетью обнято, все государство, во всем пространстве – от столицы до последнего селения и притом во всех своих видах: военном, учебном, экономическом, судебном, надзирательском. Это протоки милости и правды царской и вместе пути восхождения к царю нужд и требований от народа. Это дает бытие в обществе начальству, в разных его видах, и подначальным. Отсюда...

1) Дело начальства главное – быть верным орудием царя,

посредником между ним и народом; знать значение и требование своей части и тщательно исполнять положенный на нее устав; к подначальным, по своей части, являть всю правду, стоя к ним лицом закона; являть также и всю любовь и благосклонность, чтобы не лишить доступа к милостям царя и к законам; во всем же сем действовать искренно, как пред Богом, по клятве и присяге, которая дана.

2) Дело подначальных – покорствовать начальству и всякое повеление исполнять добросовестно, без ропота, лености и замедления; уважать его, почитать и благодарно любить; молиться за него и защищать честь его от злословий, тем паче не злословить самим.

гг) Разные нужды государства поручаются разным лицам, или принимаются на себя разными лицами, кои все в совокупности составляют часть общества служебную, существенную в нем. Отсюда разные общественные службы и разные должности, кои соответствуют нуждам: для внешней безопасности – войны, для благочиния – полиция, для образования умственного – учителя, на случай болезни – врачи, для удобств в жилище – мастера, художники, для содержания – земледельцы, купцы и проч. Все они средства государственные, коими государь через посредство правительства созидает свое государство. Потому есть существенная нужда, чтобы каждый из них действовал как положено и как христианин действовал по-христиански. Отсюда –

1) Так как не рождаются служащими, а принимают службу, то пойми ту, которую хочешь принять; рассмотри себя и, если найдешь себя способным и гожим, принимай ее с Божиим благословением и молитвою. Иному служба указывается рождением, но все есть время, когда он вступает в нее, потому то же должен сделать и он. Лучше всего при сем прислушиваться к внутреннему голосу и личному настроению и принять то, к чему определяет Бог дарованием сил и характером.

2) С принятой службою сочтайся сердечно, люби ее по смерти и никогда не перебегай от одной на другую без крайних понудительных причин, то есть не иначе как или по определению начальства, или по сознанию ошибки в первоначальном выборе службы.

3) Всякая служба терпит усовершенствование. Стремись к тому и предлагай на общее усмотрение открытое. Что же касается до частнейшей своей должности, то в отношении к ней ведение и умение должно постоянно возводить до последнего совершенства.

4) Не все все знают и могут знать. Отсюда век учись: беседуй и советуйся с лучшими и опытнейшими по твоей части, с радостью и благодарностью принимая их советы.

5) При всем том помни, что временное все для вечного, телесное для духовного, общество для веры. Потому всемерно старайся привить дух веры в ту часть, которая досталась на твою долю, сроднить с ней и проникнуть

дд) Служащих доставляют обществу или государству разные его сословия; это общий для его нужд рассадник, из которого берет оно возвращенных и воспитанных им же и определяет к разным своим службам по роду и способности. Сословия у нас: дворянство, духовенство, горожане – купечество с мещанством и простой народ. Это соки общества, кои соответствуют сокам тела, дающим в нем флегматический и сангвинический, меланхолический и холерический темпераменты. Каждое сословие имеет свой дух, свою степень, свои права и некоторым образом исключительное свое назначение. Со всем этим каждый сочетаясь рождением своим и кровью, не забывает и не должен забывать того во всю жизнь. Отсюда –

1) Люби свое сословие, через которое Богу угодно было известить тебя на свет сей и положить первые черты характерическому образованию твоему.

2) Держи его характер, не искажая примесью чуждого, ибо из разнообразного, только стройно сочетаемого, устроится прекрасное целое.

3) Терпи выгоды его и невыгоды, ибо они везде есть.

4) Украшай его доброю твоею жизнью и совершенством и возвышай тем цену его и вес.

5) Не завидуй, ибо и в других есть высшие и низшие, есть счастливые и несчастные...

6) Помни и чти его, хотя приведется службою возвыситься над ним или изменить его.

Содержание

святитель Феофан Затворник Начертание христианского нравоучения Феофан (Гóворов) епископ Тамбовский и Шацкий, Затворник Вышенский, святитель	1
Часть первая. Общие рассуждения и положения о нравственно-христианской жизни. I. Основы христианской жизни	7
1. Корень христианской жизни в воплощенном домостроительстве	8
2. Вторая основа христианской жизни, с первой неразлучная, есть живой союз с телом Церкви, коей Господь – глава, живитель и движитель	19
3. Норма христианской жизни	23
II. Характеристические черты христианской деятельности как нравственной	46
4. Условия нравственности деяний – общие и христианские	47
5. Производство нравственных деяний	51
6. Чем определяется нравственное достоинство дел?	60
7. Виды нравственности и возрасты нравственной жизни в добром и худом направлении	76
III. Последствия и плоды доброй христианской жизни и жизни противоположной ей	118
8. В каких чертах Слово Божие изображает истинного христианина, и человека не христианина?	119
9. Состояние составных частей человеческого естества, его существенных свойств и сил в истинном христианине и человеке-грешнике	123
10. Состояние сил познавательных, желательных, чувствующих в христианине и грешнике	140
Часть вторая. Истинно христианская жизнь в действии IV. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина, как христианина	214
11. Вера – глава всего	216

12. Благочестие – жизнь в духе веры	235
V. Заповеди и правила жизни, обязательные для христианина по тем положениям и отношениям, в каких приходится ему бывать в настоящей жизни	311
13. Обязанности семейственные	312
14. Обязанности церковные	325
15. Обязанности гражданские общественные	329